

Фестиваль ЗВС-23
Конкурс на
гостиницу в
Иркутске
V турнир
архитектурной
графики

2023 / 3(77)

гений места и времени /
genius of place and time

проект
байкал /
project
baikal

2020 / 63

праздник в городе / celebration in the city

проект байкал / project baikal

региональные школы / regional schools

Климак АРХИТЕКТУРА 2020

проект байкал / project baikal

провинция / province

пустые города Байкальский регион малые города РС и региональные школы

2020 / 65

проект байкал / project baikal

преемственность / succession

Ильяев ЭВС прототипы

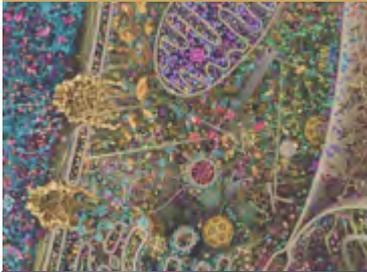
2020 / 66

2021 / 67

генетика города / genetics of the city

проект байкал / project baikal

город как организм городская архитектура образование

2021 / 2(68)

социалистический город / socialist city

ЭВРАЗИК АРХИТЕКТУРА АРХИТЕКТА

проект байкал / project baikal

glocal

проект байкал / project baikal

2021 / 3(69)

инфраструктура / infrastructure

ЭВС архитектор

2021 / 4(70)

2022 / 1(71)

перемены / changes

проект байкал / project baikal

Губернаторская программа - 2020 Плановый туризм Байкал

2022 / 2(72)

линейность / linearity

проект байкал / project baikal

2022 / 3(73)

счастье / happiness

проект байкал / project baikal

Возвращение 2021 Краткий обзор Мировые войны Парт-Актёр Байкал Мемориал

2022 / 4(74)

альтернативы / alternatives

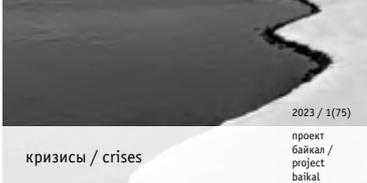
проект байкал / project baikal

2023 / 1(75)

кризисы / crises

проект байкал / project baikal

РАСХ Земля 2023 Арктика АРХИТЕКТУРА

2023 / 2(76)

регионы, окраины и центры / regions, peripheries and centres

проект байкал / project baikal

124

124

Печатные экземпляры «Проект Байкал» можно приобрести: Иркутск, пер. Черемховский, 1а, или получить экспресс-почтой, заказав по электронной почте: yulya_grand@mail.ru. Электронные выпуски доступны на сайте: www.projectbaikal.com

Nullus enim locus sine genio est (лат.)

Ибо нет места без духа

Сервий, римский грамматик IV в. н. э.

Латинское выражение *genius loci* чаще всего применялось к пейзажу, и мы отдаем этому должное уже на обложке. Но это же выражение применимо к человеку, ревностно оберегающему неповторимую атмосферу места. Мы утверждаем, что и сам человек может одухотворять место, то есть становиться его гением.

В 1817 году пять лицейских товарищей Пушкина поставили в царскосельском парке камень с надписью G. L. – гению места. Спустя двести с лишним лет и нам, признающим за Городом, как за живым организмом, обладание душой, показалось уместным поговорить о гении места. При этом, понимая тонкие связи между архитектурой и ландшафтом, мы включаем в обсуждение еще одно измерение – время.

А что же со временем? О сущности взаимоотношений Пространства и Времени лужише умы человечества размышляли тысячелетиями и продолжают размышлять сегодня. Многие века Пространство и Время были началами соперничающими и даже враждебными. Рождающая, женственная суть Геи-Земли противостояла разрушительной, преобразующей маскулинной сути Хроноса-Времени.

Однако сегодня пафос борьбы уступает приоритет поискам единства. Вслед за новой физикой, объединившей пространство и время в общий континуум, мы предлагаем поискать варианты взаимного дополнения этих первичных сущностей. Объединить географию с хронографией (историей), а геологию с хронологией (как и геометрию с хронометрией) будет непросто.

Над проблемой размышляют как теоретики, так и практики, и историки архитектуры. В этом номере нашего журнала мы собрали примеры поисков равновесия между временем и местом, особенностями эпох и регионов. Как обычно, эта тема порождает больше вопросов, чем ответов. Но мы уверены, что для такого обсуждения нашлось вполне подходящее время и место.

EG

проект байкал/
project baikal
ISSN 2307-4485

3 (77)

гений места и времени / genius of place and time

Nullus enim locus sine genio est (Latin).
There is no place without its spirit.
Servius, Roman grammarian of the 4th century AD.

The Latin expression *genius loci* has been most often applied to landscape, and we pay tribute to it already on the cover. But the same expression applies to a person who jealously preserves the unique atmosphere of a place. We state that a human being can spiritualise a place, i.e. become its genius.

In 1817, five of Pushkin's lyceum mates put a stone in the Tsarskoye Selo park with the inscription "To G.L. – genius of place". More than two hundred years later, it seems appropriate for us, who recognise the City as a living organism with a soul, to talk about the genius of place. At the same time, realising the subtle connections between architecture and landscape, we include another dimension in the discussion – time.

So what about time? The best minds of mankind have been reflecting on the essence of the relationship between Space and Time for millennia and continue to reflect on it today. For many centuries, Space and Time were the fundamentals that competed and even conflicted with each other. The procreative, feminine essence of Gaia (the Earth) opposed the destructive, transformative masculine essence of Chronos (the Time).

Today, however, the pathos of struggle gives way to the search for unity. Following the new physics, which united space and time into a common continuum, we propose to search for variants of mutual complementation of these primary essences. Uniting geography with chronography (history) and geology with chronology (as well as geometry with chronometry) will not be easy.

Both theorists and practitioners, as well as architectural historians, reflect on the problem. In this issue of our journal we have collected examples of the search for balance between time and place, between specific features of epochs and regions. As usual, this topic generates more questions than answers. But we are sure that we have found an appropriate time and place for such a discussion.

EG

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007

учредитель, главный редактор
Е. И. Григорьева
664025, Иркутск, пер. Черемховский, 1а

12+

корректоры, литературные редакторы
Марина Ткачева,
Инесса Бражникова

дизайн, верстка
Татьяна Анненкова

заместитель главного редактора по международной деятельности
Анна Григорьева

на обложке Латвия.
Хутор Папардес. Фото
Андрея Иванова.

4 обложка графический пейзаж В. Ф. Буха

адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

адрес типографии
000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 5/5
Тираж 100 экз. Заказ 1573
Подписано в печать 15.09.2023
Журнал №3(77) от 25.09.2023

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Периодичность 4 раза в год. Цена свободная

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture “Interarch-2009” in “Periodicals” category

3(77)

гений места и времени / genius of place and time

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс Академии Google (**Google Scholar**)
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCs**
- проект **SHERPA/RoMEO**

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
	Елена Григорьева	Конкурс на гостиницу в Иркутске	8
	Елена Григорьева	«Турнир – не конкурс»	12
	Андрей Чернихов	XXIII фестиваль ЗВС-2023.....	17
события	Елена Григорьева	Хроника ЗВС-23.....	20
	Елена Григорьева	Дискуссионный клуб ЗВС-ПБ. СИБИРСКИЙ КОД. Чествование городов	24
		Каталог зодчество в Сибири.....	31
		постройки	31
		спецпроект.....	35
		проекты	36
		творчество архитектурных коллективов и мастерских	43
		творчество молодых архитекторов и студентов.....	44
		пропаганда архитектуры	47
		детское архитектурно-художественное творчество	48
		Список участников фестиваля	50
		51
ГЕНИЙ МЕСТА И ВРЕМЕНИ	Константин Лидин	Genius Loci и/или Zeitgeist?	52
	Александр Раппапорт	О месте и гении места	56
	Елена Багина	Возмутитель спокойствия: штрихи к портрету А. Г. Раппапорта.....	59
	Петр Капустин	Окно. Дом. Взгляд	66
	Дмитрий Целуйко	Архитектурный стиль тацуно в Маньчжурии	70
	Татьяна Смольянинова	Развитие архитектуры консульских учреждений в Маньчжурии	78
	Дмитрий Целуйко	Чита. Бульвар Де-Кастри	85
	Елена Григорьева	Баланс публичности и приватности в контексте застройки центра Иркутска	92
	Роман Селиванов	Виртуальная столица Среднего Урала: к 300-летию Екатеринбурга.....	100
	Андрей Большаков		
	Андрей Коротич		

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief
E.I. Grigoryeva
664025, 1a Cheremkhovskiy Pereulok, Irkutsk, Russia

12+

proofreaders, literary editors
Marina Tkacheva,
Inessa Brazhnikova

upmaking
Tatyana Annenkova
associate editor-in-chief for international activity
Anna Grigorieva

front cover image Latvia. Parpardes. Photo by Andrey Ivanov
back cover image graphic landscape by V. F. Bukh

address of the publisher and the editorial board
664025, 1a Cheremkhovskiy Pereulok, Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,
email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

printed by
000 "Tipografia Print Line"
5/5 Sergeeva Street, Irkutsk
print run 100
passed for printing: 15.09.2023
issue 3(77) of 25.09.2023

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial stuff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors

quarterly publication
free price

The journal is registered in the following international databases:

- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database
- Since 2019 the journal has been indexed in **SCOPUS**
- included in the List of Refereed Publications recommended by the State Commission for Academic Degrees and Titles

- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)
- с 2019 года индексируется в **SCOPUS**
- входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных **ВАК**

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов:
Architecture MasterPrize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA и Kaira Looor, архитектурных фестивалей «Зодчество в Сибири» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the Architecture MasterPrize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA and Kaira Looor, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

Анна Гельфонд Алексей Попов Михаил Дущев Нина Данилина	Место и время в архитектуре кампусов вузов	104
Юрий Исаков Евгений Лихачев	Эволюция междисциплинарной концепции зрительного пространства.....	112
Моайяд Шафик Хамза Диаб Гази Аль-Наури	Театр как место экспериментов с пространством	120
Андрей Коротич	Архитектурный Дубай: мифы и реальность.....	128
Омар Мустафа Ахмад Аль-Омари Маиса Аль-Шомали А. М. Фатен Альбтуш Мохаммад Аль-Равашдех Самих Башир Аль-Равашдех	Климатические изменения как вызовы и перспективы развития архитектуры	134
Ольга Воличенко	Вернакулярный урбанизм в Центральной Азии	142
образ жизни и дом	Константин Лидин	151
Константин Лидин Ольга Белобрыкина	Дом следующего поколения.....	152
	Дискуссионный клуб пб «МОЙ БУДУЩИЙ ДОМ»	154
Алексей Буйнов	Деревянный брутализм	158
Алевтина Балакина Алёна Павлюк	Цифровые технологии в формировании типологии коливингов	162
Юлия Косенкова	Жизнь в «соцгородах» начала 1930-х годов	169
Айман Наджиб Тома (Маайя)	Влияние академической базы на эстетическое восприятие жилой среды	174
Алексей Буйнов Армен Казарян	Первый год архитектурного образования	186
Наталья Багорова	Феноменология архитектурного пространства-времени в цифровом измерении... ..	192
авторы	195

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5
	Elena Grigoryeva	Competition for a hotel in Irkutsk	8
	Elena Grigoryeva	A tournament, not a competition	12
	Andrey Chernikhov	XXIII Festival “Zodchestvo in Siberia 2023”	17
	Elena Grigoryeva	Chronicle of Zodchestvo in Siberia 23.....	20
	Elena Grigoryeva	ZVS-PB Discussion Club. SIBIRIAN CODE. Honouring cities.....	24
		Zodchestvo in Siberia Catalogue	31
		buildings	31
		special project.....	35
		projects.....	36
		creative works of architectural teams and studios	43
		creative works of young architects and students	44
		propaganda of architecture.....	47
		children's architectural and artistic works.....	48
		List of the festival participants.....	50
GENIUS OF PLACE AND TIME		51
	Konstantin Lidin	Genius Loci and/or Zeitgeist?	52
	Alexander Rappaport	On the place and the genius of the place	56
	Elena Bagina	Disturber of the peace: Touches to the portrait of A. G. Rappaport	59
	Petr Kapustin	Window. House. View.....	66
	Dmitry Tceluiko	Tatsuno architectural style in Manchuria	70
	Tatiana Smolianinova	The development of the architecture of consular offices in Manchuria	78
	Tatiana Smolianinova	Chita. De Castries Boulevard.....	85
	Dmitry Tceluiko		
	Elena Grigoryeva		
	Roman Selivanov	Balance of publicity and privacy in the context of Irkutsk city centre development	92
	Andrey Bolshakov	The virtual capital of the Middle Urals: To the 300th anniversary of Yekaterinburg ...	100
	Andrey Korotich		
	Anna Gelfond		
	Alexey Popov		
	Mikhail Dutsev		
	Nina Danilina	Place and time in architecture of university campuses	104
	Yuriy Isakov		
	Evgeniy Likhachev	The evolution of the multidisciplinary concept of audience space	112
	Moayyad Shafeeq Hamza		
	Diab Ghazi Al-Naouri	Theatre as a place of experimentation with space.....	120
	Andrey Korotich	Architectural Dubai: Myths and Reality.....	128
	Omar Moustafa Ahmad AlOmari		
	Maisa AlShomali		
	A. M. Faten Albtoush		
	Mohammad AlRawashdeh	Climate change as challenges and prospects for architecture development	134
	Samih Bashir AlRawashdeh		
	Olga Volichenko	Vernacular urbanism in Central Asia.....	142
lifestyle and home	Konstantin Lidin	151
	Konstantin Lidin		
	Olga Belobrykina	Next Generation Home	152
		PB Discussion Club “MY FUTURE HOME”	154
	Alexei Buinov	Wooden brutalism	158
	Alevtina Balakina		
	Alyona Pavlyuk	Digital technologies in the formation of the coliving typology	162
	Yulia Kosenkova	Life in the “socialist cities” of the early 1930s	169
	Ayman Najib Tomah (Maayah)	Scientific background impact on aesthetic perception in residential environments ..	174
	Alexei Buinov		
	Armen Kazaryan	The first year of architectural education.....	186
	Natalya Bagrova	The phenomenology of architectural “space-time” in the digital dimension.....	192
authors		195

Winners of the UIA 2023 Triennial Prizes

To encourage merit, recognise talent and reward achievements of international consequence, the International Union of Architects (UIA) awards prizes during the UIA World Congress of Architects, every three years.

The five UIA prizes are named for the Past Presidents of the UIA whose fame was founded on their ethics as well as on their mastery of their particular discipline. They recognise excellence in five specific architectural domains. The jury conferred the prizes to:

- The Patrick Abercrombie Prize for Urban Planning and Design – L’AUC (France),
- The Auguste Perret Prize for Technology in Architecture – Philip F. Yuan (China),
- The Jean Tschumi Prize for Architectural Writing – Anne Beim (Denmark) and Vladimír Šlapeta (Czech Republic),
- The Robert Matthew Prize for Sustainable and Humane Environments – Hoàng Thúc Hào (Vietnam),
- The Vassilis Sgoutas Prize for Implemented Architecture Serving the Impoverished – Marina Tabassum

(Bangladesh) and Đoàn Thanh Hà (Vietnam).

Barcelona named UNESCO-UIA World Capital of Architecture for 2026

The city of Barcelona has been officially designated as World Capital of Architecture for 2026 by the Director-General of UNESCO, Audrey Azoulay. The designation was made on the recommendation of the Joint UNESCO-UIA Committee for the World Capital of Architecture that is presided by the eminent architect, Dominique Perrault.

The designated city becomes a global forum at the forefront of discussions on contemporary urban planning and architectural issues. Following Rio de Janeiro in 2020 and Copenhagen in 2023, Barcelona will become the third city to receive this designation.

As the World Capital of Architecture for 2026, Barcelona will host a series of major events and programmes during the entire calendar year. In cooperation with the Consejo Superior de los Colegios de Arquitectos de España (CSCAE) and the Colegio Oficial de Arquitectos de

Международные новости архитектуры / International Architecture News

The news section announces this year’s winners of the UIA Triennial Prizes, the UIA Friendly and Inclusive Spaces Awards, the Next Generation of Stroke Rehabilitation Centres international student ideas competition and the DNA Paris Design Awards. It also provides information on the designation of Barcelona as the World Capital of Architecture for 2026.

Keywords: International Union of Architects; competition; awards; design.

В разделе новостей сообщается о лауреатах премий МСА, присуждаемых раз в три года, премии МСА «Дружелюбные и инклюзивные пространства», международного конкурса студенческих идей «Новое поколение центров реабилитации после инсульта» и премии DNA Paris Design Awards за этот год. Также представлена информация о назначении Барселоны мировой столицей архитектуры на 2026 год.

Ключевые слова: Международный союз архитекторов; конкурс; награды; дизайн.

Лауреаты премий МСА-2023, присуждаемых раз в три года

Для поощрения заслуг, признания талантов и вознаграждения достижений международного значения Международный союз архитекторов (МСА) раз в три года присуждает премии в рамках Всемирного конгресса архитекторов МСА.

Пять премий МСА названы в честь прошлых президентов МСА, чья слава была основана на нравственных убеждениях и мастерстве, проявленных в определенной сфере деятельности, связанной с архитектурой. Жюри объявило лауреатов следующих премий:

- Премия Патрика Аберкрומби за градостроительство и дизайн – L’AUC (Франция),
- Премия Огюста Перре за технологии в архитектуре – Филипп Ф. Юань (Китай),
- Премия Жана Чуми в области архитектурного письма – Anne Beim (Дания) и Владимир Шлапета (Чехия),
- Премия Роберта Мэтью за создание устойчивой и гуманной среды – Хоанг Тхук Хао (Вьетнам),

- Премия Василиса Сугаса за реализованные архитектурные проекты для бедных слоев населения – Марина Табассум (Бангладеш) и Джоан Тхань Ха (Вьетнам).

Site within the village

^ Премия МСА «Дружелюбные и инклюзивные пространства», победитель в категории «Новые здания»: Деревенская гостиная в Шангуне по проекту SUP Atelier of THAD (Китай) / The UIA Friendly and Inclusive Spaces Awards, winner in the New Buildings category: “Village Lounge of Shangcun” by SUP Atelier of THAD (China)

Shangcun village, Anhui Province, China

Master plan of the village lounge

Cataluña (COAC), the Municipality of Barcelona will facilitate a comprehensive programme of events, exhibitions, activities and ventures that clearly demonstrate and emphasise the value and importance of the contribution of architecture and urban design for the sustainable development of the City of Barcelona.

Results: 2023 UIA Friendly and Inclusive Spaces Awards

The UIA is pleased to announce the results of the fourth edition of the Friendly and Inclusive Spaces Awards, organised by its Architecture for All (AfA) Work Programme.

The UIA Friendly and Inclusive Spaces Awards were established to promote inspiring buildings and sites that have created socially sustainable environments through high quality architectural design. A special award is also given for evidence-based design research that makes a significant contribution to improved quality of life through facilitating a better understanding of human-centred design and its application to the design of the built environment.

116 entries were submitted from 37 countries in four categories. The

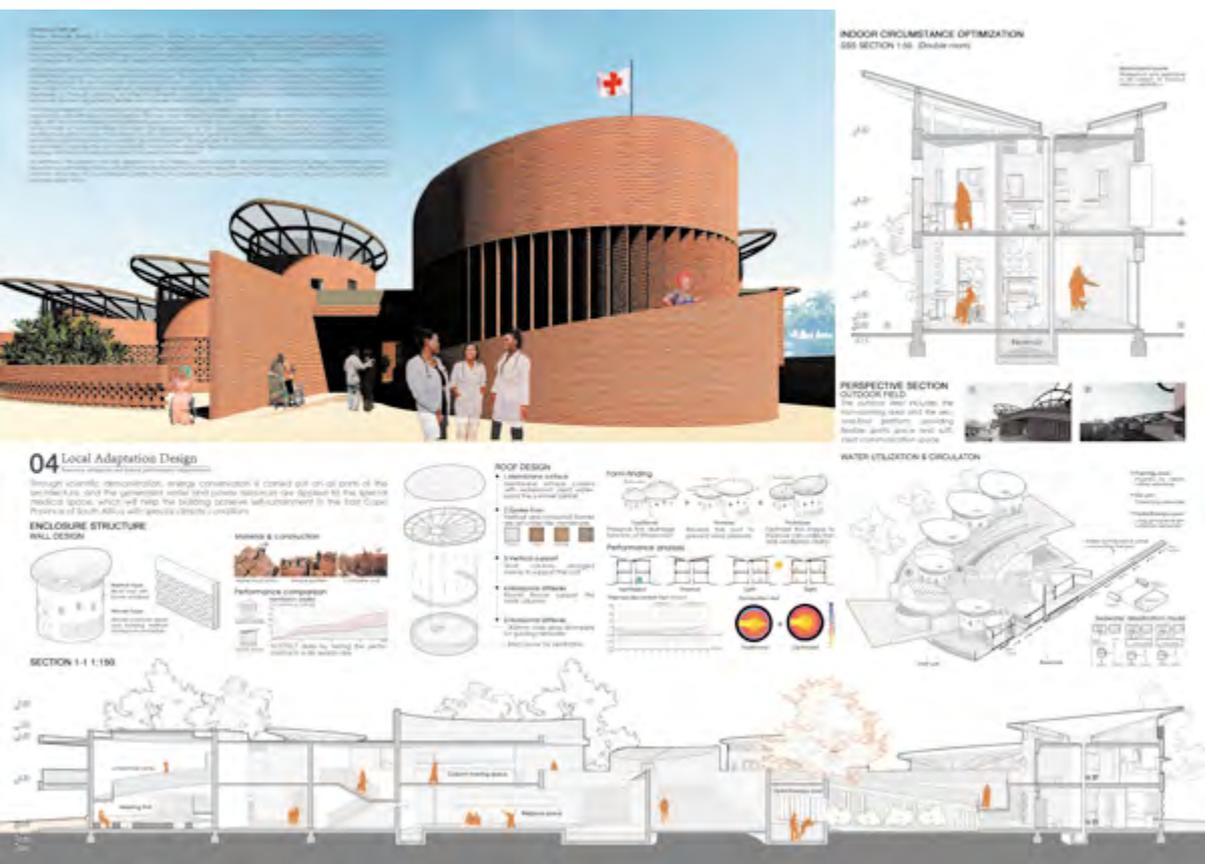
jury selected the winners in each category:

- New Buildings – SUP Atelier of THAD (China),
 - Refurbished Existing Buildings (including Historic Buildings) – Caroe Architecture Ltd (United Kingdom),
 - Public and Open Spaces – Ar-somsilp Community and Environmental Architect (Thailand),
 - Research – Magda Mostafa, Progressive Architects (Egypt).
- The jury also selected additional entries for Honourable Mentions.

Competition results: Stroke Rehabilitation Centres

The UIA has announced the results of the Next Generation of Stroke Rehabilitation Centres international single stage student ideas competition, organised by its Public Health Work Programme and the NOVELL Redesign Team, and co-sponsored by the Austrian Health Design Council (AHDC).

In accordance with the rules, participants in this international competition submitted their projects anonymously. 175 projects were submitted by teams from 40 different countries.

Итоги премии МСА «Дружелюбные и инклюзивные пространства» за 2023 год

Объявлены результаты четвертого конкурса «Дружелюбные и инклюзивные пространства», организованного в рамках рабочей программы МСА «Архитектура для всех» (AfA).

Премия МСА «Дружелюбные и инклюзивные пространства» была учреждена с целью поощрения зданий и объектов, вызывающих вдохновение и создающих социально устойчивую среду благодаря высокому качеству архитектурного проектирования. Специальная награда присуждается также за научно обоснованные исследования в области дизайна, которые вносят значительный вклад в повышение качества жизни, способствуя лучшему пониманию проектирования, ориентированного на человека, а также применению его в создании жилой среды.

На конкурс было представлено 116 работ из 37 стран. Жюри определило победителей в каждой из четырех категорий:

- Новые здания – SUP Atelier of THAD (Китай),
- Реконструированные существующие здания (включая исторические) – Caroe Architecture Ltd (Великобритания),
- Общественные и открытые пространства – Ar-somsilp Community and Environmental Architect (Таиланд),
- Исследования – Магда Мостафа, Progressive Architects (Египет).

^ Международный конкурс студенческих идей «Новое поколение центров реабилитации после инсульта», первая премия: Xhosa Miracle Spring в Кофейной бухте, Восточный Кейп, Южная Африка по проекту Мэн Чен, Нань Цзян, Фуцзя Льв, Ютонг Ли, Синь-Сянь Чиу (консультант), Харбинский технологический институт (Китай) / The Next Generation of Stroke Rehabilitation Centres international student ideas competition, 1st prize: Xhosa Miracle Spring in Coffee Bay, Eastern Cape, South Africa by Zheyuan Zhao, Jiayu Sun, Yutong Sun, Haibo Sun, Fei Lian (Advisor), Harbin Institute of Technology (China)

The international jury, supported by the coordinator of the Technical Committee Zhipeng Lu, met virtually in May 2023 to evaluate the competition entries, and selected 5 prize winners and 7 honourable mentions.

First prize: Zheyuan Zhao, Jiayu Sun, Yutong Sun, Haibo Sun, Fei Lian (Advisor), Harbin Institute of Technology (China),

Second prize: Zuo Zheng Shi, Han Cui, Biao Chen, Xiaohui Guo, Wen Ouyang (Advisor), Tingwan Huang (Advisor), Beijing University of Civil Engineering and Architecture (China),

Third Prize: Byeongsoo Kim, Kyeonghyeon Park, Kwangwoon University (South Korea),

Fourth Prize: Sidoine Baudrel Nde Keulek, Steve Wilson Ntakam Tonguembo, Lizette Marlaine Tsafack Donfack, Emy Sandrine Masso, National Advanced School of Public Works (Cameroon),

Fifth Prize: Meng Chen, Nan Jiang, Fujia Lv, Yutong Li, Hsin-Hsien Chiu (Advisor), Harbin Institute of Technology (China).

More information:
www.uia-architectes.org

Winners of the DNA Paris Design Awards announced

The DNA Paris Design Awards has announced the winners selected by an expert jury of design luminaries to honor the best designers worldwide in five disciplines. Grand prix recipients are as follows:

- Architectural Design of the Year – DEMOGO studio di architettura (Italy),
- Interior Design of the Year – Concentrico (Mexico),
- Landscape Design of the Year – Horizon & Atmosphere Landscape Co. (China),

- Product Design of the Year – Raphael Garell (France),
- Graphic Design of the Year – TOFU Studio (Poland).

The awards ceremony will be held on 6th October 2023 in Paris.

More information:
<https://dna.paris/>

v Победитель конкурса DNA Paris Design Awards в номинации «Дизайн интерьера» (общественные здания): Семейное пространство «Ателье» в Доме культуры «ГЭС-2» по проекту бюро УТРО (Россия) / DNA Paris Design Awards winner in Interior Design/Civic Buildings: Atelier for House of Culture “GES-2” by UTRO Studio (Russia)

Жюри также отобрало дополнительные работы для почетных номинаций.

Результаты конкурса: центры реабилитации после инсульта
MCA объявил результаты международного одноэтапного конкурса студенческих идей «Новое поколение центров реабилитации после инсульта», организованного Рабочей программой по общественному здравоохранению и командой NOVELL Redesign при поддержке Австралийского совета по дизайну в области здравоохранения (AHDC).

В соответствии с правилами участники этого международного конкурса представляли свои проекты анонимно. 175 проектов было заявлено командами из 40 стран мира.

Международное жюри при поддержке координатора Технического комитета Жипенга Лу провело онлайн-заседание в мае 2023 года для оценки конкурсных работ и выбрало 5 призеров и 7 почетных номинантов.

Первая премия: Чжэюань Чжао, Цзяюй Сун, Ютонг Сун, Хайбо Сун, Фэй Лянь (консультант), Харбинский технологический институт (Китай),

Вторая премия: Цзочжэн Ши, Хань Цуй, Бяо Чен, Сяохуэй Го, Вэнь Оуян (консультант), Тингвэнь Хуан (консультант), Пекинский университет гражданского строительства и архитектуры (Китай),

Третья премия: Бенсу Ким, Кенхен Парк, Университет Квангун (Южная Корея),

Четвертая премия: Сидуан Бодрель Нде Кулек, Стив Уилсон, Нтакам Тонгуэмбо, Лизетт Марлен Цафак Донфак, Эми Сандрин Массо, Национальная высшая школа общественных работ (Камерун),

Пятая премия: Мэн Чен, Нань Цзян, Фуцзя Лв, Ютонг Ли, Синь-Сянь Чию (консультант), Харбинский технологический институт (Китай).

Дополнительная информация:
www.uia-architectes.org

Объявлены победители премии DNA Paris Design Awards

Экспертное жюри, состоящее из ведущих архитекторов и дизайнеров, объявило победителей премии DNA Paris Design Awards, отобранных для награждения лучших дизайнеров со всего мира в пяти дисциплинах. Обладателями Гран-при стали:

- Архитектурный дизайн года – студия DEMOGO di architettura (Италия),

- Дизайн интерьера года – Concentrico (Мексика),
- Ландшафтный дизайн года – Horizon & Atmosphere Landscape Co. (Китай),

- Дизайн продукта года – Рафаэль Гарел (Франция),
- Графический дизайн года – TOFU Studio (Польша).

Церемония награждения победителей состоится 6 октября 2023 года в Париже.

Дополнительная информация:
<https://dna.paris/>

Конкурс на гостиницу в микрорайоне Солнечный рассматривается в контексте конкурсов, проходивших в Иркутске с середины 2010-х годов. Характеризуются пространственные и организационные особенности конкурса, составы участников. Подчеркивается участие иркутских архитекторов в составе команд-участниц.

Ключевые слова: конкурсы; гостиница; команды архитекторов; Иркутск; Верхний Бьеф. /

The competition for a hotel in Solnechny microdistrict is considered in the context of the competitions held in Irkutsk since the mid-2010s. Spatial and organisational features of the competition and the teams are characterised. The participation of Irkutsk architects in the competition is highlighted.

Keywords: competitions; hotel; teams of architects; Irkutsk; Head Water.

Конкурс на гостиницу в Иркутске / Competition for a hotel in Irkutsk

ТЕКСТ

Елена Григорьева
РААСН

text

Elena Grigoryeva
RAACS

30 мая в иркутском Доме архитектора состоялось итоговое заседание жюри Всероссийского конкурса на разработку лучшего архитектурно-художественного облика гостиницы с водно-оздоровительным центром и многофункциональным залом с благоустройством части территории набережной в микрорайоне Солнечный города Иркутска.

Решение о проведении Конкурса было вызвано, безусловно, тем, что площадка проектирования расположена в жилом районе Иркутска, лучшем из всех, созданных за последние полвека, да к тому же на берегу Иркутского моря (водохранилища, в его верхнем бьефе; именно так – Верхний Бьеф – при проектировании назывался и сам проект района) [1, с. 82].

Объявлением об этом – с всероссийским замахом – конкурсе ИРО СА России перешел к новому качественному этапу конкурсного проектирования. После великолепного громкого конкурса «Квартал XXI века на набережной ЦЭС» [2, с. 73] в 2016 последовал период затишья, возможно, связанный с глубоким разочарованием. И разочарованием не результатами конкурса: он был качественно организован, прошел по всем правилам, собрал более полусотни работ российских и зарубежных участников и выявил 12 лучших, а из них трех абсолютных лидеров. Обескураживающим было последующее поведение заказчика конкурса – одной из многочис-

ленных структур Олега Дерипаски. Несмотря на то, что лучшие работы предполагали сохранение памятника промышленной архитектуры здания Центральной электростанции, в честь которого названа набережная Ангары в этом месте, заказчик вывел памятник из реестра, а после вообще объявил о том, что Концертного зала классической музыки (главный объект конкурса) в квартале не будет, останется лишь коммерческая жилая застройка. Неудивительно, что конкурсное движение в глазах архитекторов и жителей города было скомпрометировано, а городская администрация как соорганизатор конкурса за свое непоследовательное поведение в этой сложной ситуации лишилась доверия.

Тем не менее некоторое оживление в конкурсном движении намечилось в 2020, когда во главе иркутской организации встал Руслан Хотулев. Прошли конкурсы местного значения: на разработку въездного знака в город Тулун, на памятник в сквере героев-медиков, конкурс «Дом с видом на будущее» совместно с PROSTOR GROUP, студенческий конкурс на прибрежный парк в Ленинском районе Иркутска. Следом за гостиницей в апреле 2023 стартовал всероссийский конкурс на лучший эскизный проект Храма преподобного Сергия Радонежского в студгородке Иркутска.

В состав жюри Конкурса на гостиницу вошли архитекторы из Москвы Андрей Боков (РААСН, ИА, МААМ) и Владимир Бакеев

(СА России), Алексей Мякота из Красноярска, иркутяне Андрей Макаров (Институт Города, МААМ), Руслан Хотулев, Игорь Козак (правление ИРО СА) и главный архитектор города Иркутска Антон Жуков, а также депутат Иркутской городской Думы Александр Вепрев, сотрудник администрации города Иркутска Костанд Папанян, представители заказчика Иван и Геннадий Ильичевы. На втором этапе к работе жюри привлекалась группа экспертов из Иркутска и Барнаула. Возглавил работу жюри первый вице-президент Союза архитекторов России Владимир Бакеев.

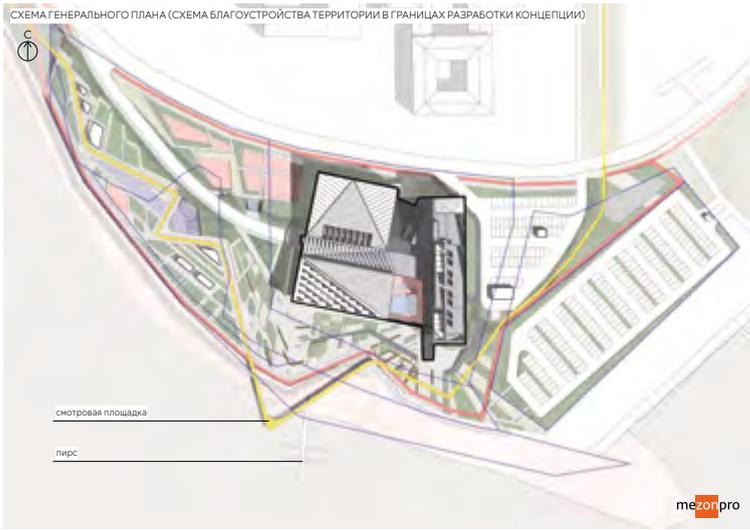
Конкурс проходил в два этапа. Первый этап – конкурс портфолио с 27 января по 27 февраля 2023, второй, закрытый этап конкурса – с 6 марта по 30 мая 2023 года. В первом этапе приняли участие 12 команд из городов России. К участию во втором этапе были допущены 6 команд – три из Москвы и три из Иркутска.

По результатам итогового заседания жюри тройка лидеров определилась следующим образом:
1 место: ООО «МЕЗОНПРОЕКТ» под руководством Ильи Машкова, Москва;

2 место: временный творческий коллектив под руководством Натальи Носовой, Москва;

3 место: временный творческий коллектив ВТК-ART под руководством Евгения Третьякова, Иркутск.

Интересно, что в составе двух московских команд, занявших верхние строчки итогового

^ v Рис. 1. 000 «МЕЗОНПРОЕКТ». Руководитель Илья Машков, Москва

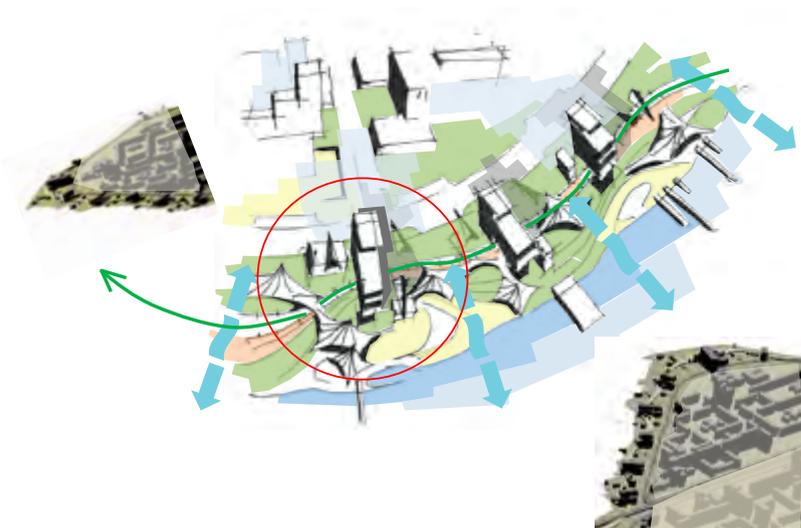

^ Рис. 3. Временный творческий коллектив ВТК-ART. Руководитель Евгений Третьяков, Иркутск

> Рис. 4. Временный творческий коллектив. Руководитель Карен Сапричян, Москва

v Рис. 5. Архитектор Николай Жуковский, Иркутск

v Рис. 6. Временный творческий коллектив «РЕЗЕДА». Руководитель Алексей Сергеев, Иркутск

27 мая 2023 года в рамках XXVIII Международной выставки архитектуры и дизайна «АРХ Москва» прошел юбилейный V Турнир архитектурной графики «Линия мысли», учрежденный Архитектурным благотворительным фондом имени Якова Чернихова в 2018 году. Цель Турнира – поддержка искусства ручной графики. Приз – «Серебряный стилос» неожиданно для всех получила начинающий архитектор из Санкт-Петербурга Марианна Антонова. О том, что из себя представляет Турнир, нам расскажет президент Фонда Андрей Черников.

Ключевые слова: АРХ МОСКВА; архитектурная графика; Линия мысли; Андрей Черников; турнир./

On May 27, 2023, the jubilee V Tournament of Architectural Graphics “Line of Thought”, established by the Yakov Chernikhov International Foundation in 2018, was held within the framework of the XXVIII International Exhibition of Architecture and Design “ARCH MOSCOW”. The aim of the Tournament is to support the art of hand-made graphics. The prize, the Silver Stylus, was unexpectedly awarded to Marianna Antonova, a beginning architect from St. Petersburg. Architect Andrey Chernikhov, the author of the idea and the President of the Yakov Chernikhov International Foundation, will tell us what the Graphics Tournament is all about.

Keywords: ARCH MOSCOW; architectural graphics; Line of Thought; Andrey Chernikhov; tournament.

«Турнир – не конкурс» / A tournament, not a competition

текст
Елена Григорьева
РААСН
Андрей Черников
Международный благотворительный архитектурный фонд имени Якова Чернихова /ICIF/
text
Elena Grigoryeva
RAACS
Andrey Chernikhov
Yakov Chernikhov International Foundation /ICIF/

Елена Григорьева Как на фоне конкурса АрхиГрафика Вам пришла идея о таком необычном формате – турнире архитектурной графики?

Андрей Черников В 1980–1990-е годы, в эпоху тотального шестивия цифры – от архитектурных прикладных программ до цифровой экономики – всем казалось, что рисунок от руки будет отодвинут на периферию профессии. Заказчики приходили в восторг от всего, что «делал» компьютер, и требовали 3D, 3D, 3D... Все международные архитектурные и строительные

выставки были сплошь уставлены мониторами, на которых бесконечно крутились 3D-изображения.

Затем восторг поутих, и все постепенно встало на свои места. Вы же знаете, что больше всего нравится заказчику? Это когда ты в беседе с ним рисуешь будущее здание «вверх ногами» – к нему.

ЕГ Это как Моцарт играл «руками за спиной»?

АЧ Ну нет, рисовать «вверх ногами» намного проще.

Вот рисовать с мешком на голове, как обучал своих студентов

Иоганнес Иттен в Баухаузе, – это действительно задача посложнее.

Сегодня и ручная, и компьютерная графика одинаково востребованы и даже стали взаимно обогащать друг друга. Есть тому свидетельство – открытый международный конкурс АрхиГрафика. При этом работа участников над созданием композиции не ограничена по времени: можно хоть в течение всего года работать над идеей, шлифовать технику, уточнять композицию, делать варианты. Да и представлять работы можно в разных номинациях.

Но мир постоянно продуцирует «новое». Атмосфера «ускорения» требует от нас быстроты реагирования, уплотнения мысли, глубины и разнообразия рефлексии по поводу самых разнообразных задач.

Есть еще одно обстоятельство. Многие из нас во время заседаний, в поездах, самолетах, кафе и ресторанах рисуют на чем попало, даже на салфетках, а кое-кто и на скатертях. Я хотел даже выставку такую сделать – «Архитектура на салфетках» – только эскизы на них и фото построенных объектов.

И вот на 23-й Международной выставке АРХ Москва в 2018 году мы и предложили новый формат – «Турнир архитектурной графики» – «Линия мысли», когда за 10 минут участники должны в предпочтительной для них технике создать композицию по теме, которую объявляет председатель жюри перед самым началом Турнира. Генеральным партнером выступил AVC Charity Foundation.

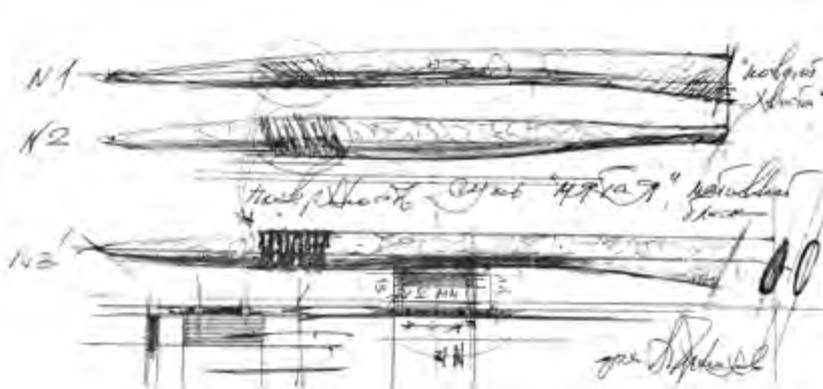

^ Рис. 1. Рисунок Сергея Бархина – председателя жюри второго Турнира

v Рис. 2. Приз Турнира – «Серебряный стилос»

v Рис. 3. Эскиз «Серебряного стилоса». Дизайн – Андрей Черников

ЕГ Расскажите, пожалуйста, подробнее, как устроен Турнир?

АЧ Когда председателем жюри второго Турнира был Сергей Михайлович Бархин, он сделал вот такой рисунок – «Турнир – не конкурс».

Турниры (немецкое *turnier*, от старофранцузского *tournoi*) были вершиной рыцарской, аристократической по духу культуры Средневековья. Это было событие, праздник воинской доблести и мастерства. Они устраивались королем или крупным сеньором по какому-либо торжественному случаю и происходили публично.

Немецкие рыцарские поэты-певцы миннезингеры (нем. *minnesinger* – певец любви) тоже проводили своего рода Турниры – состязания.

Ход Турнира регламентировался особыми правилами, за соблюдением которых следили Герольды.

Герольды нашего Турнира – жюри, известные деятели культуры, искусства и науки, по роду своей деятельности связанные с архитектурой, театром, кинематографом, телевидением. По понятным причинам Фонд не приглашает в жюри архитекторов.

Постоянный ведущий Турнира – Алексей Юдин, историк-ватиканист, кандидат исторических наук, журналист, радио- и телеведущий.

В состав жюри первого Турнира вошли скульптор и график Владимир Наседкин (председатель жюри), художник и поэт Михаил Погарский, театральные художники Лариса Ломакина и Ксения

Перетрухина, художник Алена Иванова-Йохансон.

Соперники размещаются за четырьмя чертежными столами, оборудованными видеокамерами и осветительными приборами. На поверхности столов закреплены листы формата А3. Видеокамеры подключены к компьютеру, который транслирует изображение на большой экран, разделенный по числу рисующих также на 4 части, что позволяет членам жюри и зрителям наблюдать за процессом создания композиции с первой минуты до последней.

Таким образом, создается ситуация, когда соревновательность и присутствие заинтересованной аудитории стимулирует творческий процесс, креативное мышление и исполнительское мастерство наподобие вышеописанных средневековых турниров или художественных и поэтических состязаний, известных с античных времен до нового времени.

Кстати, Турнир между Сапфо и Алкеем состоялся в VII веке до н. э. на острове Лесбос, который представлял, по замечанию известного исследователя античной культуры Теодора Рейнака, «сплошную консерваторию».

За пышностью современных Олимпийских игр давно забылось, что Игры были не только спортивными. В их программу входили и соревнования музыкантов. Так, Сакад из Аргоса, которого считают главой малоазиатской школы авлетики (т. е. исполнительства на авлосе – двухствольной флейте),

^ Рис. 4. Рельеф из гробницы Мереруки в Саккаре, Египет. 2550–2500 г. до н. э.

^ Рис. 5. Так выглядит «большой экран» Турнира

^ Рис. 6. Члены жюри первого Турнира: Алёна Иванова-Йохансон, Владимир Наседкин, Михаил Погарский

был признан лучшим исполнителем в Дельфах на Пифийских играх (586 г.), а трубачи Тимэос и Крат победили на Олимпийских играх, проходивших около 396 года до н. э.

ЕГ Кем или чем навеяно название «Линия Мысли»?

АЧ Это парафраз заглавия книги выдающегося финского архитекто-

ра, педагога и теоретика архитектуры Юхани Палласмаа «Мыслящая рука»: «...в напряженном процессе творчества рука часто берет на себя ведущую роль в первых попытках воображения выразить себя...

Рука – это не просто пусть верный, но все же пассивный исполнитель воли разума, она обладает своими собственными намерениями, значи-

ем и мастерством».

В китайской эстетике линия рассматривается как важнейший канал, через который выражает себя «одухотворенный ритм живого движения» – 气韵 «ци юн». «Только линия выражает Абсолют и чистую потенцию, из которой следует бесконечность творений». Проникая вглубь темы, переплавляя ее, рисующий доверяет руке течение своей мысли. Нам интересна и ценна способность к экспромту и к мгновенному анализу, рефлексия на поставленную задачу.

Турнир является куда более широким и объемным с точки зрения игрового начала и креатива участника, чем даже его умение хорошо рисовать.

ЕГ Почему темой первого Турнира был выбран «Автограф»?

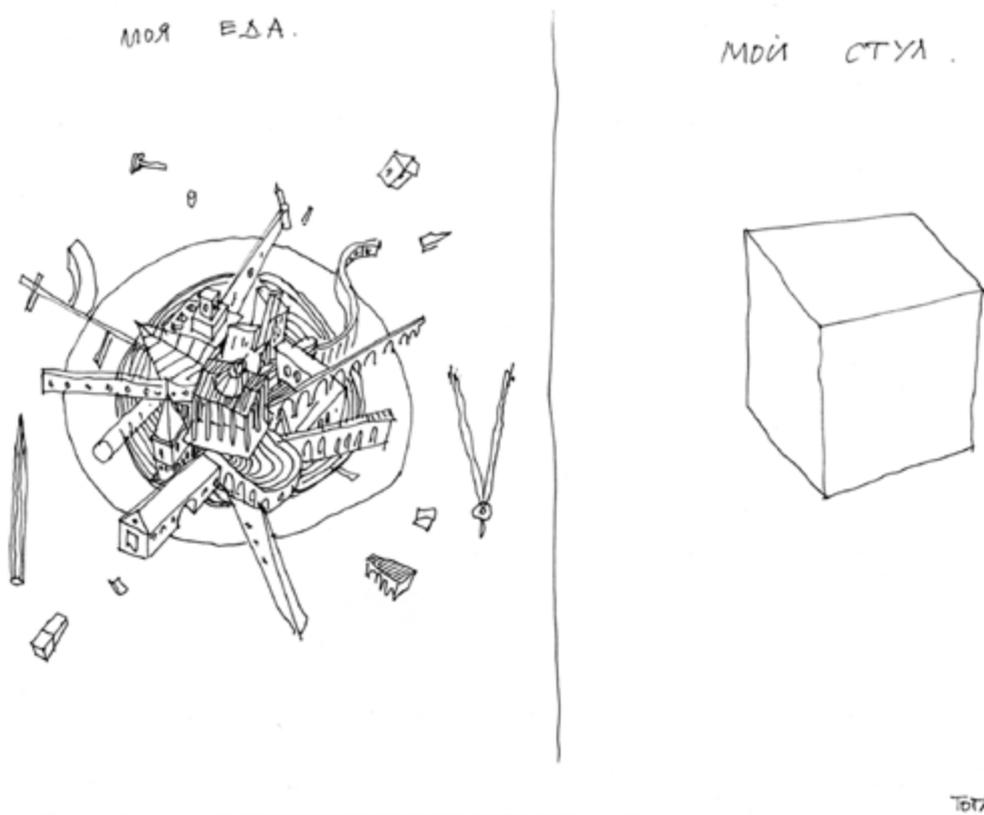
АЧ «Автограф» – это твоё интимное, в нём волей-неволей кристаллизуется кредо архитектора. Это может быть и свидетельством твоего пристрастия к разным культурным эпохам, стилям, мастерам...

Тотан Кузембаев своим рисунком попал в тему абсолютно точно, и единодушным решением жюри стал обладателем первого Стилоса, выразив простыми линиями то понимание архитектуры, которое соответствовало его восприятию и шло от его детства в бескрайней казахской степи, «под небом голубым».

ЕГ Скажите честно – «первый блин комом»?

АЧ Да еще каким драматичным! Во-первых, это был выходной день. Дирекция «Арх Москвы» другого

v Рис. 7. «Автограф» Тотана Кузембаева

^ Рис. 8. Архитектор Алексей Козырь

^ Рис. 9. Президент Фонда AVC Charity Foundation Майя Авеличева и Андрей Черников

дать нам не могла. Во-вторых, шел не просто дождь, а ливень. В-третьих, центр Москвы частично был перекрыт, и мы (организаторы) сами опоздали, а машина с аппаратурой так и вовсе заблудилась! Настроение у меня, да и всей команды, скажем так, более чем пасмурное. Все было на «живую нитку». Хорошо, что мы сначала проводили Турнир для учащихся детских архитектурных школ (два с половиной часа), а затем уже для архитекторов-профессионалов (три с половиной часа). Физически – это весьма непросто.

В «Первой части» по ходу придумывались короткие рассказы о графике, великих мастерах архитектуры и важности ручной архитектурной графики для будущих зодчих. Выручала пятилетняя юная художница Сашенька – дочка Майи Авеличевой, президента Фонда Андрея Чеглакова. Сашенька вдохновенно рисовала на тему, бегала мимо членов жюри и, в прямом смысле, сидела на шее у Михаила Погарского. Детский Турнир прошел замечательно: практически все родители были довольны. Наша команда рихтовала технику ведения и трансляцию. Так что к «взрослому» Турниру мы «наладились».

Когда в зале стали появляться участники Турнира – Михаил Хазанов, Николай Лызлов, Сергей Скуратов, Тотан Кузембаев, Владимир Кузьмин, Влад Савинкин, Алексей Бавыкин, Борис Воскобойников, Тимур Башкаев, Иоанн Зеленин, Михаил Филиппов... только тогда отлегло.

В середине Турнира появился, сверкая на лысине дождевыми каплями, блестящий архитектор, рисовальщик и художник, президент Союза архитекторов России Николай Шумаков: «Старик, я четыре часа сквозь ливень ехал на машине из Переславля-Залесского, бросив внуков, ради твоего Турнира...»

ЕГ Расскажите о призе «Серебряный Стилос».

АЧ Стилос (др.-греч. στυλός) – это одновременно и архитектурная деталь – столб, колонна, – и инструмент для письма в виде остроконечного цилиндрического стержня (длиной 8–15 см и диаметром около 1 см) из кости, металла или другого твердого материала. Заостренный

v Рис. 10, 11. «Автограф» Николая Шумакова

^ Рис. 12. Дизайнер, писатель и культуролог Александр Коротич

^ Рис. 13. Победитель Турнира-2023 Марианна Антонова

^ Рис. 14. Победитель первого Турнира Тотан Кузембаев и Андрей Черников

конец стилоса использовался для нанесения (процарапывания) текста на табличках, покрытых воском. Противоположный конец делался уплощенным (в виде лопаточки), чтобы стирать написанное. То есть стилос использовали для черновых записей, заметок, мыслей, тезисов как ученики, так и мэтры – поэты, философы, ораторы. Гораций (поэт «золотого века» римской литературы, I век до н.э.) советовал другим поэтам «чаще переворачивать стилум» (*stylum vertere*), совершенствуя свое произведение.

В истории есть пример использования этого мирного инструмента и как орудия убийства: Юлий Цезарь скончался, получив 23 колотых ранения, нанесенных стилосами заговорщиков (на заседание римского сената вход с оружием был воспрещен). В средние века древний стилос продолжал трудиться на ниве образования. Название этого инструмента вызвало появление понятия «стиль», ставшее синонимом литературного слога.

Сам приз состоит из собственно Серебряного стилоса (дизайнерская отливка из серебра 925 пробы), вертикальной опоры с рельефным отображением логотипа Международного архитектурного фонда имени Якова Чернихова

(ICIF), подставки из нержавеющей сатинированной стали и стеклянной трубы-футляра из кварцевого стекла. На подставке нанесена гравировка «Турнир архитектурной графики «Линия Мысли»».

Когда на сцене зала Дома художников Тотан брал из моих рук коробку со Стилосом, он не удержался от вопроса: «Андрюха, а он и правда из серебра?» – «Тотан, как ты мог подумать, что Фонд Якова Чернихова может выдать муляж! 925 пробы!..» – «Ну да... Ты знаешь, мы, казахи, очень чувствительны к драгметаллам».

ЕГ Побеждают только прославленные архитекторы или бывают исключения? Кто победил в этом году?

АЧ Нет, конечно. В этом году обладателем «Серебряного стилоса» стала Марианна Антонова – молодой архитектор из Санкт-Петербурга, которая буквально «на перекладных», ночным «долгим» поездом (не было билетов на «Сапсан»), приехала из Петербурга в Москву и едва успела к началу. Марианна уже зарекомендовала себя на конкурсе АрхИграфика; тем не менее, ее победа была неожиданной: ведь она «обошла» весьма именитых участников пятого Турнира.

Сибирские архитекторы демонстрируют устойчивое развитие во всех направлениях своей деятельности: архитектуре, градостроительстве, урбанистике, в заботе о наследии, в образовании. Не всегда все идет по плану, некоторые моменты приходится проходить на пределе, но такова наша профессия и таков мир.

Вот и в своей общественной и конкурсной деятельности архитекторы последовательны и стабильны. Ежегодно в Сибири под эгидой Союза архитекторов России проходят несколько крупных фестивалей, каждый из них со своим лицом: образовательный Зимний университет, горнолыжный Архигеш, молодежная Архбухта. Фестиваль «Зодчество в Сибири» – ровесник века, в этом году он проводился в 23-й раз. Несколько лет назад Фестиваль поменял свой формат на номадический и начал кочевать по городам Сибирского федерального округа: ЗВС уже приняла Красноярск, Томск, Барнаул, Кемерово, Новосибирск. И вот мы снова в Иркутске, на родине ЗВС. И тема на этот раз у нас объединяющая – СИБИРСКИЙ КОД.

XXIII фестиваль ЗВС-2023 / XXIII Festival "Zodchestvo in Siberia 2023"

Siberian architects demonstrate sustainable development in all areas of their work: architecture, urban planning, urbanism, caring for heritage, and education. Not everything goes according to plan, some obstacles have to be overcome, but such is our profession and such is the world.

Architects are consistent and stable in their public and competitive activities. Every year, under the auspices of the Union of Architects of Russia, several large festivals take place in Siberia. Each of them has its distinct identity: educational Winter University, skiing Archigesh, youth Archbukhta. "Zodchestvo in Siberia" Festival is the same age as the century, this year it is held for the 23rd time. A few years ago the Festival became nomadic and began to roam around the cities of the Siberian Federal District: Krasnoyarsk, Tomsk, Barnaul, Kemerovo and Novosibirsk have already hosted the Festival. And here we are again in Irkutsk, the birthplace of the Festival. This time we have a unifying theme - the SIBIRIAN CODE.

Н. И. Шумаков
президент Союза архитекторов России
и Союза московских архитекторов,
народный архитектор России

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Мы вновь встречаемся с вами на прекрасном, самобытном, насыщенном событиями Межрегиональном архитектурном фестивале «Зодчество в Сибири».

Он родился в 2001 году в Иркутске, и несколько лет его главными участниками были архитекторы Восточной Сибири. Сначала фестиваль не покидал свою малую родину и ежегодно проводился в Иркутске, но вскоре его мощный творческий заряд объединил всех архитекторов Сибири. «ЗВС» отправился покорять другие города: Красноярск, Томск, Барнаул, Новосибирск...

Нынешний, XXIII фестиваль вновь принимает Иркутск – место силы «ЗВС», город, в котором рождаются оригинальные проекты, возникают креативные идеи, кипят архитектурные страсти. Здесь растет замечательная смена, готовая принять эстафету от опытных мастеров нашего профессионального сообщества. Молодые архитекторы ярко заявляют о себе талантливыми работами, в которых ощущается сила земли Сибирской, присутствуют широта и удивительно бережное, чуткое отношение к архитектурной культуре этого мощного по энергетике российского региона.

«Сибирский код» – так звучит тема фестиваля, и в ней кроется не-

кая загадка, приглашение к поиску архитектурного ключа, с помощью которого можно расшифровать этот код, понять истоки и суть уникального сибирского зодчества.

Я желаю фестивалю «ЗВС» достойного творческого соревнования, новых побед и ускользающих горизонтов, чтобы всегда было к чему стремиться и во имя чего создавать новые проекты.

Всем – здоровья, удачи, азарта и вдохновения. Всем – любви, добра и мира.

СОСТАВЫ ЖЮРИ

Раздел «Постройки»

Раздел «Спецпроект фестиваля»

Председатель **Плоткин Владимир Ионович** (Москва)
заслуженный архитектор РФ, академик РААСН, главный архитектор / партнер-основатель ТПО «РЕЗЕРВ»

Заместитель председателя **Григорьева Елена Ивановна** (Иркутск)
вице-президент Союза архитекторов России, член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России, лауреат Государственной премии РФ

Члены жюри **Горшунов Станислав Владимирович** (Нижний Новгород)
архитектор, руководитель / основатель бюро ГОРА
Деринг Александр Федорович (Барнаул)
почетный архитектор России, член правления Алтайской организации САР, руководитель архитектурного бюро «Творческая мастерская архитектора А. Ф. Деринга "Классика"»
Жуковский Николай Леонидович (Иркутск)
лауреат Премии губернатора Иркутской области, руководитель ООО «Архитектурная фирма Н. Жуковского»

Зыков Сергей Николаевич
председатель правления Кемеровской региональной организации СА России, профессор МААМ, председатель правления СРО Ассоциация проектировщиков Кузбасса

Мякота Алексей Дмитриевич
член правления Красноярского местного отделения СА России, руководитель проектной студии «АДМ»

Стегайло Владимир Борисович
заслуженный архитектор РФ, член правления Иркутской организации САР, профессор МААМ

Филиппов Валерий Николаевич (Новосибирск)
кандидат архитектуры, профессор НГУАДИ, руководитель студии «КиФ»

Секретарь по разделу «Постройки» **Богданова Надежда Владимировна** (Иркутск)

член Союза архитекторов России

Секретарь по разделу «Спецпроект» **Семиусова Алена Андреевна** (Иркутск)

Раздел «Проекты»

Раздел «Творчество архитектурных коллективов и мастерских»

Председатель **Пестов Евгений Николаевич** (Нижний Новгород)
архитектор, член-корреспондент РААСН, дважды лауреат Государственной премии РФ

Члены жюри **Александров Сергей Анатольевич**
член правления Иркутской региональной организации СА России, доцент кафедры архитектуры и градостроительства Института архитектуры, строительства и дизайна ИРНТУ

Рыбин Олег Васильевич (Нижний Новгород)
заслуженный архитектор России, лауреат Премии имени архитектора Алексея Гутнова

Седиков Александр Павлович
член правления Томской организации СА России

Юшков Александр Николаевич (Иркутск) заслуженный архитектор России, директор ООО «Архитектурно-строительная фирма "АСС"»

Макаров Андрей Юрьевич (Иркутск)
действительный член МААМ, директор АНО «Институт Города»

Секретарь по разделу «Проекты» **Демченко Мария Дмитриевна**
член СА России, заместитель генерального директора АО «Особая экономическая зона "Иркутск"»

Секретарь по разделу «Творчество архитектурных коллективов и мастерских» **Орешкин Никита Дмитриевич** (Иркутск)
архитектор

Спонсоры

Компания «Алфреско»
Группа СК «Восток Центр Иркутск»
ООО «Торговый дом "Выбор"»
ООО ТД «Простор групп»
ГК «Структура света»
ООО «ЗКС "Уральский гранит"»
Черезит
СК «Флагман»

Партнеры

Ассоциация СРО
«БайкалРегионПроект»
ФГБОУ ВО «Байкальский
государственный университет»
Ассоциация СРО «БОАиИ»
ООО «ГАБР»

ОАО ГК «Ангара»
ООО «Агентство развития территорий
"Градостроительная школа"»
ООО «СЗ "ГРАНДСТРОЙ"»
ООО «ТК ДОКСАЛ»
ООО «Архитектурная фирма
Н. Жуковского»
ИП Демков С.Б.
Администрация города Иркутска
ФГБОУ ВО ИРНИТУ
Капитель
Автономная НО «Клуб молодых
архитекторов»
ООО «Краспан-Инновации»
ООО «Градостроительная мастерская
"Линия"»

ООО ППМ «Мастер-План»
АО СЗ «ФСК "Новый Город"»
ГК «Палп-Норд»
ООО «Перспектива+»
Журнал «Проект Байкал»
ООО «Сарос Проект»
АО «Сибирский Проектный Институт»
Группа компаний «Гранит-Гранат»
Группа компаний «СтройАрсенал»
ООО «Турков Иркутск»
ООО «Мастерская архитектуры и
дизайна "Фокс"»
ООО «Чекотова П.А. Фортуна»
Архитектор Куцакова О.Ю.
Государственная телерадиокомпания
«Иркутск» Телеканал «Россия 1»

Дом архитектора
Мастерская кофе
Союз архитекторов России
Информационное издание «Ирк.ру»
ОАО «Иркутский керамический
завод»
ИРО ВООПИК
Студенческий медиациентр ИРНИТУ
ГБУК «Иркутский областной
художественный музей
им. В. П. Сукачева»
Проектно-производственная
компания SOVART
ООО «Деметра»
ООО «ПРОМЫШЛЕННЫЙ ДИЗАЙН»

ОРГАНИЗАТОРЫ XXIII МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ «ЗОДЧЕСТВО В СИБИРИ – 2023»

- Союз архитекторов России
- Иркутская региональная организация Союза архитекторов России
- Администрация г. Иркутска
- Министерство культуры Иркутской области
- Служба архитектуры Иркутской области
- Иркутский национальный исследовательский технический университет
- Восточно-Сибирский научно-творческий центр Российской академии архитектуры и строительных наук

Раздел «Пропаганда архитектуры»

Председатель **Худяков Сергей Юрьевич**

председатель правления Томской организации СА
России, руководитель архитектурного бюро «Стиль»

Заместитель председателя **Железняк Ольга Евгеньевна** (Иркутск)
кандидат искусствоведения, профессор кафедры МДЖ
и дизайна им. В. Г. Смагина Института архитектуры,
строительства и дизайна ИРНИТУ

Члены жюри **Польская Елена Анатольевна** (Новосибирск)
архитектор, директор АНО проектного творчества
«СТУДИЯ КОНТУР», директор Фонда развития
архитектуры и архитектурного образования
им. академика Анатолия Воловика

Элли Артем Витальевич (Красноярск)
главный архитектор мастерской А2

Успенская Ольга Михайловна (Красноярск)
доцент кафедры архитектурного проектирования
ИАиД СФУ

Секретарь **Фомина Ольга Андреевна** (Иркутск)
архитектор

Раздел «Творчество молодых архитекторов и студентов»

Председатель **Хотулев Руслан Анатольевич**
председатель правления Иркутской региональной
организации СА России

Заместитель председателя **Гладков Сергей Васильевич**
член правления Иркутской региональной организации
СА России

Члены жюри **Рыбин Егор Олегович**
член правления Нижегородской организации СА России
Ямалетдинов Сергей Федорович председатель
правления Красноярской организации СА России

Цой Валерий Викторович

член правления Новокузнецкой организации СА России

Кулаковский Антон Николаевич

член правления Красноярской организации СА России

Секретарь **Мурик Екатерина Сергеевна** (Иркутск)

Раздел «Детское архитектурно-художественное творчество»

Председатель **Чертилов Алексей Константинович**
член правления Иркутской региональной организации
СА России, доцент ИРНИТУ

Заместитель председателя **Войтович Владислав Владимирович**
член правления Иркутской региональной организации
СА России

Члены жюри **Артамонов Максим Викторович** (Томск)
член Гильдии храмоздателей. Старший преподаватель
кафедры архитектурного проектирования ТГАСУ

Животягин Павел Николаевич (Барнаул) архитектор
Россиянская Светлана Александровна (Красноярск)
архитектор, член СА России

Соков Алексей Максимович (Красноярск)
главный архитектор проектов КПМ А2

Секретарь **Тучина Ольга Вячеславовна** (Иркутск)
ведущий архитектор проектов ООО «Градостроительная
мастерская "Линия"»

С 14 по 17 июня в Иркутске прошел XXIII межрегиональный архитектурный фестиваль «Зодчество в Сибири – 2023». Последовательно излагается хроника ЗВС – 23, география участников, перечень спикеров – приглашенных для мастер-классов звезд российской архитектуры, тематика экскурсий.

Ключевые слова: фестиваль «Зодчество в Сибири»; Иркутск. /

From 14-17 June the XXIII interregional architectural festival “Zodchestvo in Siberia 2023” took place in Irkutsk. The article presents the chronicle of “Zodchestvo in Siberia 2023”, the geography of participants, the list of speakers, the stars of Russian architecture, invited to give master-classes, as well as the themes of excursions.

Keywords: Festival “Zodchestvo in Siberia”; Irkutsk.

Хроника ЗВС-23 / Chronicle of Zodchestvo in Siberia 23

текст
Елена Григорьева
РААСН
text
Elena Grigoryeva
RAACS

И снова Фестиваль ЗВС, рожденный на стыке тысячелетий, состоялся на своей родине, в Иркутске. Тема ЗВС-23 – СИБИРСКИЙ КОД.

Код, шифр, тайна, открытие... Иркутск и Байкал обещали на этот раз приоткрыть свои тайны и удивить даже тех из гостей, которые не однажды бывали у нас на ЗВС. И обещание свое сдержали.

Итак, к 14 июня в столицу Восточной Сибири на родину фестиваля съехались архитекторы из Новосибирска, Томска, Барнаула, Новокузнецка, Кемерово, Красноярска, Братска, Улан-Удэ, Москвы и Нижнего Новгорода. Две уже привычные нам по прошлым годам городские площадки приняли фестиваль:

церемония открытия прошла в Иркутском областном художественном музее им. В. П. Сукачёва, в котором разместились экспозиции смотров-конкурсов – центрального события фестиваля «Зодчество в Сибири». А Дом архитектора и его усадьба стали местом встреч за круглыми столами, мастер-классов, местом сборов перед экскурсиями и праздника по случаю вручения наград фестиваля.

Конкурсы состоялись во всех заявленных номинациях, особенно активными в этом году были студенты, что вселяет надежду на будущее. Впервые в истории ЗВС церемония награждения прошла на открытом воздухе в усадьбе Дома архитектора. Помимо оглашения результа-

тов смотров-конкурсов здесь вручили высшие награды Союза архитекторов России ученым и практикам из Красноярска и Иркутска. Значки и билеты членов СА России получили из рук первого вице-президента СА Владимира Бакеева вновь вступившие в Союз архитектуры Сибири.

Главную награду – ГРАН-ПРИ фестиваля за реализованный объект «Реконструкция комплекса зданий Томского областного суда по пер. Макушина, 8» получил авторский коллектив томичей в составе: архитекторы С. Ю. Худяков, А. Б. Лоскутников, А. Ю. Гончаров, конструктор Д. Н. Кокорин, инженеры Р. Устиненко, О. Кандаурова, О. Лазо.

Нововведением в этом году стал спецпроект: несколько участников подготовили пространственные «высказывания» в форме инсталляций на тему «Сибирский код».

Загадочный «Сибирский код» коллеги обсудили и в дискуссии, модератором которой выступила вице-президент Союза архитекторов России Елена Григорьева. Спикеры рассказали о том, чем отличаются их родные города от других городов Сибири и что именно есть у сибирских городов общего, объединяющего, такого особенного, что можно назвать СИБИРСКИМ КОДОМ. Любопытные результаты круглого стола, собравшего участников из девяти городов Сибири, России и не только, публикуются

в этом выпуске журнала «Проект Байкал».

Еще один круглый стол собрал тем же вечером в уютной Мастерской Кофе лидеров организаций СА Сибири и Урала для обсуждения удач и проблем архитектурного цеха. Прием устроил иркутский лидер Руслан Хотулев, благодаря которому, кстати, Дом архитекторов теперь оснащен прекрасной коворкинг-мастерской. В теплой обстановке и проблемы не кажутся неразрешимыми. Большинство присутствовавших встречаются обычно не только на ЗВС, но и на второй ежегодной площадке – в Шерегеше, так что организационные вопросы ЛКА – лыжного клуба архитек-

торов – занимали значительную часть повестки.

По многолетней традиции в рамках фестиваля ЗВС-23 прошли мастер-классы приглашенных спикеров. Как и было анонсировано, тайны своего мастерства приоткрыли звезды российские и сибирские:

Владимир Плоткин, заслуженный архитектор РФ, академик РААСН, главный архитектор/партнер-основатель ТПО «РЕЗЕРВ» (Москва);

Евгений Пестов, архитектор, член-корреспондент РААСН, дважды лауреат Государственной премии РФ (Нижний Новгород);

Валерий Филиппов, кандидат архитектуры, профессор НГУАДИ, руководитель студии «КиФ» (Новосибирск); Станислав Горшунов, архитектор, руково-

дитель/основатель бюро GORA (Нижний Новгород).

В зеленой гостиной Дома архитекторов во время мастер-классов был полный аншлаг.

Ежедневно от Дома архитектора стартовали экскурсии – пешеходные и автобусные. Гости пешком прошли по историческому центру, провели полтора часа в широко известном не только в Иркутске Квартале 130 вместе с автором-экскурсоводом, посетили бар в конверсионном Доренберге, съездили в Музей-на-Свалке, ставший за последние годы настоящей достопримечательностью города. Необыкновенной была Фотопрогулка под предводительством Человека года, известного иркутского фотохудожника и большого друга нашего жур-

нала Анатолия Бызова – по полному тайн, ранее неизвестному гостям и горожанам утреннему Иркутску.

Поездка на Байкал – традиционный пленэр, завершающий ЗВС, – в этом году была тоже необычной: не в ближайшую Листвянку и даже не на Кругобайкалку, а в поселок Большое Голоустное, и тоже прошла с аншлагом; организаторам пришлось доказывать транспорт. Зато положительными эмоциями и впечатлениями участники и гости подзарядились так, что хватит до будущих встреч на ЗВС-24. Где? Ответ на этот вопрос тоже пока тайна, подождем до 1 ноября; все решится на Съезде Союза архитекторов России.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
23
А
ЗОДЧЕСТВО
В СИБИРИ
2023

15 июня в 10:30 в Иркутском доме архитектора состоялся дискуссионный клуб ЗВС-ПБ, посвященный теме фестиваля – СИБИРСКИЙ КОД. За круглым столом собрались представители Иркутска, Братска, Красноярска, Кемерово, Новокузнецка, Барнаула, Томска, Новосибирска и Нижнего Новгорода. Модератором выступила вице-президент Союза архитекторов России по СФО архитектор и издатель Елена Григорьева.

Ключевые слова: идентичность города; стилистика; ландшафт; дерево; таежная цивилизация; лидеры организаций Союза архитекторов Сибирского федерального округа./

On 15 June at 10:30, a discussion club of Zodchestvo in Siberia-Project Baikal (ZVS-PB) was held in the Irkutsk House of the Architect. It was dedicated to the theme of the festival: SIBIRIAN CODE. The round table gathered representatives from Irkutsk, Bratsk, Krasnoyarsk, Kemerovo, Novokuznetsk, Barnaul, Tomsk, Novosibirsk and Nizhny Novgorod. Elena Grigorieva, vice-president of the Union of Architects of Russia for the Siberian Federal District, architect and publisher was the moderator.

Keywords: city identity; stylistics; landscape; wood; taiga civilisation; leaders of organisations of the Union of Architects of the Siberian Federal District.

Дискуссионный клуб ЗВС-ПБ. СИБИРСКИЙ КОД. Чествование городов / ZVS-PB Discussion Club. SIBIRIAN CODE. Honouring cities

текст

Виктория Астраханцева (Братск)
Елена Григорьева РААСН
Петр Долнаков (Новосибирск)
Александр Деринг (Барнаул)
Сергей Зыков (Кемерово)
Алексей Мякота (Красноярск)
Олег Рыбин (Нижний Новгород)
Руслан Хотулев (Иркутск)
Сергей Худяков (Томск)
Валерий Цой (Новокузнецк)
Алексей Чертилов ИРНТУ
Константин Лидин Федерация «Союз соотечественников» (София, Болгария)
Александр Гимельштейн Иркутский государственный университет
Алена Мочальникова (Новосибирск) фото
Евгения Сурикова,
Татьяна Анненкова;
пресс-служба ИРНТУ

text

Victoria Astrakhantseva (Bratsk)
Elena Grigoryeva RAACS
Petr Dolnakov (Novosibirsk)
Alexander Dering (Barnaul)
Sergey Zykov (Kemerovo)
Alexey Myakota (Krasnoyarsk)
Oleg Rybin (Nizhny Novgorod)
Ruslan Khotulev (Irkutsk)
Sergey Khudyakov (Tomsk)
Valery Tsoi (Novokuznetsk)
Alexey Chertilov INRTU
Konstantin Lidin Federation of Fellow Citizens (Sofia, Bulgaria)
Alexander Gimelstein Irkutsk State University
Alena Mochalnikova (Novosibirsk)
Photos by
Evgeniya Surikova;
Tatiana Annenkova;
INRTU Press Service

Елена Григорьева Сибирский код. Код – шифр – тайна и одновременно ключ к разгадке. Границы Сибири размыты и переменчивы во времени. Тюмень, относясь административно к Уральскому федеральному округу, заводит квесты под названием «Сибирский код», причисляя себя к Сибири, что естественно: Тобольск был ее, Сибири, форпостом. А Забайкалье одним росчерком пера переводится в Дальневосточный округ, как раньше Якутия.

Сибирский характер. Сибирское здоровье. «Я – сибирской породы», – слова космополита Е. Евтушенко. Каков характер сибирских городов? Какой они породы? Что нужно, чтобы они могли похвастаться сибирским здоровьем? Что объединяет наши города в семью, и есть ли вообще такое явление? В чем особенность, неповторимость каждого города?

Вместе с лидерами архитектурного цеха Сибири попробуем ответить на эти вопросы в традиционном для нашего фестиваля и нашего журнала формате дискуссии здесь, в зеленой гостиной Иркутского дома архитекторов.

И начнем с представителя Новосибирска, официальной столицы Сибирского федерального округа.

Петр Долнаков Чтобы полюбить Новосибирск, надо его понять. А чтобы его понять, надо

осознать само слово, с которого все началось: НОВО-Сибирск. Город-подросток с мощными внутренними противоречивыми процессами, который на фоне бурного роста активно меняется; здесь действует много факторов: жажда познания, отсутствие авторитетного мнения... При этом на фоне бурно развивающегося каркаса и транспортной системы мышцы становятся некрепкими. Но, как у всех подростков, у города есть нервное внутреннее чувство. Поэтому каждый в городе ищет себя и находит, если успеваешь включиться. Для того, чтобы понять себя в городе, нужно обратиться к людям, которые основывали город: Е. Ощепков и другие. Люди-герои, которые, невзирая на изменения вокруг, не боялись вести свою тему, и сейчас мы видим этот результат большой школы. В Новосибирске огромное количество хороших институтов и школ. Когда развивается инфраструктура, нет времени думать, некогда остановиться и посмотреть назад, получить критику. Это один из факторов города: как и любой подросток, он начинает бурно реагировать. Кто не понимает эту специфику – отворачивается и, возможно, начинает вести свою обособленную архитектурную деятельность. Нужно понять ритмы роста, ориентироваться на героев, которые жили созданием сложного города.

При всей противоречивости основной сибирских городов является открытость, дружелюбность. Так нас определяют остальные регионы России. В нас код мощной энергии; возможно, из-за внешних суровых климатических условий конкуренция высокая. Из-за того, что в городе коренных жителей очень мало, на некоторых организационных сборах или публичных слушаниях люди не могут объединиться, потому что все люди приезжают в город получить образование и, скорее всего, уехать опять.

Александр Деринг Я родился и закончил школу в Томске, получил архитектурное образование в Новосибирске и после учебы живу уже более 40 лет в Барнауле. О чем несколько не жалею. Я задумался: чем отличаются эти три города, находящиеся почти на одном меридиане длиной 500 км?

Прежде всего – это жители. Томск – с остатками губернского города XIX века, с московским диалектом жителей, молодежный, студенческий, с высокой внутренней культурой.

Новосибирск – город, появившийся благодаря выбору трассы Великого Сибирского пути, который прошел не через Томск, а именно на месте деревни Гусевки. Город как плавильный котел и сибирский хаб, свысока смотрящий на соседние города.

Архитектура города амбициозная, с прицелом на столицу Сибири.

Кемерово и Новокузнецк – особые города, экономика которых основана на природных ресурсах; о жителях сложно что-то сказать. Вечное соперничество этих двух городов за статус столицы области.

Барнаул как город складывался непросто. Основа города – сереброплавильный завод. Барнаул называли Горным городом именно из-за того, что с Алтайских гор сюда привозили руду для выплавки серебра. Таковым он и оставался с особым прямым подчинением Кабинету. И только с начала XX века он стал формироваться как традиционный город. Барнаул – столица Южной Сибири. На полпути из Новосибирска в Барнаул проходит климатическая граница. И если в начале мая выезжаешь из Новосибирска даже со снежком, в Барнауле уже может распусться зелень, и вас встретит теплый уютный город. Сегодня во многом Барнаул растет, как и многие сибирские города, за счет сельской миграции: целые микрорайоны заселяются жителями города в первом поколении, принося с собой частично сельский уклад жизни, с трудом адаптируясь к новым законам городской жизни. И это особенно заметно в сравнении с другими сибирскими городами, где этот процесс не так

заметен. Барнаул – трансграничный город. За нами Средняя и Центральная Азия, и это тоже делает город своеобразным. Я бы отметил восточное влияние в архитектуре начала 2000-х, периоде расцвета творчества отдельных архитекторов Барнаула, на примере Евгении Реутовой, к сожалению, ушедшей от нас. Получившая архитектурное образование в Казахстане, в Усть-Каменогорске, она подсознательно внесла «восточный» колорит в свою архитектуру, застроив значительную часть центра города своими жилыми комплексами. Ее архитектура заметна и необычна. Серьезный вклад в своеобразие города внесли Владимир Золотов и многие другие барнаульские архитекторы.

Если говорить об особой «сибирской породе», то это скорее миф, хотя и очень симпатичный.

Сложно говорить о какой-то открытости сибиряков и особом здоровье. Но наша жизнь всегда наполнена легендами и мечтами. Они сохранялись даже в самые трудные для нашего народа времена. Сибирь богата людьми; здесь перемешались переселенцы из западной части России, перемещенные народы во времена войн, целинники, геологи, покорители сибирских рек, строители железных дорог и просто искатели новой, более счастливой жизни.

Сергей Худяков Исторические города, в том числе Томск, в процессе своего развития требуют глубокого анализа и изучения исторического контекста. Город содержит объекты культурного наследия различного уровня, что является ценностью и одновременно блокирующим фактором развития, выдавливающим современное строительство на периферию.

Значений слову «Код» можно придать множество, однако код как производная слова «кодекс», отражающий смыслы в определенных правилах, требует четкого понимания исторического контекста города. При этом исторический контекст должен отражать внутренние и внешние факторы развития территории.

Томск – город одной улицы, сквозь которую прошла торговая связь Великого чайного пути, объединяющая собой все университеты (локализация всей истории развития и градообразующей функции). В историческом контексте Томск менял градообразующие функции, численность населения и национальный состав переселенцев. Город-крепость как граница государственных рубежей. Купеческий город как часть «Великого чайного пути». Город-университет как научно-образовательный центр Сибири. Все эти вехи и другие аспекты привлекали человеческие ресурсы и отража-

лись на среде города, предопределяя его будущее.

Безусловно, Томск – это создающие его люди. Население (переселенцы различных периодов), купечество, приезжие инженеры, профессора и студенты различных вероисповеданий, объединенные климатическими, природными и социально-экономическими и политическими условиями. С момента освоения территории смешение продолжается по сей день привлечением иностранных студентов и закреплением специалистов. Разнообразие традиционных национальных праздников и культуры отразилось на планировочной структуре и архитектуре районов.

Томск как сокровищница объектов, связующих поколения и эпохи. Сохранившийся ландшафт, деревянное и каменное зодчество, императорский университет – некий «мост», продолжение истории огромной страны, которая жила, живет и будет жить.

Город-музей деревянного зодчества – объект туристической привлекательности и предмет конфликтов общественности в определении градостроительных регламентов развития.

Период глобализма, несущий мегапроекты, абсолютно несомасштабные сибирским городам, угрожает потерей аутентичности и самобытности. Таким образом, нерасторопность власти,

отсутствие поддержки населения и неготовность существующей инфраструктуры и экономики, позволяет, сохраняя определенные позиции, более взвешенно и качественно относиться к реализации национальных проектов.

Современные глобальные тренды можно использовать, применяя глубокие исследование и познание кода города как геном организма. Код, который содержит географическое и экономическое местоположение, градообразующие особенности, историю, демографический и национальный состав населения, должен отражаться в архитектуре, дизайне, культуре туризма и других сферах деятельности.

Алексей Мякота Города делают люди. Города в каких-то местах появляются. Для меня всегда вопрос: где? Это существенно. Природно-климатические условия, ландшафт, его специфика: реки, горы, леса и т. д. Ни у одного города нет такого специфического ландшафта, как у Красноярска. Структура его ландшафта очень выраженная: Енисей, образующий стрелку на стыке его притока Качи, а напротив, на острове – резиденция хана Татыша, слияние рек – затишье – все благостное для всего живого; противоположный берег – отроги Восточного Саяна. Существовавшие этносы и их культура выстраивали паритет с природой, во многом определявший

зависимостью человека от ее воздействия на его быт. Человек не мог повернуть реки вспять, поставить плотину и потом возмущаться, что изменился климат, стал какой-то неустойчивый. Все сибирские города объединяет пришедшая культура, не сформированная природой места, культурой этноса, а привнесенная и только отчасти перенявшая тонкие, естественно возникшие ощущения местных народов.

В сибирских исторических городах принято вести отсчет истории города с момента, когда пришли «завоеватели» с запада. В Красноярске они срезали основной бор для построек. Срубили острог, а далее возник и регулярный план из Питера. Улицы города, перпендикулярные реке, так называемые «куртины», не замыкались на зданиях, а открывались на природу.

Особый, исторический вклад в культурную базу для формирования городского пространства Красноярска внесли архитекторы Соколовский и Чернышов – те люди, которые создали архитектурную ткань, определяющую и сегодня эстетику городского исторического центра.

Новая волна, повлиявшая на архитектуру и градостроительную политику, формировалась уже в 1960–1980 годы. Это были приглашенные в Красноярск молодые архитекторы и команда управленцев, которые и создали

современный город со своеобразной планировочной структурой, отражающей размещение города на мощной сибирской реке с выраженными урбанизированными узлами в виде предметных площадей на поперечных магистралях, соединяющих берега. Такое пространственное развитие создает качество, ощущаемое как определенная городская столичность.

Сегодня архитектор в первую очередь должен апеллировать к взаимодействию природного и урбанизированного ландшафта, создавая между ними гармонию, учитывая и следуя природному каркасу. Красноярск – это уникальный ландшафт, и быть гармоничным ему – значит создать градообразующий каркас, апеллируя к законам Творца, жестко следуя, сохраняя сложившиеся природно-климатические связи, исследуя мировоззрение местных этносов. Мы своей архитектурой должны формировать, искать этику и эстетику взаимодействия природного и созданного человеком.

Сибирский код должен отражать специфичность развития городов, выстраиваемых на уникальности территории, гении места.

Впервые за много лет современной эпохи сегодня возникла оформленная законодательно потребность в создании высоко-

художественной образной архитектуры современных городов. Созрела правовая основа, о которой раньше мы даже и мечтать не могли. Готов ли профессиональный цех, сформировано ли современное мировоззрение, учитывающее тенденции и вызовы времени в становлении современных мест обитания человека? Что сегодня происходит на этой почве в городах, в управленческих структурах, ответственных за реализацию поставленных задач и целей? Осознаны ли эти цели? Выработаны и понятны ли методики и модели, формирующие регламенты и основные векторы развития современных городов, способных продемонстрировать свою идентичность, устойчивость и экономическую целеустремленность, стать комфортным для проживания местом самореализации человека?

Интересен и показателен опыт федерального процесса по созданию качественной городской среды. Разработка методик для осуществления этой программы свелась на первом этапе ее реализации к созданию регламентов и стандартов. И вначале это было конструктивно и оправдано. Далее общественные пространства городов возникали будто под одну копиру, что привело к осознанию необходимости появления качественных архитектурных решений, а порой

и эксклюзивных, знаковых, отражающих идентичность города.

Сегодня необходим последовательный, очень ответственный, системный анализ развития городов, профессиональная междисциплинарная дискуссия по созданию методик, механизмов, по которым будет происходить его становление на основе социально-политических, экономических, культурных, экологических и природно-климатических факторов его развития.

Отвечая этому вызову, мы считаем, что одной из площадок такой развернутой дискуссии мог бы стать Архигеш, площадка межрегионального значения, где собираются архитекторы Сибири, место, которое по своим природно-климатическим, ландшафтными ценностям напрямую дает возможность человеку, отрешаясь от будничных забот, мыслить высоко, глубоко и осознанно.

Сергей Зыков Кемерово – самый молодой город-столица региона. Статус города получил в 1918, статус областного центра вновь сформированной области – в 1943.

На территории нынешнего города в районе Красная Горка на берегу реки Томь в 1721 русскими исследователями были открыты залежи каменного угля – Кузнецкий угольный бассейн (Кузбасс).

В 1912 бельгийско-российское акционерное общество «Копикуз» приступило к разработке недр Кузнецкого каменноугольного бассейна и строительству первого предприятия по переработке коксующихся углей в поселке Щегловск (ныне – территория Кемерово).

С 1922 по 1927 годы на территории города работает Автономная индустриальная колония «Кузбасс». Иностранцы инженеры и рабочие, в основном американцы, голландцы и бельгийцы, проникнутые идеями социализма и коммунизма, по договору с советскими властями прибыли в регион для восстановления угольной промышленности, в том числе достройки Кемеровского коксохимического завода. Они также вели проектирование и строительство объектов жилья и соцкультбыта.

В советское время Кемерово развивается практически на свободной территории как крупный промышленный центр комплексно по генеральному плану в соответствии с действующими

в СССР градостроительными стандартами.

Центральная часть города застраивалась в 1930–1950-е годы на левом берегу Томи. Поздний конструктивизм переходил в сталинский ампиризм. Четырех-пятиэтажная ансамблевая регулярная застройка, сомасштабная человеку, широкие зеленые улицы, множество скверов и парков. Наличие благоустроенных зеленых бульваров и парков характерно и для других районов города.

Уникальностью Кемерово является природный сосновый бор, сохранившийся на площади 400 га на правом берегу Томи, напротив центральной набережной. Сейчас бор находится практически в геометрическом центре города.

В последние годы город Кемерово получил новый мощный импульс развития. Наряду с массовым строительством жилья и крупнейших спортивных объектов формируется культурный кластер – это музейно-театральный и культурно-образовательный комплексы. В него войдут филиал Государственного русского музея, Театр оперы и балета (филиал Государственного академического Мариинского театра), Кузбасский центр искусств, фондохранилище с реставрационным центром, филиал Высшей школы музыкального и театрального искусства (Сибирский кампус Российского государственного института сценических искусств, Школа креативных индустрий), филиал Московской государственной академии хореографии, филиал Центральной музыкальной школы при Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского «Сибирский». Таким образом, из индустриального Кемерово превращается в культурный центр.

В Кемеровской области самая высокая плотность населения среди сибирских регионов. Наряду с малыми, средними и большими городами – два крупных города с населением в каждом около 550 тыс. чел. Это Кемерово и Новокузнецк – северная и южная столицы Кузбасса, связанные 200-километровой скоростной автомагистралью, что тоже уникально.

Валерий Цой 0 Новокузнецке. Историческое поселение – Кузнецкий острог на правом берегу заложен в 1614 – уездный город Кузнецк. Выбор площадки

для строительства металлургического комбината и жилого поселка – на левом берегу Томи в 1926. Строился город нового типа – соцгород!

Два города стали одним в 1940. Объединенный Новокузнецк (Сталинск) стал индустриальным городом; исторического наследия осталось очень мало. Все это отразилось на облике города.

Сейчас мы говорим: Новокузнецк – это ворота в Шорию. Шория – часть Горной Сибири: Алтай, Шория, Хакасия, Тува... Здесь формируется и развивается единый рекреационно-туристический кластер.

Сибирские города, если смотреть из космоса, окружают тайга; это крошечные островки в море тайги. Почти все они стоят на берегах рек. Реки, озера, тайга активно вторгаются в городскую застройку; нужно сохранять и развивать города в этом направлении. Для сибиряка город не заканчивается его границей: в это пространство входят ближайший (и не очень) лес, река, горы... Сибиряк – не житель мегаполиса. Это житель Тайги, крупнейшего биотопа на планете. Его сохранение и развитие рекреационной отрасли должны стать приоритетом.

Виктория Астраханцева

0 Братске все, думаю, знают: события, песни, стихи знала и повторяла вся страна. Масштабный эксперимент. Братск своей Всесоюзной Легендарной стройкой заразил страну бациллой энтузиазма! Почти все было впервые: крупнейшая в мире (до 1971) ГЭС, мощные, «циклопических» размеров промпредприятия: алюминиевый завод, лесопромышленный комплекс, ЛЭП-500, база стройиндустрии и, конечно, сам город – новый, в глухой тайге (630 км от Иркутска).

Энергичная молодежь, специалисты со всего Союза съехались сюда, в круговорот событий, намерений и надежд, связанных с ними жизненных планов. Происходила концентрация на высокоом накале энергии характеров и абсолютная уверенность в необходимости происходящего. Братск накопил уникальный опыт единения огромной общности, следующей за глобальной идеей. И это прерогатива советского периода.

Со временем наблюдался отсев. Кто-то нашел себя здесь, в Сибири, увлеченно реализовыв-

вался, желая видеть результаты своего труда: сам проектирую, сам строю, сам здесь живу! Выковывались дух, порода братчан.

Архитектура. Первый генплан утвержден лишь в 1970 (население: 1975 – 175 тыс. чел.; 1990 – 289 тыс. чел.; 2023 – 221,2 тыс. чел.; расчет на далекую перспективу – до 600 тыс. чел.). Велась работа по упорядочению, объединению в целостную структуру рассредоточенных массивов стихийной застройки при строящихся производствах. Характер города заложен самой его структурой по принципу «жилье – работа». Характер планировки – открытый, с главными магистралями, бульварами, уходящими перспективой к морю, в природу, в большие светлые панорамы, незамкнутые банальными строениями. Интересно «встраивание» селитбы в рукотворный ландшафт с живописной линией уреза воды водохранилища на Ангаре, учет геопластики рельефа и размещение жилых районов на плато водоразделов. Прием сочетания лапидарной прямолинейности незатейливой архитектуры с пластикой природы.

Происходило тотальное внимание к Братску! Был даже период обсуждения его приоритета относительно Иркутска. Конкуренция промгигантов активизировала, оживляла жизнь в городе, соревновались во всем, все шло во благо горожан. Лидеры государств, гости, делегации обязательно посещали город. Среди знаменитостей – Евтушенко, Пахмутова, Добронравов, Распутин, звезды эстрады...

Блок-секционный метод. Наличие базы стройиндустрии «Братскгэсстрой» (с 1954, с ее 40 организациями) и центром в Братске стало для него определяющим, обеспечивало продукцией города полстраны. Впервые была создана служба Единого заказчика! Начал реализовываться комплексный подход в строительстве, массовое освоение новых серий, блок-секционного метода. Мы получили возможность отойти от жесткой компоновки микрорайонов, жилых групп, отдав предпочтение пластичным, с открытыми, перетекающими дворовыми пространствами (при соблюдении всех норм и согласовании в ГОССТРОе каждого дома выше 5-ти этажей). Братск

унылым не назовешь: при окружении богатой природой, видами и панорамами, ярко выраженным рельефом, притом вкупе с усилиями архитекторов...

Импринтинг. Город строили специалисты из разных городов СССР (120 архитекторов), в основном опытные технари со стажем и перспективная молодежь. Каждый привносил что-то свое...

Помню термин «импринтинг». На него обращал внимание В. Ф. Бух, и это – о внесении архитекторами из других мест разнообразия опыта на сибирскую землю. Из такой мозаики по крупинкам создавалась хоть какая-то индивидуальность в непростой, но чрезвычайно интересный период строительства города. На пике активности именно эти процессы несли смысловую, техническую, культурную нагрузку и понимание советским человеком достаточной для него степени комфорта.

Постсоветский период. Ожидания. «Недосказанная, выжидающая» Легенда, преодолел болезни времени, еще желает продолжения самовыражения, свежих посылов. Значительная прослойка интеллигенции уже зрелого возраста по-прежнему сохраняет оптимизм, породу, хлебосольность. Это инженеры, архитекторы, строители, преподаватели вузов, библиотекари, музейные работники, музыканты... Все они здесь, с прежним

характером и, как могут, все еще привносят в сообщество свои познания.

Что нужно для оздоровления? Новые технологии, модернизация промышленности, производств, коммуналки. Рациональное и эффективное распределение ресурсов, право принятия решений на местах, самодостаточность (в т. ч. для сокращения расходов на логистику). Еще, конечно, стимулы для притока кадров и новые смыслы!

В чем разница, что общего? Различия: глубокие исторические корни как база одних городов в отличие от «новых», таких, как Братск, хотя тоже имеющих свою историю.

Общее: территориальная принадлежность земле сибирской, природа, таежные лесные просторы, реки, озера, водоемы, их богатства и люди!

Братск забрал весь пафос романтики, патриотизма! Его главный капитал – по-прежнему люди!

*Дорогим коллегам
Сибиряк, мужик, коллега –
по походке отличу!
Чуть небрежно он одетый,
чуть пиджак не по плечу...
Не гламурный, не прилизан,
да взьерошен чуб его.
На отшельника похож он,
суета не про него.
На трибунах не замечен.
Даже рядом, как в тени.
Мудрым взглядом вместо речи*

*все, что нужно, объяснит.
Вот, случилось, архитектор
в руки карандаш берет...
Не узнаешь человека,
в чертеже – идей полет!
Тонко, чутко, виртуозно...
Вот на Званье претендент!
В пальцах жилистых надежно
держит хрупкий инструмент.
Не опишешь, невозможно,
нужных слов не подберешь...
Присмотришь: в глуби таежной,
их, талантливых, найдешь.
Здесь гармония, здесь реки,
горы, хвойные леса.
Заложили в человека
дар природы – небеса...
Наносного нет, свободен
и раскованно силен!
Он и к подвигу «пригоден»,
И талантом наделен.
Дорогой мужик, коллега –
от любого отличу.
Пусть небрежно ты одетый,
пусть пиджак не по плечу...*

Руслан Хотулев Первое, что приходит в голову, когда говорим о сибирском характере Иркутска, – это, конечно, деревянное зодчество. «Предпринимательский» исторический центр, пусть и из дерева, но с городскими доходными домами. Архитектурное сообщество вспомнит модернистскую застройку шестидесятников. Казалось бы, трудно «поженить» традицию и устремление в будущее. Однако, как ни парадоксально, коллеги следовали сибирскому, историческому и природному

контексту. Сегодня интересно наблюдать за сохранением этой сибирской породы Иркутска уже в современном городе, через призму архитектурных конкурсов. В таком формате, дающем архитектору высказаться на заданную организаторами тему, видно наследование характерных черт.

ЕГ Соглашусь с Русланом в том, что два главных феномена Иркутска в области архитектуры – дерево и иркутский брутализм 1970–1980-х. К феноменам событийным можно отнести Зимний градостроительный воркшоп, чье 25-летие состоится в следующем году, достигшее российского масштаба молодежное инсталляционное движение АРХБУХТА, и, конечно, фестиваль ЗВС, рожденный на иркутской земле. То, что эти три событийных феномена продолжают упрямо существовать не благодаря, а скорее, вопреки всему, преодолевая кризисы разного рода, демонстрирует наш сибирский характер, закаленность и упорство. Кстати, и ПРОЕКТ БАЙКАЛ можно отнести к феноменам, рожденным архитектурным Иркутском и уже почти 20 лет не только выживающим, но успешным и востребованным. Возвращаемся к чествованию городов.

Константин Лидин Добавлю небольшое наблюдение о Сибири со стороны Европы и бывшего сибиряка, ставшего европейцем.

Первое, что сильно бросается в глаза, когда перебираешься из Сибири в западные регионы Евразии – это плотность населения. Восточная Европа слабо заселена по отношению к Западной Европе, но и здесь между городами не больше, чем 2–3 часа пути на машине. В некоторых местах можно просто гуляючи перейти пешком из города в город, и даже из одной страны в другую.

Сибирские города – как острова: от города до города такие расстояния, как от любого края Европы до центра. К примеру, ближайший город к Иркутску находится на расстоянии 1000 км – как от Софии до Вены, причем по пути надо пересечь еще три страны. Это создает сибирякам определенные проблемы, так как затрудняется общение: просто так в гости не съездишь. Но это же дает серьезные преимущества.

Очень обнадеживает, какие интересные мнения высказываются на этом круглом столе. Индивидуальность городов начинает осознаваться как ценность. Европа давно живет в режиме острой конкуренции между городами; это реальная угроза для большинства городов – каждый из них может исчезнуть с лица земли. Есть города, которые уже превратились в мертвые руинированные памятники. В нескольких городах в Италии, в Греции действуют программы

привлечения иммигрантов. Им даже обещают платить ежемесячное пособие, лишь бы приехали и поселились. Сумма, правда, минимальная, в пределах прожиточного минимума, но и жизнь в этих городах не очень дорогая. Это, конечно, отчаянная мера.

У сибирских городов уникальный опыт – конкуренция, соперничество; все крупные города хотят быть столицами, а малые хотят быть краше соседей, но при этом каждый город как остров. Каждый город окружен таким безлюдным, равнодушным к человеку космосом. Конкуренты есть, но они далеко, где-то за горизонтом. И конкуренция получается условная. Мы соперничаем между собой, но одновременно мы сотрудничаем в противостоянии этим океаническим пространствам. Причем конкуренция – наполовину игра, а вот сотрудничество – реальная жизненная необходимость.

На мой взгляд, это ценнейший опыт. Мы его совсем не осознаем. Мы думаем про себя, что живем на окраине мира, наш опыт локальный; кому мы можем быть интересны?

Сейчас мы начали совместный проект с Иорданией – обследование древнего города Амман, выявление идентичности города. Амман находится в уникальной ситуации, так как ¼ населения составляют беженцы из Сирии, Йемена, Ирака и др. Амману

больше трех тысяч лет, но за последнее столетие он вырос в 2000 раз. В начале XX века там жили 2000 бедуинов и черкесов, а сейчас население 4 миллиона. Как сохранять идентичность города, когда 99% горожан – приезжие, из которых четверть – беженцы? У иорданцев нет такого опыта, а у нас есть. Городская Сибирь вся построена иммигрантами. Они приезжали и встраивались в местный ландшафт, приспосабливались к особенностям климата и приводили структуру городов в равновесие с гением места. Это редкий, уникальный опыт. Но мы не видим его ценности. Охотно выступаем в роли учеников: нас учат китайцы, американцы, европейцы. А нам есть чему и поучить.

Александр Гимельштейн

Я коснусь антропологической стороны, не имея компетентности в архитектуре.

Вспомним строки Л. Мартынова: «Не осуждай сибиряка, что он угрюм и носит нож. Ведь он на русского похож, как барс похож на барсука». Весь XIX и первая четверть XX века – это столетие сибирских вопросов. Фамилии Потапова, Ядринцева, Щапова для Сибири были известны абсолютно всему читающему населению. Для мыслящей общественности это было принципиально, потому что «сибирские вопросы» были связаны со взглядами на Сибирь

как колонию империи. Это имело политический оттенок, но практически не имело этнического: под колониальным гнетом в большей степени, чем, согласно действовавшей терминологии, «кинородцы», ощущали себя именно русские сибиряки. В письменности, в быту, в языке не существовало фразы «я уезжаю из Сибири в Москву, Петербург и т. д.» – было устойчивое выражение «Я уезжаю в Россию».

Хочу вернуться к проблеме, на которую указали коллеги. Скорее плохо, что сибирские города – это острова, потому что они не связаны в архипелаг, и мне было любопытно, что ни один из лидеров архитектуры сибирских городов, выступающих здесь, не связывает стиль, содержание, философию своих городов с другими сибирскими городами. И недаром как хотят, так и кроют политико-географическую карту Сибирского федерального округа. Новосибирск, крупный и уверенный город, никак не столица Сибири, а лишь местонахождение полпреда президента, который занимается чем угодно, но не развитием макрорегиона – его не существует.

Хочется призвать создать общесибирскую тематику – это касается не только архитекторов, урбанистов – об этом стоит говорить в более широком смысле.

Олег Рыбин У меня есть несколько зарисовок. Что вы знаете о России? А если говорить про географию пространства: Москва, Санкт-Петербург и Сибирь – и больше ничего. Например, Нижний Новгород – это там, где заканчивается русская возвышенность и начинается правый берег Оки и Волги. И когда мы выходим к Дому архитектора и памятнику Чкалова на Чкаловскую лестницу – мы видим этот простор. В 2010 году мы возили экспертов, выбирали место для стадиона, и реакция на это место была мощной: на незастроенной части Волги и до самого горизонта – это уже Сибирь! Возвращаясь к теме: главная особенность сибирского архипелага – это люди, которые умеют, любят, у них есть потребность двигаться, у них есть особая восприимчивость к чужой культуре, к мысли и т. д. Я родом из Северодвинска, ему еще ста лет нет, и туда со всей страны съехались люди строить подводные лодки. Я вижу движение в этом городе, по сути общежития в одном месте на базе общего дела – это и есть код, который я услышал сегодня от вас всех. Учитывая, что сейчас творится в Москве, полезно закрыться и сделать что-то свое. И показать всей стране и Москве в том числе, по-настоящему сибирский подход. Сибирь – это огромный архипелаг, который может показать,

как это взаимодействие может состояться, и ничего не потерять.

ЕГ Некоторые ключевые слова относительно сибирского кода у нас уже прозвучали: энергия, ландшафт... Возможно, сибиряки более свободный народ: многие из первопоселенцев сбежали из России в Сибирь от крепостной зависимости. Еще добавления в копилку ключевых слов: архипелаг «Сибирь», движение.

Алексей Чертилов Иркутск на самом деле – историческая столица. Напомним историю. После Тобольска Иркутск командовал всей Сибирью и Дальним Востоком; одно упоминание того, что в Иркутске было организовано адмиралтейство, чего стоит. Природа сибирская – сначала тайга, которая кормила всех пришельцев и аборигенное население, реки, климат, и после этого – все остальное. Сибирские богатства всем известны. Первое – это дерево: все города в Сибирии до середины XX века были деревянными; возникло уникальные деревянное зодчество. Возникло и сибирское барокко, камень вручную. С развитием деревянной городской архитектуры определился характер сибиряка, именно в архитектуре. Последнее: географически – страна Сибирия.

АГ Страна – опасное слово!

ПД Люди осознанно остаются здесь жить и не уезжают в мега-

полисы. Это говорит о том, что мы живем не в городах, мы живем в Сибири: в природе, тайге и т. д. Очень многие, уезжая, тоскуют по этому.

Алена Мочальникова Слово «природа» – оно есть везде, а вот слово «тайга» – оно по-настоящему сибирское.

ПД Термин «таежная цивилизация» мы пытаемся развивать в теме агломерации, туризма, горной сети.

ЕГ Добавилось слово «горная». Буквально вчера мы говорили о переключке Шерегеша, Соболиной горы, Бобрового лога.

В коллекцию ключевых слов к таежной цивилизации добавляю устойчивое словосочетание «зимний город». Зима – необычное время, известно, что большинство людей на планете живет в тропиках. Определенно должен быть особый подход к проектированию в нашей климатической зоне. Во всяком случае, мы исповедуем это в своей урбанистической практике.

ПД Новосибирск, по сути, не является столицей Сибири. В этом и состоит сибирский код: каждый сидящий здесь за круглым столом считает свой город столицей Сибири. Это очень интересно, так как это программное мышление. Сейчас недостаточно сделать классный фасад, недостаточно сделать классную планировку; надо придумать, кто,

что и как будет делать четыре сезона в здании и среде. Потому что проблема функционального насыщения и функционального программирования объектов, городов и территорий – то, чем мы занимаемся постоянно в условиях агрессивных сезонов. Поэтому мы можем научить других комплексному мышлению и способностью к самоорганизации. Мы все столичные города – Сибирь территория столиц.

ЕГ Неплохо сказано.

В завершение нашего разговора нельзя не отметить, что, благодаря обновленному, номадическому формату фестиваля ЗВС, мы познакомились с нашими сибирскими городами ближе, лучше понимаем их.

1

ГРАН-ПРИ

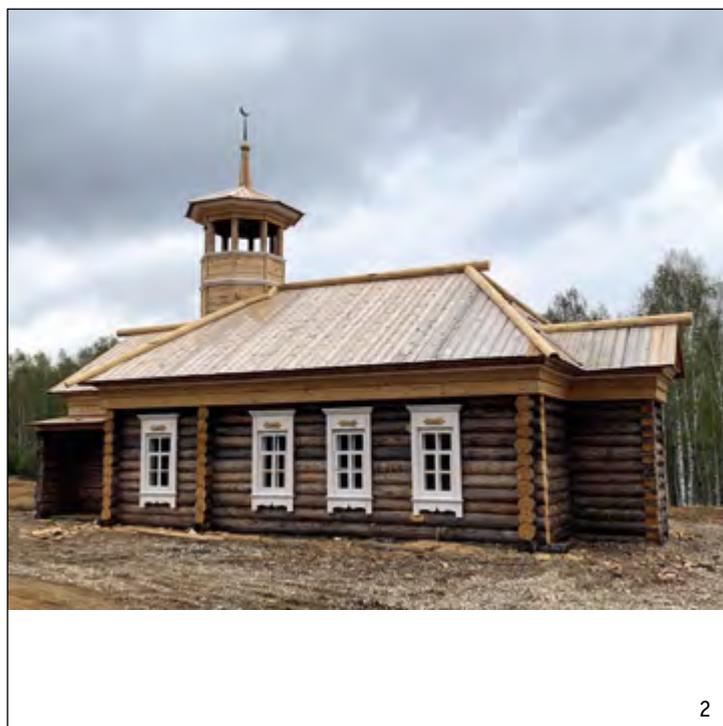
ЗОЛОТОЙ диплом номинации «Реконструкция»

1. Реконструкция комплекса зданий Томского областного суда по пер. Макушина, 8 в Томске.
 Авторы: С. Ю. Худяков, А. Б. Лоскутников, А. Ю. Гончаров, Д. Н. Кокорин, Р. Устиненко, О. Кандаурова, О. Лазо

Номинации «Реставрация»

2. ЗОЛОТОЙ диплом
 Здание Волостного правления и Татарской мечети на территории ИОГАУК АЭМ «Тальцы».
 Авторы: А. В. Поликарпочкин, Л. А. Захарова, Е. Р. Ладейщиков, И. В. Калинина, Е. А. Кузнецова, А. С. Захарова, А. Д. Кушкова, М. П. Борисова, Е. Н. Довгий, А. П. Ксенофонтов, А. М. Кибальник

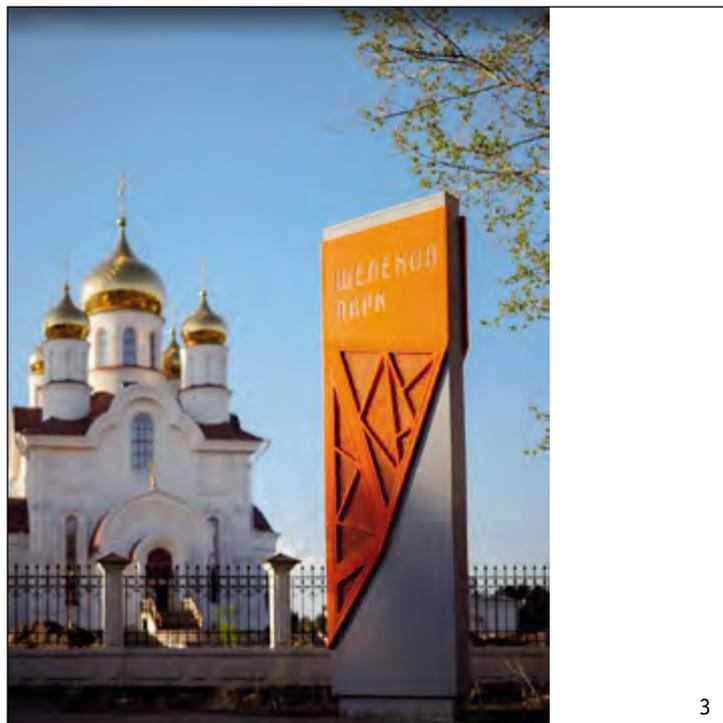
3. БРОНЗОВЫЙ диплом
 Ограда и главные въездные ворота усадьбы Бутина по адресу: г. Нерчинск, ул. Советская, 83.
 Авторы: А. В. Поликарпочкин, Л. А. Захарова, Е. А. Кузнецова, А. Д. Кушкова, М. П. Борисова, Е. Н. Довгий, А. П. Ксенофонтов, А. М. Кибальник

2

3

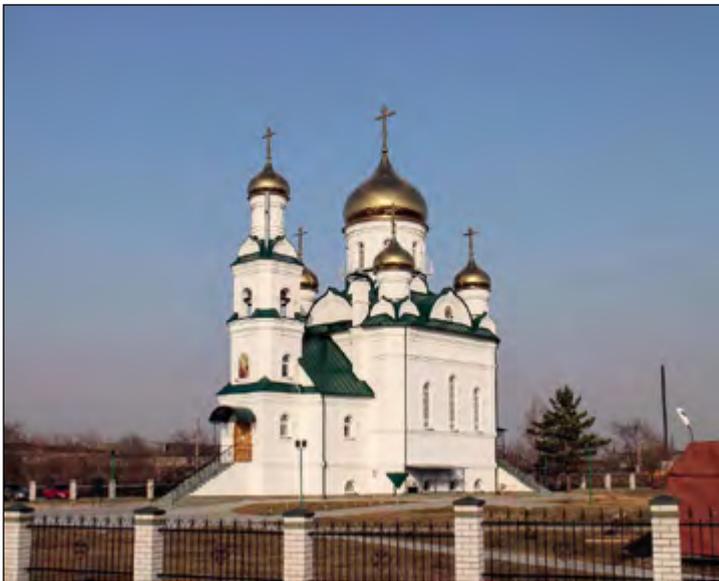
Номинация «Благоустройство»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Выставочный павильон для
мельничного колеса из деревни
Куртун Ольхонского района.
Авторы: А. К. Чертилов,
В. Ю. Вологжин, Т. Л. Якушева,
Д. Н. Орлов, С. В. Ананич,
С. Г. Перевозников, С. В. Сизых

2. БРОНЗОВЫЙ диплом
Сквер гидростроителей в Иркутске.
Авторы: А. И. Козак, Т. П. Данилова,
А. Р. Лекомцева, А. Р. Цыбенков,
Д. К. Тамаева, К. К. Золотухина,
А. П. Кренделев, М. И. Дюбенко,
Д. С. Козлова

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
«Шелехов парк». Городской парк в
границах улиц Центральный проспект
– Тимофея Панжина в г. Шелехове
Иркутской области.
Авторы: П. Заславская, А. Холявко,
Л. Хохлушина, Н. Боровикова,
А. Репина, Е. Кензина, Н. Беловежец,
С. Маяренков, А. Алешина,
М. Помазкина

4. Благоустройство общественной
территории «Парковая зона
микрорайона Зелёный».
Авторы: А. В. Горьков, О. Н. Смирнова,
К. Л. Голубев

1

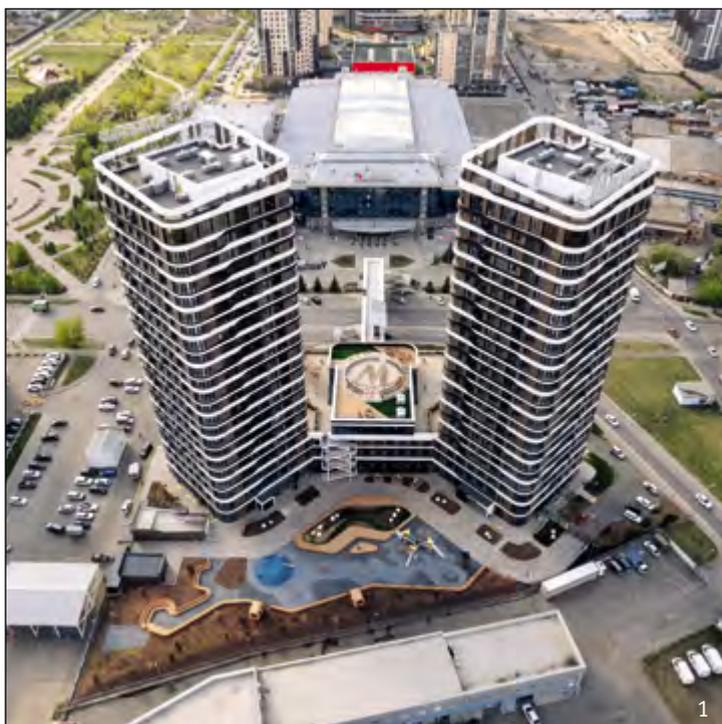
2

3

Номинация «Общественные и промышленные здания»

1. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Храм Спиридона Тримифунтского,
с. Санниково, Алтайский край.
Автор: К. Б. Храбрый
2. БРОНЗОВЫЙ диплом
Здание делового управления,
расположенное в Иркутском районе,
п. Новая Разводная, ул. Строителей, 1а.
Авторы: И. В. Козак, А. В. Хороших,
И. М. Кищенко
3. Многофункциональный центр
«ТНЕ ЕЛАНЬ»
Авторы: О. В. Лещинер, Ю. М. Аблеева,
И. Ю. Воронков, С. П. Шкабаров,
А. Д. Классен

Номинация «Жилые здания»

1. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом за объект «Жилой комплекс «Метрополис» в Красноярске.

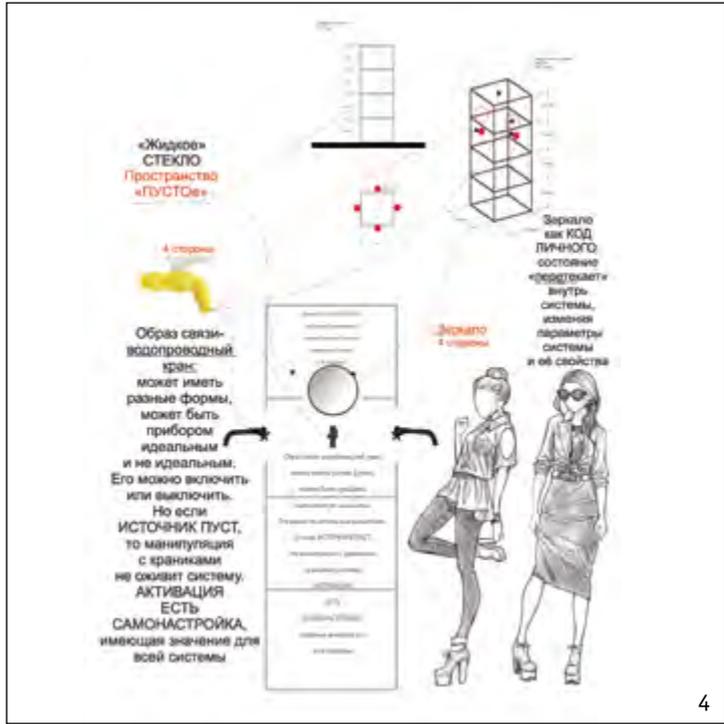
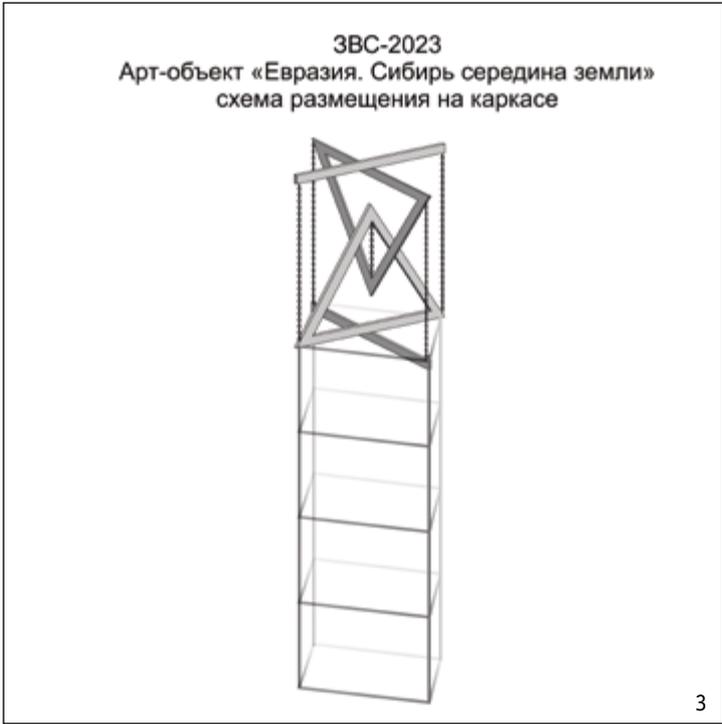
Авторы: Б. Б. Шаталов, А. Н. Кулаковский, А. В. Элли, С. А. Россиянская, Н. В. Волкова, Д. А. Афанасьева, А. М. Соков, И. В. Денисов, В. Э. Якубчук, Д. В. Соломатин, С. С. Савина, Е. В. Долженко, А. А. Ничипуренко

2. БРОНЗОВЫЙ диплом «Дом Спешилова» по ул. Сурикова в Иркутске.

Авторы: О. Б. Бадула, А. О. Щербина, Ю. П. Петрук

3. БРОНЗОВЫЙ диплом Индивидуальный жилой дом на берегу реки Ангары.

Автор: А. С. Матвеев

Номинация «Спецпроект»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Студенческий коллектив «КРУГ».
Авторы: А. Е. Мунгалова,
А. В. Григорьева, К. Поспелова,
Е. Вяткина, Г. Козин, П. Мерзлякин,
В. Кудрявцев

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Архитектурная мастерская REBRO,
дизайн-студия «Цепелин»

3. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Автор: А. Ю. Ладейщиков

4. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Автор: О. Н. Смирнова

1

2

4

5

3

Номинация «Концепция»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
 Концепция развития кластера в районе ул. А. Иванова в рамках проекта «Пространственное развитие кластеров университетского кампуса». Проект планировки территории.
 Авторы: С. Ю. Худяков, А. Ю. Гончаров, В. Г. Караваев, И. И. Левченко, Ю. Титова, И. В. Сидоркин, Н. А. Вертикова

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
 Архитектурно-градостроительная концепция прибрежной туристско-рекреационной зоны и санаторно-курортного комплекса в г. Александровске-Сахалинском Сахалинской области.
 Авторы: Г. А. Скрипник, В. Г. Караваев, В. А. Ефимкин, В. Н. Власов

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
 Концепция проекта Шуга. Архитектурно-художественный облик гостиницы с водно-оздоровительным центром и многофункциональным залом с благоустройством части территории набережной в микрорайоне Солнечный Иркутска.
 Авторы: А. С. Сергеев, Д. С. Галин, А. Д. Федоренко, А. А. Ильгнерова, С. В. Чащин

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
 Концепция благоустройства общественных пространств «Сердце железного города» в г. Железногорске-Илимском, Иркутской области.
 Авторы: Н. Коваль, В. Ставицкая, Д. Волохова, Л. Добрынина, Я. Столяр

5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
 Разработка концепции дизайн-проекта благоустройства территории жилого комплекса с подземной автостоянкой в Октябрьском районе Иркутска в границах улиц Верхняя Набережная и Дальневосточная.
 Авторы: А. И. Козак, Д. С. Финакова, Д. К. Тамаева, К. К. Золотухина, А. Б. Цыбенков.

1

3

2

Номинация «Градостроительство»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
ЭВРЗ. Комплексное развитие территории Электровагоноремонтного завода в Красноярске.
Авторы: Д. А. Афанасьева, Ю. Д. Барсукова, И. В. Денисов, В. В. Иванов, К. В. Исмагилов, А. С. Кушнир, И. В. Кушнир, В. А. Матюшкин, Е. В. Семченко, О. М. Успенская, Б. Б. Шаталов, А. В. Элли, Д. А. Ягутьева

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Архитектурно-градостроительная концепция развития территории «Знаменское предместье» в Иркутске.
Авторы: И. В. Козак, О. Г. Филиппова, В. Б. Стегайло, С. Б. Демков, М. В. Радчик, В. А. Хотулева, Р. А. Хотулев, А. А. Чинченкова, Д. В. Маргеева, И. В. Сенотрусов, А. А. Бутырина, О. Ю. Куцакова, А. И. Козак, А. Е. Шешукова, Т. П. Данилова, А. Р. Лекомцева, А. Г. Левашев, А. Ю. Михайлов, П. В. Ковшаров, при участии: А. М. Жукова

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Стратегический мастер-план. Генеральный план. Проекты комплексного развития Байкальска.

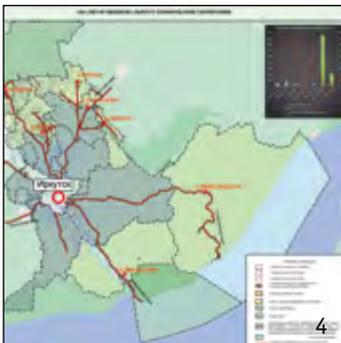
Авторы: А. А. Григоров, А. Б. Полтавский, Т. Л. Цыдыпов, Е. А. Орачевский, Д. С. Атанова, В. А. Чихарев, Б. З. Шаповалов, Т. Т. Магомедов, А. С. Якубов, А. Е. Ларин, О. Н. Пронина, Е. Б. Грачева, А. С. Ильин, Ф. В. Поляков, К. Л. Попова, И. В. Власенко, Н. В. Чичкан, А. В. Каширин, А. М. Гуськов, А. В. Поротников, А. А. Семиусова, М. В. Протасова, О. А. Собенникова, Н. В. Смирнов, А. Ю. Туктаров, И. А. Маринина, В. А. Григорьева, М. В. Горячая, А. М. Кукуруза, Я. Н. Соболевский, А. И. Кашпур, О. С. Злыгостева, Е. В. Протасова, С. О. Заславский, Д. И. Дисманович

4. Проект внесения изменений в Генеральный план Ревякинского муниципального образования Иркутского района Иркутской области

Авторы: О. А. Жданова, А. В. Минкина, С. В. Середёнкина, А. Г. Торопов

5. Проекты внесения изменений в Генеральные планы муниципальных образований Усть-Илимского района Иркутской области

Авторы: О. А. Жданова, А. В. Минкина, С. В. Середёнкина, А. Г. Торопов

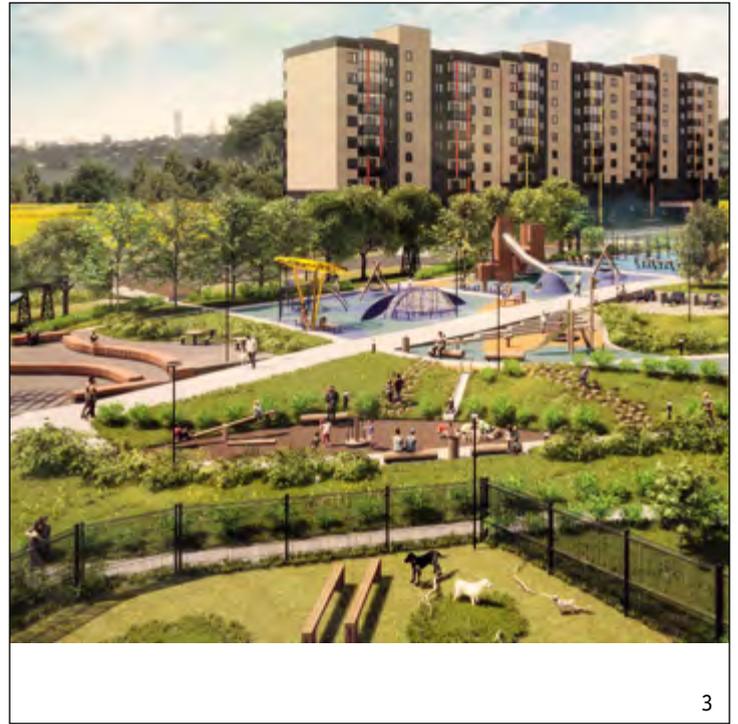
4

5

1

3

2

Номинация «Благоустройство»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Проект оздоровительного парка «87 га здоровой энергии».
Авторы: А. И. Козак, А. Е. Шешукова, Д. К. Тамаева, К. К. Золотухина, А. М. Жилкина, А. Р. Лекомцева, при участии: Д. С. Финакова, А. А. Бутырина

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Концептуальное решение по развитию парка отдыха «Экопарк» в Свирске «Гнездовье Белого Ворона».
Авторы: А. Г. Красильников, В. Б. Цоктоев, Е. А. Красильников, П. И. Макаренко, А. А. Зеленцова, Л. В. Казанцева, Е. В. Ватюкова, А. Б. Цыбенков, О. С. Ресенко, Д. К. Фальковский

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Благоустройство дворовой территории ЖК «Первый» в Братске.
Авторы: А. Г. Красильников, В. Б. Цоктоев, Е. А. Красильников, П. И. Макаренко, А. А. Зеленцова, Л. В. Казанцева, Е. В. Ватюкова, П. И. Макаренко, О. Г. Усов

4. Видовая площадка Красноярской ГЭС и благоустройство ее территории
Авторы: А. Д. Мякота, Л. В. Грибакина, Е. В. Елизарова

5. Проект благоустройства частного земельного участка в СНТ «Петровская слобода»
Авторы: О. Пантюхина, А. Репина, А. Алешина

6. Благоустройство парка на Каменке в Красноярске
Авторы: А. А. Емашкина, Н. А. Качаева, Ю. С. Оглоблина, Т. Н. Гатин, О. А. Червоненко, Е. А. Зыков, А. А. Чумичев, А. Р. Журавлева, при участии: П. В. Иванов, М. А. Быстрова, Н. А. Полкова

4

5

6

1

3

2

4

Номинация «Жилые здания»

1. ЗОЛОТОЙ диплом

Эскизный проект жилой застройки на земельном участке в границах улиц Советская, Партизанская.
Авторы: О. Б. Бадула, А. О. Щербина

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом

Социальный жилой дом на 8 квартир в Ужурском районе Красноярского края.
Авторы: И. А. Орестов, А. С. Коржов, О. Л. Лисицина

3. БРОНЗОВЫЙ диплом

Проект индивидуального жилого дома «Fegp», общей площадью 190 м², расположенного по адресу: Иркутск, 17-й км. Байкальского тракта, п. Еловый.
Автор: А. С. Клементьев

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом

Многokвартирный жилой дом с подземной стоянкой автомобилей в 605 квартале Благовещенска.
Авторы: А. П. Былков, Р. И. Валеев, Э. О. Добрачева, Н. А. Быцко

1

3

2

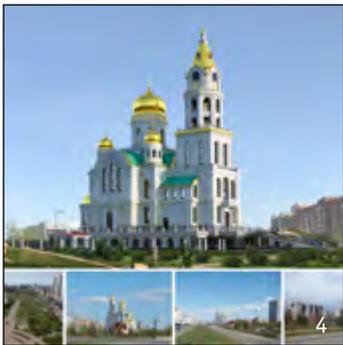
Номинация «Общественные и промышленные здания»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Визит-центр базы отдыха «Эдельвейс» в горном урочище Ергаки, Ермаковский район Красноярского края.
Авторы: И. В. Авласко, Е. В. Чернова, В. В. Березинский, Ю. Е. Носовец, М. М. Писанина, Е. А. Зыков, К. Г. Петров, А. А. Чумичев, А. Р. Журавлева

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Гостиничный комплекс**** с объектами обслуживания. Сектор «В». Горнолыжный курорт Шерегеш. Кемеровская область – Кузбасс.
Авторы: С. Зыков, В. Адаев, О. Оголь.

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Трамплин К-50 с сопутствующей инфраструктурой для проведения тренировочных занятий и соревнований по лыжным видам

спорта в г. Сортавала, Республика Карелия.
Авторы: Л. В. Десятов, А. С. Климов, А. Н. Бахарев, Е. Н. Дробышева, О. А. Шипицына, Д. В. Кошук, Е. С. Кузьмина, Н. Э. Самойленко

4. Собор двух святителей: Святого Николая Чудотворца и Святого Спиридона Тримифунтского с инженерной инфраструктурой по адресу: Красноярск, ул. Весны.
 Авторы: Л. Г. Макарова, Р. М. Кушаев, Е. С. Царева, В. А. Тарасенко, Н. В. Рашитов

6. Учебно-тренировочный комплекс, включающий в себя универсальное спортивное поле с навесом и вспомогательными помещениями в г. Железногорске-Илимском, ул. 8-й квартал, Иркутская область.
 Авторы: Н. Коваль, Е. Винкова, И. Коркин, Н. Рашева

7. Остановочный павильон для междугородних автобусов с залом ожидания, Железногорск-Илимский, Иркутская область.
 Авторы: Н. Коваль, Д. Волохова, Я. Столяр

5. МБУ ШР спортивная школа «Юность» в г. Шелехове.
 Авторы: А. А. Власов, Р. И. Валеев, Е. Б. Стрелков

8. Центральная районная больница г. Алейска, Алтайский край.
 Авторы: И. А. Орестов, О. И. Дубровский, В. А. Зайцев, Е. А. Мещерякова, А. С. Карачева, Н. Ю. Кристаллович, Е. И. Дудникова

9. Многофункциональный комплекс спортивного и культурного назначения в Красноярске.
 Авторы: А. Н. Спиридонов, И. А. Орестов, Н. С. Попова, В. А. Зайцев, Е. А. Спиридонов

10. Детский сад на 150 мест в Иркутске.
 Авторы: Ю. А. Лисовая, Л. В. Фадюшина, К. И. Ходыкина, А. А. Диденко, Е. Б. Стрелков

1

2

Номинация «Реставрация»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Выявленный объект культурного наследия: «Дом Корюхова», нач. XX в., по адресу: Иркутск, ул. Горького, 12, лит. А, а1, а2, а3.
Авторы: А. В. Поликарпочкин, Л. А. Захарова, Е. А. Кузнецова, А. Д. Кушкова, М. П. Борисова, Е. Н. Довгий, А. П. Ксенофонтов, А. М. Кибальник

2. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Объект культурного наследия федерального значения: «Дом жилой (дер.)», 1880-е гг., по адресу: Иркутск, ул. Б. Хмельницкого, 9а.
Авторы: А. В. Поликарпочкин, Л. А. Захарова, Е. А. Кузнецова, А. Д. Кушкова, М. П. Борисова, Е. Н. Довгий, А. П. Ксенофонтов, А. М. Кибальник

3

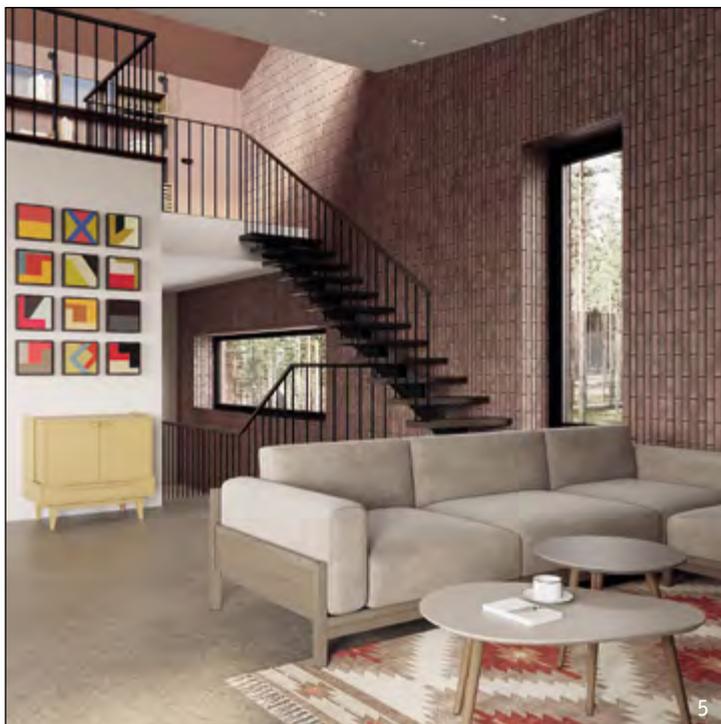

4

Номинация «РЕКОНСТРУКЦИЯ»

3. Реконструкция здания склада сырья №4 под многофункциональное креативное пространство Сибирского института креативных индустрий по адресу: Красноярск, Красной Армии, д. 10.
Авторы: А. Н. Спиридонов, И. А. Орестов, Н. С. Попова, В. А. Зайцев, Е. А. Спиридонов

4. Реконструкция нежилых зданий под многофункциональное, деловое и обслуживающее здание по адресу: Томск, ул. Гагарина, 18.
Автор: Е. А. Дорогин

5

Номинация «Интерьеры»

5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Интерьер частного жилого дома «Fetp», общая площадь: 190 м², адрес: Иркутск, 17 км Байкальского тракта, п. Еловый.
Авторы: Е. Е. Клементьева, А. С. Клементьев

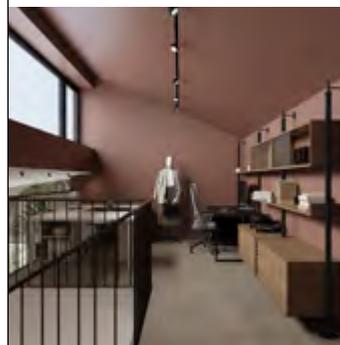
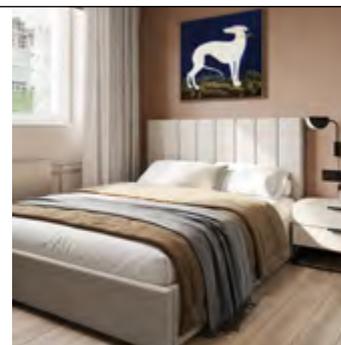

1

Номинация «Творчество архитектурных коллективов и мастерских»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
за портфолио работ
ООО «Кооперативная Проектная
Мастерская А-2».
Руководитель: Б. Р. Шаталов

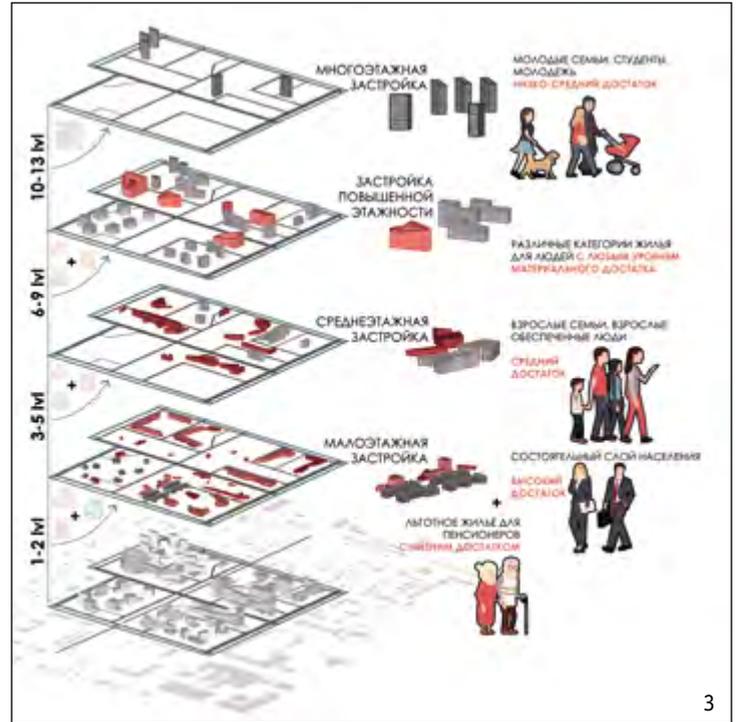
2. ПОЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
за портфолио работ Архитектурное
бюро «Kvadr Architect».
Авторский коллектив:
А. С. Клементьев, Е. Е. Клементьева

2

1

3

2

4

Номинация «Курсовая работа»

1. ЗОЛОТОЙ диплом за работы: «Гостиница на 300 мест», «Бассейн на 1000 посетителей». Автор: М. Ю. Сарычев. Рук.: С. М. Ремарчук

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом Код Сибири. Пространства идентичности. Цикл работ студенческого НПЦ формирования предметно-пространственной среды. Авторы: В. Баранова, М. Бурдуковская, В. Забелина, В. Конькова, А. Леушкина, А. Тарасова, А. Хайрутдинова, В. Верниковская, М. Мельниченко. Рук.: О. Е. Железняк, М. В. Корелина, А. В. Лукьянова, И. В. Дьяченко

3. БРОНЗОВЫЙ диплом Развитие застроенных территорий Благовещенска (кварталы 178, 179, 186, 187). Автор: Д. Е. Соснин. Рук.: В. В. Распутин

4. ПООЦРИТЕЛЬНЫЙ диплом «ГОРОД и РЕКА» концепция формирования жилой среды на прибрежных территориях Красноярска Автор: А. В. Семченко. Рук.: И. Г. Федченко, Н. А. Полкова, К. В. Камалова, Я. В. Осадчая

5

5. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ** диплом за серию работ. Архитектурное проектирование: «Общественное здание с зально-ячейковой структурой, «Малое промышленное здание (паркинг на 300 машиномест в Томске)». Рисунок: «Вид на рынок с улицы Ленина в Выборге», «Рисунок гипсового слепка головы Геракла», «Архитектурная фантазия – Многоэтажный комплекс-лаборатория доктора Хайнца», «Архитектурная фантазия – Встреча измерений». Живопись: «Натюрморт с синим кувшином», «Двухуровневый натюрморт в земляных тонах»; «Интерьерный натюрморт в контражуре с гипсовой головой Геракла». Автор: И. С. Дикальчук. Рук.: О. А. Глушенкова, Ю. М. Аблеева

6

6. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ** диплом Культурно-досуговый центр с благоустройством общественно-рекреационного пространства по ул. Краузе, Новосибирск. Автор: Д. А. Пенкина. Рук.: О. А. Голубева, Ю. Е. Нижегородцева

Номинация Молодые архитекторы

7. **СЕРЕБРЯНЫЙ** диплом К. Н. Шарыгин

8. **СЕРЕБРЯНЫЙ** диплом авторскому коллективу XVII Всероссийского архитектурного фестиваля «АрхБухта. Преломление». Авторы: К. Гранина, Г. Казаков, Д. Нащева, М. Пузырева, О. Фомина, А. Чичкань. Рук.: Р. Малинович

7

8

1

3

2

Номинация «Дипломная работа»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Проект развития Пушкинского музея-заповедника в Пушкиногорском районе Псковской области.
Автор: А. А. Глотова.
Рук.: А. И. Клименко

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Научно-исследовательский комплекс в Арктике.
Автор: М. Ю. Сарычев.
Рук.: С. М. Ремарчук

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
«Город на воде» в жилом районе Березняковский в Тюмени.
Автор: В. Р. Гафарова
Рук.: И. Г. Минулин

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Интеграция объектов промышленного наследия в современную структуру Томска.
Автор: В. И. Елизарова.
Рук.: В. В. Муленок

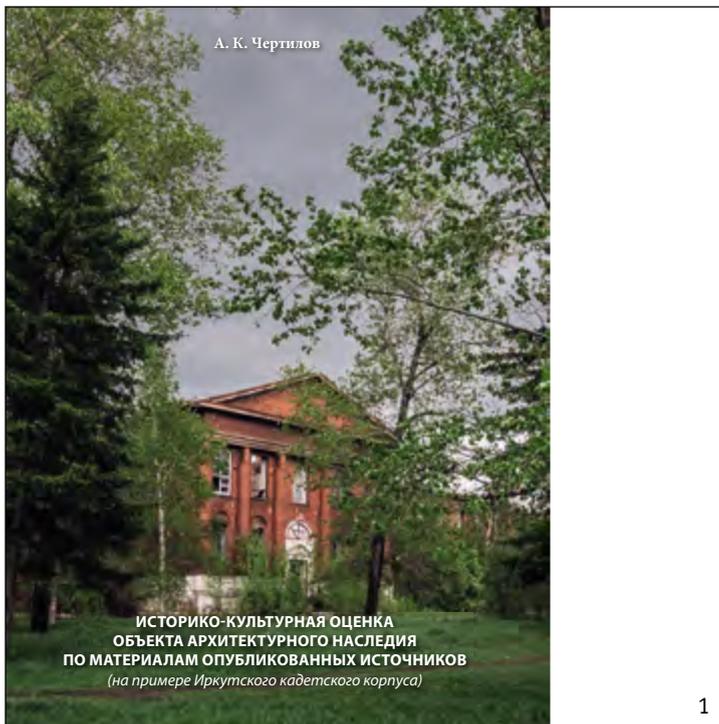
5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Конверсия комплекса зданий ликеро-водочного завода «Кедр» в креативный кластер в Иркутске.
Автор: О. А. Фомина.
Рук.: И. Е. Дружинина

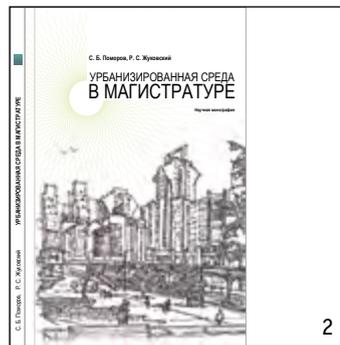
4

5

1

2

3

5

Номинация «Исследовательская деятельность»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Учебное пособие «Историко-культурная оценка объекта архитектурного наследия по материалам опубликованных источников (на примере Иркутского кадетского корпуса)».
Автор: А. К. Чертилов

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Монография «Урбанизированная среда в магистратуре».
Автор: С. Б. Поморов

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Монография «Иркутский архитектор К. В. Миталь: от модерна к постконструктивизму».
Автор: В. Г. Лисицин

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Каталог «Сквозь череду столетий... Архитектурное наследие Прибайкалья в творчестве молодых художников: каталог».
Автор: А. И. Кулаков

Номинация «Архитектурно-просветительская деятельность»

5. ЗОЛОТОЙ диплом
Учебное пособие: «Архитекторы Иркутской организации СА в истории архитектуры и градостроительства региона. Авторский курс».
Автор: Е. А. Дружинина

1

2

3

4

5

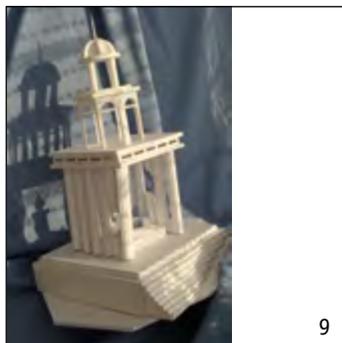
6

7

8

9

1. ЗОЛОТОЙ диплом
СПТ «Контур» Новосибирска,
преп. Е. А. Польская, А. Ю. Гончаров,
А. А. Кабаков, П. Д. Баннова,
И. С. Поляков, А. В. Бухрякова,
О. С. Каргапольцева, М. Н. Гнучевская

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
ДАХШ «КВАДРАТ» Иркутска,
преп. И. Э. Маклакова, Н. Д. Орешкин,
Е. А. Матель, С. А. Баркалова,
Е. С. Пилипенко, Е. А. Нижегородцева

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида» Иркутска,
преп. Н. В. Ремизова, В. М. Таран,
М. О. Бычкова, М. Ю. Плотников,
Ю. О. Поднебесова, Е. А. Гладкова,
М. В. Брянская, Н. В. Шестопалова,
Л. В. Козлова, Л. Н. Васюнькина,
М. В. Иванова, Е. А. Выборова,
У. О. Кручинина, А. А. Потапова,
Е. Г. Павлова, Т. В. Горохова,
О. В. Митюкова

4. Диплом
Музей кулайской культуры.
Автор: В. Д. Мутылин,
преп. А. Ю. Гончаров, А. А. Кабаков,
СПТ «Контур», Новосибирск

5. Диплом
Восстановление деревянной усадьбы
мещанина Акулова по адресу: Томск,
ул. Гоголя, дома № 14, 14а, 14/3, 14/4
и 14/6.
Автор: В. Д. Онищенко, 15 лет,
преп. О. Ф. Титова, Томск

6. Диплом
Н. Д. Орешкину, преподавателю
детской АХШ «КВАДРАТ», Иркутск

7. Диплом
А. Ю. Гончарову, преподавателю
СПТ «Контур», Новосибирск

8. Диплом
Мой современный город.
Автор: Денис Алексеев, 9 лет,
преп. А. А. Алексеев,
ДАС «КОМПОЗИЦИЯ» при ООО «ГРИН
СФИЭР ПРАДЖЕКТ», Улан-Удэ

9. Диплом за работы:
Башня «Авангард»,
автор Мария Байдина, 16 лет;
Фонтан «Краски»,
автор Екатерина Вологжина, 16 лет;
«Народы севера Сибири»,
автор Виктория Карпенко, 16 лет;
«Природа Сибири»,
автор Кристина Кузнецова, 16 лет;
«Под толщей вод...»,
авторы Мария Калеева, 16 лет,
Ирина Мальцева, 16 лет,
Мария Недосекина, 16 лет,
преп. И. С. Бусурманова, МАУ ДО
«Объединенная детская школа
искусств №3», Братск

1

2

3

Конкурс «Сибирский код»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
за серию работ студии архитектуры
и дизайна «Радуга» при МБОУ
«Средняя общеобразовательная
школа с углубленным изучением
отдельных предметов №14»
г. Иркутска,
преп. Н. С. Дудоровская,
Ю. С. Ваганова

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
за серию работ ЦДТ архитектуры
и дизайна «Пирамида» г. Иркутска,
преп. Н. В. Ремизова, В. М. Таран,
М. Ю. Плотников, Е. А. Гладкова,
М. В. Брянская, Н. В. Шестопалова,
Л. Н. Васюнькина, Е. А. Выборова,
У. О. Кручинина

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
за серию работ детской студии
дизайна и архитектуры «СПЕКТР»
г. Иркутска,
преп. А. В. Пахатинский,
А. В. Пахатинская

Постройки

Афанасьева Д. А.
Аблеева Ю. М.
Алешина А.
Ананич С. В.
Бадула О. Б.
Борисова М. П.
Боровикова Н.
Беловежец Н.
Волкова Н. В.
Воронков И. Ю.
Вологжин В. Ю.
Гончаров А. Ю.
Горьков А. В.
Голубев К. Л.
Денисов И. В.
Долженко Е. В.
Довгий Е. Н.
Данилова Т. П.
Дюбенко М. И.
Захарова Л. А.
Захарова А. С.
Заславская П.
Золотухина К. К.
Козак И. В.
Козак А. И.
Кулаковский А. Н.
Кищенко И. М.
Классен А. Д.
Кокорин Д. Н.
Кандаурова О.
Калинина И. В.
Кузнецова Е. А.
Кушкова А. Д.
Ксенофонтов А. П.
Кибальник А. М.
Кензина Е.
Кренделев А. П.
Козлова Д. С.
Лещинер О. В.
Лоскутников А. Б.
Лазо О.
Ладейщиков Е. Р.
Лекомцева А. Р.
Матвеев А. С.
Маяренков С.
Ничипуренко А. А.
Орлов Д. Н.
Петрук Ю. П.
Поликарпочкин А. В.
Помазкина М.
Перевозников С. Г.
Российская С. А.
Репина А.
Соков А. М.
Соломатин Д. В.
Савина С. С.
Смирнова О. Н.
Сизых С. В.
Тамаева Д. К.
Устиненко Р.
Храбрых К. Б.
Хороших В. В.
Худяков С. Ю.
Холявко А.
Хохлушина Л.
Цыбенков А. Р.
Чертилов А. К.
Шаталов Б. Б.
Шкабаров С. П.
Щербина А. О.
Элли А. В.
Якубчук В. Э.

Якушева Т. Л.

Спецпроект

Вяткина Е. И.
Григорьева А. В.
Козин Г. А.
Ладейщиков А. Ю.
Мерзлякин П. Л.
Мунгалова А. Е.
Поспелова К. С.
Синчурина В. М.
Смирнова О. Н.
Швелёва А. А.

Проекты

Авласко И. В.
Адаев В.
Алешина А.
Атанова Д. С.
Афанасьева Д. А.
Бадула О. Б.
Барсукова Ю. Д.
Бахарев А. Н.
Березинский В. В.
Борисова М. П.
Бутырина А. А.
Былков А. П.
Быстрова М. А.
Быцко Н. А.
Валеев Р. И.
Ватюкова Е. В.
Вертикова Н. А.
Винкова Е.
Власенко И. В.
Власов А. А.
Власов В. Н.
Волохова Д.
Галин Д. С.
Гатин Т. Н.
Гончаров А. Ю.
Горячая М. В.
Грacheва Е. Б.
Грибакина Л. В.
Григоров А. А.
Григорьева В. А.
Гуськов А. М.
Данилова Т. П.
Демков С. Б.
Денисов И. В.
Десятков Л. В.
Диденков А. А.
Дисманович Д. И.
Добрачева Э. О.
Добрынина Л.
Довгий Е. Н.
Дорогин Е. А.
Дробышева Е. Н.
Дубровский О. И.
Дудникова Е. И.
Елизарова Е. В.
Емашкина А. А.
Ефимкин В. А.
Жданова О. А.
Жилкина А. М.
Жуков А. М.
Журавлева А. Р.
Зайцев В. А.
Заславский С. О.
Захарова Л. А.
Зеленцова А. А.
Злыгостева О. С.
Золотухина К. К.
Зыков Е. А.
Зыков Сергей
Иванов В. В.

Иванов П. В.
Ильгнерова А. А.
Ильин А. С.
Исмагилов К. В.
Казанцева Л. В.
Караваяв В. Г.
Карачева А. С.
Качаева Н. А.
Каширин А. В.
Кашпур А. И.
Кибальник А. М.
Клементьев А. С.
Клементьева Е. Е.
Климов А. С.
Коваль Н.
Ковшаров П. В.
Козак А. И.
Козак И. В.
Коржов А. С.
Коркин И.
Кощук Д. В.
Красильников А. Г.
Красильников Е. А.
Кристаллович Н. Ю.
Ксенофонтов А. П.
Кузнецова Е. А.
Кузьмина Е. С.
Кукуруза А. М.
Куцакова О. Ю.
Кушаев Р. М.
Кушкова А. Д.
Кушнир А. С.
Кушнир И. В.
Ларин А. Е.
Левашев А. Г.
Левченко И. И.
Лекомцева А. Р.
Лисицина О. Л.
Лисова Ю. А.
Магомедов Т. Т.
Макаренко П. И.
Макарова Л. Г.
Маргеева Д. В.
Маринина И. А.
Матюшкин В. А.
Мещерякова Е. А.
Минкина А. В.
Михайлов А. Ю.
Мякота А. Д.
Носовец Ю. Е.
Оглоблина Ю. С.
Оголь О.
Орачевский Е. А.
Орестов И. А.
Пантюхина О.
Петров К. Г.
Писанина М. М.
Поликарпочкин А. В.
Поляков Ф. В.
Попкова Н. А.
Попова К. Л.
Попова Н. С.
Поротников А. В.
Потавский А. Б.
Пролина О. Н.
Протасова Е. В.
Протасова М. В.
Радчик М. В.
Рашева Н.
Рашитов Н. В.
Репина А.
Ресенко О. С.
Самойленко Н. Э.

Семиусова А. А.
Семченко Е. В.
Сенотрусов И. В.
Сергеев А. С.
Середёнкина С. В.
Сидоркин И. В.
Скрипник Г. А.
Смирнов Н. В.
Собенникова О. А.
Соболевский Я. Н.
Спиридонов А. Н.
Спиридонов Е. А.
Ставицкая В.
Стегайло В. Б.
Столяр Я.
Стрелков Е. Б.
Тамаева Д. К.
Тарасенко В. А.
Титова Ю.
Торопов А. Г.
Туктаров А. Ю.
Усов О. Г.
Успенская О. М.
Фадюшина Л. В.
Фальковский Д. К.
Федоренко А. Д.
Филиппова О. Г.
Финакова Д. С.
Ходыкина К. И.
Хотулев Р. А.
Хотулева В. А.
Худяков С. Ю.
Царева Е. С.
Цоктоев В. Б.
Цыбенков А. Б.
Цыдыпов Т. У.
Чащин С. В.
Червоненко О. А.
Чернова Е. В.
Чинченкова А. А.
Чихарев В. А.
Чичкан Н. В.
Чумичев А. А.
Шаповалов Б. З.
Шаталов Б. Б.
Шешукова А. Е.
Шипицина О. А.
Щербина А. И.
Элли А. В.
Ягутьева Д. А.
Якубов А. С.

Творчество архитектурных коллективов и мастерских
Клементьев А. С.
Клементьева Е. Е.
Шаталов Б. Б.

Пропаганда архитектуры
Дружинина И. Е.
Жуковский Р. С.
Кулаков А. И.
Лисицин В. Г.
Поморов С. Б.
Чертилов А. К.

Молодые архитекторы и студенты
Абышкина А. Е.
Александренко П. С.
Андропова Д. Д.

Аникина В. С.
Баранова В.
Богомазова В. А.
Бортникова Д. И.
Будник О. С.
Бурдуковская М.
Верниковская В.
Власенко П. А.
Власова Е. Л.
Волкова Е. А.
Габитова В. В.
Гафарова В. Р.
Гафарова Д. Р.
Глотова А. А.
Голубева М. Б.
Гранина К.
Грекова К. Д.
Гурская А. В.
Давыдова А. Е.
Дикальчук И. С.
Дмитроченко Д. А.
Елгина В. Р.
Елизарова В. И.
Еременко Е. В.
Ерохин Я. А.
Жехов С. Д.
Забелина В.
Завалевская Д. Е.
Зудилова У. А.
Казаков Г.
Касимова А. В.
Киндт В. В.
Кинова Е. А.
Коломина А. А.
Конькова В.
Коркина С. А.
Кочеров М. С.
Кошечкина А. С.
Красильникова Д. Н.
Кугот Е. В.
Кузнецов Д. С.
Кузнецова А. В.
Ладутько М. Д.
Лапина Ю. В.
Леушкина А.
Лубенец Е. В.
Луговых Б. В.
Мавропулос В. С.
Мазурова Я. Ф.
Максимчук М. В.
Малинович Р.
Мальгина Д. А.
Мамскова Д. Д.
Манжиль А. А.
Матвеева Е. А.
Мельниченко М.
Меновщикова Д. А.
Нащеева Д.
Нащеева Д. А.
Николаева А. А.
Панагушин П. О.
Пенкина Д. А.
Поспелов Д. Э.
Постникова И. А.
Поступайленко А. Г.
Поступайленко Д. А.
Потапова В. М.
Пузырева М.
Пупков М. А.
Рубанова М. И.
Рыкова А. А.
Саакян К. Д.
Сарычев М. Ю.

Сахарова С. Е.
Семченко А. В.
Скворцова С. А.
Скорородова А. С.
Соснин Д. Е.
Соснина А. В.
Тарасова А.
Тимкина В. А.
Томилова А. Д.
Ульяницкая А. А.
Фомина О. А.
Хайрутдинова А.
Ходькина Л. М.
Чекушева А. С.
Черневич А. О.
Чичкань А.
Шагинян Г. Г.
Шарыгин К. Н.
Ширяева А. С.
Щегловский Д. А.
Эйрих Я. Е.
Югай В. В.
Юдина И. А.
Яброва Е. Д.
Яцко А. В.

Детское архитектурно-художественное творчество

Алексеев А. А.
Баннова П. Д.
Баркалова С. А.
Брянская М. В.
Бычкова М. О.
Бусурманова И. С.
Бухрякова А. В.
Ваганова Ю. С.
Васюнкина Л. Н.
Выборова Е. А.
Гладкова Е. А.
Гончаров А. Ю.
Горохова Т. В.
Гнучевская М. Н.
Дудоровская Н. С.
Иванова М. В.
Кабаков А. А.
Каргапольцева О. С.
Козлова Л. В.
Кручинина У. О.
Маклакова И. А.
Матьер Е. А.
Митюкова О. В.
Нижегородцева Е. А.
Орешкин Н. Д.
Павлова Е. Г.
Пахатинская А. В.
Пахатинский А. В.
Пилипенко Е. С.
Плотников М. Ю.
Поднебесова Ю. О.
Польская Е. А.
Поляков И. С.
Потапова А. А.
Ремизова Н. В.
Таран В. М.
Титова О. Ф.
Шестопалова Н. В.

гений места и времени /
genius of place and time

Рассмотрены понятия Гения места (Genius Loci) и Духа времени (Zeitgeist). Показаны противоречия между этими двумя образами и их влияние на развитие архитектуры. Сделан вывод о том, что преобладание Гения места формирует тяготение к оседлости и разнообразию локальных архитектурных форм. Преобладание Духа времени стимулирует развитие единообразных международно-архитектурных стилей, игнорирующих особенности пейзажа и ландшафта. В течение двадцатого века развитие архитектуры в основном формировалось в русле Духа времени, что породило множество «маленьких стилей», каждый из которых агрессивно претендует на преобладающую, монопольную роль в глобальном масштабе, но фактически существует очень недолго и быстро сменяется следующим модным стилем, столь же короткоживущим. Последний «большой» стиль, опирающийся на глубокую философскую и мировоззренческую базу, – это стиль «брутализм – деконструктивизм», который смог достичь равновесия между Гением места и Духом времени.

Ключевые слова: архитектура; урбанизм; история; стиль; Гений места; Дух времени./

The article considers the concepts of Genius Loci and Zeitgeist and shows the contradictions between these two aspects and their influence on the development of architecture. It is concluded that the predominance of the Genius of Place forms a gravitation towards sedentarisation and diversity of local architectural forms. The predominance of the Spirit of the Time stimulates the development of uniform international architectural styles that ignore the peculiarities of landscape and scenery. During the twentieth century, the development of architecture was mainly shaped by the Spirit of Time, which gave rise to a multitude of “small styles”, each of which aggressively claims a dominant, monopolistic role on a global scale, but actually exists for a very short time and is quickly replaced by the next fashionable style, equally short-lived. The last “big” style built on a deep philosophical and attitudinal basis is the style of “brutalism – deconstructivism”, which was able to achieve a balance between the Genius of Place and the Spirit of the Time.

Keywords: architecture; urbanism; history; style; Genius Loci, Zeitgeist.

Genius Loci и/или Zeitgeist? / Genius Loci and/or Zeitgeist?

текст

Константин Лидин
Федерация «Союз
соотечественников»,
София, Болгария

text

Konstantin Lidin
Federation of Fellow
Citizens (Sofia, Bulgaria)

Введение

Ставя рядом понятия гения места и времени, мы понимаем огромную разницу между этими образами.

Гений места, Genius Loci, имеет происхождение вполне божественное. Наряду с духами предков (пенатами) и духами домашнего очага (ларами), Гений места был предметом почитания уже в античности. Поэт и близкий друг Исаака Ньютона Александр Поуп, который вернул этот образ в европейскую культуру в XVII веке, полагал Гения места владыкой искусств. Гений места создает пейзаж, гармоничный и прекрасный. Лишь затем приходит человек и перенимает, как может, у природной среды основные представления о красоте и гармонии. В стихотворении «Четвертая эпистола Ричарду Бойлу, графу Бёрлингтону» Поуп прямо указывает Гения места в качестве учителя всех человеческих искусств:

*Пусть гений места даст тебе совет;
Тот, кто потока направляет след,
Иль гордый холм поднимет до небес,
Иль обратит в театр уступов дольных срез;
Мелькнет в селе, займет полян широкий вид,
Соединит леса, а краски оттенит;
То разорвет, а то направит линий строй,
Художник роц твоих, работ твоих герой.*

Перевод Б. Соколова

Дух времени, Zeitgeist – образ, который впервые обозначил Иоганн Вольфганг Гёте, причем в совершенно негативном смысле. В первой сцене «Фауста» (диалог Фауста и Вагнера) снедаемый сарказмом доктор говорит ученику:

*А то, что духом времени зовут,
Есть дух профессоров и их понятий,
Который эти господа нехотят
За истинную древность выдают.
Как представляем мы порядок древний?
Как рухлядь заваленный чулан,
А некоторые еще плачевней, –
Как кукольника старый балаган.
По мнению некоторых, наши предки
Не люди были, а марионетки.*

Перевод Б. Пастернака

В нескольких словах Гете перечисляет все характерные черты Zeitgeist. Его суть формулируют интеллектуалы, причем именно признанные, социально успешные и авторитетные (профессора). Дух времени является продуктом общего согласия, это феномен массового сознания. Дух времени привязан к своему времени, он обладает властью и силой только внутри своей эпохи (так же, как Гений места силен только в своем месте). Наконец, Дух времени пренебрежительно и даже презрительно относится к духам всех других времен, особенно из прошлого, и считает их никуда не годной рухлядь.

Современные словари трактуют Дух времени в более уравновешенном и рациональном ключе. Он отождествляется с главенствующими представлениями о мире, о красоте и разумности – с тем, что можно обозначить как «мейнстрим». Но, несмотря на политкорректную терминологию, основные свойства Духа времени остаются такими же, как в описании Гёте.

1. Потерянное равновесие и Новые номады

Очевидно, Genius Loci и Zeitgeist противоположны по своим основным свойствам и устремлениям. Гений места опирается на нечто неизменное (или, во всяком случае, меняющееся по человеческим меркам очень медленно). Гений места – источник божественной, над-человеческой гармонии и равновесия. Каждый из Гениев места привязан к своей точке на поверхности Земли и не претендует на чужие территории. Приверженность Гению места – это оседлость и горожанство [1].

Напротив, Дух времени переменчив и непостоянен, он играет в какую-то стремительную игру со сменой масок и обликов. Эти маски зачастую приобретают гротескный и причудливый характер, подчиняясь сиюминутным крайностям моды; образы духа времени становятся диссонансными и раздражающими. Дух каждого времени агрессивен, он претендует на титул самого лучшего и единственно верного, вплоть до яростной борьбы с предшественниками. Преобладание Духа времени – это номадическая страсть к перемене мест, жажда странствий, неукорененность.

На протяжении всего двадцатого века и в первой четверти века нынешнего Дух времени доминирует самым

> Рис. 2. В 1958 году был опубликован план децентрализации Токио. План должен был решить проблемы стремительно растущего мегаполиса, который позже превратился в мегалополис Токайдо и вместил половину населения страны. Проект Кэнзо Тангэ предлагал концепцию городского каркаса, состоящего из сети наземных и подземных дорог. Промежутки между ними заполняли меняющиеся, гибкие и трансформирующиеся массивы застройки. Большое значение уделялось инициативе жителей и тому, что позже получило название «партисипативное проектирование»

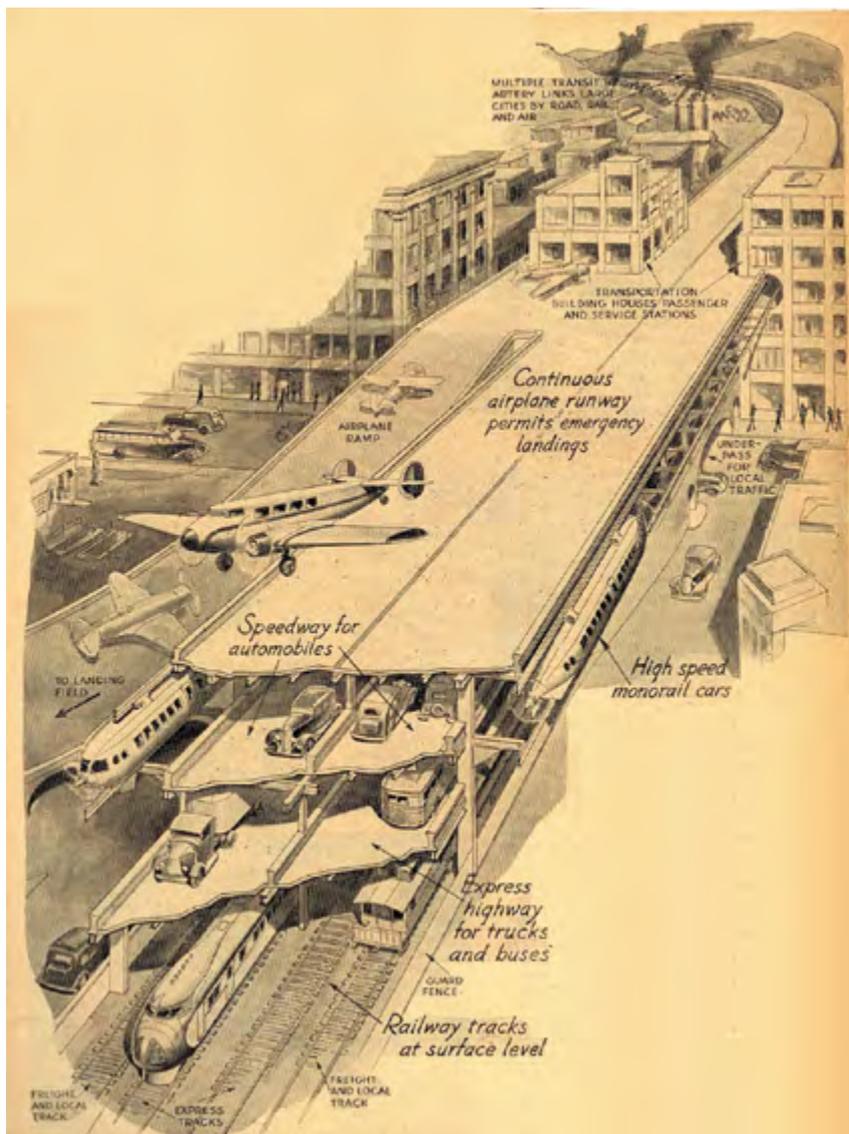

решительным образом. Начало этого процесса, очевидно, приходится еще на восьмидесятые годы девятнадцатого столетия. Когда железные дороги кардинально изменили мировосприятие людей и связали воедино огромные пространства, стали возникать идеи «странствующих городов». В 1910 году Эдгар Шамблесс (Edgar Chambless) опубликовал книгу Roadtown, в которой обосновал проект города-поезда, состоящего из вагонов-квартир, путешествующих по огромной сети монорельсовых путей.

В предисловии к книге влиятельный журналист и историк Юлиан Готорн (Julian Hawthorne) пишет: «Ниневия, Вавилон, Рим, Лондон, Нью-Йорк – все города от заката прошлого до полудня настоящего были построены по одному плану, который вообще не является планом. Как и Топси, они просто росли, не имея перед собой никаких других целей, кроме как сбиться в кучу ради дружеского общения и самозащиты от врагов. Карта бессистемных улиц, криво пролегающих по ним, выглядела как трещины в глиняном блюде. Осадные стены, которые до недавнего времени окружали их, подчеркивали существование их обитателей как узников. Шум, грязь, болезни, удушье и неразбериха, преступность – эти духи зла поселились среди них, и их никогда не изгнать, а студенты, изучающие политическую экономию, гигиену, порядочность и мораль, растрчивали красноречие и логику на то, чтобы показать, насколько все это плохо, и на то, чтобы предположить, что все это пустяки и будет побеждено с развитием правовой защиты. Истинный Моисей с эффективным средством, которое выведет нас из нашего долгого египетского рабства, прибывает только сегодня, и, если мы только будем следовать учениям Евангелия, содержащимся на последующих страницах, мы можем стать свободными, здоровыми, богатыми и счастливыми во веки веков» [2].

Несмотря на поэтически-утопическое прозрение будущего торжества индивидуальной свободы, которую обеспечит Дорожный город, проект разработан с чисто американской деловитостью. Имеется даже подсчет расходов на зарплату технического персонала, обслуживающего сеть монорельсовых дорог, а также расходы среднего домохозяйства на проживание в двухэтажной семейной капсуле.

в Рис. 1. Идеи «Дорожного города» были подхвачены менее утопичными, зато более прагматичными инженерами и строителями. Один из проектов начала века, инициированных книгой Эдгара Шамблесса. В этом проекте Юстуса В. Фрая (Justus W. Fry) из Сиэттла, Вашингтон, города состоят из стандартных жилых единиц, которые, как бусины, нанизываются на дороги

Многие ведущие архитекторы XX века отдали дань проектированию номадических городов. Так, Ле Корбюзье предлагал построить здание-автостраду в Рио-де-Жанейро. В середине XX века номадические тенденции нашли воплощение в целом ряде проектов. В 1932 году Фрэнк Ллойд Райт опубликовал проект Бродячего города (Broadacre City), в котором небольшие дома усадебного типа двигались по автострадам в любом направлении, наподобие юрты кочевника. В конце 1950-х годов Арата Исодзаки публикует проект «Кластеры в воздухе» (Cluster's in the Air), в котором гроздь жилых ячеек парят в воздухе, питаясь руинами предыдущих строений. В 1960–1974 годах Питер Кук (Peter Cook) из Архигрэм разрабатывал свой проект Plug-in City – города, состоящего из взаимозаменяемых деталей, которые могут подключаться к единой глобальной «мегаинфраструктуре» в любой точке ойкумены. В том же 1960 году Кэнзо Тангэ (Kenzo Tange) предложил концепцию развития Токио «plug-and-play city» в виде системы автострад

и метрополитенов. Промежутки между дорогами должны были заполняться динамичными, постоянно обновляемыми массивами жилых и административных зданий так, что единственным постоянным элементом города становились именно дороги [3].

Во второй половине XX века выяснилось, что двигать здания совершенно необязательно. Достаточно застроить огромные пространства стандартными, неотличимыми по стилю и образу жизни блоками – так, чтобы перемещение из одного места в другое ничего не меняло, и тогда Гений места теряет смысл и значение

2. Международный стиль как воплощение Духа времени

Международный стиль, единый для всего человечества, игнорирует локальные особенности пейзажа, климата и традиционного образа жизни. Модернизм, а особенно ироничный постмодернизм, преобладавшие в архитектуре на протяжении трех четвертей века, привели

^ Рис. 3. Концептуальная графика Ионы Фридмана в наглядном образе показывает идею раздельного существования Genius Loci и Zietgeist. Старый город, привязанный к особенностям места, остается внизу, а над ним в небе плывет динамичный и переменчивый, как облака, город, привязанный к текущему моменту времени

к глобальному распространению единых стандартов домостроения. Сборный железобетон и стеклянные кристаллы на стальном каркасе выглядят одинаково от Норвегии до Индонезии и от Канады до Южной Африки.

Призывы к внимательному и любовному отношению к своей малой родине и ее ландшафтам сегодня настойчиво звучат на разных уровнях. Тем не менее большинство проектов очевидным образом отдают предпочтение Духу времени перед Гением места. Опасение выглядеть несовременным гораздо сильнее влияет на проектные решения, чем угроза нарушить эстетику местного пейзажа или локальную культурную традицию. Поступить наперекор *Genius Loci*, поспорить с ним или проигнорировать его? Это зачастую оценивается как творческая смелость, но противоречие мейнстриму почти всегда конфликт и с коллегами, и с заказчиком.

Легко заметить, что все архитектурные течения, приобретающие статус мейнстрима на протяжении XX века, – модернизм, постмодернизм, структурализм и постструктурализм, деконструкция, «зеленое» и биофильное движение, нейроэстетика и критический регионализм – все они в значительной степени отвечают характерным признакам *Zeitgeist*'а [4]. Каждое из них игнорирует наличие ландшафта и пейзажа с его уникальными особенностями. Каждое из них агрессивно претендует на лидерство или даже на монополию в качестве единственного, самого верного и передового направления в развитии архитектуры.

3. Возможность равновесия

Бесчисленное разнообразие стилей и направлений в искусстве принято делить на «маленькие» и «большие» стили. Маленький стиль локален, обычно он проявляет себя в какой-то одной сфере – например, модный в дизайне интерьеров стиль «прованс» ничего не принес ни в архитектуре, ни в градостроительстве, ни, тем более, в музыке, литературе, театре и так далее. Это закономерно, потому что маленькие стили определяются только как набор стилеобразующих деталей. Рокайль использует изящные волути морских раковин, а тиффани – возможности цветного стекла, хай-тек опирается на красоту механизма, а био-тек – на эстетику листьев, цветов и почек. Маленький стиль быстро исчерпывает свои возможности, начинает повторяться и становится скучен, и ему на смену приходит следующий стиль (чаще всего такой же маленький). Талантливые архитекторы – Сантьяго Калатрава или Норман Фостер, – порой успевают за свою творческую биографию поменять несколько маленьких стилей.

Напротив, большие стили отличаются глубоким онтологическим фундаментом. Их эстетическая критериальная система обоснована самыми общими, философскими представлениями о сущности красоты и истины. Поэтому большой стиль оказывается плодоносным в самых разных направлениях и областях творчества – от дизайна мебели до музыки и театра, от проектирования ювелирных украшений до территориального планирования. И по той же самой причине в основе каждого большого стиля мы обнаруживаем тот или иной вариант равновесия между Гением места и Духом времени. Философия барокко воплощена в максиме «Природа не терпит пустоты», а у этого тезиса длинная и разветвленная (начиная с античности) корневая система. Поэтому барокко остается собой, несмотря на разнообразие деталей и приемов, служащих для заполнения пустых пространств. Архитектурный стиль барокко существует в огромном количестве локальных разновидностей, и в каждом виден Гений места, в котором эта разновидность произросла. Невозможно спутать стиль Бернини и Борромини с Нарышкинским барокко, потому что в первом отразился Гений первого Рима, а во втором – третьего.

Заключение

Динамичность и напор Духа времени приносят много побед, но оборачиваются значительными потерями. Дух нашего времени (впрочем, как и любого другого) – это скольжение по поверхности явлений. Он подменяет глубину и сложность яркими симулякрами. Вместо поисков своего места в пространстве общечеловеческой культуры – самовосхваление и самореклама. Вместо опоры на опыт предыдущих поколений – лихое новаторство, чреватое внезапными последствиями. Вместо осмысленности и осознанности – техническая изощренность, вместо уважительного вслушивания в запросы человека – экзотическое восхищение могуществом машинного разума.

В шестидесятых и семидесятых годах прошлого века возникло явление брутализма и деконструктивизма, во многом опирающихся на единую онтологическую базу. Она может быть выражена в максиме: «Надо быть сильным, чтобы противостоять окружающей среде», и этот слоган достаточно глубоко укоренен в общечеловеческой культуре. Как получилось, что за последующие полвека не появилось ничего, сравнимого с этим большим стилем? Отчего *Zeitgeist* в виде орды маленьких стилей так поведно захватил и архитектуру, и урбанистику? Не пришла ли пора привести в равновесие Дух времени и Гения места?

Литература

1. Лидин, К. Горожанство: В поисках универсального определения городской среды // Проект Байкал. – 2015. – № 45. – С. 84–89.
2. Chambless E. *Roadtown* (1910, reprint 2017) NY : Andesite Press, 188 p.
3. van Schaik M., Máčel Otakar, eds. (2005) *Exit Utopia—Architectural Provocations 1956-76*, Munich: Prestel.
4. Копылова, Л. Новый урбанизм в Европе и США: национальные школы // Проект Байкал. – 2023. – № 76. – С. 134–147.

References

- Chambless, E. (1910, reprint 2017). *Roadtown*. NY: Andesite Press.
- Kopylova, L. (2023). New Urbanism in Europe and the USA: National schools. *Project Baikal*, 20(76), 134-147. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/76.2165>
- Lidin, K. (2015). Urbanship: In search for a comprehensive definition of urban environment. *Project Baikal*, 12(45), 84-89. <http://orcid.org/0000-0001-7022-6871>
- van Schaik, M., & Máčel, O. (Eds.). (2005). *Exit Utopia-Architectural Provocations 1956-76*. Munich: Prestel.

Категория «место» в теории архитектуры оппозиционна категории «пространство», однако «место» тоже понимается как «пространство». Неслучайно топология называется анализом места. Геометрия и топология произвели сильное действие не только на физику, кристаллографию, молекулярную химию, но и на архитектуру и другие гуманитарные области знания, в частности, на психологию зрительного восприятия. «Топофилия» И Фу Туана – мостик, создающий возможность перехода от математики и топологии к гуманитарной сфере. Однако использование понятий «место» и «гений места» в гуманитарной сфере в целом и в архитектуре в частности остается на уровне сентиментальной мифологии и феноменологии. Внедрение в массовое сознание понимания ценности места и «genius loci» невозможно без ритуалов, связанных с жизнью и смертью архитектуры.

Ключевые слова: Место; пространство; топология; топофилия; гений места; ритуал./

The 'place' category in architectural theory is in opposition to the 'space' category, but 'place' is also understood as 'space'. It is no coincidence that topology is called the analysis of place. Geometry and topology have had a strong effect not only on physics, crystallography and molecular chemistry, but also on architecture and other humanities, in particular on the psychology of visual perception. "Topophilia" by Yi-Fu Tuan is a bridge that creates the possibility of moving from mathematics and topology to the humanities. However, the use of the concepts of 'place' and 'genius of place' in the humanitarian sphere in general and in architecture in particular remains at the level of sentimental mythology and phenomenology. Introducing the understanding of the value of place and 'genius loci' into the mass consciousness is impossible without rituals related to the life and death of architecture.

Keywords: Place; space; topology; topophilia; genius of place; ritual.

О месте и гении места / On the place and the genius of the place

текст
Александр Раппапорт
text
Alexander Rappaport

> Портрет АГР.
Фото Сергея Астапова

Место

Место против пространства

Появление категории «место» в теории архитектуры можно понимать как оппозиционное направление профессионального мышления, как начало борьбы с всеобщим и неподконтрольным распространением категории «пространство». Хитрость перехода от пространства к месту состоит в том, что место – тоже пространство, и даже в математике «топология» как раз и называется анализом места (греческое тоπος – τόπος – место).

Одной из первых работ по топологии была книга Анри Пуанкаре Analysis Situs (то есть исследования места), написанная между 1895 и 1904 годами.

В топологии исследовались законы пространства, отличные от законов геометрии, прежде всего законы непрерывных преобразований поверхностей. Сама же геометрия с ее измерительными процедурами и многомерностью вместе с топологией начала производить сильное действие не только на физику, кристаллографию

и молекулярную химию, но и на гуманитарные области знания. В частности, на психологию зрительного восприятия и архитектуру.

Архитектура оказалась близка к геометрии и в своей конструктивной ипостаси (как система прямых стержней и плоскостей), и в своей перцептивной ипостаси (через перспективу). Законы перспективы, начертательной и проективной геометрии вместе с законами иррациональных отношений в соизмерении диагоналей и прямоугольников, круга и квадрата породили своего рода мистическую и эстетическую традицию в понимании архитектуры.

Все эти линии в конце концов соединились в понимании архитектуры как искусства организации пространства, и этот итог сделался одним из фундаментов модернизма и функционализма. С помощью схем стали фиксировать множество производственных и бытовых процессов деятельности.

В этой истории очень важно понимать роль письменности и чертежа. Именно бумага и бумажный чертеж, с одной стороны, и фонетическая письменность, с другой стороны, оперирующая понятиями и категориями, соединившись с математикой, вторглись в сферу профессионального мышления архитектора, поначалу покоившегося на ремесле ваятеля, плотника и камнереза.

С эпохи Ренессанса в архитектуру проникает проектирование как изготовление чертежей и макетов, уменьшенного масштаба по сравнению с объектом проектирования и использующего в работе с чертежом чертежного инструментария и математического расчета.

В XX веке понятие пространства занимает ведущее положение и становится одной из главных онтологических категорий. Это понятие в силу своей бесконечности и универсальности дает основу для эпистемологии, то есть описания всех явлений, вещей и процессов в единых математических или математизированных терминах.

В таком виде оно проникает и в психологию зрительного восприятия, и в социальную психологию и проксемику, достигая новых обобщенных форм в «топофилии» И Фу Туана [1].

Иными словами, понятие пространства обретает свою онтологическую значимость именно через посредниче-

ство математики как универсального языка теоретического описания.

К понятию места

Как ни странно, в математике нет такого понятия, хотя оно и используется, пожалуй, чаще других. Видимо, в математике место – это все то же пространство, отмеченное своими координатами по декартовой схеме. Именно математизация пространства в декартовых координатах дает простор конструктивной операторике в инженерии и схематических моделях иных теорий, в том числе в психологии, эстетике и архитектуре.

Поворот от пространства к месту, однако, не имел таких операциональных перспектив. К тому же разрыв понятия места с пространством оказался в основном связанным с масштабом (как последней операциональной категорией конструктивных преобразований), и понятие места стало ассоциироваться с локальностью пространства и его ограниченностью. Никаких конструктивных средств опознания такой локальности в самом понятии места нет, а его масштабное сокращение осталось мало привязанным к чему-либо. Само же содержание понятия осталось формально-пространственным.

Тем разительнее становится использование этого понятия в мифологическом ключе тем же Норбергом-Шульцем, который связывает его с пониманием «гения».

«Гений места»

Гений места никак не связан с математически определенным локусом, который может не иметь в себе никакого «гения». Так что игра слов и использование понятия места в разных, несводимых друг к другу контекстах, создает своего рода креативную двусмысленность, возможно, чреватую самыми неожиданными творческими следствиями. Однако, как мне кажется, это была заявка, за которой не последовало никаких результатов. Оперирование понятием места осталось на уровне сентиментальной мифологии и феноменологии родных ландшафтов и мест детских воспоминаний.

Поэтому нам теперь необходимо вернуться к понятию места и попытаться уяснить себе его потенции.

А. П. Огурцов о понятии места в «Философской энциклопедии» пишет: «Место (греч. τόπος, лат. locus) – часть пространства, центр соотношения физических тел. В античной философии понятие места было выдвинуто Аристотелем в противовес трактовке Платоном пространства (Χώρα) как вместилища тел и интеллигибельной материи, что позволяло дать онтологическое обоснование геометрии и геометрически правильных тел. <...>

У Аристотеля пространство представляет собой «индивидуальное достояние» чувственно-воспринимаемых (физических) тел, т. е. место. Его подход к определению пространства-места связан с учением о первой сущности – субстанции, которая есть то, что обладает самостоятельным существованием. В противовес геометрическому пространству Платона Аристотель настаивает на осязательно-физической трактовке пространства-места, которое позволяет понять движение как изменение места. Место – граница движущегося, а для всех движущихся тел – абсолютная граница. В космологии Аристотеля в соответствии с принципом «подобное стремится к подобному» развивается учение о движении тела к естественному месту. Эти два понимания места как границы объемлющего и как естественного противоречат друг другу» [2].

В философии Нового времени учение Аристотеля было подвергнуто критике (прежде всего Галилеем), и место отождествлялось с пространством и протяженностью. Декарт связывал место с определенным положением вещи относительно других, различая внешнее и внутреннее место. Отождествление пространства с местом

характерно и для Л. Эйлера. Согласно Х. Вольфу, место – способ сосуществования тел друг с другом.

И. Кант, развивая «Топику» Аристотеля и раскрывая содержание трансцендентальной топики, называет трансцендентальным место, уделяемое нами понятию или в чувственности, или в чистом рассудке, делая акцент на гносеологической характеристике места [3, с. 269]. Однако эта линия не получила в дальнейшем развития, и место в послекантовской философии трактовалось как единство пространства и времени, выраженное в изменении положения тел (К. Розенкранц), как расширение понятия протяженного пространства (О. Либман), как пространственное соотношение тел друг с другом (О. Кюльпе). Теория относительности А. Эйнштейна, введя принцип равноправия инерциальных систем, отказалась от поисков истинного «естественного» места тел, что и было подчеркнуто как физиками, так и философами науки XX века (Э. Кассирер, Г. Вейль, А. Эддингтон, В. Фок и др.).

Однако в архитектуре и эстетике понятие места начинает трактоваться в противовес модернистскому пониманию пространства, как нечто, имеющее отнюдь не математические параметры, но скорее феноменологическое и символическое значение. В таком ключе разворачиваются поздние работы Кристиана Норберга-Шульца [4].

Однако здесь мы имеем дело с двумя препятствиями для его широкого применения. Первое состоит в неоперациональности понятия места в сравнении с понятием пространства, которое имеет развитую операторику построения фигур на основе математики и геометрии.

12 июня 2014

Универсальность и конкретность гения – Гения Места

Говоря об индивидуации и настаивая на индивидуальности каждого человека, мы вынуждены вернуться к вопросу о гениях. Кто они в категориях индивидуации? Сверхиндивидуальности или просто универсальная сумма или даже формула всех индивидуальных случаев человека.

Кто такой А. С. Пушкин? Наше все? Эти слова надо переставить, чтобы понять их подлинный смысл. Он – «все наше». Он отчеканил, отлил в золоте и меди все, чем мы живем и дышим. Ничего от себя. Все универсалии опыта быстротекущей жизни. Он понятен, потому что писал о всеобщих свойствах души и мира.

В архитектуре это увидеть труднее. В чем ее универсалии – в том, что стена вертикальна, а крыша поката, что стена разделяет внутреннее и внешнее? В том, что она, как и мы сами, стоим на земле? Что окна смотрят на улицу и служат рамками для живых еще «персонажей»?

Гений Гоголя не открыл в жизни ничего НОВОГО, да и не хотел открывать. Ему было достаточно мира всех его обывателей. Слышите! – какое слово вдруг влезло в строчку – «обыватель». А что такое или кто такой – обыватель?

Вот что можно прочитать о значении слова «обыватель»: «В современном языке – ограниченный человек с мещанскими взглядами. Отрицательную окраску слово приобрело после революции 1917 года»; житель какой-нибудь местности. Первоначальное, ныне устаревшее, значение, образовано от обывать, то есть «обитать, проживать» [5]. В пассионарной теории этногенеза – тихий человек, полностью приспособленный к окружающему ландшафту, человек с нулевым уровнем пассионарности.

В этом смысле гений в литературе, может быть, и в архитектуре – это универсальный житель СВОЕГО МЕСТА. И вот доказательство теоремы: именно архитектура по достоинству оценила понятие Гениус локи, или лоци.

Архитектурные ритуалы

Сапожник шьет сапоги по размеру ноги и вкусу хозяина, портной шьет платье, шляпник делает шляпу. Эти предметы гардероба на время срастаются с хозяином как его второе лицо. Они живут нераздельно или по временному союзу. Но срок жизни истекает, и шляпу выкидывают, как и сапоги.

Другое дело дом, архитектура. Когда-то архитекторы и сапожники принадлежали к одной категории ремесленников. Позднее в дело вступило время, и время смерти прежде всего.

Сапоги переживают владельца, но ненадолго. Здание – особенно если это дворец – переживет владельца на века.

Здание, в отличие от сапог или платья, принадлежит не только и даже не столько хозяину, но и самой Земле. Разрушение здания – чуть ли не более значимое событие, чем убийство или похороны человека. И погребение дома должно быть приравнено к погребению человека.

Это, конечно, не значит, что в какой-то мере мы за восстановление сакральной жертвы младенца будущему дому. Отнюдь. Жизнь младенца бесценна, хотя порой и приносится в жертву року.

Но разрушение здания – хорошо оно или нет, нравится нам или нет – внесено в закон об охране. Разрушение здания – сакральный акт, акт похорон времени и жизни. Именно в этом акте великое произведение архитектуры и никому не нужный сарай обретают трансэстетическое родство бытия на планете.

Разрушение здания заслуживает такого же внимания, как почести в акте похорон или закладки сооружения, столь же принадлежащем земле, как и людям – судьбе ЭТОГО места на Этой – увы – весьма ограниченной планете. В какой-то мере столь же сакральным может в будущем показаться рубка ствола дерева, прорытие нового канала или засыпка болота.

Земная жизнь во всем ее драматизме и кратковременности имеет точки пересечения с судьбой человека, семьи и рода. Возможен ли соответствующий ритуал? Уверен, что он необходим. Именно в нем обретает свой подлинный смысл «гений места».

На мой взгляд, без этого ритуала нам НИКОГДА не возвратит в жизнь ныне умирающей Архитектуры.

Сначала стоило бы так провожать сооружения, уничтоженные бомбами и терактами: воздавая уважение и людям, и их жилищам. А лиц, прибегающих к терактам, уничтожающих людей вместе с их домами, подвергать двойному суду. И от имени государств, и от имени самой Земли.

Эффект присутствия, лежащий в основании феномена архитектуры, выходит за пределы жизненных и театрализованных впечатлений – он простирается за грань сцен и действий. Но именно он лежит на пути не столько смерти, сколько вымирания человека и культуры. У нас же убийство зданий (храмов, базилики, нью-йоркских зданий-близнецов, жилых комплексов и пр.) постепенно узаконивается и не вызывает к возмездию.

И вслед за ритуалом погребения, вероятнее всего, стоит ожидать и возникновение ритуала поминания, возвращающего архитектуре ее языковой эквивалент – памятника.

Как вводить такой ритуал? Расскажет ли об этом философия или методология, эпос или театр?

29 ноября 2018

Гений места и времени

Статья о ритуалах заставила меня вспомнить понятие «гения места» и невольно сопоставить его с возможностью параллельного «гения времени». Что это? Неповторимость момента рождения и смерти, встречи и разлуки. Или фотографии, мгновенного фотоснимка,

на котором мертвецы заливаются хохотом, а будущие старцы сосут свои соски и играют в погремушки?

Время непроницаемо более, чем пространство, и ближе к вечности, чем все, что в нем случается.

29 ноября 2018

Гений места

Гений места (дух места, гений локуса – калька с лат. *genius loci*) – в римской религии дух-покровитель того или иного конкретного места (деревни, горы, отдельного дерева). Латинское выражение «*genius loci*» стало популярным у писателей XVIII века и оказало заметное влияние на литературные и архитектурные вкусы в Британии (англ. *spirit of place*) и за ее пределами.

Выражение *genius loci* чаще всего применялось к пейзажу. На фресках домашних святилищ изображались две ипостаси этого духа: человеческая фигура, совершающая обряды, или божество и змея, ползущая к алтарю.

Выражение применимо к человеку, ревностно оберегающему неповторимую атмосферу места.

Теперь в Перми регулярно проводятся фестивали и конференции, посвященные Гению Места

А вот и автор книги с таким названием – Петр Вайль.

Но тогда почему бы не считать гением именно гения места – и архитектора прежде всего. Русский гений места тогда все же, скорее, именно Гоголь, а не Пушкин. Хотя оба Гении. И сегодня мы имеем право назвать гениями и О. Мандельштама, и И. Бродского, чья гениальность принадлежит всем нашим местам.

6 ноября 2019 г.

Литература

1. Tuan Yi-Fu *Humanistic geography* // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1976. – Vol. 66. – № 2. – P. 266–276.
2. Философская энциклопедия. – URL: <https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/> (дата обращения: 15.04.2023).
3. Кант, И. Критика чистого разума (пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки). – Москва: Наука, 1999. – 784 с.
4. О феномене, структуре и духе места у К. Норберг-Шульца. = [On the Phenomenon, Structure and Spirit of Place at Christian Norberg-Schulz] // *Архитектурный вестник*. – 2008. – №3. – С. 98–10.
5. Обыватель. – URL: <https://znachenie-slova.ru/%D0%BE%D0%B1%D1%8B%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C> (дата обращения: 20.05.2023).

References

- Filosofskaya entsiklopediya [Encyclopedia of Philosophy]* (n.d.). Retrieved April 15, 2023, from <https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/>
- Kant, I. (1999). *Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]* (N. O. Lossky, Trans.). Moscow: Nauka.
- Kiyanenka, K. (2008). On the Phenomenon, Structure and Spirit of Place at Christian Norberg-Schulz. *Arkhitekturnyi vestnik*, 3, 98–10.
- Obyvatel [The average citizen]. (n.d.). *Znachenie slova*. Retrieved May 20, 2023, from <https://znachenie-slova.ru/%D0%BE%D0%B1%D1%8B%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C>
- Tuan, Y.-F. (1976). *Humanistic geography*. *Annals of the Association of American Geographers*, 66(2), 266–276.

Александр Гербертович Раппапорт – философ, архитектор, искусствовед, автор множества статей и книг по теории архитектуры и искусствоведению, автор уникального блога «Башня и лабиринт», где каждый день он публикует свои размышления. Огромное влияние на становление Раппапорта оказала работа в Московском методологическом кружке Георгия Петровича Щедровицкого (ММК). В 1979 году он ушел из ММК и с начала 1980-х годов занимается феноменологией – направлением в философии, основоположником которого был Эдмунд Гуссерль. Большинство статей и книг А. Г. Раппапорта написаны в рамках феноменологии, однако школа мышления, которую Раппапорт прошел в ММК, оказала несомненное влияние на его творчество. В работах Раппапорта слились воедино методология Щедровицкого, и феноменология, и поэзия.

Ключевые слова: А. Г. Раппапорт; методология Г. П. Щедровицкого; феноменология; поэзия./

Alexander Herbertovich Rappaport is a philosopher, architect, art historian, author of many articles and books on the theory of architecture and art history, author of the unique blog "Tower and Maze", where he regularly publishes his reflections. A huge influence on Rappaport's formation was his work in the Moscow Methodological Circle of Georgy Petrovich Shchedrovitsky (MMC). In 1979 he left the MMC and since the early 1980s he has been engaged in phenomenology, a direction in philosophy, the founder of which was Edmund Husserl. Most of A. G. Rappaport's articles and books are written within the framework of phenomenology, but the school of thought that Rappaport underwent at MMC had an undeniable influence on his work. Rappaport's works merge Shchedrovitsky's methodology, phenomenology and poetry.

Keywords: A. G. Rappaport; methodology of G. P. Shchedrovitsky; phenomenology; poetry.

Возмутитель спокойствия: штрихи к портрету А. Г. Раппапорта / Disturber of the peace: Touches to the portrait of A. G. Rappaport

«Одиночество – тоже компания» (Тонино Гуэрра)

В октябре этого года Александру Гербертовичу Раппапорту исполнится 82 года. Больше 20 лет он живет в Латвии, на хуторе Папардес – один. Альтернатива жизни в Лондоне, Риге или в Петербурге его не устраивает, хотя родной Петербург он любит всей душой. Трудности и опасности отшельничества Александра Гербертовича не смущают. Он нередко сидел в темноте, когда по разным причинам не было электричества на его хуторе, жил зимой в тесной баньке, потому что не было сил топить печки, и даже ограничивал себя в еде, когда не мог выбраться в ближайший поселок в магазин. Такая жизнь – свободный выбор. Раппапорту не скучно и не страшно жить одному. Ему интересно быть с самим собой. Как говорил Тонино Гуэрра, «одиночество – тоже компания».

АГР самодостаточен, но все-таки ему необходим диалог с теми, кто способен его вести на равных... Таковых немного: «иных уж нет, а те далече». Ушли из жизни Вячеслав Глазычев и Олег Генисаретский. Не пишут и не звонят коллеги и старые приятели. Может быть, им нечего сказать Раппапорту, поскольку пути давно разошлись, а разговаривать о погоде и новостях не хочется. Возможно, бывшие коллеги отстали от него настолько, что у них нет ни сил, ни желания догонять: разговаривать на равных не получается, а находиться в положении ученика как-то не слишком удобно, когда ты считаешь себя вполне состоявшимся архитектором или ученым.

Семейная традиция

Обыкновенно историки и теоретики архитектуры специализируются на каком-нибудь одном направлении или теме. Универсалов практически нет. АГР многогранен. Мир интересен ему во всем разнообразии. Он пишет об архитектуре, философии, литературе, живописи, фотографии, кино... Отчасти такую многогранность можно объяснить семейной традицией. Отец Герберт Раппапорт – известный кинорежиссер, мать Лидия Петровна Шильдкнехт – театральная художница. Дед со стороны отца Морис Раппапорт – профессор философии, дед со стороны матери Петр Шильдкнехт – художник кино, работавший со знаменитым австрийским режиссером Георгом Вильгельмом Пабстом. Прадед со стороны матери – академик архитектуры. В воспоминаниях Раппапорт пишет:

«Прежде всего, я счел возможным заметить, что сам рос под перекрестным светом этих искусств, отложившихся в моей генеалогии. Мой прадед, Николай Александрович Шильдкнехт, академик архитектуры, построивший несколько домов в Санкт-Петербурге в конце 19 века. Он работал архитектором Кабинета его императорского величества (при Александре Третьем), который размещался в Аничковом дворце на углу Невского и Фонтанки, позднее он был Дворцом пионеров. Там он построил электростанцию и перестроил выходящий на Фонтанку фасад работы Дж. Кваренги, превратив аркаду в колоннаду. Он дожил до появления кино и умер от голода в 1918 году, работая билетером в кинотеатре» [1]. Бабушка со стороны матери Лидия Ивановна Мацеевская, о которой Александр Гербертович вспоминает с нежностью и чей портрет висит у него над кроватью, была певицей.

Мемуары Раппапорта о его детстве и юности – увлекательное чтение. В них мир 1950-х – 1960-х – 1970-х годов в СССР описан ярко и правдиво. В блоге АГР «Башня и лабиринт» они есть.

О блоге «Башня и лабиринт»

Свой блог «Башня и лабиринт» Александр Гербертович ведет с 2009 года, уже 14 лет. Он говорил в одной из бесед со мной, что название пришло ему в голову спонтанно. Но оно отражает особенности мышления АГР – оппозициями.

У оппозиции башня и лабиринт особенный смысл. Лабиринт – внутреннее замкнутое пространство. Башня – трансцендентный выход вовне и открытость. Но на вершину башни нужно подниматься, преодолевая множество ступенек: лифтов в ней не предполагается. Если человек уверен, что у него хватит сил и терпения для подъема по полутемной лестнице на вершину башни, он будет вознагражден великолепным видом на окрестности, совсем не похожим на тот, что он видит, стоя у ее подножия. Подъем на башню расширяет горизонт и дарит возможность ориентации в обмен на угрозу падения. И башня, и лабиринт предполагают, что человек выходит за границы привычного мира.

Для АГР лабиринт знаменует собой также городской мир и городское пространство. И башня, и лабиринт оказываются в системах двойных ориентиров и ценностей, направленных в разные стороны.

текст

Елена Багина

Уральский федеральный университет
им. Б. Н. Ельцина

text

Elena Bagina

Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin

^ Латвия. Хутор Папардес. АГР на тракторе. Фото Петра Капустина. 2014

^ Латвия. АГР. Фото Петра Капустина. 2014

В блоге Рапппорта бесчисленное количество текстов. Каждый день АГР, как бы себя ни чувствовал, пишет короткие статьи (заметки) или публикует то, что его заинтересовало. В статьях размышления на самые разные темы, касающиеся проблем архитектуры, философии, литературы, музыки...

Посетителей у «Башни и лабиринта» много – давно перевалило за миллион. Мало статей и книг по философии и архитектуре набирают столько читателей. Но количество читателей и даже почитателей, с одной стороны, показательно, с другой – не говорит ровным счетом ни о чем. Комментариев к его статьям практически нет. Почему? Кто-то боится комментировать, боясь показаться некомпетентным, кого-то смущают сложности публикации своих откликов, кому-то сказать нечего. Иные осознают, что это что-то интересное, но непонятно, как применить. Те, кто занимается теорией архитектуры, цитируют Рапппорта редко. Его мысли и идеи часто не укладываются в общепринятую систему взглядов. Практики иногда не понимают, о чем он пишет: ведь простых рецептов хорошей архитектуры АГР не дает, а к философии у многих архитекторов еще со времен ВУЗа привита неприязнь. В памяти бывших студентов, получавших хорошие отметки, остаются в лучшем случае имена, которые можно вспомнить в «умном» разговоре. Например, рассматривая открытую колоннаду Фридриха Ларса над гранитным кенотафом Эммануила Канта в Калининграде (Кёнигсберге): «О, Кант!»

Задавайте вопросы

«Задавайте вопросы, – часто говорит Рапппорт, – вопросы не могут быть глупыми». Но задать вопрос, как известно, значит понять и обозначить проблему. Вероятно, «проблематизаторов» немного.

Те, кто занимается архитектурным проектированием, пожалуй, не найдут у АГР ответа на практические вопросы. Хотя стоило бы им, наверное, понять, что такое проектирование, и почитать то, что АГР писал еще в 1970-х годах о проектировании без прототипов. Но увы... Мало кто из практиков читал «Проектирование без прототипов», хотя очевидно, что роль прототипов в традиционном проектировании огромна, а новое проектирование

и проблемы, вызываемые отсутствием прототипов, требуют осмысления и особой методологии.

Есть у Рапппорта редкое качество: он умеет увидеть предмет или проблему как бы впервые и начать анализ, понимая рассуждения различных авторов, но не принимая их на веру. Умение задавать себе вопросы и подвергать сомнению устоявшиеся взгляды дано немногим. Рапппорт – один из них.

Свобода – сложное и противоречивое понятие. Термин «внутренняя свобода», пришедший из психологии, на первый взгляд кажется проще: это способность человека не зависеть от чужого мнения. Александр Гербертович в полной мере обладает этой способностью.

О феноменологии

В 1960-х – 1970-х годах Рапппорт был активным участником Московского методологического кружка Георгия Петровича Щедровицкого (ММК). В 1979 году он неожиданно ушел из кружка и решил заняться феноменологией.

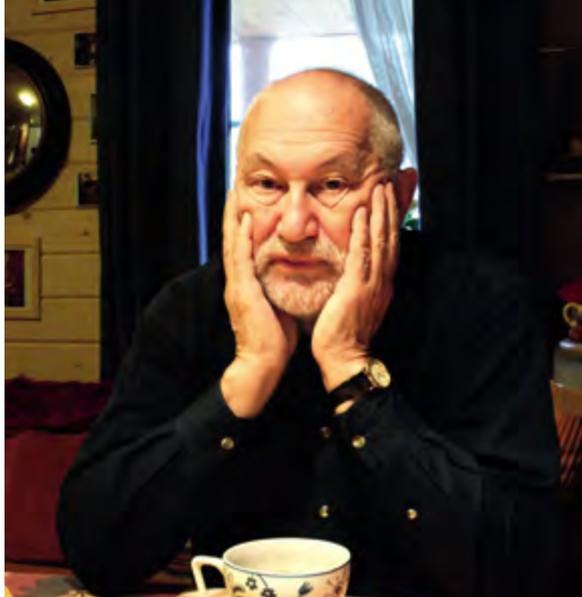
Казалось бы, направление философии, начавшееся с призыва французского философа Эдмунда Гуссерля «Назад к самим вещам», должно было заинтересовать архитекторов, создающих вещи: архитектура ведь не исчерпывается ни историей, ни практикой строительства с жесткими нормами и стандартами. Но этого не случилось. Феноменологией занимаются в основном философы.

Тезис «Назад, к самим вещам!», выдвинутый Гуссерлем в первой четверти XX века, противопоставлялся популярным в то время призывам: «Назад, к Канту!», «Назад, к Гегелю!». Он означал поиск новых путей и отказ от построения дедуктивных систем, подобных гегелевской.

Феноменология предполагает обращение к первичному опыту. У Гуссерля – к опыту познающего сознания. Когда бы архитекторам читали лекции такие философы, как Мераб Мамардашвили, Александр Пятигорский, Карен Свасьян или Владимир Бибихин, то, вероятно, и к философии было бы другое отношение. Феноменология была бы популярна, и философов среди архитекторов было бы больше. А ведь именно архитекторы-философы и создают шедевры на все времена.

^ Латвия. АГР и Андрей Иванов на берегу моря. Фото из архива Андрея Иванова. 2017

^ Новый Иерусалим. АГР в гостях у Михаила Белова. Фото Михаила Белова. 2010

Более полувека Александр Гербертович Раппапорт занимается феноменологией. И этого не стоит забывать, читая его статьи и книги. Методами осуществления феноменологического исследования являются непосредственное созерцание (очевидность) и феноменологическая редукция. В своих статьях АГР следует этой методологии. Сначала наблюдение и описание (то, что читается легко и непринужденно). Потом феноменологическая редукция, где АГР увлекает читателя за собой с «мелководья» на глубину. К примеру, в статье «Мокрый камень» сначала воспоминания: «<...> еще до того, как я поступил на архитектурный факультет, я занимался академической греблей и последние годы школы имел счастье объездить все русла невской дельты и постоянно видеть гранитные набережные, смачиваемые невской водой, а то и питерским дождем. <...> Так что камень предстает в моем воображении, как правило, мокрым» [2]. А дальше АГР задает себе вопросы: чем мокрый камень принципиально отличается от сухого? Что символизирует камень в культуре? И если камень символизирует память (не случайно каменные здания прошлых веков называют памятниками), то ослабляет или усиливает вода меморативный эффект? «Да, усиливает», – отвечает на этот вопрос Раппапорт. Потом следует феноменологическая редукция: «Вода, скользящая по поверхности камня, изменяет зримый характер его поверхности и проявляет скрытую в камне красоту, но кроме этого еще и дает информацию об истории становления нашего мира. Символ памяти – камень и субстрат памяти – вода в мокром камне оказываются напоминанием о тайне и хрупкости бытия» [2].

«Мокрый камень» – самое поэтическое философское произведение Александра Гербертовича. Я написала «самое поэтическое» – и тут же вспомнилось «Небо в русском пейзаже», ««Вережки» Ильи Кабакова», «Фотография – неопознанный ликующий (ближущий) объект (НЛО) самопознания бытия», «Мы – рамы»... Они не менее поэтичны.

И книги, и статьи АГР подобны айсбергу: видимая вершина которого (феноменологическое наблюдение и описание) лишь отчасти говорит о масштабе подводной части – феноменологических редукциях и оригинальных философских идеях.

О книге «Форма в архитектуре»

Во времена, когда Раппапорт работал в ЦНИИТИА (Центральный научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры), существовал утвержденный план научной работы, и тема не всегда была выбором автора. Но в любой теме АГР умел найти свой, нестандартный поворот. Хороший пример – книга «Форма в архитектуре». В ней две части, написанные двумя авторами. Первую часть написал Раппапорт, вторую – Георгий Сомов. Часть первая называется «Методологические проблемы исследования архитектурной формы», вторая – «Проблемы теории архитектурной формы». Две части книги не связаны между собой. Объект исследования один, а предметы разные. Да и определения архитектурной формы разные. Сомов понимает архитектурную форму как «способ организации», далее пишет о формообразующих факторах – климате, материалах, жизненных процессах, затрагивает проблему художественного образа в архитектуре и заканчивает главой, которая называется «Красота».

Раппапорт начинает с проблематизации понятийного аппарата, задает вопрос, является ли архитектурная форма категорией, пишет о смысловых структурах культуры, о феноменологии архитектурной формы... Заканчивает он главой «Судьба». Осознание глубокого кризиса архитектуры и неопределенность путей его преодоления – вывод этой главы [3].

О ММК и книге «Квадратура кружка»

В том, как и каким языком написана раппапортская часть книги «Форма в архитектуре», сказалась его многолетняя работа в Московском Методологическом Кружке Георгия Петровича Щедровицкого, который АГР называл «школой мышления». Уход Александра Гербертовича из ММК не был случайным. Уже в конце 1970-х он почувствовал, что коллективное мышление и ОДИ (организационно-деятельностные игры), в эффективность которых верил Г. П. Щедровицкий, – тупиковый путь. К осмыслению работы ММК в статьях блога 2021–2022 года он возвращается не раз. «Я был страстным поклонником методологии Г. П. Щедровицкого в середине 60-х годов. Но методологом на самом деле так и не стал, хотя порой меня причисляют к ММК. Я написал книжечку «Квадратура кружка», само название которой не скрывает моего

^ Латвия. АГР, Тотан Кузембаев, Алтынбек Кузембаев. Фото Андрея Иванова. 2017

^ Москва АГР и М. А. Белов. Из архива М. А. Белова. 2010

двойственного отношения к методологии СМД. Быть может, я оказался неспособен понять все тонкости и глубину учения, которое строил ГП, а может быть, само это учение осталось не доведенным до конца, так как смерть унесла ГП из жизни и мышления слишком рано. Сам я всегда чувствовал себя скорее художником, чем методологом, и феноменология мне была ближе логики» [4]. Книга «Квадратура кружка» писалась несколько лет. Долго не издавалась. Недавно была издана в Латвии на русском языке небольшим тиражом. Но интересующиеся могут прочитать текст в электронном виде в блоге.

В книге четыре главы (квадрат):

1. Жизнь самого кружка и его участников;
2. Основные вопросы методологии;
3. Проектирование;
4. Игра как универсальная категория.

Александр Гербертович пишет о том, что он сумел понять в методологии ГП и что осталось неувоенным: «Я усвоил и сумел, как мне кажется, понять следующие методологические принципы:

1. Принцип деятельности как исходный для постановки проблем и ориентации в ситуации.
2. Позиционный принцип как схему конструктивного представления ситуации в деятельности, как логическое основание понимания и проблематизации.
3. Дуализм искусственного и естественного в способах представления ситуации и деятельности.
4. Историко-генетический схематизм всякого понимания и реконструкции содержания.

Я так и не сумел до конца понять и использовать:

1. Системный подход и его онтологию в понимании и деятельности.
2. Принцип имманентности, то есть исключение трансцендентных схем в мышлении.
3. Идею конструктивно-организационного подхода к решению проблем в мышлении и деятельности.
4. Редукция человека к месту в машине деятельности и управления через конструктивное развитие и организацию средств деятельности [5].

Работа с Г. П. Щедровицким, которого Раппапорт считает своим учителем, не прошла бесследно. Философская логика, которой занимались в ММК, породила интерес

к понятиям. Проблематизацию как инструмент мышления Раппапорт использует повсеместно.

Возмутитель спокойствия

Как-то в разговоре АГР назвал себя возмутителем спокойствия. Что же так нарушает академический покой читателей и даже почитателей творчества АГР? Почему он чувствует себя «жуком в муравейнике»? Маленький пример. В МАРХИ тринадцать лет назад шла конференция, посвященная ВХУТЕМАСу. С докладом о Ладовском выступил АГР, назвав Ладовского «самым каменным архитектором». В глазах слушающих было недоумение. Ладовский – пространство: психология восприятия; экономия психической энергии; организация пространства... Это же все знают. Почему каменный? А потому каменный, что АГР не интересовали устоявшиеся представления, сложившиеся во многом из политических и идеологических соображений. Он посмел посмотреть на архитектурные эксперименты Ладовского свежим взглядом: «Ладовский любил парадоксальные лозунги вроде «не камень, а пространство материал архитектуры»». Этим он доводил до абсурда идеи Шмарзова и формальной школы, впоследствии развитые Зигфридом Гидеомом, Бруно Дзеви и Филиппом Будоном. Но сам Ладовский был истинным мастером пластики, а не пространства, его стихией был как раз камень. Он почти не проектировал интерьеров, а в его поздних градостроительных композициях организация пространства напоминает упрощенные схемы классицизма. Что же касается пластических объемов – то тут он и его студенты достигли удивительных результатов, до сего дня интересующих западных архитектурных звезд. Мы от этих звезд пока что далеки, как от прочих далеких галактик, но охотно повторяем лозунг о пространстве и камне <...> Ладовский использовал понятие «выявление», то есть превращение сущности в явление. Это не дает нам основания для связи его идей с идеями феноменологии, ибо под «выявлением» он понимал скорее создание иллюзий, в том числе иллюзий тяжести своего любимого камня. Но идея иллюзии подсознательно прижилась в соцреализме, создававшего иллюзии вместо реальности, будь то тяжесть или счастливая жизнь» [6].

< Латвия. Хутор Папардес.
Главный дом и поляна.
Фото Андрея Иванова.
2017

Есть у Раппапорта редкое качество: он умеет увидеть предмет или проблему как бы впервые и начать анализ, понимая рассуждения различных авторов, но не принимая их на веру. Умение задавать вопросы и подвергать сомнению устоявшиеся взгляды дано немногим.

Эзотерика

АГР не боится быть в позиции ученика. И если его что-то интересует – он начинает изучать это с нуля. Так было, например, с увлечением эзотерикой. В блоге АГР следы этого увлечения: ссылки на труды эзотериков, собственные мысли об этом направлении. Благодаря АГР многие с удивлением прочитали книгу Фулканелли «Тайна соборов и эзотерическое толкование герметических символов Великого Делания (La Mystere des Cathedrales)».

Раппапорта несколько не смутило то, как могли отреагировать на его увлечение уважаемые ученые мужи и не менее ученые дамы. 11 ноября 2018 года он написал в блоге в заметке «История эзотерики и архитектуры»: «Мое предложение посвятить следующий этап анализу судеб теории архитектуры, хотя бы отчасти повороту к эзотерике, вызван, прежде всего, очевидным провалом надежд, возлагавшихся в архитектуре на авангардистский миф о победе коммунизма или рыночной демократии <...> Стоило мне об этом заикнуться, как я услышал – «продался шарлатанам!» и разные колкие насмешки, косвенно указывающие на прогресс моего старческого слабоумия» [7].

Триады

В блоге статьи, посвященные осмыслению одной темы, сменяются серией статей на другую тему. Вот, например, триады. Одна из первых статей блога на эту тему появилась в ноябре 2012 года. Она так и называется «Триады»: «Триады или три категории, взятые вместе, являют собой одну из великих тайн сознания и мышления. В архитектуре знаменитая витрувианская триада «польза, прочность, красота», сколько бы ее ни опровергали, все время встает в памяти как некая непререкаемая истина уже в силу самой своей триадичности. Уточняющие или опровергающие ее вариации – «функция-конструкция-форма» или иные – все равно ложатся в ту же знаменитую триаду, которая звучит как «истина, добро и красота»» [8].

Витрувианская триада, которую все повторяют, показалась АГР бессмысленной. Он доказал это. Но затем пошел дальше. Его волновала уже не эта конкретная триада, а триадность как явление, как способ осмысления мира в философии. АГР предложил другую триаду для постижения смысла архитектуры: «масштаб-норма-субстанция».

Осмысление триадности начинается с конкретной витрувианской триады, а заканчивается уже совершенно на другом уровне. Важной становится не отдельная триада, а способ философского осмысления мира через число три, положенного в основу теоретической парадигмы.

«Прежде всего, заслуживает комментария сама триадность, то есть само число три, положенное в основание теоретической парадигмы», – пишет АГР в статье (заметке) «Новая триада. Резонанс или интуиция» от 1 января 2014 года [8].

Сиротство Авангарда

Казалось бы, чисто исторический образ авангарда начала XX века и конструктивизма ушел в прошлое. С другой стороны, в нем есть то, что не отправлено в музей. Что живет сегодня, а в прошлом являлось множеством раз, сохраняя внутреннюю суть. Ведь и Булле, и Леду в архитектуре эпохи Великой Французской революции были в какой-то мере аналогами конструктивизма.

И подходы к проблеме, и выводы, которые делает АГР, существенно отличаются от общепринятых суждений об авангарде и конструктивизме начала XX века. Сравним:

«Конструктивизм, возникший в СССР в 1920–1930 году, можно определить как советский авангардный стиль, построенный на строгости и функциональности форм, их рациональных размерах с четким геометрическим правильным каркасом. При этом в архитектуре он проявляется в создании функциональных проектов зданий с применением стекла, кирпича и железобетона, лишенных внешнего лепного декора» [9].

Примерно так говорят о конструктивизме в большинстве ученых в популярных книжках и статьях.

Авангарду начала XX века АГР посвятил множество статей. В издательстве «Татлин» в 2016 году вышла подборка из 15 статей под общим названием «Сиротство

авангарда» [10]. Под таким углом зрения на авангард смотреть не отваживался, пожалуй, никто.

«Авангард отрицал родительскую власть традиции и демонстрировал смелость младенца, отправляющегося в путешествие по городу без бабушки и матери» [11].

Есть черная шутка: «Сын отца и мать убил, на суде же говорил: "Поимейте доброту, пожалейте сироту"». Вот такого сиротку и напомнил АГР авангард.

О теории архитектуры

Суждения АГР возмущают «спокойную гладь затянутого тиной пруда» теории архитектуры. Впрочем, собственно теорией архитектуры мало кто занимается. В основном то, что выдается за теорию – это экзерсисы из истории архитектуры, которые строятся по принципу «жили – были – говорили – считали», и редко кто осмеливается задать вопрос: а почему так жили? почему так были и так считали? Иногда для остроты приводятся цитаты из трудов знаменитых философов.

На вопрос, существует ли в архитектуре теория, Александр Гербертович Раппапорт отвечает отрицательно: «Сегодня архитектура говорит о том, что у нее есть теория. Но теория эта так радикально менялась в истории, что это утверждение становится сомнительным» [12].

Однако занимается он исключительно теорией архитектуры. Возникает вопрос: как можно заниматься тем, чего не существует? Заниматься, может быть, и нельзя, а создавать то, чего до сих пор не было – можно. И АГР ставит вопросы, на которые сам не всегда может ответить. Нужна или не нужна теория в архитектуре, какие области она может затрагивать, наконец, для чего она. Как соотносятся теория и практика? «Теория архитектуры практике, понятой как проектная практика, скорее всего, совершенно не нужна. И практики не случайно ее, как правило, игнорируют» [13].

Да, большинству практиков теория архитектуры кажется ненужной роскошью. Но, повторяюсь, шедевры на все времена создают архитекторы-мыслители, а статьи и книги АГР – «месторождение» идей.

Книга «99 писем о живописи»

Увлечение живописью у Александра Гербертовича давнее и очень сильное. Он не только сам рисует акварелью и акриловыми красками, но и пишет о живописи философские этюды.

Книга АГР «99 писем о живописи» состоит из 99 писем Олегу Генисаретскому. Письма как литературный прием известен и использовался разными авторами. Но в данном случае 99 писем были реально посланы Олегу Генисаретскому, и ни на одно письмо не был получен ответ. Почему? Мое предположение: Генисаретский в это время думал и писал совершенно о другом. Погружаться в сложный мир философского осмысления живописи он не хотел или не мог. Впрочем, спросить его об этом уже невозможно. Но что важно: «Вдаваться в полемику я не очень-то и хотел, а иметь такого читателя, как Олег, мне было лестно», – пишет АГР в предисловии к своей книге о живописи [14].

«99 писем о живописи» – опыт вольной гуманитарной рефлексии по поводу живописи как таковой. Когда я печатала слово «живопись» в этом предложении, я написала вместо живопись – ДИВОПИСЬ. Опечатка, конечно, случайная: на клавиатуре буквы д и ж рядом. Но это была подсказка. АГР пишет именно о живописи, ведь диво – то, что вызывает удивление, чудо. Живопись – чудо.

Письмо первое в книге о живописи называется «пространство». Если открыть блог АГР «Башня и лабиринт», там есть множество статей, написанных в разное время, посвященных этой теме. Но первое письмо начинается с того, что пространство является не единственной и не исключительной категорией, когда дело касается живописи. В последующих письмах развивается тема пространства в специфическом ключе. «Тайны художе-

ственной кухни должны выходить за рамки пространства, так как они чересчур интимны для пространственной рефлексии», – пишет АГР во втором письме. Тема пространства возникает и в последующих письмах: «<...> пространство стало языком описания, но и пропедевтической материей новых экспериментов, позднее таким стал знак и язык» [14, с. 27].

В начале 1980-х годов в «Советском искусствознании» была опубликована большая статья АГР «Межпредметное пространство». В те годы он был увлечен идеей теории и поэтики пространства. В этой статье главное место занимает пространство, в котором он выделил особый тип – межпредметное – не совпадающее ни с фоновым пространством больших просторов, ни с интерьером с его теснотой и внешними границами [15].

«Понятие о предметах в этой статье совпадало с понятием о вещи, как телесной фигуре, имеющей индивидуальные границы и функции. Межпредметное пространство было тем пространством, которое образуется между поверхностями этих предметов и воспринимается в движении зрением» [16].

Письма – форма вольная. Пишет человек обыкновенно о том, что его занимает в настоящий момент. Поэтому можно, не окончив рассуждения, к примеру, о пространстве, перейти к другой теме. Например, к темпоральности.

Тема темпоральности, как и тема пространства, в творчестве АГР сохраняет свою значимость на протяжении многих лет. В книге «99 писем о живописи» она возникает по отношению к живописи. В многочисленных статьях о фотографии – по отношению к фотографии. Темпоральность в архитектуре, к которой АГР относится с благоговением, как к божеству, тоже тема его размышлений. Со сменой предмета рассмотрения в текстах АГР меняются и представления о качествах проявления темпоральности. В живописи это одно, в музыке – другое, в архитектуре – третье. Но так или иначе, из текстов АГР в книге «99 писем о живописи» можно составить себе объемное представление и о пространстве, и о темпоральности, и о цвете, и о фактуре в живописи, и не только.

Свой среди чужих, чужой среди своих?

В книге «99 писем о живописи» АГР, казалось бы, пишет о художниках, картинах, цвете, свете пространстве и пр. Пишет ясно и прозрачно. Но не случайно в этих письмах гораздо больше упоминаются философы, чем художники. Да, собственно, и сами письма – философские этюды. Вот и получается, что Александр Гербертович, за что бы он ни брался – философ. Но философы его не считают своим: он не в их «тусовке», хотя пишет философские сочинения; он не искусствовед, хотя и доктор искусствоведения; он не архитектор, если понимать профессию архитектора как практическую деятельность по проектированию и строительству, хоть и закончил ЛИСИ (Ленинградский инженерно-строительный институт, ныне Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет); он не поэт, хотя пишет стихи; он не живописец, хотя пишет картины и проводит выставки. Свой среди чужих, чужой среди своих? Наверное, все-таки не так. Он, Александр Гербертович Раппапорт – свободный человек в несвободном мире.

Сам он говорит, что умение мгновенно менять свою жизнь ему дал Вольф Мессинг, которого он видел в своей жизни только один раз. Так это или не так – никто не знает. АГР в это верит, а вера не обсуждается.

Резких поворотов в его жизни было несколько. Первый – отказ учиться во ВГИКЕ на факультете телевидения (он хотел попасть в мастерскую кинорежиссера Михаила Ромма, но не хватило баллов). Компромиссов юный Саша Раппапорт не признавал. Через год поступил в ЛИСИ только потому, что некогда Институт гражданских инженеров, который впоследствии стал ЛИСИ, закон-

чил Сергей Эйзенштейн. Второй резкий поворот – уход из Московского Методологического Кружка от Георгия Петровича Щедровицкого. Третий – решение поселиться в Латвии на заброшенном хуторе, где он и живет по сей день. Изредка к нему в гости приезжают известные и успешные архитекторы, вероятно, желая выведать некую тайну архитектуры. Но уезжают ни с чем. Никакой тайны нет. Есть огромное количество текстов; сейчас их в блоге уже около 6000, в которых АГР излагает свой опыт осмысления мира, будь то мир архитектуры, живописи или эзотерики. Мир, в которых путешествует мысль АГР, много. Конечно, ему хотелось бы, чтобы у него были собеседники, с которыми он мог бы обсуждать то, что его занимает. Но есть почитатели, есть читатели, а равных ему для ведения диалога нет.

В его жизни был такой счастливый период в кружке ММК. Георгий Петрович Щедровицкий сумел объединить незаурядных людей. Однако годы работы в ММК – это было ученичество, которое закончилось. Но школа мышления, которую он прошел у ГП в кругу ярких и неординарных людей, не прошла даром. Пути бывших членов ММК разошлись еще раньше, чем не стало Георгия Петровича Щедровицкого. Странно, что в Википедии среди перечисленных учеников Щедровицкого нет АГР. А ведь именно он написал честную и глубокую книгу «Квадратура кружка» о методологах и методологии. АГР до сих пор пытается для себя объяснить феномен ГП и роль его сына Петра в развитии методологии.

Назвать то, что пишет АГР, статьями в привычном смысле сложно, хотя сам АГР называет свои философские размышления статьями. Можно назвать их эссе, но и к традиционной эссеистике их отнести сложно. Что же это такое? В голову приходит образ разноцветной смальты, из которой можно собрать самые разнообразные панно. В данном случае из трехстраничных текстов, плотность мыслей в которых зашкаливает, собираются при желании и статьи, и книги. Такой опыт был: в издательстве «Татлин» вышли сборники «Китч» и «Сиротство авангарда», в которых разрозненные тексты из блога «Башня и лабиринт» были соединены воедино. Получились книги. В каждом журнале Проект Байкал много лет публикуются статьи АГР. Редакция журнала выбирает из блога тексты АГР разных лет, которые соответствуют главной теме журнала. Впрочем, заботились ли когда-либо философы о соответствии своих творений общепринятым научным нормам оформления текстов в книги, статьи, эссе? Умберто Эко, веривший, что иезуитская аббревиатура ESO – Ex Caelis Oblatus, то есть «дарованный Небесами» дана его деду-подкидышу не случайно, пишет философские романы. «Дарованный Небесами» свободен. Его сковывают любые нормы. Жан-Поль Сартр тоже излагал свои философские взгляды неординарно. Его пьесы, романы и памфлеты более убедительны, чем сухие тексты, которые принято считать научными.

Для АГР нет ограничений и табу. Нет и абсолютных авторитетов. Его мысль подвергает сомнению все и вся. Можно назвать это качество свободомыслием: АГР, несомненно, признает право разума на свободное исследование окружающего мира. Можно говорить и о скептицизме как философской позиции, в основе которого лежит сомнение.

Литература

1. Раппапорт, А. Г. Кино и архитектура: Блог «Башня и лабиринт». – URL: http://papardes.blogspot.com/2012/12/blog-post_193.html (дата обращения: 12.04.2023).
2. Раппапорт, А. Г. Мокрый камень. // Проект Байкал. – 2016. – №50. – С. 48–51.
3. Раппапорт, А. Г., Сомов, Г. Ю. Форма в архитектуре. Проблемы теории и методологии. – Москва : Стройиздат, 1990. – 344 с.
4. Раппапорт, А. Г. Загадка СМД методологии и ее основателя Г. П. Щедровицкого: Блог «Башня и лабиринт». – URL: <http://papardes.blogspot.com> (дата обращения: 15.04.2023).

5. Раппапорт, А. Г. Квадратура кружка: Блог «Башня и лабиринт». – URL: http://papardes.blogspot.com/2015/12/1_31.html (дата обращения: 20.04.2023).
6. Раппапорт, А. Г. Доклад на конференции «Пространство ВХУТЕМАС. Наследие. Традиции. Новации»: сборник докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию ВХУТЕМАСа и проходившей 17–19 ноября 2010 года. – URL: http://papardes.blogspot.com/2010/12/blog-post_11.html (дата обращения: 12.05.2023).
7. Раппапорт, А. Г. История эзотерики и архитектуры: Блог «Башня и лабиринт». – URL: http://papardes.blogspot.com/2018/01/blog-post_17.html?q (дата обращения: 15.04.2023).
8. Раппапорт, А. Г. Новая триада – резонанс или интуиция: Блог «Башня и лабиринт». – URL: <http://papardes.blogspot.com/2014/01/323.html?q> (дата обращения: 12.04.2023).
9. Стиль конструктивизм или архитектура начало XX столетия. – URL: <https://architecturalidea.com/architecture-blog/stil-konstruktivizm-ili-arkhitektur/> (дата обращения: 03.05.2023)
10. Сиротство авангарда : сборник статей. – Екатеринбург : TATLIN, 2016. – 225 с.
11. Раппапорт, А. Г. Сиротство Авангарда: Блог «Башня и лабиринт». – URL: <http://papardes.blogspot.com/2013/09/270.html?q> (дата обращения: 06.05.2023)
12. Раппапорт, А. Г. Теория архитектуры и ее парадоксы: Блог «Башня и лабиринт». – URL: http://papardes.blogspot.com/2022/12/blog-post_27.html (дата обращения: 24.04.2023).
13. Раппапорт, А. Г. Архитектурная теория и практика. – URL: <http://papardes.blogspot.com/> (дата обращения: 25.04.2023).
14. Раппапорт, А. Г. 99 писем о живописи. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 344 с. (Очерки визуальности).
15. Раппапорт, А. Г. Междисциплинарное пространство // Советское искусствознание 82/2. – Москва : Советский художник, 1984. — С. 274–296.
16. Раппапорт, А. Г. Новая Междисциплинарность: Блог «Башня и лабиринт». – URL: http://papardes.blogspot.com/2016/06/blog-post_13.html?q (дата обращения: 18.05.2023)
17. Багина, Е. Один в поле воин // Проект Байкал. – 2021. – № 70. – С. 10–13.
18. Багина, Е. Живопись Александра Раппапорта // Проект Байкал. – 2019. – №59. – С. 12–15.
19. Багина, Е. Во всем виноваты император Петр II и Сергей Эйзенштейн // Проект Байкал. – 2016. – № 50. – С. 38–39.

References

- Bagina, E. (2016). Peter II and Sergei Eisenstein are to blame. *Project Baikal*, 13(50), 38-39. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.50.1078>
- Bagina, E. (2019). Alexander Rappaport's painting. *Project Baikal*, 16(59), 12-14. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1425>
- Bagina, E. (2021). A lone warrior. *Project Baikal*, 18(70), 8-11. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1883>
- Rappaport, A. G. (1984). Mezhpredmetnoe prostranstvo [Interdisciplinary Space]. *Soviet Art History*, 82/2, 274-296. Moscow: Sovetskii khudozhnik.
- Rappaport, A. G. (2004). Ocherki vizualnosti [Essays on visuality]. In *99 pisem o zhivopisi [99 letters about painting]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Rappaport, A. G. (2010, October 3). Arkhitekturnaya teoriya i praktika [Architectural theory and practice]. *Tower and Maze*. Retrieved April 25, 2023, from https://papardes.blogspot.com/2010/10/blog-post_03.html
- Rappaport, A. G. (2010, December 11). Doklad na konferentsii "Prostranstvo VKHUTEMAS. Nasledie. Traditsii. Novatsii" [Report at the conference "VKHUTEMAS. Space. Heritage. Traditions. Innovations"]. Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 90th anniversary of VKHUTEMAS and held on 17-19 November 2010. *Tower and Maze*. Retrieved May 12, 2023, from http://papardes.blogspot.com/2010/12/blog-post_11.html
- Rappaport, A. G. (2012, December 10). Kino i arkhitektura [Cinema and Architecture]. *Tower and Maze*. Retrieved April 12, 2023, from http://papardes.blogspot.com/2012/12/blog-post_193.html
- Rappaport, A. G. (2013, September 30). Sirotnost avangarda [Orphanhood of avant-garde]. *Tower and Maze*. Retrieved May 6, 2023, from <http://papardes.blogspot.com/2013/09/270.html?q>
- Rappaport, A. G. (2014, January 2). Novaya triada – rezonans ili intuitsiya [The New Triad – Resonance or Intuition]. *Tower and Maze*. Retrieved April 12, 2023, from <http://papardes.blogspot.com/2014/01/323.html?q>
- Rappaport, A. G. (2016, January 1). Kvadratura kruzhka [Quadrature of the Circle]. *Tower and Maze*. Retrieved April 20, 2023, from http://papardes.blogspot.com/2015/12/1_31.html
- Rappaport, A. G. (2016, June 13). Novaya mezhpredmetnost [New Interdisciplinary Space]. *Tower and Maze*. Retrieved May 18, 2023, from http://papardes.blogspot.com/2016/06/blog-post_13.html?q
- Rappaport, A. G. (2016). Wet stone. *Project Baikal*, 13(50), 48-51. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.50.1082>
- Rappaport, A. G. (2018, January 12). Istoriya ezoteriki i arkhitektury [History of Esotericism and Architecture]. *Tower and Maze*. Retrieved April 15, 2023, from http://papardes.blogspot.com/2018/01/blog-post_17.html?q
- Rappaport, A. G. (2022, December 22). Teoriya arkhitektury i ee paradoksy [Theory of Architecture and its Paradoxes]. *Tower and Maze*. Retrieved April 24, 2023, from http://papardes.blogspot.com/2022/12/blog-post_27.html
- Rappaport, A. G. (2023, February 1). Zagadka SMD metodologii i ee osnovatelya G. P. Shchedrovitskogo [Enigma of SMD methodology and its founder G. P. Shchedrovitsky]. *Tower and Maze*. Retrieved April 15, 2023, from https://papardes.blogspot.com/2023/01/blog-post_53.html
- Rappaport, A. G., & Somov, G. Yu. (1990). *Forma v arkhitekture. Problemy teorii i metodologii [Form in architecture. Problems of theory and methodology]*. Moscow: Stroyizdat.
- Sirotnost avangarda: Sbornik statei [Orphanhood of avant-garde: Collection of articles]*. (2016). Yekaterinburg: TATLIN.
- Stil konstruktivizm ili arkhitektura nachalo XX stoletiya [Constructivism style or architecture of the early twentieth century]. (n.d.). *Architectural Idea*. Retrieved May 3, 2023, from <https://architecturalidea.com/architecture-blog/stil-konstruktivizm-ili-arkhitektur/>

В статье осуществляется рефлексия яркого события из жизненно-го опыта автора. Из таких событий, можно утверждать, и состоит индивидуальная траектория мышления и деятельности, при условии, разумеется, их полной и искренней рефлексии и оценки. Попытка такой оценки и представлена в статье. *Genius loci*, утверждается в статье, в наше время перестал быть пугливой зверошкой, живущей под мокрыми камнями Природы. Он поневоле поселился в Домах людей, стал ими; он смотрит на нас из окон и недоумевает от нашей неприкаянности.

Ключевые слова: дом; *Genius loci*; окно в архитектуре; номадизм и оседлость; визуальное и его фиксации; телесность и объективность в архитектуре. /

The article is a reflection of a bright event of the author's life experience. It can be said that the individual trajectory of thinking and activity consists of such events, provided, of course, their full and sincere reflection and evaluation. An attempt of such an evaluation is presented in this article. The article affirms that nowadays *Genius loci* is no more a timid animal living under the wet stones of Nature. It has had to settle in the human Houses and to become them; it looks at us from the windows and is bewildered by our unsettledness.

Keywords: house; *Genius loci*; window in architecture; nomadism and settled lifestyle; visual and its fixations; corporeality and objectivity in architecture.

Окно. Дом. Взгляд / Window. House. View

текст

Петр Капустин

Воронежский
государственный
технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical
University

Без малого десять лет назад, в августе 2014 года, мне посчастливилось гостить в Папардес, чудном месте близ берега Балтийского моря. Выйдя с фотоаппаратом утром босиком на траву, мокрую от росы, я запечатлевал (больше в памяти, чем на электронной карте) живописные окрестности: лес, обширный ухоженный луг, плакучую иву над прудом, группки деревьев, перемежающиеся хозяйственными постройками, и их хозяйина – А. Г. Раппарта, работающего, как всегда по утрам, за компьютером на втором этаже своего Дома. Александр Гербертович, пойманный видеоискателем в окне, набирал в это время пост «Статика и динамика» для блога «Башня и Лабиринт» – текст о современном и архаическом восприятии мира, о вечной стихии движения и символической остановке мира архитектурой – эти темы мы обсуждали вчера допоздна на знаменитой уютной веранде.

Случился очередной резонанс: место и тема как бы увидели друг друга (что часто и произвольно бывает в архитектуре и поэзии, редко и с усилием достигается в проектировании и почти никогда не озаряет философию и методологию, остающихся глухими к местам своего развертывания). Текст «Статика и динамика» [1] и вся ситуация вокруг него разыграли (нас? с нами?) спектакль пространственного воплощения, среди разнообразия смыслов которого здесь нам интересны те, что собираются вокруг архитектурного элемента – шарнира или клапана между статикой и динамикой – окна в доме.

Итак, я ходил с фотоаппаратом, сужающим и без того узкий угол отпущенного человеку взгляда и делающим уж и вовсе неожиданным всплывание новых объектов в поле зрения и сознания. Эта увлекательная одиссея тем более интересна, что зрелище окружающего мира она обращает в зрение самого Мира, а смотрящего сквозь видеоискатель ставит в рефлексивное отношение к видимому: теперь он выделяет объекты (или «вырезает» их из Мира, как говорил Гераклит), он расставляет приоритеты, назначает острота устойчивости в потоке длящегося. Ведь фотоаппарат обладает свойством отстранять мир в своих ракурсах, что позволяет считать его спасительным инструментом для пребывающего в движении.

Александр Гербертович же сидел за окном в комнате на втором этаже и писал: приводил в движение Мир. Отношения между комнатой с окном и камерой-обскурой, а через нее – с объективом¹, раскрылись еще и в масштабном аспекте: Дом и его хозяин предстали гораздо более мощным устройством магии зрения-мышления, чем фотоаппарат с приданным ему номадом. Функции замечивания и фиксации здесь противостоит миссия полагания и динамизации, рассеянному и близорукому перемещению фокуса внимания – концентрированный и дальноточный вектор вменяющего воображения, созерцательному скольжению по поверхности вещей и любопытствующему проникновению в иные из них – интенциональность проекции изнутри наружу. И дело не столько в различии направленности, сколько собственно в масштабе. Делез и Гваттари, кажется, поспешили со своей центральной метафорой о номаде: все, что ими заявлено как реперы постмодернистской мысли, замечательно вмещается в Дом европейской цивилизации, оставаясь все так же ненужным кочевым племенам и прочим бродягам, как и раньше, до номадологической концептуализации. Более того, мышление, кажется, вообще возможно только в Доме, только оседло. Страх перед вменяющим воображением, перед самым вектором «изнутри – наружу», сильно дискредитированным в XX столетии (если не сказать с Нового времени), а также и понятное разочарование во всем сопряженном с ними корпусе смыслов, заставляли многих быть ригористами, не оставляя места рефлексии о причастности всякого ригоризма отвергаемой парадигме. Парадигмы можно и нужно менять, но не по принципу обмена военнопленными, не «всех на всех».

По крайней мере, лишь в Доме внешнее впервые является как ценность. Лишь книга впервые придает смысл и полноту существования всему тому, что оставлено ею (якобы) в стороне, вне ее обложек. У книги нет окон, иначе бы ее пронзительные взгляды на внешний мир были бы очевидны.

У номада вообще нет ценностей, кроме тех, что он может носить с собой (у него нет и целей – цели возникают в узком интенциональном коридоре, а не в безбрежном пространстве равномерного созерцания или потребле-

1. Слово не нейтрально: почему объектив? Какую объективность придает он взгляду, проходящему через него? Какую объектность приобретает мир, увиденный в нем? Мы говорим о субъективности взгляда, а видимый из-под лба мир объявляем объективно существующим, но нам недостает малого – опосредующего объективатора, отчуждающего взгляд. Остановка сознания, отстранение (и остранение) дают такое отчуждение, прерывают взаимодействие внешне-го и внутреннего. Окно же для смотрящего изнутри, напротив, восстанавливает связь, привносит динамику и преодолевает отстраненность; оно, в этом смысле, противоположно объективу, оно – «субъектив».

ния). Ценностная привязка или аксиологическая фиксация неизбежно ведут к центрации пространства, а с ним и к остановке, оседлости. Такая фиксация, как фотографирование, потому и спасает положение, что оставляет следы остановленного движения в «домике» пойманного света, который можно носить с собой, не заботясь о привязке и прописке.

Окно – граница между миром динамики и остановленным миром – Домом. Но остановленное зрелище Мира за окном, как и картина на стене, – условие (едва ли не обязательное) совсем иной динамики – динамики воображения и мышления, которая задается и организуется самим Домом².

Взгляд на окно извне – стремление к остановке мира, в котором окно – один из приоритетных «гвоздиков», не менее эффективный, но, видимо, более двусмысленный [2], чем, скажем, менгир. В отличие от камня, взгляд на окно непреткновенен, он не отскакивает и не опира-

ется. В окне взгляд вязнет; подчиняясь статике Дома, он перестает скользить, проникает вовнутрь, что означает так или иначе выход из ландшафта. Напротив, взгляд из помещения на ландшафт – это движение воображения, побег за границы видимого и достижимого телом, прорыв за телесность (мышление ведь по давней традиции – еще до Декарта – конституируется в оппозиции телу).

И то, и другое – движения глаз. Но в первом случае это движение в диапазоне угла, отведенного природой зрения и, соответственно, обреченное иметь дело с появлением в поле зрения как объектов наблюдения, так и кем-то созданных знаний, требующих от нас для усвоения остановки и концентрации; а во втором – зрение в диапазоне оконной рамы: ограниченное в охвате, оно тем самым провоцирует движение вдаль, но движение к собственным горизонтам.

Пребывая в ландшафте, мы получаем возможность движения вширь с выделением топики и фиксацией

2. Место как условие мышления – тема трудная, если вообще возможная для подавляющего большинства известных традиций и школ мышления. Но, по крайней мере, платоновская академия, как и иные античные «мыслительницы» и их наследники, локальную привязку имели. Так что тень большого дерева, платан развесистый, тоже сгодится. С другой стороны, подавляющее большинство традиций мышления, увы, ориентировано отнюдь не на пространственную топологию и не на те свойства пространственного воображения, что составляют смысл архитектурной интуиции, который мы намерены здесь обсуждать.

в Дом А. Г. Раппапорта. Фото П. Капустина

3. Психологический эффект обострения зрения при взгляде через трубу или длинный коридор с окном в его торце, связанный с парадоксальным «приближением» объекта за счет резкого ограничения видимого поля, известен издревле. Он, видимо, породил странное поверье, что со дна глубокого колодца можно днем увидеть звезды.

4. Возражения со стороны информационных технологий и соответствующих гаджетов не принимаются, как не принимаются соображения о замещении телесного переживания ландшафта его виртуальной симуляцией. В первом случае мы имеем дело с номадизмом, в т. ч. и электронным, во втором – с ландшафтным онанизмом, весьма, впрочем, распространенным. Оттого, что широкие массы занимаются и тем, и другим, мы в обсуждаемом вопросе нисколько не продвигаемся, ведь нам нужно понять смысл архитектурной телесности и ее роль в индивидуации мышления. А это тема подлинности, тема присутствия, феноменологической вовлеченности; здесь Дом – это сам человек, и, скажем, хранящиеся в Доме книги, включая потенциальные, виртуальные и живущие лишь в памяти. Невозможно заменить чистой возможностью движения по сетевым ресурсам. Разумеется, подобия или симулякры Дома возможны и существуют: номер в отеле, персональный кабинет в учреждении, туристическая палатка, автомобиль, трейлер, мобильная ячейка в духе Archigram и пр. Для Диогена домом была бочка, для Ф. Пикабии – бордель. Но, как и в Интернете, человек там не вспомнит себя, там не возгорится таинственное пламя царицы Лоаны.

5. Что такое, в конце концов, корбюзиянская «функция жилья»? Какая реальность стоит за ней? И хотите ли вы в ней жить?

v Жозеф Нисефор Ньепс. Вид из окна. 1826. Первая в мире фотография; экспозиция – 8 часов

v А. Г. Раппапорт за окном второго этажа своего дома в Папардес. Фото П. Капустина

объектов; в ландшафте невозможно уйти далеко, можно лишь охватить его более или менее полно. Любое, сколько угодно длительное движение номада лишено дали, удаленность – не его свойство. Децентрированное пространство, не имея точки отсчета, не имеет и дали; протяженность в нем измеряется затратами: времени, сил, загнанными лошадьми.

Но в Доме становится возможно движение вдаль и вглубь. Чтобы увидеть дали, надо смотреть в окно³ (ср. [3]). Дали раскрываются не в движении тела (так они лишь сменяют друг друга, развлекая любопытство, т. е. завлекая путешественника и отвлекая его от самого себя). Горизонт, как известно, ускользает от движущегося, превращая само движение в дурную бесконечность. Дали (дали, намного превосходящие возможности одного лишь зрения) открываются из Дома – Места умудренного взгляда, специально созданной и организованной базы умозрения, оснащенной сугубо домашним ресурсом – памятными вещами, книгами, текстами, картинами, музыкальными записями – тем, что нельзя взять с собой, отправившись скитаться по ландшафтам⁴. Дом – это устройство захвата пространственных и темпоральных горизонтов. Скорее, не машина, а организм, поскольку организмическое устройство несводимо к функции⁵. Скажем еще раз: лишь в Доме можно двигаться вдаль, лишь в книге доступно Иное.

Автор «Статики и динамики» [1] говорит о самообнаружении человека и о Доме – месте самообнаружения. Смотрение на мир не (только) из собственной черепной коробки, но из Дома – это форма иной идентичности. Возможно, предельной и подлинной...

Шаманство речи порождает места, собирает силы и «организует пространство». Далее вступает Дом – Место бытия, организующее язык. Дом появляется вместе с языком; язык и есть дом – дом бытия, останавливающий скитания речи. Мартин Хайдеггер отождествлял речь и язык, что и позволяло ему строить онтологию, спаренную с феноменологией. Но мы можем утверждать и верность обратного: Дом есть язык – устойчивость в мире динамики, мера и норма дискурса о мире, дискурса уже рефлексивного и ведущегося из оснащенной и как бы внешней позиции. Сначала он отмеряет осваиваемое им

пространство, а затем проецирует свои структуры на мир, нормируя его бытие (впрочем, что-то подобное уже сказал Уинстон Черчилль⁶).

Значимо это обнаружение себя как Дома, смотрящего окнами на Мир, и тем самым себя как обитателя языка (не просто носителя; носители есть и там, за окном), как держателя Нормы и Меры (Масштаба). Если обратить антропоморфные метафоры – перед нами обретение человеком архитектурного тела. Дом – тело мышления или то, что восполняет телесность, утрачиваемую человеком в мышлении. Видимо, и *Genius loci* в наше время вынужден перебраться в Дом: его выживание может быть обеспечено сегодня этой сложной техноприродной «машиной», но уже не камнем, лесом.

Кинематографический опыт, несомненно, свойственен архитектуре, но в ней все же больше от фотографии и театра: таково глядение из окна (таково же, видимо (!) и разглядывание картин в раме). Вид из окна располагается между созерцанием живописи, в которой (в норме) нет реального движения, но есть или возможно движение воображаемое, и кинематографом с его сменяемыми ракурсами и перепадами масштаба, связанными с реальным или воображаемым (между сюжетами) движением камеры. Окно показывает виды в духе театрального спектакля или в стиле ярмарочного «райка»: доступное ему движение ограничено раг excellence партиями неугомонных актеров и нечастыми сменами декораций. Но есть и тайная жизнь вещей, острее понимаемая из окна, нежели в их непосредственном окружении: шевеление листьев, дыхание ветра, блики воды, стоны камня. Вещи и субстанции не спешат показывать свою жизнь человеческому глазу, но не прячутся от глаз Дома, что можно почувствовать уже в первой фотографии Ньепса («Вид из окна», 1826).

Виды из окна поезда потому стали так популярны, передав эстафету автомобильным и самолетным окнам, что там постоянно меняется ракурс: дом нашего взгляда перестает быть статичным, при этом движение остается бестелесным (не то, что в тряской карете с крохотным оконцем⁷). Этот опыт и сегодня тревожит наше воображение, правда, чаще отсылая к кинообразам, чем к Дому. Но и сам кинотеатр разве не стал симулякрот движу-

щегося дома, позволяющего нам перенести динамику от тела к эмоциям? «Нам стало видно? Значит, нам показывают, на нас обратили внимание. Это – обратная иконическая перспектива воображения», – замечает О. И. Генисаретский. Нам показывают – следовательно, обманывают и развращают. В эру автоматизации визуального наркотизма, в эру «машин зрения» (П. Вирильо), Дом не выдерживает конкуренции с институтами репрезентации, но он получает, наконец, шанс быть понятым в истине своей – истине, несводимой к целесообразно организованному сообщению.

Дом – место восстановления габитуса, обиталище в пространстве отрешенности, локальный, а потому и подлинный хабитат. Мир становится здесь представлением, а воля устремляется из окон в ландшафты; потому абстракция Мира в равной степени противопоставлена Дому и обыгрывается Домом как конститутивная для него, порождаемая им идея. Кажется, нигде лучше это не выражено, как в последних кадрах «Соляриса» Андрея Тарковского.

Литература

1. Раппапорт, А. Г. Статика и динамика. // Блог А. Г. Раппапорта «Башня и лабиринт». – URL: http://papardes.blogspot.ru/2014/08/blog-post_17.html (дата обращения: 25.03.2023).
2. Капустин, П. В. Окно Кана. // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 142–145.
3. Капустин, П. В. Порог. Портал // Проект Байкал. – 2018. – № 56. – С. 80–85.

References

- Kapustin, P. (2018). A threshold. A portal. Project Baikal, 15(56), 80–85. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.56.1327>
- Kapustin, P. (2019). Kahn's window. Project Baikal, 16(59), 142–145. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1450>
- Rappaport, A. G. (2014, August 17). Statika i dinamika [Statics and Dynamics]. Tower and Maze. Retrieved March 25, 2023, from http://papardes.blogspot.ru/2014/08/blog-post_17.html

6. «Сначала мы строим дома, потом они нас».

7. Виды из корабельных иллюминаторов по большей части также остаются маргинальными теме: там или качка, а с ней и муки тела, или же нудная монотонность штилевого пейзажа, превращающая окно в посредственную марину.

Основной целью статьи является исследование трансформации стиля банковских и консульских учреждений в Маньчжурии в сравнении с японскими аналогами. В первой части работы приводится введение и обозначена актуальность темы. Автором архитектурного стиля тацуно является архитектор Кинго Тацуно. Проведен анализ его творческого пути, выявлены основные постройки, которые впоследствии и сформировались в отдельный стиль. Показана преемственность тацуно и немецкого ренессанса, выявлены основные элементы стиля. Большая часть японских построек была сосредоточена в юго-востоке региона, в городах Далянь, Инкоу, Шэньян, Телин и Чанчунь. Было выявлено пять банков и четыре консульства в стиле тацуно. В работе проведен подробный архитектурный анализ с выявлением классических и нетрадиционных элементов в рамках стиля. Заключительная часть резюмирует полученные данные и показывает русское влияние на некоторые японские постройки.

Ключевые слова: Китай; японская архитектура; банк; консульство; посольство; стиль тацуно; архитектор Кинго Тацуно. /

The main goal of the article is to study the transformation of the style of banking and consular institutions in Manchuria in comparison with its Japanese counterparts. The first part of the work provides an introduction and indicates the relevance of the topic. The author of the architectural style of tatsuno is the architect Kingo Tatsuno. The article carries out an analysis of his creative path and identifies his main buildings, which later formed into a separate style. The continuity of tatsuno to the German Renaissance is shown, the main elements of the style are revealed. Most of the Japanese buildings were concentrated in the southeast of the region, in the cities of Dalian, Yingkou, Shenyang, Tieling and Changchun. Five banks and four tatsuno-style consulates have been identified. The work shows a detailed architectural analysis with the identification of classical and non-traditional elements within the style. The conclusion section summarizes the data obtained and shows the Russian influence on some Japanese buildings.

Keywords: China; Japanese architecture; bank; consulate; embassy; tatsuno style; Kingo Tatsuno architect.

Архитектурный стиль тацуно в Маньчжурии / Tatsuno architectural style in Manchuria

текст

Дмитрий Целуйко

Тихоокеанский государственный университет

Татьяна Смольянинова

Тихоокеанский государственный университет

text

Dmitry Tceluiko

Pacific National University

Tatiana Smolianinova

Pacific National University

Введение

Архитектура южной части восточных окраин России конца XIX – начала XX веков крайне разнообразна. Классическая архитектура, новые направления и восточная трактовка западных стилей – все это являлось атрибутом крупных городов Маньчжурии. Именно на этой территории каждая из трех империй – Россия, Китай и Япония – демонстрировали свою «государственную» архитектуру. Прежде всего это касалось финансовых и административных построек; наиболее распространенными типами были банковские и консульские учреждения.

Тема японской континентальной архитектуры, которая впервые появилась в Корею благодаря программам строительства транспортной инфраструктуры, является слабо изученной в научном сообществе. На новых железнодорожных линиях были построены вокзалы и гостиницы японского типа, вслед за которыми выстраивалась остальная инфраструктура. Идентичные процессы позже происходили на о. Тайвань, о. Сахалин и в Маньчжурии. Одной из особенностей японской застройки было стилистическое решение зданий, а именно стиль тацуно, который появился благодаря Кинго Тацуно. Исследование построек в этой стилистике заполнит и обобщит разрозненные знания, позволит ввести в научный круг ранее не выявленные объекты и сформировать более комплексное представление об архитектуре Маньчжурии конца XIX – начала XX веков [1].

Историческая база

Тематика японской колониальной архитектуры, которая имела отличия от островной, является малоизученной и описана в трудах Д. Финна, Л. Фредрика, Д. Б. Стюарта, Д. М. Рэйнольдса и Р. Яна.

Исследованием архитектуры Маньчжурии занимались Н. П. Крадин, Н. Е. Козыренко, А. П. Иванова, С. С. Левово, М. Е. Базилиевич, Ю. В. Ордынская, Е. В. Глатоленкова, Т. Ю. Троицкая, А. А. Ким, Т. А. Смольянинова, Д. С. Целуйко. Наиболее существенными являются работы Чэнь Бин, Юэ Цзэмин, Куай Яньли, Ван Хайлян, Ма Пиньань, Нисидзава Ясухико, Асада Сигэо [2; 3; 4; 5].

Наиболее изученной является архитектура зданий русского подданства различных функций и типов. Архитектура Японии лишь частично упоминается в работах исследователей при описании определенного города или функционального типа. Однако она имела свои ярко выраженные черты, которые прослеживаются в различных точках на карте. Японская архитектура Маньчжурии этого периода не описывается в научных трудах. Целенаправленно изучение японской архитектуры в Маньчжурии на примере банковских учреждений присутствует в работе А. А. Кима [6]. В этом исследовании описаны здания одной организации – HSBC.

До настоящего времени феномен японской архитектуры в Маньчжурии не был раскрыт и изучен комплексно. Архитектура рассматриваемого места этого периода имеет множество стилистических и функциональных выражений, обусловленных различными факторами. В данном исследовании авторы ставят перед собой цель собрать воедино данные о постройках банковских и консульских учреждений Маньчжурии, которые для Японии были знаковыми сооружениями, лицом империи, и поэтому были выполнены в стиле тацуно.

Стиль тацуно и континентальная архитектура Японии

Для исследования японской архитектуры в Маньчжурии необходимо рассмотреть процесс формирования стиля и его трансформации на островах. Архитектура Японии конца XIX – начала XX веков представляла собой по большей части здания в стиле неоклассицизма и ренессанса, а также различные вариации данных направлений с использованием элементов народной архитектуры – стиль гийёфу (擬洋風). Основой стиля выступало композиционное и функционально-планировочное решение европейских зданий, но весь декор был выполнен японском стиле; особенно четко это выражалось в форме традиционной кровли и элементов декора. Однако существовали и устойчивые наборы цветовых и декоративных решений в рамках западных стилей, которые выделяли японские постройки и за счет чего формировалось архитектурное направление. Особенно четко данный процесс прослеживается в работах архитектора Кинго Тацуно (辰野金

Исследование выполнено за счет гранта Российской научной фонды № 21-18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/>

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No 21-18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/>

< Рис. 1. Министерство юстиции Японии. Проект Ende & Böckmann.

< Рис. 2. Филиал Банка Японии в Киото. Проект Кинго Тацуно

吾) (1854–1919), который впоследствии и сформировал стиль тацуно.

Архитектурный стиль Тацуно является общепризнанным в японском архитектурном мире, иногда его называют по-японски Тацуно-сика фурикураасикку, буквально «свободная классика в стиле Тацуно» (辰野式フリークラシック) [7].

Кинго был учеником британского архитектора Джосайи Кондера, работавшего в Императорском инженерном колледже в Токио. Окончив обучение в 1879 году, через год Кинго уехал в Лондон, где обучался у Уильяма Берджеса (1827–1881). После возвращения на родину для работы в университете Тацуно, вдохновленный и обученный «европейской» архитектурой, создает ряд проектов, смешивая традиционный японский и западные стили.

В 1880-х годах он принимает участие в разработке градостроительных и архитектурных проектов для Токио, работая на бюро Энди и Бокманн (Ende & Böckmann), созданного двумя немецкими архитекторами Германом Энди и Вильгельмом Бокманном. Они работали в Японии по приглашению министра иностранных дел Иноуэ Каору; после его отставки проекты так и не были реализованы. Однако они стали основным источником вдохновения для Кинго Тацуно и базой для будущего стиля (рис. 1) [7; 8].

Классическими работами Кинго, в которых прослеживаются черты авторского стиля, считаются: филиал Банка Японии в Киото (1906) (рис. 2), станция Мансейбаси (1911/1912) (рис. 3), здание вокзала Маруноути на станции Токио (Тацуно Кинго/Касаи Мандзи/Франц Бальтцер/Герман Румшёттел) (1914). У архитектора имеются постройки и за пределами островной части Японии: Банк Кореи в Сеуле (1912) и железнодорожный вокзал в городе Шэньяне (Мукдене) (1910).

В результате архитектурного анализа не было выявлено объемно-пространственных или композиционных закономерностей: каждый из проектов отличается по пропорциям, планировкам и силуэту, сильно различаются решения кровли. В качестве общих для проектов стиля тацуно можно выделить следующие элементы:

- Основной цвет стен – оранжевый или красный; декоративные элементы выполнены в белом цвете.
- Множество горизонтальных поясов.
- Особая форма обрамления оконного проема.
- Сложная скатная кровля: наличие башен, мансард, слуховых окон и фронтонов.

Стилистической основой, на которую накладывались данные особенности, выступал неоренессанс. Еще одной важной деталью стиля тацуно было то, что и автор, и проектировщики – японские архитекторы.

И все же определить стиль тацуно как немецкий неоренессанс – здания из красного кирпича и каменных полос – было бы не совсем верно. Токийский вокзал имеет несколько стилей крыш. Архитекторы добавляли французскую мансардную кровлю; иногда смешивались черты необарокко и неоготики. Черты итальянского стиля также прочитывались в зданиях в стиле тацуно. И все же «немецкий» остается хорошим описанием стиля, поскольку большая часть работ Тацуно в 1900-х годах, несомненно, была вдохновлена более ранними проектами бюро Энди и Бокманн; возможно, даже напрямую.

в Рис. 3. Станция Мансейбаси. Проект Кинго Тацуно

^ Рис. 4. Иокогама спеши банк. Далянь

^ Рис. 5. Банк Империи Цин. Далянь

В ряде научных работ описывают сильное влияние стиля королевы Анны на работы Тацуно [1; 4; 8].

К концу 1910-х годов стиль тацуно был настолько популярным, что в институциональных структурах сложился неформальный стандарт. Благодаря множеству знаковых построек в Японии и за ее пределами у архитектора появилось большое количество последователей.

Стиль тацуно в Маньчжурии

Наиболее масштабно он был представлен в юго-восточной части региона: Порт-Артур, Далянь, Инкоу, Хайчэн, Шэньян, Телин, Чанчунь и Гирин. Широко использовался в различных типах зданий: вокзалы, министерства, образовательные учреждения, административные постройки и др., но наиболее обширно он представлен банковскими и консульскими зданиями. Внешний облик построек демонстрировал величие растущей империи и поэтому должен был идеологически соответствовать стилистическим тенденциям в столице Японии, а именно – стилю тацуно [14].

Среди банков выявлено шесть построек в трех городах: Далянь, Инкоу и Чанчунь. Они были возведены в период с 1906 по 1920 годы.

Далянь. Выявлено три постройки: Банк Даляня, Иокогама спеши банк, Банк Империи Цин.

Иокогама спеши банк (横滨正金银行). Двухэтажное здание 1909 года постройки (рис. 4). Нетипичными элементами в рамках стиля были цилиндрические башни по краям главного фасада со сферическими купольными сводами; на центральной композиционной оси симметричного фасада установлен купольный свод, имеющий восемь граней. Отличительной чертой является цветовое решение: светлые оттенки в отделке фасадов и близкий к черному цвет кровли. Портальная часть представлена выступающим вперед объемом. Первый этаж без каких-либо выразительных элементов; на втором этаже смонтированы прямоугольные колонны, которые также дублируются на боковых эркерах, переходящие в декоративный арочный свод. Завершается портальная группа купольным сводом. В 2009 году произведена реконструкция, снесена задняя стена здания для объединения старой постройки с новым корпусом. Основное отличие

от классического стиля тацуно заключается в бежевом цвете стен, остальные детали, архитектурные пояса и наличники ярко выражены в фасадной композиции. А такие элементы кровли, как слуховые окна, купола различной формы и темный цвет своим образным решением тяготеют к проектам Тацуно Кинго [9].

Цумаки Ёринака (妻木頼黄), один из наиболее значимых японских архитекторов Японии периода Мэйдзи, разработал в Японии эскизный проект здания. Рабочую документацию делал Такеси Ота (太田武志). Цумаки вместе с Катаямой Токума, Тацуно Кинго, Соне Тацудзо был в группе студентов-архитекторов Имперского инженерного колледжа Токио и протеже британского архитектора Джосайи Кондера. Он продолжил учебу в Соединенных Штатах, где получил степень в области архитектуры в Корнеллском университете в 1894 году. Затем отправился в Берлин для дальнейшего обучения, одновременно работая в архитектурных бюро Вильгельма Бекманна и Германа Энде [10].

Банк Империи Цин (大清银行) (с 1912 Банк Китая (中国银行)). Построен в 1910. Здание имеет сходство в плане архитектурно-планировочного решения с Иокогама спеши банк, который расположен по соседству (рис. 5). Это проявляется в форме объекта: постройка с выступающей портальной группой и боковыми цилиндрическими объемами. Однако боковые элементы имеют в своей основе восьмиугольник, а не круг, что также отражается и на купольном своде. Центральный объем квадратной формы в плане, имеет завершение в виде усеченной пирамиды. Основной объем здания имеет высоту два этажа, но портальная группа и боковые эркеры построены высотой в три этажа. К стилю тацуно данную постройку можно отнести с трудом: основным акцентом является копирование Иокогама спеши банк, от оригинального стиля можно зафиксировать только общую форму, сложную кровлю и архитектурные пояса на первом этаже. Авторство не установлено.

Банк Даляня (株式会社大连银行). Здание находится у перекрестка, имеет два перпендикулярных фасада со скругленным углом, на котором расположена объемная доминанта (рис. 6). Выразительная часть композици-

^ Рис. 6. Банк Даляня. Далянь

^ Рис. 7. Банк Чжэнлун. Инкоу

онного центра представлена декоративным оформлением главного входа и вертикально вытянутым фронтоном.

Симметричные фасады, цоколь из камня высотой до оконного проема, стены из оранжевого кирпича и традиционные для стиля тацуну двухцветные наличники окон – все это выделяло банк на фоне окружающей застройки. Детализированный двухуровневый фронтон и вертикальный декоративный элемент на главной оси здания выступали вместо пышной кровли, свойственной стилю. В верхней части присутствуют три белые пояса, но их исполнение является нетрадиционным. Вместо выступающего кирпичного слоя этот элемент представлен белой краской по красному кирпичу, визуально приближая здание к японским аналогам. Авторство не установлено. Объект не сохранился.

В Инкоу было построено два объекта.

Банк Чжэнлун (正隆银行). Дата постройки: 1906. Здание с переменной этажностью построено на перекрестке и имеет два одинаковых уличных фасада (рис. 7). Портальная группа расположена на закругленном углу здания, завершается одноэтажной башней, огражденной балюстрадой, с купольным сводом и шпилем. Большая часть здания имеет два этажа, покрытых двускатной кровлей со слуховыми окнами. По краям каждого из фасадов расположена одноэтажная постройка, имеющая незначительный выступ вперед. Постройка обширно декорирована, по всей плоскости фасада присутствуют архитектурные пояса белого цвета, на втором этаже они прерываются. Цветовое решение соответствует стилю тацуну. Входная группа выделена выступающим дугообразным объемом в один этаж и акцентирована двумя колоннами дорического ордера. В 2009 году здание было отреставрировано.

Индустриальный банк Маньчжурии (满洲兴业银行). Здание в два этажа, различных по высотности (рис. 8). Главный фасад симметричен, центральная ось, на которой расположен основной вход, не выделена архитектурным объемом или деталями. Боковые части фасада выдвинуты вперед и обрамлены прямоугольными колоннами. Центральные оси выделены арочным сводом, окна на первом этаже с клинообразным замковым камнем. В нижней части данных объемов смонтировано множе-

< Рис. 8. Индустриальный банк Маньчжурии. Инкоу

ство архитектурных поясов. Один пояс подчеркивают нижнюю часть оконных проемов второго этажа. Кровля простая, двускатная.

В Чанчуне располагался один объект в стиле тацуну – Банк Кореи (东洋拓殖金融会社). Двухэтажное здание 1920 года постройки имеет сложную форму (трапециевидную) из-за своего расположения (рис. 9). Лицевой фасад обращен на Южную площадь, боковые фасады примыкают под тупым углом и выходят на проезды. Небольшое входное пространство из белого мрамора выделяется на фоне красного кирпича. Отсутствие гори-

< Рис. 9. Банк Кореи. Чанчунь

^ Рис. 10. Здание японского консульства в Инкоу

^ Рис. 11. Служебное здание японского консульства в Инкоу

горизонтальных полос из белого кирпича в центральной части фасада между первым и вторым этажами также подчеркивает порталную группу и общую симметричность композиции. Угловые части здания выступают вперед по отношению к линии фасада, что вместе с пилястрами задает ритм итоговому образу. Центральная и угловая части здания также имеют разные по форме и декору верхние объемы. Здание имеет плоскую кровлю, отсутствуют сложные фронтоны. Наибольшее количество белых поясов расположено в верхней части первого и второго этажей. В 1932 и 1937 годах банк сменил название. Затем в апреле 1951 года здесь разместился Народный банк Китая. В 1987 году к зданию был надстроен еще один этаж, а в 2000 году историческое здание было снесено [11]. Архитектором выступал ман Накамура (仲村佳樹), который спроектировал множество зданий в Маньчжурии и Японии.

Консульства Японии в стиле тацуно располагались в Инкоу, Чанчуне, Телине и Шэньяне. Они были возведены в период с 1900 по 1912, во время пребывания в Маньчжурии архитектора Сиро Мицухаси.

Ансамбль консульства в Инкоу состоял из двух построек в стиле тацуно.

Первая постройка – кирпичное двухэтажное здание консульства; построено в 1912 году по проекту японских архитекторов Сиро Мицухаси (三橋四郎) и Секин Йотаро (関根要太郎). Основа формы – прямоугольник и небольшими пристройками на первом этаже. Фасады постройки несимметричны. Проектом предусмотрено несколько доминант: выступающий угловой объем высотой в два этажа обрамлен белыми пилястрами, завершается массивным фронтоном; второй угол уличного фасада акцентирован небольшим эркером на втором этаже, который завершается сферическим куполом со шпилем; третий акцент расположен на дворовом фасаде, выделяя сдвоенный оконный проем фронтоном с облием декора. На обратной стороне здания был спроектирован небольшой фронтон, который завершился шпилем. Цветовая гамма выдержана в рамках стиля тацуно, большая часть белых поясов расположена в верхней части здания. Образ здания поддерживается и окружающими формами: кирпичный забор, беседка и малые архитек-

турные формы выполнены из кирпича с элементами стиля тацуно. Кровля простая, четырехскатная со слуховыми окнами. Объект выделяется на фоне остальных японских построек прежде всего асимметрией фасадов и отсутствием «традиционной» для того времени логики построения архитектурного объема, но в тоже время здание выглядит композиционно целостным. Постройка не сохранилась [9].

Архитектор Сиро Мицухаси (1867–1915) открыл собственную фирму – Архитектурное бюро Мицухаси в 1908 году. Вскоре после этого Министерство иностранных дел потребовало строительства новых консульств Японии в Китае, Маньчжурии и России. Мицухаси пробыл в Маньчжурии до 1914 года. В ноябре 1915 года архитектор заболел и умер во Владивостоке. Вместе с Сиро проектированием консульства занимался молодой архитектор Секин Йотаро (1889–1959). Строительством занималась компания Матаичиро Такаока.

Вторая постройка – служебное здание. Одноэтажное прямоугольное в плане сооружение вытянутой формы имеет довольно простое образное решение. Композиционным центром симметричного объема является порталная группа, акцентированная фронтоном с небольшими сдвоенными окнами. Большинство прямоугольных оконных проемов сдвоены, снизу и сверху ограждены поясами из белого кирпича. Большая часть архитектурных поясов сосредоточена в верхней части здания. Наличники на окнах отсутствуют. На металлической скатной кровле расположены слуховые окна.

Консульство в Чанчуне построено в первое десятилетие XX века. Кирпичное двухэтажное здание, по обеим сторонам фланкированное одноэтажными постройками. В гладких стенах из красного кирпича, акцентированных элементами белого цвета, высокой крыше, покрытой черепицей, просматривается стилизация, близкая к викторианской эпохе, выделяющая здание из общей массы эклектичных презентабельных дипломатических объектов. По компактности и массивности общего объема с угловой башней, в которой прослеживаются мотивы замковой архитектуры, близкие к ретроромантизму, можно отметить черты федерального стиля. Объем и членения фасада консульства напоминают характер-

^ Рис. 12. Здания японского консульства в Чанчуне

^ Рис. 13. Здания японского консульства в Чанчуне

ные формы классической архитектуры; при этом фасад не симметричный, но в то же время визуально уравновешенный. Строгий презентабельный образ консульского здания поддержан выступающей развитой входной группой с въездной П-образной аркой (порт-кошер), акцентированной на фасаде раскрепованным фронтоном, в тимпане которого расположено полуциркульное окно. Прямоугольные оконные проемы в плоскости кирпичных стен попарно сгруппированы, акцентированы белокаменными подоконниками и завершены в уровне первого этажа кладкой с акцентными белыми вставками; в уровне второго этажа – пояском, объединенным с сандриком, опоясывающим здание. Пороги, пояски и подоконники, выполненные из белого гранита, подчеркивают горизонтальную композицию консульского комплекса, которые по стилистике и членению создают единство образа. Объекты завершены высокой вальмовой крышей со слуховыми окнами и чердачными помещениями. Автором проекта был Сиро Мицухаси. Объект не сохранился.

Вторая постройка расположена слева от главного здания и построена раньше. Одноэтажный симметричный прямоугольный объем выполнен из красного кирпича, белые полосы на фасаде отсутствуют. Белым цветом акцентированы подоконники, элементы оконных наличников и пояса опор навеса входной группы. Кровля металлическая, четырехскатная со слуховыми окнами полукруглой формы. По центру здания на коньке кровли расположена небольшая башня со шпилем. Архитектура двух зданий во многом схожа: используются одинаковые элементы декора и объемно-пространственные формы.

Кирпичное здание консульства в Телине с высоким полуподвальным помещением построено в стиле тацуно с мотивами стиля королевы Анны, с элементами модерна начала 1900-х годов. Постройка имела Г-образную форму плана, расположена на перекрестке улиц. Объемно-пространственное решение представлено центральным двухэтажным объемом с купольным завершением, относительно которого параллельно улицам от перекрестка расходились два одноэтажных крыла. К объекту пристроен невысокий объем с односкатной кровлей.

Положение объекта подчеркнуто повышением углового объема и завершением его выступающим динами-

ческим объемом, оформленным двухъярусным шатровым покрытием и увенчано шпилем. Свободная лепка объемов и пластика фасадов, сформированная ризалитами, придают объекту живописность, усиленную светотеневыми эффектами.

Вертикально пластические формы главных фасадов акцентированы слегка выступающими ризалитами, пластика которых представлена прямоугольными очертаниями, завершенными циркульными раскрепованными фронтонами, на фоне которых выделяется входная группа. Входной блок, в отличие от всего кирпичного объема, облицован белым камнем. Авторство не установлено, предположительно архитектором был Сиро Мицухаси. Объект не сохранился.

Основное двухэтажное здание консульства в Шэньяне 1910 года постройки с цокольным этажом не дошло до наших дней в первоначальном виде. Основным строительным материалом был кирпич, и лишь в части здания применены железобетонные конструкции. Визуальным и композиционным акцентом архитектуры объекта является возвышающаяся коническая башня со шпилем на северо-западном углу, что типично для замковой европейской архитектуры. Фасад подчеркивает незначительно выступающий асимметрично расположенный п-образный входной блок с въездной аркой в стиле ренессанса. Попарно сгруппированные оконные проемы имеют прямоугольное очертание, в уровне первого этажа завершены рустом с клинчатой перемычкой, а в уровне второго этажа замковым камнем в обрамляющей гранитной тяге. Отличительной чертой постройки является контрастное использование белокаменных элементов стен, архитектурного пояса и облицовки цоколя, выполняющих роль акцентов на стене из красного кирпича. К стилистике тацуно можно отнести обрамление оконных проемов, высокий фронтон и сложную кровлю. Авторы проекта Сиро Мицухаси и Ётаро Секине. Хотя здание построено из кирпича, часть несущих элементов была сделана из бетона с армированием, который был разработан Сиро Мицухаси совместно с Хироми Кавасаки (1863–1926) [13].

Второе здание консульства, очень похожее по своей архитектуре на служебное здание консульства в Чанчуне. Одноэтажное, прямоугольное в плане, с симметричными

< Рис. 14. Здания японского консульства в Телине

фасадами, оно имеет проработанную входную группу с выносным навесом. Архитектурная стилистика идентична основному зданию.

Заключение

Каждое японское здание в Маньчжурии было демонстрацией способности Японии перед великими державами и азиатскими народами. Японская континентальная архитектура – результат японского архитектурного образования и обучения проектировщиков с XIX до середины XX века. Существуют «официальные» архитектурные стили, посредством которых Япония транслировала свою имперскую модель на континент; одним из наиболее распространенных был стиль тацуно. В данном случае интерес представляет масштаб этого процесса: насколько обширно и единообразно застраивались банковские и консульские учреждения Маньчжурии в конце XIX – начале XX веков.

Среди зданий банков существует определенная закономерность в расположении: они были построены на пересечении улиц (Банк Даляня, Банк Чжэнлун) или кольцевых развязках (Иокогама спешу банк, Банк Империи Цин, Банк Кореи). От этого формировалось объемное решение, которое во всех рассмотренных примерах идентично: симметричный объем с доминантой по центру. Только Индустриальный банк Маньчжурии в Инкоу является частью блокированной застройки. Наиболее необычным по своей форме и детализации является Иокогама спешу банк. За исключением цветового решения, он наиболее тяготеет к каноничным примерам стиля тацуно. Следует также выделить банк Чжэнлун. Несмотря на небольшой размер, фасады имеют сложную пластику с множеством декоративных элементов оригинального стиля. В банке Даляня и банке Кореи архитекторами предусмотрена плоская кровля, что не является традиционным решением; возможно, это продиктовано новыми архитектурными веяниями и техническими возможностями. На здании банка Даляня наблюдаются элементы стиля модерн, наиболее четко выраженные на фронтоне. Здесь следует иметь в виду русское архитектурное влияние в регионе, так как именно русские постройки в данный период были построены в стилях модерн и ар-нуво,

что было необычно для японских и китайских проектировщиков. Случай подобного заимствования описан молодым архитектором Секин Йотаро после посещения Харбина и изучения современной архитектуры.

В архитектуре Индустриального банка Маньчжурии отчетливо читаются черты японского стиля, однако образное решение и набор декоративных элементов сильно упрощены.

В целом архитектура японских банков соответствует японским аналогам, стилистика четко читается в каждом объекте, но в то же время заметно русское влияние в архитектуре, что порождает смешение стилей и дальнейшее развитие зодчества.

Здания японских консульств на фоне банковских построек имеют более сложное архитектурное решение. Большая часть проектов была сделана архитектором Сиро Мицухаси и имеет схожие черты. Прежде всего – это асимметрия фасадов: здание состоит из нескольких сочлененных объемов различной высоты, порталная группа всегда смещена относительно центра. На одном из углов здания расположена массивная башня круглой или квадратной формы, которая венчалась куполом. Противоположная сторона фасада имела уникальные декоративные элементы для того, чтобы уравновесить композицию. На каждом из объектов присутствуют элементы стиля тацуно. Из-за небольшого объема зданий не совсем верно сравнивать их с большими японскими аналогами. Консульства имеют уникальный и узнаваемый образ. На фоне четырех объектов выделяется здание в Инкоу, массивные фронтоны которого имеют декор стиля модерн. Прослеживается связь с банком Даляня в стилистических заимствованиях; возможно, архитектором выступал Сиро Мицухаси. Еще одной отличительной чертой является использование архитектурных поясов белого цвета преимущественно в верхней части здания.

Японское консульство всегда представляло собой ансамбль из нескольких построек, выдержанных в одной стилистике; часто территорию огораживали массивным забором, который имел цветовое и стилистическое решение в рамках ансамбля. Но ориентация зданий была различна: консульство в Инкоу просматривается со всех сторон и является доминантой окружающего простран-

ства на момент постройки, поэтому все фасады детально проработаны. Консульства в Чанчуне и Шэньяне воспринимаются только со стороны улицы. Постройка в Телине имеет два уличных фасада.

Архитектура консульских здания является весьма необычной по своей объемно-пространственной композиции, но цветовое решение и декоративные элементы соответствуют стилю тацуно. Своей уникальностью здания обязаны архитектору Сиро Мицухаси, который долгое время жил в Маньчжурии; вполне возможно, уход от симметрии продиктован влиянием русских проектов в данном регионе. В начале 1910-х годов архитектор переехал во Владивосток, где работал над проектом японского консульства [14].

Здания Тацуно на некоторое время стали архитектурным лицом Японской империи. Будучи ключевой архитектурной фигурой того времени со связями, распро-

страненными по всему архитектурному сообществу, он, по крайней мере, частично ответствен за эстетическое единообразие учреждений этого периода, оказывая реальное влияние на восприятие как метрополии, так и колоний.

Таким образом, его архитектура стала нормированной частью японского архитектурного мира. Для одних эти здания олицетворяют более утонченный и романтический период, для других они ассоциируются с социально-политической ситуацией того времени. Однако вместо того, чтобы полностью отражать ранний японский империализм, эти здания являются, по крайней мере, частичным отражением личностей, которые их построили, показательными тенденциями, которые были популярны в то время в Японии, Маньчжурии, и олицетворяют гораздо более широкую историю западного влияния на Восточную Азию.

Литература

1. Tristan R. G. *Empire By Design: Railways, Architecture, and Urban Planning in Tokyo, Taipei, and Seoul*. University of Oregon, 2014. – 172 p.
2. Крадин, Н. П. Русские города в Китае // *Архитектура Восточной Сибири и Дальнего Востока*. – Вып. 1 : Города Дальнего Востока : сб. науч. ст. – Хабаровск, 2002. – С. 109–142.
3. Базилевич, М. Е., Ким, А. А. Русские инженеры – строители банков Маньчжурии // *Проект Байкал*. – 2021. – № 68. – С. 147–151.
4. Smolianinova, T. A., Bazilevich, M. E. *Architecture of consular buildings in Manchuria (Lubin) during the first half of the 20 century* // *IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng.* – 2020 – Vol. 753.
5. Целуйко, Д. С. *Архитектура зданий Русско-Китайского банка* // *Проект Байкал*. – 2023. – № 74. – С. 156–161.
6. Ким, А. А. Особенности архитектуры филиалов банка HSBC в Маньчжурии // *Архитектон : известия вузов*. – 2021. – № 4 (76). – URL: http://archvuz.ru/2021_4/10/ (дата обращения: 24.02.2023).
7. Архитектор Тацуно Кинго. – URL: https://wiki5.ru/wiki/Tatsuno_Kingo (дата обращения: 26.02.2023).
8. Checkland, Olive. *Japan and Britain after 1859: creating cultural bridges*. Routledge (2002). ISBN 0-7007-1747-1.
9. *Иллюстрированная история городов Маньчжурии [図説「満洲」都市物語 増補改訂版] (ふくろうの本)* – Tankobon Hardcover, 2006 – 132 p.
10. Son K. *Japanese imperialistic legacy revised through statistics*, 2018. – 502 p.
11. Tseluiko, D. S. *The architecture of banking institutions in Changchun city (1932–1945)* // *IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng.* – 2020.– Vol. 962.
12. Смольянинова, Т. А. *Архитектура исторических зданий консульств в городе Шэньяне, Китай* // *Градостроительство и архитектура*. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 86–92.
13. Японский Владивосток. – URL: <https://primamedia.ru/news/412049/> (дата обращения: 25.02.2023).

References

- An Illustrated History of the Cities of Manchuria [図説「満洲」都市物語 増補改訂版] (ふくろうの本). (2006). Tankobon Hardcover.
- Bazilevich, M. E., & Kim, A. A. (2021). Russian engineers – builders of banks in Manchuria. *Project Baikal*, 18(68), 147–151. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1816>
- Checkland, O. (2002). *Japan and Britain after 1859: Creating cultural bridges*. Routledge. ISBN 0-7007-1747-1.
- Kim, A. A. (2021). Architectural features of HSBC branch buildings in Manchuria. *Architecton: Proceedings of higher education*, 4(76). DOI: 10.47055/1990-4126-2021-4(76)-10.
- Kradin, N. P. (2002). *Russkie goroda v Kitae [Russian cities in China]*. In *Architecture of Eastern Siberia and the Far East*. Issue. 1: Cities of the Far East: Collection of scientific articles (pp. 109-142). Khabarovsk.
- Smolianinova, T. A., & Bazilevich, M. E. (2020). *Architecture of consular buildings in Manchuria (Lubin) during the first half of the 20 century*. *IOP Conf. Ser.: Mater. sci. Eng.* (Vol. 753).
- Tatsuno Kingo. (n.d.). In Wikipedia. Retrieved February 26, 2023, from https://wiki5.ru/wiki/Tatsuno_Kingo
- Tseluiko, D. (2023). *The architecture of the buildings of the Russian-Chinese Bank*. *Project Baikal*, 19(74), 156–161. <https://doi.org/10.51461/pb.74.26>
- Tristan, R. G. (2014). *Empire By Design: Railways, Architecture, and Urban Planning in Tokyo, Taipei, and Seoul*. University of Oregon.
- Son, K. (2018). *Japanese imperialistic legacy revised through statistics*.
- Smolyaninova, T. A. (2020). *Architecture of the historical buildings of the consulates in Shenyang, China*. *Urban construction and architecture*, 10(3), 86–92. DOI: 10.17673/Vestnik.2020.03.12.
- Tseluiko, D. S. (2020). *The architecture of banking institutions in Changchun city (1932–1945)*. *IOP Conf. Ser.: Mater. sci. Eng* (Vol. 962).
- Yaponskii Vladivostok [Japanese Vladivostok]. (2022). PrimaMedia.ru. Retrieved February 25, 2023, from <https://primamedia.ru/news/412049/>

Проанализирован выбор объектов под консульские учреждения по пяти временным периодам. Показаны основные проблемы, возникшие в период появления первых консульских учреждений в Маньчжурии. Определены политические и экономические закономерности их развития. Анализ собранных материалов позволил выявить три типа консульских объектов, что позволило составить более полную картину их развития. Приведен краткий обзор консульских учреждений с указанием архитекторов, которые занимались их проектированием. Показано, постройки каких архитекторов были адаптированы для консульских учреждений в Маньчжоу-Го. Отмечены особенности работы консульской службы, дана информация о специфике выбора участков под строительство учреждений.

Ключевые слова: консульство; архитектура; инженер; архитектор; период; Маньчжурия. /

The article analyses the choice of objects for consular offices according to five periods of time. The main problems that arose during the appearance of the first consular institutions are shown. The political and economic patterns of development of consular institutions are determined. The analysis of the collected materials made it possible to identify three types of consular objects. This gave an opportunity to form a more complete picture of the consular facilities in Manchuria. The authors give a brief overview of the consular offices and architects who were involved in the design of this type of objects, as well as the buildings that were adapted to accommodate consular offices in Manchukuo. The article also highlights the features of the work of the consular service and provides information on the specifics of the selection of sites for construction of consular offices.

Keywords: consulate; architecture; engineer; architect; period; Manchuria.

Развитие архитектуры консульских учреждений в Маньчжурии / The development of the architecture of consular offices in Manchuria

текст

Татьяна Смольянинова

Тихоокеанский государственный университет

Дмитрий Целуйко

Тихоокеанский государственный университет

text

Tatiana Smolianinova

Pacific National University

Dmitry Tseluiko

Pacific National University

Территория Северо-Восточного Китая в конце XIX – начале XX века подверглась активному освоению европейскими державами, а расширение сфер иностранного влияния привело к формированию консульских юрисдикций. Крупнейшие европейские поселения становились их центрами. Попав под иностранное влияние, территории Маньчжурии стали активно развиваться. В городах, благодаря усилиям русских и японцев, было построено железнодорожное сообщение. Это дало толчок развитию промышленности и торговли и послужило притяжением рабочей силы и обслуживающего персонала. В результате этого переселения в Китае появилось значительное количество иностранного (европейского и японского) населения, которое в силу различных причин, преимущественно финансовых, было вынуждено образовывать своего рода диаспоры. В Китае с точки зрения расположения иностранных поселений и их инфраструктуры все более важным становится вопрос о том, где именно находились консульские учреждения и какие именно здания они занимали в зависимости от временного контекста.

Приоритетными направлениями при открытии консульских учреждений стали населенные пункты, расположенные вдоль железной дороги, а также портовые города. В начале XIX века были открыты консульские представительства России, Великобритании, Японии, США, Италии, Бельгии, Нидерландов, Германии, Австро-Венгрии, Дании, Швеции, Норвегии, Испании, Португалии, и Швейцарии, Латвии, Чехословакии, Польши [1, 2]. Консульства России стали открываться после подписания закона об их учреждении в Маньчжурии в 1908 году [3]. Всего выявлено 64 консульских учреждения в Маньчжурии, представленных 86 объектами, 20 из которых специально построены для консульских нужд. В основном консульства строились в наиболее крупных городах Северо-Восточного Китая, таких как Чанчунь, Гирич, Харбин, Цицикар, Хайлар, Шэньян и др.

Иностранные концессии были более развиты в городах, которые являлись крупными торговыми центрами, в них стали активно строиться банки, больницы, полицейские участки, почта, театры, консульства и др. Это стремительное развитие послужило появлению проектных организаций и притоку архитекторов и инженеров,

которые после строительства веток Китайско-Восточной (КВЖД) и Южно-Маньчжурской (ЮМЖД) железной дороги продолжили свою деятельность в Маньчжурии [4–7]. Над объектами, в которых разместились консульские учреждения, работали талантливые русские и иностранные архитекторы и инженеры, такие как К. Х. Денисов, А. И. Степанов, Ю. П. Жданов, К. К. Иокиши, С. А. Венсан, М. А. Трояновский, Н. А. Казы-Гирей, японский архитектор Сиро Мицухаси (Shiro Mitsuhashi), а также британское архитектурное бюро «Ашмид» (Ashmead) и др.

В процессе анализа выявленных объектов консульские учреждения были разделены на три типа. К первому типу относятся два вида объектов: 1) консульские комплексы, состоящие из нескольких построек и имеющие собственную обособленную территорию; 2) офисный особняк или усадьба, также имеющие собственную территорию, но гораздо скромнее в размерах. Второй тип представлен консульскими офисными зданиями с обособленным или выходящим на красную линию участком. Здесь при выборе объекта преобладающее значение имели постройки, доминирующие в городской планировке, такие объекты чаще встречаются в Харбине. Данный тип объектов представлен преимущественно арендными сооружениями, использовались общественные здания и доходные дома. Третий тип консульских зданий – репрезентативные особняки (рис. 1, 2). Их выбор обусловлен тем, что за неимением собственных помещений консульство временно могло располагаться в жилом доме, находящемся в собственности владельца, на тот момент выполняющего обязанности консула. Примерами такого использования могут служить особняки консулов Италии (рис. 3) и Японии (рис. 4) в Харбине.

Периодизация развития архитектуры консульских учреждений неразрывно связана с историческими и политическими процессами того времени. Анализ консульских объектов позволил отнести их к пяти периодам.

Открытие консульских учреждений в арендованных зданиях или помещениях характерно для 1898–1906 годов (первый период развития архитектуры консульских учреждений) (рис. 5). К этому времени относятся два типа объектов. Выбранные постройки не отвечали потребностям консульской службы, сложно адаптиро-

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/>
Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 21-18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/>

< Рис. 1. Консульство Португалии в Харбине. Постройка 1912 года

вались и имели преимущественно временный характер использования. Для них были характерны постройки утилитарного характера, складские и технические объекты, не имевшие архитектурной ценности, а также культовые объекты. Так, например, консульство США было расположено в храме Игун в Шэньяне и находилось там с 1904 по 1920 год. Храм подвергся значительной реконструкции, были построены новые объекты в границах храма. Вторым примером адаптации здания является консульство Российской империи, которое размещалось в здании разрушенной церкви начала XX века после ее реконструкции в 1906 году и использовалось до 1917 года.

Такие объекты не всегда отвечали потребностям организации, что способствовало созданию новых проектов консульских служб. Это прослеживается в 1906–1915 годах (второй период) (рис. 6). Для этого времени характерно использование под консульства взятые в аренду репрезентативные объекты. Их архитектурная стилистика имела выразительные, узнаваемые черты, а объекты в этом случае располагались в значимых местах города на известных жителям маршрутах. Тогда же возникает потребность в строительстве собственных консульских объектов.

Консульские комплексы (1-й тип) обладали развитой инфраструктурой, на их территории размещалось несколько построек различного назначения. В состав объектов консульства, помимо канцелярского здания, могли входить казарма, баня, конюшня, прачечная, охранный пункт, больница, рекреационная и судебный блок. Консульские особняки, кроме собственно консульского здания, включали в себя только зону рекреации и охранный пункт. При этом, в отличие от других типов консульств, у которых эта зона отсутствует, здесь она занимает значительную часть территории. Яркими примерами консульств со сложившимся корпоративным стилем являются комплексы Японии (рис. 7, 8) и Великобритании (рис. 9).

Они имели автономную территорию непосредственно для нужд консульства и представлены сооружениями российской, японской, английской, американской консульских служб. Полифункциональность таких объектов возникла на фоне слаборазвитой инфраструктуры

^ Рис. 2. Консульство Германии в Даляне. Постройка 1927 года

^ Рис. 3. Здание итальянского королевского консульства. Постройка 1919 года

v Рис. 4. Особняк японского генерального консула. Постройка 1920 года

^ Рис. 7. Японское консульство в Шэньяне. Постройка 1911

^ Рис. 8. Японское консульство в Чанчуне. Постройка 1912

^ Рис. 10. Консульство России в Чанчуне. Постройка 1914

^ Рис. 11. Консульство России в Инкоу. Постройка 1904

v Рис. 9. Консульство Великобритании в Шэньяне. Постройка 1910

городов Маньчжурии, медицины и человеческой деятельности. В результате консульские учреждения имели территории с развитой инфраструктурой. Активное проектирование объектов консульских учреждений для работы и проживания консульского корпуса началось с 1911 года. Для консульства Российской империи в 1913–1914 годах инженером Николаем Александровичем Казы-Гиреем были созданы проекты построек в Харбине, непосредственно консульского здания, дома генерального консула и дома для двух вице-консулов [8].

Расширенное функциональное наполнение характерно для японских и английских консульских служб в крупных городах – Чанчуне, Шэньяне, Инкоу. Эти учреждения также имели большой штат канцелярских служащих. Функции этих консульств расширялись в зависимости от статуса консульства, размера штата сотрудников и выполняемых обязанностей. Консульская резиденция включала в себя жилые, приемные и досуговые залы для гостей консульства. Постройки для японского учреждения, расположенные в Чанчуне и Шэньяне, спроектированы архитектором Сиро Мицухаси. Эти постройки практически идентичны, имеют черты, присущие японскому стилю «тацуно» (tatsuno), мотивы замковой архитектуры, близкие к ретроромантизму, запечатлены в угловой башне.

> Рис. 5. Временные рамки первого периода (1898–1906)

> Рис. 6. Временные рамки второго периода (1906–1915)

Первые консульские учреждения Великобритании в Маньчжурии, выполнялись по проектам архитектурного бюро НВМ, офис которого располагался в Шанхае. Офисные особняки представлены преимущественно русскими консульскими объектами (рис. 10, 11) [9]. Интересно, что в зависимости от смены политического влияния, консульства могли совмещать в себе выполнение нескольких консульских функций разных стран.

Использование арендованных объектов все еще было характерно для 1906–1911 годов, большая их часть находилась в Харбине, многие из зданий сохранились до наших дней. Для крупных стран характерен принцип выбора объектов, при котором использовалось все здание, для других – частичная аренда домов (тип 2). При аренде целого здания принимались во внимание те же критерии, что и при аренде части здания. Но архитектура таких построек не была столь выразительна, прежде всего они обеспечивали функциональные потребности. Это больше характерно для консульских учреждений в период их открытия. При отсутствии помещений консульства открывались в репрезентативных, ключевых для города постройках. Здесь выделяются первые арендные консульские постройки в Харбине, примером которых может служить Генеральное консульство Российской империи (рис. 12), открывшееся в здании на Вокзальном проспекте в гостинице КВЖД, ныне «Ямато-отель». Здесь консульство располагалось с 1907 по 1909 год. Двухэтажное сооружение с оштукатуренным фасадом с элементами стиля модерн спроектировано в 1904 году архитектором Денисовым, по конфигурации в плане имеет Г-образное очертание. После реконструкции 1936 года, выполненной японскими и российскими специалистами, архитектура здания приобрела легкий эклектический оттенок, перед входной дверью появился козырек. Произведены функциональные изменения, такие как застекление открытой террасы, ставшей обеденным залом, и перестройка входной груп-

< Рис. 12. Генеральное консульство Российской империи. Постройка 1904

пы с выступающим навесом. В настоящее время здание используется как гостиница.

Позднее консульство арендовало здание технического училища, где оно располагалось в 1909–1920 годах (рис. 13). Постройка, возведенная по типовому проекту, имеет вытянутую прямоугольную форму, фланкирована по торцам лестницами в стилистике модерн. Объект неоднократно претерпевал изменения: так, например, в 1927 году он был расширен в сторону Большого проспекта. Позднее, в 1953 году, здание было достроено по проекту архитектора П. С. Свиридова. Постройка стала занимать всю площадь участка вдоль улицы Садовой.

В зависимости от типа и размеров городов, а также от расположения здания в городской структуре консульские объекты могли быть офисного типа – в них начинала исключаться жилая функция. При этом функциональный состав объектов также сокращался. Это характерно для периода с конца 1907 до 1915 года. Такие объекты построены в городах Чанчунь, Телин, Инкоу, все они имеют схожие принципы организации консульских территорий.

Общий принцип выбора объектов для размещения консульских учреждений зависел от статуса и размера учреждения: так, например, крупные консульства располагались преимущественно в специально построенных объектах. Остальные довольствовались съемными объектами или помещениями, в которых могли находиться только офисы консульств, зачастую объединяющие функции консульств нескольких стран.

Снижение активности открытия арендных консульских учреждений и отсутствие строительства новых объектов наблюдается в 1915–1920 годы (третий период) (рис. 14). Это связано с нарастающим экономическим кризисом и Первой мировой войной.

Увеличение иностранного населения в 1920–1931 годы (четвертый период) (рис. 15) и появление новых государств после Первой мировой войны привели к массовому открытию новых консульств. Большинство из них представляли собой арендованные помещения или здания, отличающиеся выраженной канцелярской функцией (тип 2), также появлялись консульские кабинеты. Примером может служить Генеральное консульство

СССР (рис. 16), в 1925 году открывшее свои кабинеты в помещениях типографии «Озо». Здание Московских торговых рядов, построенное по проекту архитектора К. К. Иокиша в стилистике рационального модерна, состоящее из модульных повторяющихся элементов фасада, не было типичным объектом для размещения консульских учреждений исходя из его функционального назначения, но выгодное градостроительное положение имело важное значение.

Вторым примером может служить сохранившаяся выразительная постройка, выполненная подрядчиком А. Г. Глебовым по проекту Ю. П. Жданова для семьи дальневосточного чаеоторговца и коммерческого советника И. Ф. Чистякова. По проекту на первом этаже размещались торговые залы и складские помещения чайного торгового дома, на втором – жилые. С 1926 по 1942 год в части здания, взятой в аренду, размещалось консульство Нидерландов (рис. 17). Ныне здание не изменило свою функцию, и по сей день в нем находится множество магазинчиков.

В это время снижается потребность в автономных территориях повышенного функционального состава. Это становится актуально даже для крупных консульских учреждений. Связано это прежде всего с развитием городов и их инфраструктуры в целом, а также с качеством обслуживания, что и привело к отсутствию необходимости в дополнительных консульских функциях, напрямую

< Рис. 13. Генеральное консульство Российской империи. Постройка 1904

> Рис. 16. Генеральное консульство СССР в Харбине. 1906

> Рис. 17. Здание нидерландского консульства в Харбине. 1912–1921

^ Рис. 18. Консульство Великобритании в Даляне. Постройка 1914

^ Рис. 19. Консульство Великобритании в Харбине. Постройка 1919

не относящихся к потребностям учреждений. Таким образом, на первое место выходят консульские обязанности, при этом жилая функция частично или полностью отсутствует. Примерами могут служить два объекта, выделяющихся из общей массы, – консульские здания Великобритании в Даляне и Харбине (рис. 18, 19). Эти постройки относятся к 1914 и 1919 годам.

Стремление английских архитекторов адаптировать привычную планировку консульских комплексов для размещения консульских учреждений в одном здании с сохранением жилой функции в перспективе не сыграло решающей роли, а попытка создания универсального консульского объекта не увенчалась успехом. Сложные пересечения функциональных зон на практике оказались неудобными. Такой тип планировки развития так и не получил.

Стоит отметить, что аренда репрезентативных особняков (тип 3) для консульских нужд характерна для Харбина и Даляня с 1916 по 1931 год. Они могли совмещать как канцелярские, так и жилые функции. Больше всего таких объектов выявлено в Харбине. Первым использовалось здание особняка Л. С. Скидельского (рис. 20) для французского консульства (1916–1947). Презентабельный особняк в исторической части города, в районе Новый город, на Больничной улице, построен в 1914 году архитектором М. А. Трояновским. Симметричный трехчастный центральный объем акцентирован сильно выдвинутыми ризалитами, фланкированными пилястрами, в два этажа с коринфским ордером и завершены фронтонами треугольного очертания. Выступающие трапециевидные эркеры на оси ризалитов, углы которых фиксируют трехчетвертные колонны, завершены циркульным фронтоном.

Известный в свое время репрезентативный особняк (рис. 3), расположенный в историческом центре Харбина,

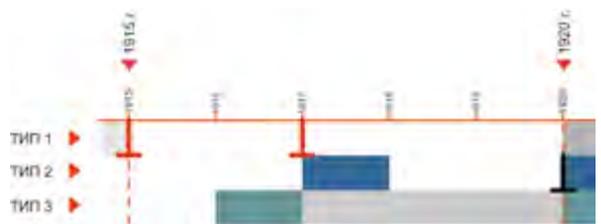
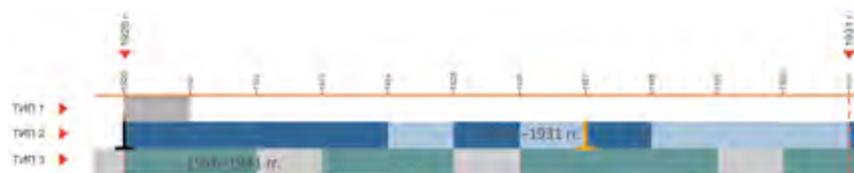
напротив Свято-Николаевского кафедрального собора, сохранился до наших дней. Особняк получил свое название в честь владельца – итальянского инженера, строителя тоннелей КВЖД П. И. Джибелло-Сокко, который, предположительно, и являлся автором проекта. Взяв на себя консульские обязательства, он с 1920 по 1926 год принимал у себя в особняке в качестве консула Италии. Отделка фасадов, выполненная в стилистике модерна с чертами английской готики и с элементами барокко, хоть и частично утраченная, все же сохранила исторический облик.

Другой консульский особняк (рис. 4), расположенный на улице Гогэли (бывшая Новоторговая), принадлежал консулу Японии. Проект здания выполнен талантливым архитектором Ю. П. Ждановым в 1920 году. Компактное двухэтажное здание, визуально воспринимаемое со всех сторон за счет высокого цоколя и смещения вглубь от красной линии, в целом является репрезентативным дворцовым объектом. Особняк сохранился в хорошем состоянии, он внесен в реестр архитектурных памятников Харбина.

В здании, спроектированном Ю. П. Ждановым для бизнесмена Л. С. Скидельского в качестве конторы Мулинской угольной компании в 1912 году, в 1921–1933 годах размещалось консульство Португалии (рис. 1), позднее там был открыт детский сад. Сохранившееся каменное здание переменной этажности, имеющее собственный небольшой участок, главным фасадом обращено на улицу Ашихэ (бывшую Ажихейскую). Несмотря на компактность здания и прямоугольный план, оно имеет сложное объемно-пространственное решение. Асимметричная композиция усложнена большим количеством выступающих объемов. Главным композиционным

v Рис. 15. Временные рамки четвертого периода (1920–1931)

v Рис. 14. Временные рамки третьего периода (1915–1920)

< Рис. 20. Консульство Франции в Харбине. Постройка 1914

центром служит изящный портик коринфского ордера с треугольным фронтоном, украшенный венком с лентами, что характерно для стилистики классицизма.

Особняк германского консульства (рис. 2) построен строительной фирмой «Ёсикава-групп» (Yoshikawa Group) в 1927 году по проекту архитектора Оноки Ёкои (Onoki Yoko). Постройка отличалась свободной группировкой архитектурных объемов и динамичным силуэтом, присутствием архитектурным мотивам стиля романтизм с элементами готики, которые в целом придали зданию черты европейской эклектической архитектуры.

Такой вид использования объектов под консульские учреждения был вынужденной мерой и применялся, пока не построят собственный объект или не подыщут подходящее помещение для аренды. В подобных объектах можно отметить отсутствие выраженной типологии и единства стилистического решения, принятых в отношении консульских зданий; их выбор больше связан с внутренними характеристиками, чем с репрезентативностью объекта.

После прихода к власти прояпонского марионеточного правительства Маньчжоу-Го в Маньчжурии началось постепенное сокращение консульских учреждений и прекращение их целенаправленного строительства (рис. 21). Некоторые из последних объектов, построенных для консульских нужд в 1931–1945 годы (пятый период), представлены на рис. 22, 23. Комплексы построек японских консульств различаются стилистическими элементами, однако планировочная структура участка все еще близка к ранним консульским постройкам Японии.

Постройка в Гирине (рис. 22) выполнена с использованием одного композиционного принципа симметрично-осевой композиции с выделением центрального объема. Декор фасада достаточно аскетичен, без лишних акцентов. Декоративные детали представлены отделкой грубообработанного камня цоколя, межэтажной тягой и бровками над окнами первого этажа. Простота и суровость фасадов смягчена отдельными мотивами романской архитектуры, присущей более позднему стилю «тацуно», характерному для японской архитектуры консульских зданий.

Новое трехэтажное здание консульства Японии в Чанчуне (рис. 23) построено на месте сгоревшего дома (рис. 4) и использовалось по назначению до 1945 года. Объект отличается геометризацией форм и объемом. Немногочисленные детали отделки фасадов – карнизы, полуциркульные наличники окон – и неожиданное применение оконных проемов различной конфигурации и оформления делают его архитектуру узнаваемой среди консульских учреждений.

Двухэтажное здание консульства Франции (рис. 24), авторство которого не выявлено, значительно отличается от ранее построенных объектов в отношении как конструкций, материалов строительства, так и стилистического решения фасадов. Фасад здания имеет выраженное поэтажное членение за счет высокого профилированного цоколя, тяг и филенок, выступающего карниза и высокого глухого парапета. Окна и первого, и второго этажа не имеют наличников, пространство под ними заполнено филенками. Простота и геометричность членений – в мотивах неоклассицизма, что сделало восприятие объекта более сухим и рациональным, а его композицию – более строгой.

Строительство объекта для консульства США (рис. 25) в 1931 году осуществлено по проекту архитектурного отдела Мори строительной организацией «Фортуна». Трехэтажное строение с подземным этажом было выполнено из железобетонных конструкций. В этом же здании располагалось консульство Швейцарии (1931–1939). Здание претерпело значительные изменения, вследствие реконструкции большая часть архитектурных элементов утрачена. Облик исторического фасада можно восстановить по сохранившимся архивным фотографиям.

В здании бывшего харбинского отделения ЮМЖД, построенном по проекту талантливого инженера

< Рис. 21. Временные рамки пятого периода (1931–1945)

> Рис. 22. Комплекс зданий японского консульства в Гирине. Постройка 1932

> Рис. 23. Комплекс зданий японского консульства в Чанчуне. Постройка 1932

^ Рис. 24. Здание консульства Франции в Шэньяне. Постройка 1931

> Рис. 25. Здание консульства США в Даляне. Постройка 1931 года

> Рис. 26. Здание генерального консульства Японии. Постройка 1924

Ю. П. Жданова, в 1936–1945 годах размещалось генеральное консульство Японии (рис. 26), закрывшееся после окончания Второй мировой войны. Сейчас здание выполняет административную функцию.

Над объектами, в которых находились консульские учреждения, трудились талантливые архитекторы и инженеры, которые знали специфику работы консульских учреждений, обладали творческим воображением в сочетании с практическим опытом. Они занимались проектированием объектов по индивидуальным параметрам, учитывающим как место положения объекта, так и постоянно изменяющиеся условия и потребности.

В Китае архитектуру этого периода, когда страна стала частью европейского мира, можно назвать колониальной. Минимализм с применением основных стилей европейских метрополий и технологий строительства преимущественно из кирпича, а позднее и из бетона был основным направлением. Каждая из стран, повлиявших на развитие колониальных районов городов, имела свою архитектуру. Однако, несмотря на различия, объединяющая цель создания комфортных объектов для консульских учреждений и заимствование опыта, в частности Великобритании, легли в основу формирования общих требований к консульским объектам Китая, в том числе Маньчжурии. Прослеживаются идентичные планировочные особенности консульских учреждений, встречающиеся в планировке консульств Японии, России и других стран, что свидетельствует об общей преемственности планировочных ращений.

Литература

1. Политехник: Юбилейный сборник. 1969–1979. – 1979. – № 10. – 288 с.
2. Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. – Харбин : Издание Гос. организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи, 1942. – 416 с.
3. Об учреждении консульств в Маньчжурии // Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи. Т. 28 : 1908. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1911. – Ч. 1. – 1008 с.
4. Крадин, Н. П., Базилевич, М. Е. Архитекторы и инженеры Дальнего Востока. Творческая деятельность выпускников столичных учебных заведений – в Забайкалье, Якутии, Приамурье, Приморье и Китае. – Хабаровск : Хабаровская краевая типография, 2020. – 234 с.
5. Левашко, С. С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX –

первая половина XX века / отв. ред. Н. П. Крадин. – Хабаровск : Частная коллекция, 2003. – 176 с.

6. Базилевич, М. Е., Ким, А. А. Русские инженеры – строители банков Маньчжурии // Проект Байкал. – 2021. – № 68. – С. 147–151. – DOI: 10.51461/projectbaikal.68.1816
7. Крадин, Н. П. Русские инженеры и архитекторы в Китае. – Хабаровск : Хабаровская краевая типография, 2018. – 380 с.
8. Смольянинова, Т. Проекты консульских объектов Казы-Гирея в Харбине // Проект Байкал. – 2021. – № 4 (70). – С. 194–199. – DOI: 10.51461/projectbaikal.70.1912
9. АВПРИ. Ф. 351. Оп. 911. Д. 38. Л. 4.

References

- Bazilevich, M. & Kim, A. A. (2021). Russian engineers – builders of banks in Manchuria. *Project Baikal*, 18(68), 147–151. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1816>.
- Kio-wa-kai (1942). *Velikaya Man'chzhurskaya imperiya. K desyatiletnemu yubileyu [The Great Manchurian Empire. To the tenth anniversary]*. Harbin: Publication of the Kio-wa-kai State Organization and the Main Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire.
- Kradin, N. P. (2018). *Russkie inzheneri i arhitektory v Kitae [Russian engineers and architects in China]*. Khabarovsk: Khabarovskaya kraevaya tipografiya.
- Kradin, N. P., & Bazilevich, M. E. (2020). *Arhitektory i inzheneri Dal'nego Vostoka. Tvorcheskaya deyatel'nost' vypusknikov stolichnykh uchebnykh zavedenij – v Zabajkal'e, Yakutii, Priamur'e, Primor'e i Kitae [Architects and engineers of the Far East. Creative activity of graduates of the capital's educational institutions – in Transbaikalia, Yakutia, the Amur region, Primorye and China]*. Khabarovsk: Khabarovsk Regional printing house.
- Levoshko, S. S. (2003). *Russkaya arhitektura v Man'chzhurii. Konec XIX – pervaya polovina XX veka [Russian architecture in Manchuria. The end of the 19th – the first half of the 20th century]*. (N. P. Kradin, Ed.). Khabarovsk: Chastnaya kollekcija.
- Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire. (1906). Plans and photos. Fund 351. Inv. 911. File 38. Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.
- Ob uchrezhdenii konsul'stv v Man'chzhurii [On the establishment of consulates in Manchuria]. (1911). In *Rossiia. Zakony i postanovleniya. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. [Russia. Laws and regulations. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]* (Vol. 28: 1908). Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
- Politekhnik. *Yubilejnyj sbornik 1969–1979 [Polytechnic. Anniversary collection 1969–1979]* (1979), 10, 288.
- Smolianinova, T. (2021). Projects of consular facilities of Kazy-Girey in Harbin. *Project Baikal*, 18(70), 194–199. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1912>.

Концепция развития восточной части исторического центра Читы, выполненная коллективом Сибирской лаборатории урбанистики, основана на своеобразии пограничного участка (гений места) и особой редкой топонимике названия улицы Кастринская (гений времени).

Ключевые слова: регенерация квартала; пешеходный бульвар; выходы к реке; самодостаточность и окупаемость; туризм. /

The development concept for the eastern part of the historical centre of Chita carried out by the team of the Siberian Laboratory of Urbanistics is based on the peculiarities of the border area (genius of place) and special rare toponymy of the name of Kastrinskaya Street (genius of time).

Keywords: neighbourhood regeneration; pedestrian boulevard; accesses to the river; self-sufficiency and payback; tourism.

< Рис. 2 План залива Де-Кастри, составленный с карты Лаперуза 1787 года и дополненный с английской карты 1855 года

Чита. Бульвар Де-Кастри / Chita. De Castries Boulevard

Топонимика

*Где я швыряю камушки с крутого бережка
Далекого пролива Лаперуза...*

Михаил Танич

26 августа 2023 года исполняется 170 лет поселку Де-Кастри, находящемуся на берегу Японского моря в Хабаровском крае. По другим сведениям, юбилей был в марте, но так или иначе жители будут праздновать юбилей 9 сентября. Мало кто знает о Де Кастри, а между тем с этим топонимом связана славная страница истории государства Российского.

Французское название появилось на карте Российской империи благодаря мореплавателю Жану-Франсуа Лаперузу. Именно его, опытного военного, министр иностранных дел Франции маркиз Де Кастри в 1785 снарядил в кругосветную морскую экспедицию. На двух больших фрегатах «Буссоль» и «Астролябия» Лаперуз достиг Сахалина, и укрышавший его от шторма залив назвал в честь своего спонсора – заливом Де-Кастри. Экспедиция Лаперуза потом все же погибла, но, благодаря его дневникам, об открытиях стало известно. А пролив, разделяющий острова Сахалин и Хоккайдо, назвали в честь мореплавателя.

Поселок Де Кастри на берегу залива – не только географический объект; он вписан в историю. В октябре 1855 года англичане вместе с французами после неудачной попытки взять Петропавловск предприняли попытку высадиться в Де-Кастри. Забайкальские казаки, базировавшиеся там, отразили десант. Успешная оборона на Дальнем Востоке – часть Крымской войны, а в масштабах мировой истории она сыграла свою роль не только в сведениях на нет притязаний Великобритании на господство в Тихом океане, но и в закреплении за Россией Амура и Усури, т. е. Дальнего Востока.

Чита. Улица Кастринская

Когда нашей проектной команде поручили поработать с фрагментом улицы Кастринской на границе исторического центра Читы, необычное название не могло не привлечь внимания. Редкий топоним зафиксирован сегодня только в названии поселка на дальневосточном побережье и читинской улицы, залив давно переименовали.

Собственно, и улице вернули название уже в новейшей истории России.

Погрузившись в героическое прошлое имени, мы поняли, что главными героями нового урбанистического проекта могут и должны стать История с Географией.

Градостроительная сущность отрезка улицы Кастринской от Амурской до Мостовой – ее пограничность и диагональность. Именно эта улица является границей регулярной, ортогональной Читы, называемой специалистами «правильным городом». За ней до речки Читинки – хаос в застройке и улично-дорожной сети.

Однако эта незавершенность, неприбранность и дает возможность организовать выходы исторического центра к воде. Бульварами, связывающими город с рекой, могут стать улицы Мостовая, Партизанская, Красноармейская, Богомягкова и вектор от перелома улиц Амурская-Кастринская. Знаменательно, что, как бульвары, все эти пять улиц могут стартовать именно от Кастринской и четыре из них – именно от рассматриваемого нашим проектом участка, также являющегося потенциальным пешеходным диагональным бульваром.

Восточнее выходы из центра к Читинке затруднительны, если не невозможны, так как река отрезана от исторического центра Транссибом.

Основная территория разрабатываемой концепции расположена на главной планировочной оси города – улице Ленина. Центральное значение улицы сохраняется по сей день.

Квартал включается в исторический центр города, располагается на его периферии. Историческим центром города Читы принято считать застройку севернее реки Читы в границах улиц Баргузинская – на востоке, Новобульварная – на севере, Шилова – на западе. Остальные исторические территории именовались предместьями и застраивались по сельскому типу. Таким образом, квартал расположен в системе сложившихся годами связей.

Квартал примыкает к одному из городских подцентров, формируемых площадью Октябрьской революции, объектами административного управления, правительственными учреждениями (Главное управление МЧС по Забайкальскому краю), учреждениями культуры

текст

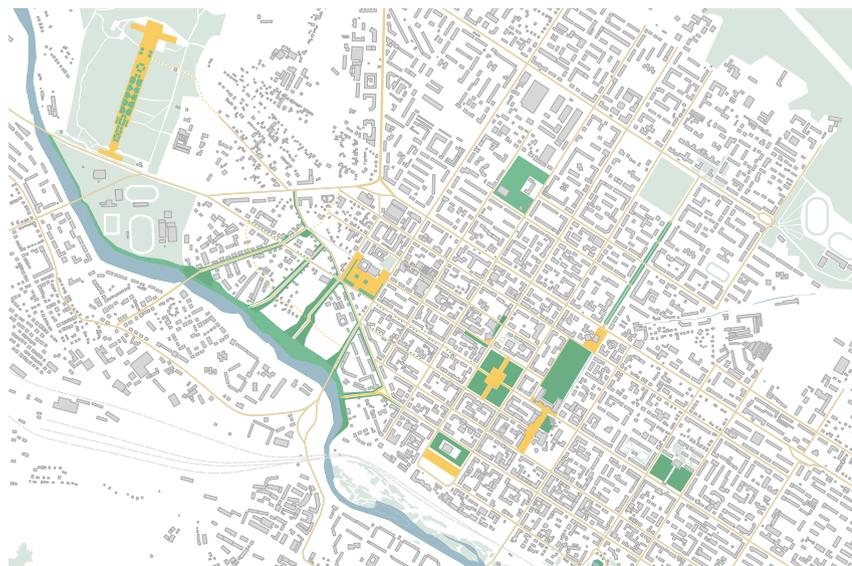
Елена Григорьева
РААСН

text

Elena Grigoryeva
RAACS

в Рис.1. Жан-Франсуа де Гало де Лаперуз (1741 – около 1788)

^ Рис. 4. Новые бульвары – выходы к реке в концепции связей общественных пространств

^ Рис. 3. Проектный план. 1885

Концепция развития центральной части города Читы в границах улиц Кастринская, Ленина, Богомяккова

Проектирование:
Сибирская лаборатория урбанистики

архитекторы
Елена Григорьева,
Наталья Подшивалова,
Анастасия Репина

визуализатор

Марк Русанов

экономический раздел
Сергей Маяренков,
Евгения Кензина

(Дворец молодежи «Мегаполис»), объектами сферы торговли и услуг. Площадь Октябрьской революции входит в линейную систему открытых общественных пространств улицы Ленина наряду с площадью Ленина, парком Окружного дома офицеров Российской Армии, скверами у Забайкальского краевого драматического театра и кинотеатра «Удокан», площадью Декабристов.

Рассматриваемая территория в северо-восточном направлении связывается с объектами притяжения (старым рынком на пешеходной части улицы ул. Костюшко-Григоровича и торговыми центрами). В восточном направлении территория тяготеет к системе связей улиц Чайковского, Ленина, Лермонтова, к площади Ленина.

Система пешеходных связей пронизывает основную территорию в направлении север-юг и связывает территорию через улицу Кастринскую с остановками общественного транспорта, расположенными на прилегающей территории.

Расположенный на периферии исторического центра рассматриваемый жилой квартал тяготеет к территориям хранения автотранспорта (гаражные кооперативы – Престиж 94, ГК № 1 «Мотор»), а также объектам обслуживания автотранспорта (СТО, мойки, объекты торговли). Контекстная территория включает также индивидуальную жилую застройку. Система зеленых связей представлена фрагментарными посадками, вне связи с озеленением берега акватории реки Чита.

Проектировщики предложили не ограничивать проект треугольным кварталом, а расширить территорию проекта до размеров, необходимых для его успешности и размещения всех компонентов, функций, обеспечивающих инвестиционную привлекательность, окупаемость, самодостаточность.

Состоялись несколько стратегических сессий с участием историков, специалистов службы охраны наследия, архитекторов Читагражданпроекта, представителей городской и краевой администраций, предпринимателей. В ходе сессий авторы поделились релевантным опытом (Квартал 130 и Иркутские кварталы), принципами формирования потоков и функционального зонирования. Мнение местных архитекторов по поводу превращения улицы Кастринской на участке от ул. Богомяккова до ул.

Ленина совпало с мнением иркутян. В результате сессий были определены и утверждены следующие ключевые подходы к территории:

- включение в проект прилегающих кварталов, имеющих территории для потенциального развития в единой концепции;
- посадка на территории утраченных ОКН (или тех, которые невозможно сохранить на их существующем местоположении), с условием регулирования параметров новых объектов через ПЗЗ;
- разнообразие функций: визит-центр для туристов, музей истории города, кафе, гостиницы, сувенирные лавки и др.;
- превращение части ул. Кастринская в пешеходную с возможностью проезда для резидентов;
- перспективная пробивка пешеходного хода к набережной р. Чита;
- возможность подземной урбанистики, в том числе для связи с площадью Революции;
- возможность сохранения жилой функции.

Существующие памятники и средовые объекты

Квартал, ограниченный улицами Большая (Ленина) – Кастринская – Мариинская (Богомяккова) впервые был обозначен в «Проекте на устройство областного города Читы» 1862 года, подписанном императором Александром II. Улицы на нем были еще безымянными. Решение об их наименованиях было принято Городской думой после 1875 года. К началу 1880-х годов этот первый генплан города был практически реализован. Интенсивная застройка квартала началась уже во второй половине XIX в. На «Плане проектированного расположения областного города Читы Забайкальской области» 1885 года кварталу присвоен № 43, и он обозначен как полностью застроенный жилыми домами. Первые здания представляли строения без фундамента, декора, в большей степени пятистенки с чисто жилой функцией. До современности дошли два таких объекта по адресам: Кастринская, 10 и Богомяккова, 13 – жилые дома постройки до 1890 года. Подобные дома были построены по всей красной линии квартала, но после 1906 года строения были заменены на более добротные дома-усадеб с архитектурным декором, железной крышей и строениями внутри усадеб:

^ Рис. 7. Кastrинская, 16. Дом Шатовой. 1906–1907

^ Рис. 6. Кastrинская, 14. Дом Войлошниковой. До 1915

высокими бревенчатыми сараями, флигелями, зимовьями (теплыми), погребами, ледниками, конюшнями, банями и амбарами. Дома имели изразцовые печи, глубокие и просторные подвалы и подполья.

В настоящее время в квартале сохранилось шесть жилых домов, три из них являются объектами культурного наследия:

1. Кastrинская, д. 12. Дом жилой Смирновой В. П. (1914). Объект культурного наследия регионального статуса охраны. По данным архива БТИ, владение принадлежало Смирновой Варваре Потаповне. Во владении был земельный участок 84,2 кв. саж., из них под постройками было 40,4 кв. саж. На участке размещались два деревянных одноэтажных дома, которые возводили сами владельцы в 1914 году.

Дом одноэтажный бревенчатый, крыша железная, без фундамента (фундамент был подведен в 1920-е годы). В доме было две квартиры. В первой квартире 5 комнат, во второй 4 комнаты, освещение электрическое. Первая квартира размером 20,0 куб. саж., вторая 15,7 куб. саж.

2. Кastrинская, 14. Дом жилой Войлошниковой И. А. (до 1915). Объект культурного наследия регионального статуса охраны.

Владение по ул. Кastrинская, 14 принадлежало Войлошникову Иону Алексеевичу, который купил его в 1906 году. В 1916 году Войлошников умер, владение перешло по наследству Томашевской Анне Алексеевне, отставной повивальной бабке. По данным БТИ, в 1923 году владение состояло из дома деревянного одноэтажного, на каменном фундаменте и дома дощатого с мезонином.

3. Кastrинская, 16. Дом жилой Шатовой Д. Е. (1906–1907). Объект культурного наследия регионального статуса охраны. Владение принадлежало Шатовой Домне Егоровне и включало в себя земельный участок 757,8 кв. м. Участок был приобретен в 1901 году у Войлошниковой Федора Алексеевича. В июне 1906 года Домна Егоровна Шатова просит городскую управу утвердить план каменного двухэтажного дома с подвалом по ул. Кastrинской.

По данным переписи 1917 года, во владении Шатовой Домны Егоровны по ул. Кastrинской, 5 было три отдель-

ных жилых строения, одно нежилое, одно фабрично-заводское. Фабрично-заводское помещение представляло собой завод фруктовых вод и лимонадов, основанный в 1900 году. Завод был зарегистрирован Забайкальским врачебным отделением; на заводе работало 4 чел.

С Домной Егоровной проживал ее сын Андрей и его жена Параскева Семеновна.

По данным архива БТИ, каменный дом по ул. Кastrинской 16 на каменном фундаменте, крыша железная, освещение электрическое. Площадь дома 154 кв. саж. На первом этаже дома четыре комнаты и кухня, на втором – пять комнат и кухня, внизу подвальное помещение. С 1918 года дом занимала городская милиция. Жилая функция вернулась, когда в 1949 дом перешел в собственность Облпотребсоюза.

После национализации и изгнания домовладельцев в 1922–1926 годах в домах были обустроены коммунальные квартиры, изменена первоначальная внутренняя планировка. В советский период произошла утрата объектов на пересечении улиц Ленина и Кastrинская, в средней части ул. Кastrинская.

Что касается фронта застройки вдоль улицы Ленина, то здесь произошло следующее. Планом города 1956

v Рис. 5. Кastrинская, д. 12. Дом Смирновой. 1914

^ Рис. 9. Кастринская, д. 25. Дом жилой Чернышева И. Н. Объект культурного наследия регионального статуса охраны. Нач. XX в.

^ Рис. 8. Утраченная застройка вдоль ул. Большая (Ленина)

года были расширены красные линии улицы. Со временем фронт застройки улицы был утрачен. Дома, согласно плану Лобанова, принадлежали (рис. 8, слева-направо): Нагорнову Андрею Ильичу (1), Вамбургу Моисею Абрамовичу (3), Доминской Антонине Федоровне (5), Наворасову Николаю Ивановичу.

Несмотря на утраты, квартал сохранил свою аутентичность. Строения имеют яркий индивидуальный облик соответственно эстетическому вкусу заказчика и отличаются капитальностью. По мнению читинских историков и авторов проекта-иркутян, квартал имеет полное право стать объектом развитой туристической инфраструктуры городского пространства Читы.

Концепцией предлагается сохранение ОКН, их реставрация, ремонт средовых объектов, дополнение существующей застройки квартала сомасштабной застройкой. Возможен перенос в квартал средовых объектов, не являющихся частью ансамблей или обреченных на гибель, – тех, которые невозможно сохранить на их нынешнем местоположении, а также воссоздание утраченных по чертежам и фотографиям.

Севернее треугольного квартала на продолжении улицы за перекрестком с улицей Ленина расположен особо ценный объект культурного наследия авторства замечательного архитектора Никитина [3].

Дом жилой Чернышева И. Н. по ул. Кастринская, 25 расположен в квартале, ограниченном улицами Кастринская – Красноармейская (Ивановская) – Большая – Партизанский переулок. Освоение территории квартала относится к началу XX в. На плане города 1885 года этого квартала еще нет. В документах переписи 1917 года этот квартал значится под буквой Г. В квартале было 9 владений, народ проживал небогатый – кузнецы, писарь, столяр. Земля в основном находилась в аренде. Согласно плану 1923 года в этом квартале отмечены только деревянные строения. Дом жилой Чернышева И. Н. по ул. Кастринская, 25 – большой деревянный одноэтажный. Главный восточный фасад дома фиксирует красную линию застройки ул. Кастринская. Собственником владения № 2 по ул. Кастринская был Чернышев Иван Ильич. Земельный участок он арендовал у города. Владение состояло из двух отдельных жилых строений, в которых

было три квартиры. В доме проживал сам хозяин с семьей и квартиранты.

В настоящее время Дом жилой Чернышева И. Н. по ул. Кастринская, 25 является объектом, обладающим историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью и имеет особое значение для истории и культуры Забайкальского края. Этот замечательный объект архитектора Никитина был одним из поводов для расширения территории нашего проекта на север вдоль исторической траектории улицы Кастринская.

Бульвар Де-Кастри. Пешеходный

Согласно Концепции, участок ул. Кастринская от ул. Богомягкова до перекрестка с ул. Ленина, превращаясь в пешеходный, становится важнейшим звеном новой системы общественных пространств, связанных с существующей площадью Революции через небольшую площадь внутри треугольного квартала и широкий наземный переход. Если городом будет принято решение об устройстве подземной парковки под частью площади Революции, то и переход этот может быть подземным.

Внутренняя площадь треугольного квартала станет местом для локальных праздников, концертов, выступлений, ярмарок. Рельеф, понижающийся к бульвару, позволяет устройство небольшого амфитеатра. Существующие и воссозданные объекты культурного наследия, средовые исторические здания открыты к внутренней площади и должны быть ориентированы на нее своими летними террасами.

Квалифицированное формирование потоков и уместные функции обеспечат инвестиционную привлекательность, окупаемость, самодостаточность нового городского организма. Какие же функции здесь уместны и предпочтительны? В первую очередь это туризм и гостеприимство, экскурсионное бюро, небольшие, преимущественно частные, гостиницы, кафе, филиалы музеев и галерей, выставочные площади, мастерские, различные традиционные ремесла, в том числе кузница (Кузнечные ряды были неподалеку), национальные культурные центры, в том числе китайский (собственник одного из участков – представитель китайской диаспоры).

Внутри треугольного квартала – движение пешеходное с возможностью доступа спецтехники. Как минимум в двух местах периметра квартала, в местах въездов автомобилей резидентов, допустимы ворота, ограждения в исторической стилистике.

Внутренняя площадь и Бульвар – связанное, взаимопроницаемое пространство. Оно имеет свой ресурс – развитие по направлению к реке, причем не только вышеперечисленными бульварами по улицам, но и внутри квартала. **Автокластер** в перспективе может получить новую специализацию: обслуживание автобусных и автомобильных туристических маршрутов, музей автомобилей и техники, там же возможно размещение объекта крупной торговли. Таким образом, примыкающий к пешеходному бульвару с юго-запада большой участок [2, с. 121–123] нынешнего автосервиса при успешном развитии событий может стать для собственника, за счет своего выгодного положения относительно яркого привлекательного квар-

^ Рис. 11. Южный фрагмент

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН

- ⊙ Северная площадь
- ⊙ Ярмарочная площадь
- ⊙ Сквер
- ⊙ Пешеходная ось
- ⊙ Пешеходная ось с твердым покрытием (проезд для резидентов)
- ⊙ Детская зона
- ⊙ Событийная площадь
- ⊙ Детская зона
- ⊙ Площадь революций
- ⊙ Подземная автомобильная парковка
- ⊙ Пешеходная ось
- ⊙ Летняя терраса/ миниамфитеатр
- ⊙ Событийная площадь
- ⊙ Ярмарочная площадь
- ⊙ Пешеходная ось с твердым покрытием (проезд для резидентов)
- ⊙ Пешеходная ось
- ⊙ Потенциальный инвестиционный проект
- ⊙ Автомобильная парковка
- ⊙ Пешеходная ось
- Памятники ОКН
- Сохраняемые деревянные строения
- Восстанавливаемые памятники
- Новые строения

^ Рис. 10. Генплан

^ Рис. 12. Северный фрагмент

тала и бульвара, дополнительным драйвером развития территории.

Северный фрагмент

Ключевым историческим объектом Северного фрагмента проекта, как уже было сказано, является дом, построенный по проекту архитектора Никитина. Расположение детского сада в центре северного фрагмента подсказывает тему территории. Тема Детства недостаточно развита в наших городах, ограничена дворовыми площадками и редкими уникальными объектами (зоопарк, кукольный театр). Предлагается размещение кафе для посещения вместе с детьми. Необходимо продемонстрировать новый подход к детским площадкам, отражающий идентичность: Робинзон Крузо (часть вторая, посвященная путешествию по Даурии), географические открытия, казачество, плотбище и т. д.). Темой этого участка может стать и образование: дополнительное дошкольное и для младших школьников, в том числе частное; история и география, музыка, иностранные языки. Здесь уместно направление обновления опыта, пополнения своих знаний о городе и его истории, о Забайкалье и его истории, о реках, несущих свои воды в Великий океан, о горах, являющихся водоразделом сразу для четырех океанов (гора Палласа), и о людях, которые все это открывали, исследовали и защищали. Имена и дела исследователей-энциклопедистов XVIII–XIX века, среди которых Поль Симон Паллас, Степан Петрович Крашенинников, Даниель Готтлиб Мессершмидт недостаточно популяризированы, часто вообще неизвестны новому поколению. Одной из миссий проекта является погружение в историю и географию Забайкалья и отражение важности исследований в сознании горожан. Знание природы и истории своего края способствуют воспитанию гордости и любви, а, следовательно, и укорененности горожанина. У города, который помнит историю и культивирует знание о ней среди своих горожан, больше шансов выиграть в конкурентной борьбе за человеческий капитал.

История с географией и здесь могут стать главными темами, главными героями этого места.

Предлагаемая проектом Северная площадь – продолжение пространства культуры с акцентом на многонаци-

ональность, столь характерную для города. Ее наполнение развивает существующие функции – гостиницы и общепит, в том числе национальные кухни, уже пытающиеся укорениться там. Расположение на продолжении ул. Мостовой позволяет осуществить удобный подъезд и размещение парковок. Северная площадь завершает пешеходный бульвар.

Треугольный квартал как старт экскурсий

Треугольный квартал имеет значительный потенциал и может стать не только объектом развитой туристической инфраструктуры городского пространства Читы, но, при размещении в одном из зданий-памятников визит-центра, стать местом старта радиальных экскурсионных маршрутов.

Отсюда открывается прекрасный вид на Титовскую сопку – бывший вулкан, место, связанное с древнейшими поселениями, петроглифами, памятниками культуры плиточных могил, стоянками каменного века. Там расположена прекрасная видовая площадка и часовня Александра Невского, покровителя города.

По пути на Титовскую сопку сразу за речкой на пересечении улиц Богомякова и Недорезова находится еще один важный объект притяжения – памятник Н. Н. Муравьеву-Амурскому. Генерал-губернатор Восточной Сибири не только повлиял на развитие империи на восток, за что получил к фамилии расширение Амурский, но и перенес столицу Забайкалья из Нерчинска в Читу, чем кардинально поменял судьбу этих двух городов.

Вектор улицы Богомякова интересен отреконструированным комплексом Винзавода, насыщен объектами торговли.

Перспективным направлением для туризма является характерная для Читы многоконфессиональность: мечеть (Анохина За), синагога, баптистский дом, дацан (последний, относительно недавно построенный, находится на той же улице Богомякова, но на противоположном ее конце).

Теме многонациональности могут быть посвящены как сам треугольный Квартал и Северная площадь, завершающая Бульвар (ремесла и кухни разных народов и культур, национальные культурные центры, праздники, ярмарки), так и радиальные экскурсии в точке притяжения (национальные культурные центры, диаспоры). Разумеется, перспективным является массовый туризм из страны, соседствующей с Забайкальским краем, – из Китая.

Детская тема, предпочтительная для начала Северного фрагмента Бульвара, подсказывает радиальные направления детских пешеходных и автобусных экскурсий: Зоопарк (Журавлева, 75), Театр кукол (Верхоленская, 2), Парк ОДОРА с его аттракционами.

И, наконец, тема декабризма. Здесь уместно было бы не ограничиваться масштабами Читы, а говорить о создании сети декабристских городов и территорий в культурном пространстве Сибири, о продвижении специализированных маршрутов как минимум по Забайкальскому краю и Иркутской области. Если такая сеть появится, то она будет иметь усиленное значение если не на федеральном уровне, то на межрегиональном – сеть двух крупных систем. Это не слишком хлопотно. Тем более и повод рядом: 14 декабря 2025 года – 200-летие восстания декабристов.

Благоустройство. Отражение идентичности

Важнейшая составляющая проекта – озеленение. Оно должно быть практически непрерывным, но при этом учитывать видовые точки, не препятствовать обзору ОКН в предпочтительных ракурсах. Все ценные деревья

и кустарники должны бережно сохраняться при реконструкции и строительстве.

Подробный проект благоустройства, наружного освещения, озеленения квартала, бульвара и его продолжения в северной части будет представлен на следующей стадии, при разработке проекта планировки. Возможно применение деревянных тротуаров там, где это уместно и функционально. В отношении к создаваемому благоустройству важно отражение идентичности в этой обновленной качественной среде.

Что касается культуры вывесок, то здесь неплохо было бы применить опыт Рыбинска в исторической части города. К сожалению, это так и не удается осуществить в Квартале 130 Иркутска, хотя было заложено еще в его концепции 2009 года. В Чите уместное оформление точно состоялось на доме Дулепова по ул. Чкалова (бывшей Уссурийской).

Заключение

В Концепции представлены сценарии использования территории, дана подробная организационная схема с прописанными функциями оператора проекта, разработана дорожная карта, приведен экономический анализ существующей деятельности на основной территории. Проведено исследование инвестиционно-экономического потенциала территории на основе анализа обеспеченности объектами общепита, обеспеченности качественными торговыми помещениями, объектами развлечения и досуга с учетом дефицита функций. Выполнен прогноз по ставкам капитализации.

Имея опыт проектирования и реализации Квартала 130 в Иркутске, мы видим следующий порядок продвижения проекта Бульвара Де Кастри к реализации. Следом за уже выполненной Концепцией – проект планировки, внесение изменений в ПЗЗ и ПЗО (при необходимости), локальные проекты реконструкции (реставрации) для каждого из лотов (усадыбы, объекты).

Треугольному кварталу уделено особое место в недавно выполненном КБ «Стрелка» Мастер-плане. Однако, на наш взгляд, проект не следует ограничивать маленьким треугольным кварталом. Как уже было сказано выше, для успешного функционирования и самоокупаемости

территорию надо расширить на север и запад, вычленив самодостаточный фрагмент. И название «Читинский квартал», предложенное авторами мастер-плана, на наш взгляд, не самое удачное: оно не отражает идентичности, особенности места или, к примеру, уникальной топонимики, отсылающей к героической истории края и его столицы.

Чита, центр Забайкальского края, нуждается в структурировании исторического центра, отражении исторической миссии края – в градостроении, в благоустроенном на современном уровне пространстве, концентрирующем историю. Таким местом и должен стать Бульвар Де-Кастри с прилегающими территориями.

Литература

1. Де Кастри: французское имя на русской карте. – URL: <https://habinfo.ru/de-kastr-frantsuzskoe-imya-na-russkoy-karte> (дата обращения: 02.07.2023).
2. Шаравина, А. Правильный город // Проект Байкал. – 2015. – № 46. – С. 121–123.
3. Иванова, А. П., Базилевич, М. Е. Оправдание Никитина // Проект Байкал. – 2021. – № 70. – С. 179–185.
4. Регионы. Окраины и центры. Сети городов. Дискуссионный клуб ПБ // Проект Байкал. – 2023. – № 76. – С. 22–29.

References

- Bokov, A., Gimelshteyn, A., Grigoryeva, E., Lidin, K., Makarov, A., Mayarenkov, S., & Suriokova, E. (2023). Regions. Pipheries and centres. Networks of cities. PB Discussion Club. Project Baikal, 20(76), 22-29. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/76.2141>
- Ivanova, A., & Bazilevich, M. (2021). Nikitin's acquittal. Project Baikal, 18(70), 179-185. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1911>
- Kuzmin, V. (2018, September 3). De Kastri: frantsuzskoe imya na russkoi karte [De Castries: A French name on the Russian map]. Habinfo. Retrieved July 2, 2023, from <https://habinfo.ru/de-kastr-frantsuzskoe-imya-na-russkoy-karte>
- Sharavina, A. (2015). A regular city. Project Baikal, 12(46), 121-123. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.964>

^ Рис. 13–14. Коллажи

Выявлены закономерности формирования существующих и включения проектируемых градостроительных фрагментов в систему исторического центра Иркутска. Рассмотрены основные этапы эволюции застройки исторического центра Иркутска, закономерности формирования фрагментов застройки на протяжении этих исторических периодов. Разработана авторская методика выявления проблем фрагментации на основе анализа конфликтных соседств застройки. Определены принципы формирования сложившейся застройки и включения современной застройки в историческую ткань. Предложен алгоритм регулирования интеграции застройки и применения его к реальной градостроительной ситуации на примере шаблона исторического квартала Иркутска.

Ключевые слова: морфотип; пространственная структура; конфликты жилых и общественных морфотипов; разграничение морфотипов как инструмент погашения конфликтов. /

The article reveals the regularities of formation of the existing town-planning fragments and inclusion of those under design in the system of the historical centre of Irkutsk. The article considers the main evolutionary stages of the development of the historical centre of Irkutsk and the regularities of the formation of the fragments of the development during those historical periods. The authors' methodology of revealing the problems of fragmentation is developed on the basis of the analysis of conflict neighbouring of buildings. The authors define the principles of formation of the established development and inclusion of modern development in the historical fabric. They also propose an algorithm for regulating the integration of buildings and its application to the real urban planning situation on the example of the template of the historical quarter of Irkutsk.

Keywords: morphotype; spatial structure; conflicts of residential and public morphotypes; delimitation of morphotypes as a tool for conflict settlement.

Баланс публичности и приватности в контексте застройки центра Иркутска / Balance of publicity and privacy in the context of Irkutsk city centre development

текст

Роман А. Селиванов
Иркутский национальный исследовательский технический университет
Андрей Г. Большаков
Иркутский национальный исследовательский технический университет

text

Roman Selivanov
Irkutsk National Research Technical University
Andrey Bolshakov
Irkutsk National Research Technical University

Введение

Стратегия развития исторических кварталов Иркутска по-прежнему актуальна. Необходимы подходы, позволяющие в условиях нового строительства сохранить узнаваемый, самобытный характер, высокую планировочную и художественную ценность достопримечательного места. В некоторых дефектах целостности городской ткани Иркутска, происходящих в результате несогласованности новых строений с историческим контекстом кварталов, выделяется аспект, выраженный в нарушении границ между частными (жилыми) и общественными пространствами.

В истории формирования застройки Иркутска выделяются этапы выстраивания отношений общественных доминант, публичных зданий и рядовой жилой застройки. К концу XIX века был достигнут баланс в отношениях публичных и частных функций благодаря тому, что организация пространственной структуры городской ткани находилась в соответствии со схемами людности и подвижности, присущими общественным зданиям,

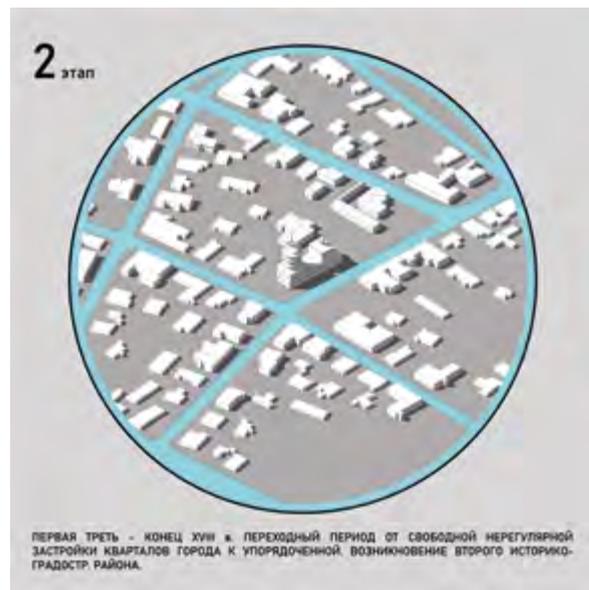
с одной стороны, и жилым зданиям – с другой. Городская ткань застройки складывается из морфотипов, которые должны находиться в гармоничном соседстве. Этого требует и цель сохранения историко-архитектурного наследия города, и цель обеспечения организации как общественной активности, так и конфиденциальности жилой среды. Морфотипы застройки являются катализаторами функциональной эффективности города и обеспечивают сохранение его памяти [1, 2]. В настоящей работе, основная задача которой – исследование влияния различных форм границ между городскими местами на формирование конфликтов публичности и приватности мест, мы показали формирование границ морфотипов как проектный инструмент погашения данных конфликтов.

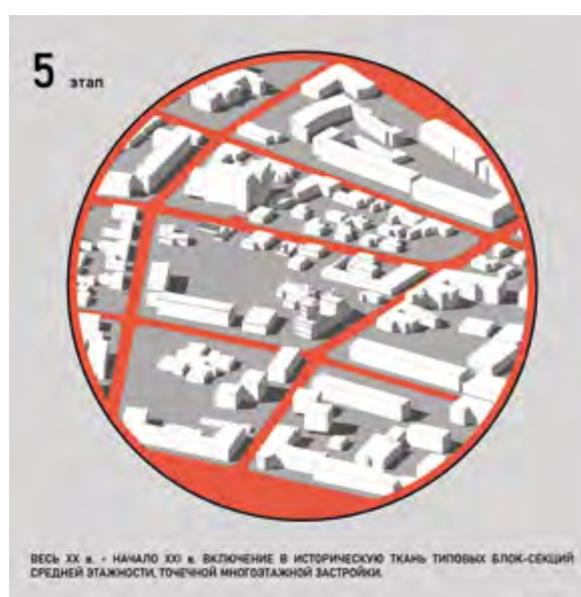
Основные этапы эволюции застройки исторического центра Иркутска

Планировка и застройка исторического центра формировались в ходе длительной градостроительной эволюции, которую можно разделить на пять основных этапов,

> Рис. 1. Первый этап эволюции застройки исторического центра Иркутска. Современное расположение квартала острога в границах улиц Нижняя набережная, Сухэ-Батора, Ленина

> Рис. 2. Второй этап эволюции застройки исторического центра Иркутска. Современное расположение места – бульвар Гагарина, улицы 5-й Армии, Степана Разина, Марата, Свердлова, Горького

< Рис. 3. Третий и четвертый этапы эволюции застройки исторического центра Иркутска. Современное расположение места – улицы Карла Маркса, Литвинова, Урицкого, Пролетарская, Фурье

< Рис. 4. Пятый этап эволюции застройки исторического центра Иркутска. Современное расположение места – бульвар Гагарина, улицы 5-й Армии, Степана Разина, Марата, Свердлова, Горького

воплощенных в четырех планировочных фрагментах градостроительной решетки.

Начальный этап эволюции застройки Иркутска (XVII век). В период освоения территории Иркутск застраивался спорадически вокруг острога, занимая береговую линию Ангары до реки Иды (в настоящее время р. Ушаковка). Для застройки Иркутска начального периода было характерно соответствие размеров и выразительности формы строения его расположению и статусу [3] (рис. 1). Архитектура жилых домов первых улиц Иркутска олицетворяла собой традиционно русское деревянное зодчество [4, 5]. На рубеже XVII – XVIII веков за счет удачного расположения Иркутск становится стратегическим опорным пунктом государства [6, 7].

Второй этап эволюции застройки Иркутска (XVIII век). Иркутск начала XVIII века был застроен деревянными одноэтажными избами с вкраплениями белокаменных церквей [6] (рис. 2). С середины XVIII века застройка в жилых усадьбах начинает уплотняться, но по-прежнему на три каменных приходилось сто деревянных домов [8]. Планировка оставалась беспорядочной с кривыми улицами, хаотичной застройкой и низким уровнем благоустройства.

Застройка Иркутска конца XVIII века производила противоречивое впечатление: стройный силуэт, изящные пропорции и пластика множества белокаменных церквей на фоне скромной архитектуры жилых домов [6]. Центральным сооружением в городе оставался деревянный острог с уцелевшими башнями и стенами, внутри которого размещались губернская канцелярия, губернаторский дом, Счетная канцелярия, пороховой погреб, амбары. [9]. Вдоль южной стены острога размещалась Спасская площадь с Земской избой и строением магистрата. На юге от острога возникла площадь с купеческим гостиним двором. Восточнее, ближе к берегу, располагался ансамбль церквей, центром которого служил Богоявленский собор. Центральная, Першпектная (в настоящее время ул. Карла Маркса), единственная прямая улица в городе, образовалась вдоль крепостной стены, частично разобранной к тому времени. Улица служила границей двух частей города, старой – Острожно-Посадской – и новой – Солдатской. В Солдатских кварта-

лах размещались казармы, гарнизонные и навигационные строения, сараи и склады кирпичного и стекольного заводов [10]. Застройка Иркутска каменными строениями демонстрирует поэтапное развитие города в качестве административно-торгового, а также культурного центра на востоке России. После реформы 1796 года Иркутск стал столицей территории от Енисея до Тихого океана [10].

Третий и четвертый этапы застройки Иркутска (XIX – начало XX века) характеризуются активным внедрением образцовых проектов, заменой деревянных церквей и строений на главных улицах на каменные, становлением и развитием публичного статуса центральных улиц и возникновением третьего и четвертого историко-градостроительных районов.

Градостроительная политика государства этого периода была направлена на разработку регулярных, регионально уместных планировок с использованием образцовых проектов жилых и казенных зданий, позволяющих добиться единства в застройке кварталов, и соблюдение строительных норм и правил. В Иркутск отправлялись «образцовые» проекты жилых домов из кирпича, в один или два этажа, и деревянных в один-полтора этажа на каменном подклете. Строительство по «образцовым» проектам в центральных кварталах было строго обязательным. Размеры участков соответствовали размерам домов. Указ 1809 года установил максимальные габариты деревянного строения 25, 68 × 25, 68 м [4]. Соблюдался единообразный фронт уличной застройки. Возведение хозяйственных построек по фронту улицы было запрещено. Регламентировалась высота жилого этажа – 3,55 м. [4]. Центральные кварталы начали застраиваться лучшими каменными домами, чтобы достичь стиливого единства на главных улицах. С 1812 по 1820 год строительство велось по сериям фасадов [10], разработанным Гесте, Стасовым и Руска.

Разнообразие «образцовых» серий достигалось комбинированием приемов, стандартизацией архитектурных деталей при их разнообразных сочетаниях. Застройка центральных улиц города за счет продуманных вариантов «образцовых» фасадов, подбора цветов окраски достигала целостности. Любые наборы домов из альбомов в са-

мых случайных вариациях обеспечивали сочетаемость уличной застройки.

Требования по застройке Иркутска были изложены в циркуляре, присланном в Иркутск в 1867 году. Предписано контролировать равномерность плотности застройки кварталов без пустырей и разрывов городской ткани. Настойчиво рекомендовалось отдавать приоритет каменным строениям по образцовым фасадам. По линии улицы к жилым домам запрещалось добавлять какие-либо деревянные пристройки. По длине фасада дом не мог превышать 25,6 м (12 сажень).

После пожара 1879 года были скорректированы красные линии, устранены тупиковые улицы и проезды [11]. С 11 апреля 1883 года, согласно постановлению Городской думы, запрещалось строить деревянные дома по центральным улицам – Большой (Карла Маркса), Амурской (Ленина), Пестеревской (Урицкого), Тихвинской (Сухэ-Батора) и Ивановской (Пролетарской) [12].

Становление и развитие публичного статуса центральных улиц происходило поступательно. В начале XIX века Иркутск был преимущественно деревянный город в один этаж с внушительной по количеству россыпью белокаменных церквей, соборов и колоколен (рис. 3) и протяженных по габаритам гостиных дворов, крупных административных и жилых каменных зданий, выгодно выделяющихся на фоне скромных рядовых строений. Купеческие дома начали строиться с лавками и казенными функциями на первых этажах [13]. Подъезды к жилым каменным и деревянным домам были организованы со дворов, частная жизнь протекала в усадьбах внутри кварталов, что формировало замкнутые приватные ячейки (сады, огороды). И это характерный для Иркутска морфотип усадьбы, дошедший до наших дней. Внутри усадеб количество построек постоянно увеличивалось, что приводило к уплотнению застройки и уменьшению огородов [6].

Сформированные по указанным нормативам кварталы Иркутска можно разделить на два характерных морфотипа. Кварталы с каменной застройкой были в два раза более плотными, чем кварталы с деревянной застройкой.

В послепожарный период появились типологически новые строения – доходные дома, которые имели два этажа, поделенные на квартиры. В отличие от жилых домов на одну семью, у доходных протяженность фасада значительно возросла. Появился парадный вход [4]. В связи с зарождением новой типологии строений (доходных домов), сочетающих жилые и общественные функции, между публичными и приватными пространствами возникли другие отношения. До этого момента публичного использования улицы почти не имели. В жилые дома усадебного типа входы были организованы со двора. В полной мере выраженный публичный характер использования имели площади. Улицы выполняли функции перемещений. Купеческие доходные дома поменяли статус улицы, сделав ее общественным пространством с правом торговать прямо из лавок на первых этажах жилых домов [12, 14].

В результате этого решения пять главных улиц были застроены плотной двух-трехэтажной каменной застройкой наиболее обеспеченной частью населения, что вытеснило деревянную застройку в периферийные кварталы. С предельной плотностью, без разрывов были застроены Большая и Пестеревская улицы. Дворы, прилегающие к этим улицам, также были плотно обстроены по периметру. Таким образом, был сформирован периметральный крупноячейковый морфотип [6, 15]. До пожара улица Пестеревская (Урицкого) сплошь состояла из деревянных домов и хозяйственных построек во дворах и не отличалась от соседних улиц. После пожара 1879 года она

бурно расцвела и получила сплошной фронт застройки. Плотным фронтом по красной линии строились купеческие и доходные дома с лавками на первых этажах [16]. На то были градостроительные причины: расположение между двумя публичными пространствами – Арсенальной площадью и Хлебным базаром – обеспечивало улице необходимую подвижность и людность [16].

Пожар 1879 года стал шокowym, переломным моментом после двухсотлетнего периода поступательно эволюционировавшей застройки города. Полностью сгорело 75 застроенных деревянными домами городских кварталов – 3418 деревянных строений и 105 каменных. По описанию очевидцев, «деревянный Иркутск» до пожарного времени был уникален по своей архитектуре и качеству строительства из дерева.

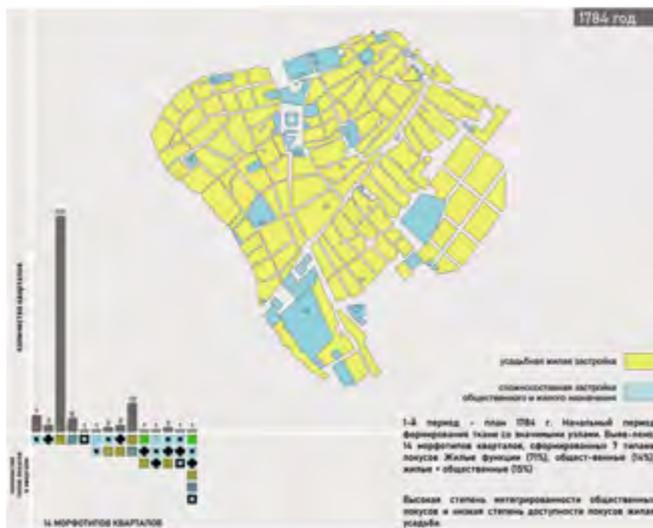
За шесть лет, к 1890 году, Иркутск восстановился в исходных (допожарных) границах кварталов. Но это был уже другой город. Архитектурное разнообразие и стилистическая согласованность улиц на деревянных фасадах первой половины XIX века были утрачены [10]. По причине пожаров центральные улицы стали застраиваться исключительно каменными домами. Как правило, это были статусные и крупные деловые и торговые строения. Площади по периметру застраивались зданиями культурного и административного назначения. Композиционным центром Тихвинской площади и всего города стал новый монументальный Казанский собор, построенный в 1893 году по проекту архитектора Г. Розена. Ближе к Ангаре, через улицу от Спасской церкви, в том же году архитектор Л. Танулевич построил польский костел. С 1870 по 1880 год жилые дома возводились по типовым проектам 1841–1855 годов, а также с применением новых образцовых фасадов [10]. Бурное экономическое развитие Иркутска в конце века дало импульс к формированию новых типов общественных зданий на центральных улицах города, значительную часть которых составили доходные и торговые дома, отели, коммерческие учреждения, галереи и т. д. [8]. Новые объекты потребовали соответствующих условий их размещения. В связи с этим вся общественно-деловая активность была перенесена на центральные улицы города [12].

Пятый этап эволюции застройки Иркутска (XX век) характеризуется включением в историческую ткань типовых блок-секций средней этажности, а позднее точечной многоэтажной застройки по индивидуальным проектам.

Первая и вторая половины XX века имеют значительные различия в подходах к застройке исторических кварталов Иркутска. Для первой половины века характерны как тактичное, так и радикально вандальное отношение к наследию. Тактичность проявлена в уместной дооправке сплошного фронта застройки исторически сложившихся центральных улиц города. К историческим зданиям пристраивались сопоставимые по высоте, массе и членениям каменные строения жилого и общественно-го назначения.

Подобный подход характерен для улиц Карла Маркса, Ленина, 5-й Армии, Урицкого, бульвара Гагарина. К радикально вандальному относится снос значительной части каменных соборов и церквей в историческом центре Иркутска: кафедральный собор Казанской Божией Матери, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, церковь Святых Прокопия и Иоанна, Устюжских Чудотворцев, храм Тихвинской иконы Божией Матери, церковь Успения Пресвятой Богородицы, часовня Спасителя, часовня Святителя Иннокентия, часовня Иверской Божией Матери, Лютеранская церковь.

Для второй половины XX века (1960–1970-е) характерно внедрение в историческую ткань кварталов Иркутска строчной застройки типовых кирпичных и панельных серий. Результаты данного явления спорадического

< Рис. 5. Баланс размещения общественных и жилых функций в кварталах исторического центра Иркутска на плане 1784 года. Авторская схема

< Рис. 6. Баланс размещения общественных и жилых функций в кварталах исторического центра Иркутска на плане 1843 года. Авторская схема

характера не заставили себя долго ждать. В эволюционно сложившихся морфотипах кварталов стали исчезать, размываться границы между частным и публичным пространством, что совершенно не присуще исторически сложившейся среде иркутских кварталов (рис. 4). В 50% случаев подъезды жилых домов типовых серий обращены прямо на улицу, с незначительным отступом от красной линии, создавая путаницу в понимании того, где проходит граница между конфиденциальной придомовой территорией жилья и публичным пространством рядом проходящей улицы (рис. 4).

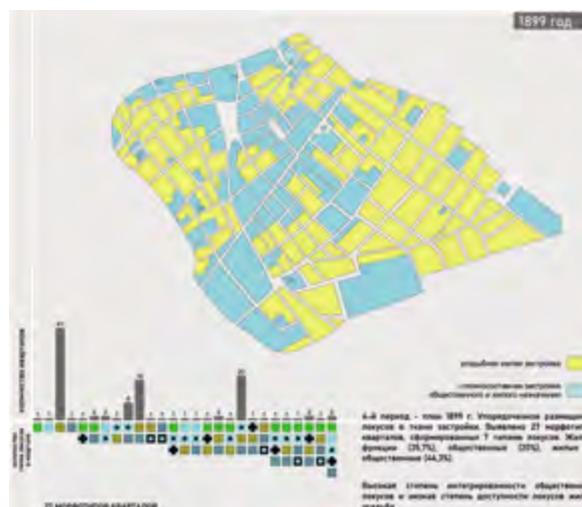
Несомненно, с положительной стороны вторую половину XX века характеризуют уникальные по своей архитектуре постройки архитектора Владимира Азариевича Павлова. Его архитектура органична и уместна в окружающем историческом контексте. Тактичное встраивание объемов по высоте, массе и членениям формы при радикально современной для Иркутска второй половины XX века бруталистской архитектурной эстетике. Что касается пространственно-функциональной организации жилой среды, то имеет место как четкое отделение частного пространства жилого двора, так и оставление придомовых территорий в открытых транзитных зонах.

Закономерности развития баланса жилых и общественных морфотипов кварталов

Установлено, что переход от упорядоченного размещения застройки в XVIII – XIX веках к произвольному с середины XX до начала XXI века привел к резкому изменению трех параметров (рис. 5–10):

- количество морфотипов кварталов возросло с 25 до 54;
- доля сложносоставных кварталов увеличилась с 37 до 78%;
- границы между частными и публичными строениями нарушились, что привело к фрагментации ткани кварталов.

В исследовании выявлена роль и значение упорядоченности и мобильности мест в структуре квартала с целью формирования свойства его интегрированности. Для устранения конфликтов между жилыми и общественными фрагментами застройки необходимо обе-

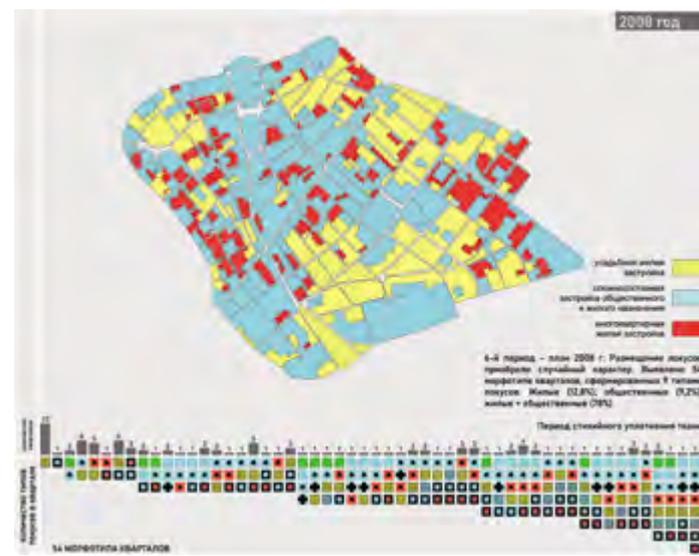
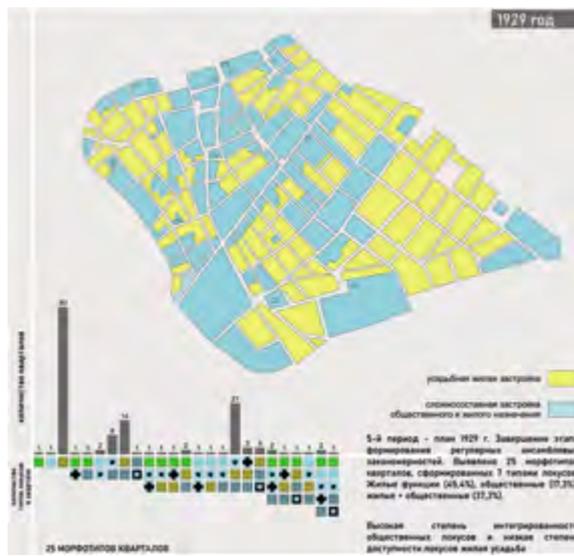

^ Рис. 7. Баланс размещения общественных и жилых функций в кварталах исторического центра Иркутска на плане 1879 года. Авторская схема

^ Рис. 8. Баланс размещения общественных и жилых функций в кварталах исторического центра Иркутска на плане 1899 года. Авторская схема

> Рис. 9. Баланс размещения общественных и жилых функций в кварталах исторического центра Иркутска на плане 1929 года. Авторская схема

> Рис. 10. Баланс размещения общественных и жилых функций в кварталах исторического центра Иркутска на планах 2008 года. Авторская схема

спечить продуманными границами застройку с жилыми функциями.

Методика выявления фрагментации исторической ткани центра Иркутска

В исследовании такое понятие, как «место», берется за основу и рассматривается в трех масштабах:

1. Центральная часть Иркутска как «достопримечательное место».
2. Квартал как место с выраженными структурными, пространственными и функциональными свойствами.
3. «Место» как модель фрагмента квартала – локуса.

Под фрагментацией понимается разрыв смысловых связей между морфотипом и функциональным назначением застройки внутри фрагмента застройки квартала, а также между несколькими фрагментами застройки (в соседствах). В качестве инструмента определения причин фрагментации ткани в исследовании введено понятие «модель базового локуса». За локус принят градостроительный фрагмент – здание или группа зданий с его функционально обусловленной территорией. Установлены два морфотипа без строений: сквер, площадь; три морфотипа со строениями: усадебный дом, многоэтажное здание и двор как группа домов.

Между морфотипом и функцией выявлена связь через жизнедеятельность человека. Процесс жизнедеятельности в городских кварталах характеризуется перемещениями и определен как «шаблон подвижности, людности». Выявлены два базовых шаблона подвижности, людности: «движение, многолюдность» и «покой, малолюдность». Им соответствуют два типа городских мест: приватному типу места – жилому двору – соответствует шаблон «покой, малолюдность». Публичному типу места – площади, улице – соответствует шаблон «движение, многолюдность». В итоге базовый локус состоит из одного морфотипа с его шаблоном подвижности и одной функции с ее шаблоном подвижности. Для функции шаблон подвижности определяется типологически по назначению объекта, для морфотипа – по факту в конкретной градостроительной ситуации. Соответствие пространственной структуры места его функциональному использованию определяется посредством выявления совместимости или несовме-

стимости шаблонов подвижности морфотипа и функции места. Критерием соответствия пространственной структуры места его функциональному использованию является совпадение шаблона подвижности морфотипа с шаблоном подвижности функции.

Выявлено и классифицировано девять базовых локусов, из которых состоят все кварталы центра Иркутска: сквер, площадь, общественное здание, общественная доминанта, жилое здание, жилая усадьба, общественная усадьба, общественный двор, жилой двор.

Под локусом понимается группа зданий с их функционально обусловленной территорией. Локусы выведены как результат анализа и обобщения существующей застройки в 130 кварталах центра Иркутска.

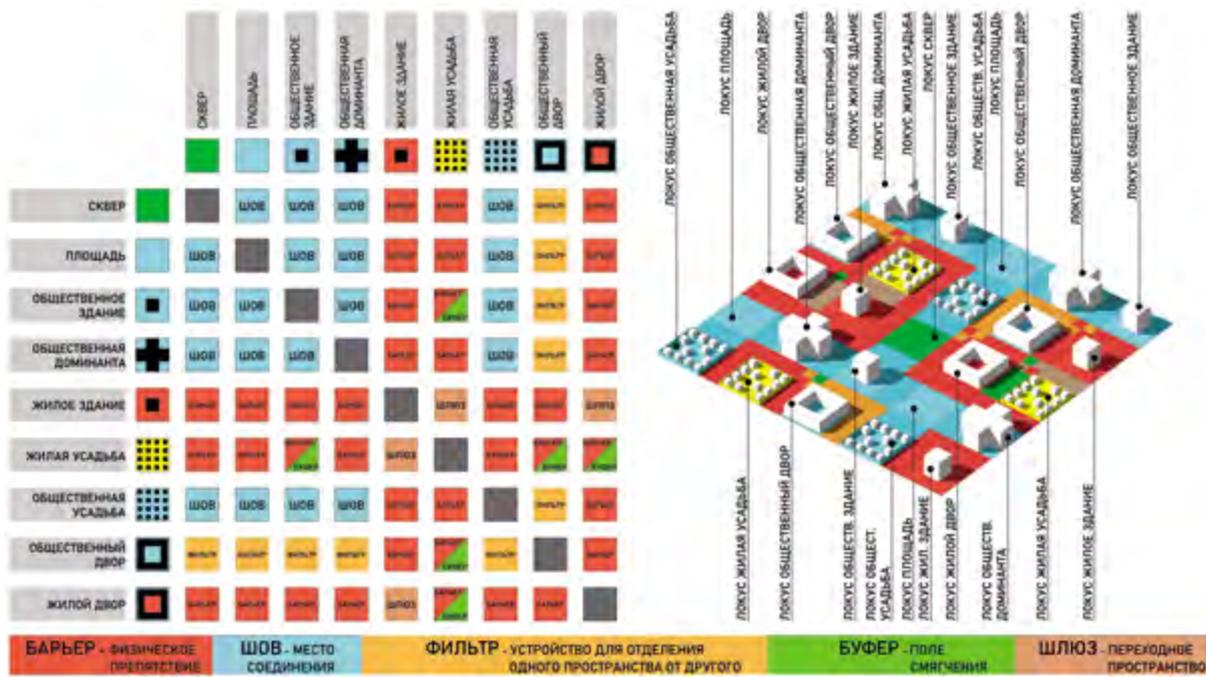
Выявление и погашение конфликтов соседств в застройке

Выявлен спектр из 36 типов соседств застройки в кварталах: 26 типов – соседства неконфликтные, 10 типов – конфликтные. 60% – это конфликты соседств строений с общественными функциями и жилыми зданиями; 20% – конфликты соседств строений с общественными функциями и жилыми усадьбами; 20% – конфликты соседств многоквартирных жилых домов и жилых усадеб. Установлено 107 случаев отсутствия границ приватного пространства жилого здания и жилой усадьбы.

Анализ конфликтных ситуаций показал, что в результате случайного процесса между шестью типами строений с общественными функциями и тремя типами застройки с жилыми функциями возникли нарушения ткани.

Выявлены принципы регулирования, способствующие повышению интеграции ткани Иркутска:

- принцип происхождения конфигурации границ исторических районов и кварталов Иркутска как формы упорядочения случайного процесса развития территории;
- принцип формирования морфотипа квартала как «зернистой» структуры фрагментов застройки с выявлением и разрешением противоречий соседств;
- принцип артикуляции границ фрагментов застройки с установлением контроля доступа либо обеспечением связей соседств и свободного доступа в структуру фраг-

< Рис. 11. Теоретическая модель видов границ, снижающих интенсивность конфликтов между градостроительными фрагментами кварталов. Авторская схема

мента квартала, в зависимости от социальной ценности, публичности либо конфиденциальности в назначении локуса.

Правила интеграции (объединения) ткани городской застройки с погашением существующих конфликтов застройки по отношению к исторической среде и включения новой застройки в городскую ткань исторического центра Иркутска. Закономерности представляют собой правила построения застройки в кварталах:

1. Исторически сложившиеся границы в целом, в том числе посредством красных линий кварталов, связывают в единое целое улицы и застройку. Строгий фронт улиц объединяет разнородную застройку кварталов. Границы формируют анклав целостности во взаимодействии соседних фрагментов застройки и координируют тем самым подвижность людей в кварталах, а при отсутствии выстроенных границ разрушаются как локальные целостности (дворы, площади и др.), так и вся ткань застройки.

2. Исторически сложившаяся модель типологии застройки достопримечательного места «Исторический центр Иркутска» содержит традиционные формы ткани благодаря иерархическому подчинению фоновой застройки вертикалям доминант, фактору подобия, нарастающей плотности, упорядоченности и этажности застройки к главным улицам.

3. Эволюционно сложившиеся закономерности формирования фрагментов застройки, располагающихся в центре Иркутска в совокупности свойств, – это морфотипы кварталов.

Алгоритм обеспечения интеграции застройки

Алгоритм включает в себя четыре этапа:

1. Определяются объекты корректировки фрагментов застройки квартала: морфотип, функция или граница между фрагментами застройки.

2. Дается характеристика преобразований: корректировка структуры, морфотипа, функции, корректировка соседств фрагментов застройки кварталов.

3. Устройство границ между фрагментами застройки квартала. Сформирован алгоритм организации границ, обеспечивающих бесконфликтность соседств между фрагментами застройки: 1) формирование границы:

замкнутая (барьер); открытая (шов); комбинированная (буферное пространство, фильтр, шлюз); 2) определение траекторий подвижности внутри периметра и мест входов на территорию; 3) выявление центрального ядра территории, ориентира и периферии – функциональное зонирование территории; 4) предметное наполнение территории (рис. 11).

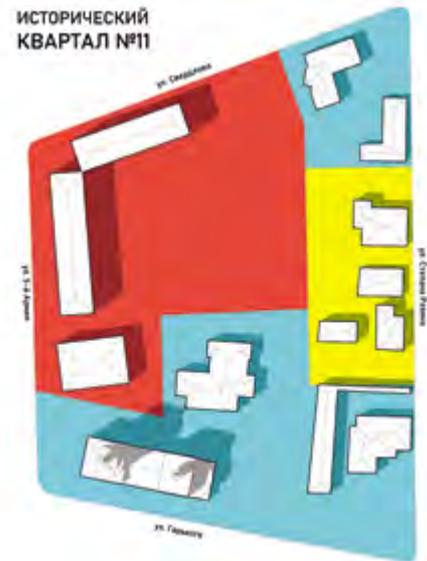
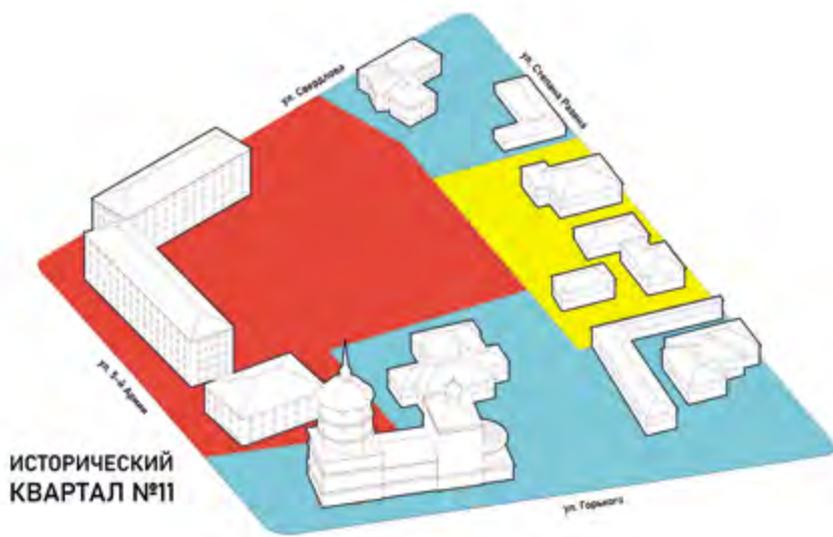
4. Включение фрагментов-буферов на стыках конфликтных соседств. Участки достопримечательного места, на которых планируется строительство, предлагается развивать, исключая новые конфликтные соседства застройки посредством размещения буферов на стыках конфликтующих фрагментов застройки кварталов.

Для этого учитывается местоположение участка относительно историко-культурного каркаса и соответствие между социальными ценностями и морфотипами застройки.

Апробация методики интеграции в схеме исторического квартала Иркутска № 11

Исходная ситуация: локус (фрагмент застройки квартала) «общественная доминанта» расположен в границах зоны охраны (03), а локусы «жилое здание» по границам зоны частичного регулирования 1-го типа (ЗЧР-1) вдоль улиц 5-й Армии и Свердлова (рис. 12, 13). Локус «жилая усадьба» располагается в границах зоны строгого регулирования 4-го типа (ЗСР-4), одной своей стороной примыкая к улице Степана Разина.

Выявленная проблема: конфликт соседств локусов «жилое здание» и локусов «общественная доминанта», «общественное здание», «общественная усадьба», «жилая усадьба». В исследовании [17] разработана формула количественной оценки интенсивности конфликтов в застройке. Интенсивность конфликта между шаблонами перемещения локусов «жилая усадьба» и «жилое здание» составила 0,1 (недостаток контроля морфотипа жилого здания). Интенсивность конфликта между шаблонами перемещения локусов «общественная усадьба» и «жилое здание» составила 0,3 (недостаток контроля морфотипа жилого здания). Интенсивность конфликта между шаблонами перемещения локусов «общественная доминанта» и «жилое здание» составила 0,5 (недостаток контроля морфотипа жилого здания). Интенсивность

^ Рис. 12, 13. Схема конфликтных соседств локусов. Исходная ситуация. Авторская схема

конфликта между шаблонами перемещения локусов «общественное здание» и «жилое здание» составила 0,5 (недостаток контроля морфотипа жилого здания). В графоаналитических моделях соседств морфотипов локусов «жилое здание» и локусов «жилая усадьба», «общественная доминанта», «общественное здание», «общественная усадьба» исходное приватное пространство (ячейка) двора накладывается на исходное публичное пространство улицы – это одна общая точка (ячейка) [4]. С этой исходной точки (ячейки) осуществляются входы, как в жилое здание, так и в жилую усадьбу, общественную усадьбу, общественную доминанту, общественное здание. Приватное жилое пространство двора не отделено от публичного пространства улицы (рис. 12, 13).

Результат корректировки морфотипа: два локуса «жилое здание» преобразованы в один локус «жилой двор» посредством докомпоновки двух жилых блоков на стыке ЗЧР-1 и 03. Данная трансформация обеспечивает необходимую приватность жилой территории за счет контроля границ пространственной структуры морфотипа «жилой двор» (рис. 14, 15). Интенсивность конфликта между шаблонами перемещения локусов «общественная доминанта» и буферного локуса «жилой двор», согласно формуле, составила 0 (бесконфликтное соседство). Интенсивность конфликта между шаблонами перемещения буферного локуса «жилой двор» и локуса «жилое здание» составила 0,1 (недостаток контроля морфотипа жилого здания). Соответственно, после возведения буферного локуса «жилой двор» между локусами «общественная доминанта» и «жилое здание» интенсивность конфликта уменьшилась до 0,1. Графоаналитически включение буферного локуса «жилой двор» между локусами «общественная доминанта» и «жилое здание» отделило исходное приватное пространство морфотипа «жилое здание» от исходного публичного пространства улицы. Структура связей соседств локусов приобрела более контролируемый характер. На стыке между образовавшимся локусом «жилой двор» и локусом «жилая усадьба» размещен буферный локус «сквер». Данная трансформация обеспечивает необходимую приватность жилой территории за счет контроля границ морфотипом «жилой двор», а также сохранится визуальная приватность локуса «жилая усадь-

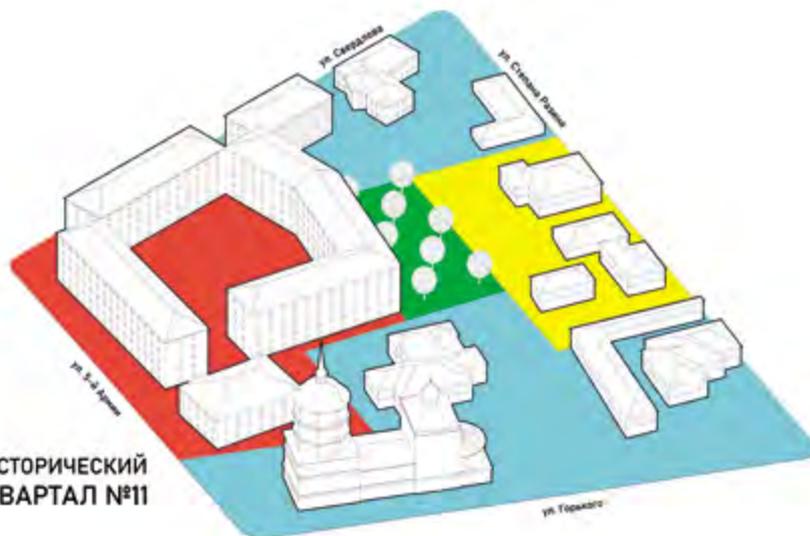
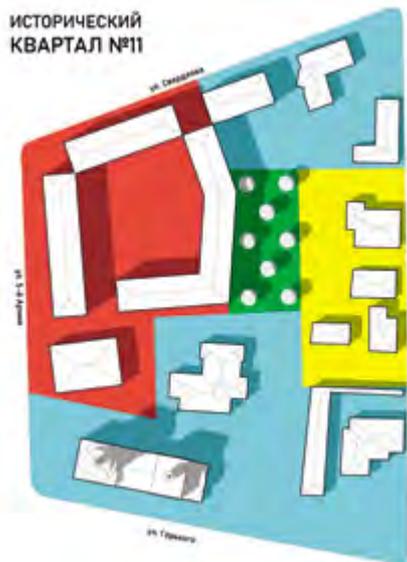
ба» за счет размещения локуса буфера «сквер» между локусами «жилой двор» и «жилая усадьба».

Выводы

1. Случайное размещение типовой застройки в советский период запустило длительный процесс разобщения исторически сложившейся ткани города с середины XX века до настоящего времени.
2. Предлагаемые принципы включения сложившейся и современной застройки в ткань центра Иркутска вобрали в себя эволюционно сформировавшиеся, морфологически обусловленные закономерности ее развития.
3. Выявленные закономерности представляют собой правила построения застройки в исторических кварталах, опирающиеся на исторически сложившиеся границы, связанные с планировочной структурой; исторически сформировавшуюся модель застройки, имеющую в основе своей ареалы объектов культурного наследия; эволюционно сложившиеся морфотипы кварталов.
4. Разработанная методика анализа и преобразований позволяет с высокой степенью достоверности выявлять участки с избыточной фрагментацией и регулировать соседства локусов. Ключевой процедурой исследования является введение первоэлемента – базового локуса – и формализация ткани. Результат формализации кварталов до локусов позволяет увидеть разделение ткани на фрагменты с выраженным структурно-пространственно-функциональным содержанием. Достоверность данных при выявлении конфликта между морфотипом и функцией подтверждается сходным результатом, полученным в двух случаях. В первом сопоставлялись шаблоны подвижности, характерные для жилых и общественных пространств, во втором – графоаналитические модели.

Литература

1. Большаков, А. Г. Оценка морфотипов застройки как отражения интересов и ценностей городского сообщества и их баланс как принцип градостроительной регенерации исторического центра // Вестник Иркут. гос. техн. ун-та. – 2012. – № 9 (68). – С. 89–97.
2. Большаков, А. Г. Городские ландшафты исторического центра Иркутска: принципы реконструкции // Проект Байкал. – 2009. – № 20. – С. 140–144.

^ Рис. 14, 15. Градостроительная схема конфликтных соседств локусов. Проектное предложение. Авторская схема

3. Архитектурно-градостроительный процесс: регламентации и свобода / Отв. ред. И. А. Бондаренко. – Москва : ЛЕНАНД, 2013. – 400 с.

4. Калинина, И. В., Красная, Н. Н. Город и дерево. Архитектура и ремесло. – Иркутск : Агентство «МаиР», 2013. – 452 с.

5. Шахеров, В. П. Основание Иркутского острога // Иркутск в панораме веков : очерки истории города. – 2-е изд., испр. и доп. – Иркутск : Вост.-Сиб. изд. компания, 2003. – С. 13–21.

6. Гаращенко, А. Н., Ладейщикова, Е. Р. История деревянного зодчества Иркутска // Земля Иркутская. – 2011. – № 1–2 (38–39). – С. 8–22.

7. Дамешек, Л. М. Дамешек, И. Л., Перцева, Т. А. Сибирские реформы М. М. Сперанского 1882 г.: опыт административного регулирования интересов центра и регионов : монография. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – 339 с.

8. Иркутск: из прошлого в будущее. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. – 256 с.

9. Яровой, Б. П. Архитектурный силуэт Иркутского деревянного кремля в городском ландшафте. Предварительные опыты графической, макетной реконструкции и компьютерного моделирования с привязкой к историческому местоположению // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 192–203.

10. Оглы, Б. И. Формирование центров крупных городов Сибири. Градостроительные и социально-культурные аспекты. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. – 168 с.

11. Иркутск до пожара: фотоальбом-каталог / Иркут. обл. краевед. музей; авт.-сост. В. А. Грищев, В. В. Кузнецова, Т. Л. Пушкина. – Иркутск : Агентство «МаиР», 2011. – 97 с.

12. Бубис, Н. Г. Возникновение и основные этапы развития Иркутска // Земля Иркутская. – 2001. – № 15. – С. 2–7.

13. Чернигов, А. К. Иркутские повествования. 1661–1917 годы : в 2 т. – Иркутск : Оттиск, 2003. – Т. 1. – 464 с.

14. Шахеров, В. П. Иркутск купеческий: история города в лицах и судьбах. – Хабаровск : Приамур. ведомости, 2006. – 175 с.

15. Беломестных, С. С. Эволюция архитектурно-планировочной структуры исторического центра г. Иркутска (конец XVII – конец XX в.) : дис. ... канд. арх. – Т. 1. – СПб., 2018. – 150 с.

16. Бубис, Н. Г., Ладейщикова, Е. Р., Ладейщиков, А. Ю. Вдоль по Пестеревской. – Иркутск : Издатель А. Н. Гаращенко, 2005. – 108 с.

17. Селиванов, Р. А. Диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры. – Санкт-Петербург : СПбГАСУ, 2023.

References

Belomestnykh, S. S. (2018). *Evolutsiya arkhitekturno-planirovochnoi struktury istoricheskogo tsentra g. Irkutsk (konets XVII – konets XX v.)*

[*Evolution of architectural and planning structure of the historical centre of Irkutsk (late XVII – late XX century)*] (Vol. 1) [Architecture Ph.D. Dissertation]. St. Petersburg.

Bolshakov, A. G. (2009). *Gorodskie landschafty istoricheskogo tsentra Irkutsk: printsipy rekonstruktsii* [Urban landscapes of the historical centre of Irkutsk: Principles of reconstruction]. *Project Baikal*, 6(20), 140-144. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.20>

Bolshakov, A. G. (2012). *Otsenka morfotipov zaстроiki kak otrazheniya interesov i tsennosti gorodskogo soobshchestva i ikh balans kak printsip gradostroitelnoi regeneratsii istoricheskogo tsentra* [Evaluation of morphotypes of the development as a reflection of the urban community's interests and values and their balance as a principle of urban regeneration of the historical centre]. *Bulletin of the Irkutsk State Technical University*, 9(68), 89-97.

Bondarenko, I. A. (Ed.). (2013). *Arkhitekturno-gradostroitelnyi protsess: reglamentatsii i svoboda* [Architectural and town-planning process: Regulations and freedom]. Moscow: LENAND.

Bubis, N. G. (2001). *Vozniknovenie i osnovnye etapy razvitiya Irkutsk* [The origin and main development stages of Irkutsk]. *Zemlya Irkutskaya*, 15, 2-7.

Bubis, N. G., Ladeishchikova, E. R., & Ladeishchikov, A. Y. (2005). *Vdol po Pesterevskoi* [Along Pesterevskaya]. Irkutsk: Publisher A. N. Garashchenko.

Chernigov, A. K. (2003). *Irkutskie povestovaniya. 1661-1917 gody* [Irkutsk narratives. 1661-1917] (Vol. 1). Irkutsk: Ottisk.

Dameshek, L. M., Dameshek, I. L., & Pertseva, T. A. (2017). *Sibirskie reformy M. M. Speranskogo 1882 u.: opyt administrativnogo regulirovaniya interesov tsentra i regionov: monografiya* [Siberian reforms of M. M. Speransky in 1882: The experience of administrative regulation of the interests of the centre and regions: A monograph]. Irkutsk: Izd-vo IGU.

Garashchenko, A. N., & Ladeishchikova, E. R. (2011). *Istoriya derevyannogo zodchestva Irkutsk* [History of wooden architecture of Irkutsk]. *Zemlya Irkutskaya*, 1-2(38-39), 8-22.

Grishchev, V. A., Kuznetsova, V. V., & Pushkina, T. L. (2011). *Irkutsk dopozharnyi: fotoalbum-katalog* [Irkutsk before the fire: Photoalbum-catalogue]. Irkutsk Regional Museum of Local Lore. Irkutsk: MaIR Agency.

Irkutsk: iz proshlogo v budushchee [Irkutsk: from the past to the future]. (1990). Irkutsk: East-Siberian Publishing House.

Kalinina, I. V., & Krasnaya, N. N. (2013). *Gorod i derevo. Arkhitektura i remeslo* [City and wood. Architecture and craft]. Irkutsk: MaIR Agency.

Ogлы, B. I. (1999). *Formirovaniye tsentrov krupnykh gorodov Sibiri. Gradostroitelnye i sotsialno-kulturnye aspekty* [Formation of the centres of large cities in Siberia. Urban planning and socio-cultural aspects]. Novosibirsk: Novosibirsk University Publishing House.

Selivanov, R. A. (2023). *Dissertation for the degree of Ph.D. in Architecture*. Saint-Petersburg: SPbGASU.

Shakherov, V. P. (2003). *Osnovaniye Irkutskogo ostroga* [The foundation of the Irkutsk stockade]. In *Irkutsk in the panorama of centuries: Sketches of the city history* (2nd ed., pp. 13-21). Irkutsk: East-Siberian Publishing Company.

Shakherov, V. P. (2006). *Irkutsk kupecheskii: istoriya goroda v litsakh i sudbakh* [Merchant city of Irkutsk: The history of persons and fates of the city]. Khabarovsk: Priamurskie vedomosti.

Yarovoі, B. P. (2021). *Architectural Silhouette of the Irkutsk Wooden Kremlin in the Urban Landscape. Preliminary Experiments with Graphic and Mock-up Reconstruction and Computer Modelling with Reference to the Historical Location*. *Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real Estate*, 11(1), 192-203.

В работе представлен один из виртуальных слоев современной архитектуры столицы Среднего Урала Екатеринбурга, создаваемый автором на протяжении двух десятилетий и предложенный инвесторам и городским властям к реализации. Затронута проблема стилистического и масштабного сопряжения современного и исторического слоев городской архитектуры в контексте интенсивного развития градостроительной структуры. **Ключевые слова:** виртуальная архитектура; архитектурные стили; символические архитектурные концепты; градостроительный контекст; имидж; высотная доминанта; уникальность. /

The article presents one of the virtual layers of modern architecture of Yekaterinburg, the capital of the Middle Urals, which has been created by the author for two decades and offered to investors and city authorities for realization. The article touches the problem of stylistic and large-scale juxtaposition of modern and historical layers of the urban architecture in the context of intensive development of the urban structure.

Keywords: virtual architecture; architectural styles; symbolic architectural concepts; urban context; image; high-rise dominant; uniqueness.

Виртуальная столица Среднего Урала: к 300-летию Екатеринбурга / The virtual capital of the Middle Urals: To the 300th anniversary of Yekaterinburg

текст

Андрей Коротич
Уральский федеральный университет
им. Б.Н. Ельцина /

text

Andrey Korotich
Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin

Любой исторический город характеризуется набором и взаимодействием различных культурных слоев, формирующих его визуальный облик. В Екатеринбург на протяжении трех веков привносились самые различные стилистические направления – от классики до эклектики и различных псевдостилей, от модерна до конструктивизма и др. Самые причудливые сочетания этих слоев и определяют сегодняшний имидж 300-летней столицы Среднего Урала в глазах горожан.

Но существует еще один, не менее значимый слой – виртуальной архитектуры, который остался лишь в проектах и концептах и показал, каким наш любимый город мог бы быть. Этот слой горожанам совсем неизвестен.

В настоящей работе представлены некоторые архитектурные концепты автора, в разное время предложенные им для реализации в градостроительной структуре столицы Среднего Урала. Места, в которых планировалось их создание, любой екатеринбуржец узнает без труда по привычному градостроительному контексту.

Причин, по которым все показанные в статье предложения не реализовались, множество: это и позиция городских властей – Главархитектуры Екатеринбурга, которая встала непроходимой стеной на пути воплощения замыслов автора; и отсутствие соответствующих развитых связей в высоких кругах инвесторов-заказчиков; и предвзятое отношение к предложенным идеям определенных лиц в профессиональных кругах вследствие конкурентной борьбы; и нелепое стремление нашей бизнес-элиты заказывать третьесортные, чужеродные и очень дорогие проекты у зарубежных «звезд» мировой архитектуры вопреки здравому смыслу; и сложные личные отношения автора с людьми, принимающими решения, и многое, многое другое.

Представленные работы по большей части инициативные предложения, некоторые концепты сделаны под конкретный заказ, некоторые – в рамках различных профессиональных конкурсов.

В любом случае в публикуемом материале представлены концепты городской среды, которых уже никогда не будет, – фрагменты виртуального города-призрака. И теперь, когда все попытки автора что-либо воплотить, закончились ничем, устав от бесконечной борьбы

с ветряными мельницами, он с чистым сердцем посвящает данную работу славному юбилею родного города, и читателям судить о том, насколько были правомерными его предложения.

К ним можно относиться как угодно – как к абсолютно нереальным, фантазийным воздушным замкам, бросающим вызов строгому, сложившемуся веками историческому градостроительному контексту; как к ревизии консервативных, устоявшихся воззрений и попытке выйти за пределы привычных представлений о роли, месте и облике символических градостроительных объектов в среде крупнейшего исторического города, выражающих его столичные амбиции, престиж и уникальность; как к обозначению некоторых экономических тенденций и перспектив развития столицы крупнейшего индустриального региона страны, расположенного на стыке континентов Европы и Азии.

По мнению автора, сегодняшний Екатеринбург лишен ярко выраженного архитектурного эксклюзива. А ведь «визитная карточка» и престиж любого города мира – это те уникальные архитектурные объекты, которые он может себе позволить воплотить и содержать. Именно по этому очевидному показателю оценивают его социально-культурные амбиции и запросы, а также финансово-экономические возможности и технологические перспективы развития.

Екатеринбург долгие годы сопротивляется радикальным архитектурным нововведениям и преобразованиям, оберегая различные слои исторической застройки от уничтожения и строительства на их месте объектов коммерческой недвижимости, которые по большей части уродуют город – именно здесь интересы горожан и профессионалов (архитекторов, искусствоведов, историков) вступают в жесткую конфронтацию с интересами бизнеса. Так, например, в центре города за одну ночь был снесен старый Пассаж, и на его месте тремя годами позднее вознесся чудовищный симулякр, отличающийся крайним безвкусицей и пошлостью. Так что настрой горожан против любых архитектурных инноваций можно легко понять. Но ведь одной историей город жить не может (иначе его стоит целиком законсервировать, как, например, Флоренцию), и эксклюзивные современные

^ Вариант многофункционального здания (офисы и отель) на площадке за кинотеатром «Космос» в панораме городского пруда.
Автор А. В. Коротич, при участии И. А. Коротича и М. А. Коротича

v Вариант многофункционального здания (офисы и отель) на площадке за кинотеатром «Космос». Ночной светодизайн.
Автор А. В. Коротич, при участии И. А. Коротича и М. А. Коротича

^ Комплексная реконструкция фасадов зданий Уральского государственного экономического университета (угол ул. 8 Марта и ул. Куйбышева). Автор А. В. Коротич, при участии И. А. Коротича и М. А. Коротича

< Высотное многофункциональное здание (угол ул. Мамина-Сибиряка и ул. Малышева). Автор А. В. Коротич, при участии И. А. Коротича и М. А. Коротича

объекты-доминанты, возникающие в городской структуре, будут заведомо стилистически и масштабно контрастировать с историческим окружением – все зависит от того, насколько композиционно умело и тонко осуществлен переход одного архитектурного слоя к другому. Актуальная проблема сосуществования принципиально различных по облику слоев застройки современного мегаполиса затронута в некоторых работах автора [1–4].

Привнести в традиционную, консервативную, складывающуюся десятилетиями градостроительную среду уникальные, символические архитектурные объекты – именно этой идеей руководствовался автор долгие годы, создавая свои концептуальные предложения. Однако раз за разом со всех сторон ему давали понять, что предлагаемый им архитектурный эксклюзив Екатеринбургу не нужен («У нас тут не Дубай!» – весьма часто слышал он брошенное в спину в Главархитуре). Сегодня весьма популярны и востребованы в среде горожан и инвесторов архитектурные имитации различных стилей и псевдостилей (классицизма, ар-деко, ампира и пр.), поэтому архитектурные «клоны» занимают одно из ведущих мест в имидже городской застройки, зримо воплощая современные бизнес-подходы к зодчеству.

Отношение к уникальной архитектуре как к дорогостоящей блажи, которую могут себе позволить из соображений престижа лишь богатейшие клиенты – промышленные магнаты, не знающие, куда девать «лишние» деньги, похоже, окончательно укоренилось в сознании городских властей, инвесторов и обычных горожан. В перспективе наш город не сможет выйти из образа «провинциального, уездного» и перейти в категорию полноценного «столичного» до тех пор, пока в отсутствие яркого современного архитектурного эксклюзива его пространство интенсивно наполняется сугубо функциональной и коммерческой недвижимостью. Таким образом, Екатеринбург сам задал уровень своей архитектурной планки, проецируя на внешний облик свои финансовые возможности, что и определило соответствующий имидж сегодняшней столицы Среднего Урала в ряду городов-миллионников.

Литература

1. Коротич, М. А., Коротич, А. В. Традиционные и современные формы в архитектуре: проблема взаимодействия // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2010. – № 2. – С. 61–63.
2. Коротич, А. В. Архитектурные «близнецы»: проблема охраны авторских прав на произведения архитектуры // Акад. вестник УралНИИпроект РААСН. – 2010. – № 3. – С. 56–60.
3. Коротич, А. В. Особенности и тенденции начального периода формирования современной высотной архитектуры // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. – 2018. – № 3, ч. 1. – С. 36–54.
4. Коротич, А. В. Актуальные проблемы современной концептуальной архитектуры России // Акад. вестник УралНИИпроект РААСН. – 2012. – № 1. – С. 49–53.

References

- Korotich, A. V. (2010). Architectural “twins”: The problem of protection of copyrights to architecture products. Acad. vestnik RAACS UralNIIProject, 3, 56-60.
- Korotich, A. V. (2012). Actual problems of modern conceptual Russia architecture. Acad. vestnik RAACS UralNIIProject, 1, 49-53.
- Korotich, A. V. (2018). Osobennosti i tendentsii nachalnogo perioda formirovaniya sovremennoi vysotnoi arkhitektury [Features and trends of the initial period of formation of modern high-rise architecture]. Decorative Art and Object-Spatial Environment. Vestnik MGHPA, 3, part 1, 36-54.
- Korotich, M. A., & Korotich, A. V. (2010). Traditional and modern forms in architecture: The interaction problem. Academicheskyy vestnik RAACS UralNIIProject, 2, 61-63.

v Высотный деловой центр Екатеринбурга «УралГрад» в границах улиц Ельцина, Маршала Жукова и Челюскинцев.
 Автор А. В. Коротич, при участии И. А. Коротича и М. А. Коротича

Кампусы вузов – многофункциональные комплексы, состоящие из учебно-научных, жилых, культурно-досуговых зданий и общественных пространств. Они в полной мере отражают современные тенденции формирования архитектурной среды городов. Именно в университетах апробируются в последние годы технологии дистанционного и сетевого обучения, что неизбежно накладывает отпечаток на понятия «места» и «времени» в их организации. Под «искусственной» архитектурной средой в данной статье понимается среда, которая складывается одновременно под воздействием реальных требований к организации предметно-пространственной среды и виртуальных установок на создание единого информационного пространства.

Ключевые слова: университет; кампус вуза; архитектурная среда; общественные пространства; информационное пространство; искусственная среда./

University campuses are multifunctional complexes comprising academic, residential, cultural and leisure facilities and public spaces. They fully reflect modern trends in shaping the architectural environment of cities. It is in universities that distance and network learning technologies have been tested in recent years, which inevitably affects the concepts of 'place' and 'time' in their organisation. In this article, the 'artificial' architectural environment is understood as an environment which is created simultaneously under the influence of realistic requirements for the organization of spatial environment and virtual commitments to creating a common information space.

Keywords: university; university campus; architectural environment; public space; information space; artificial environment.

Место и время в архитектуре кампусов вузов / Place and time in architecture of university campuses

текст

Анна Гельфонд

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет

Алексей Попов

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

Михаил Дуцев

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет; НИИТИАГ; РУДН

Нина Данилина

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

text

Anna Gelfond

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering

Alexey Popov

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Mikhail Dutsev

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering; NIITIAG; RUDN University

Nina Danilina

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Введение

Тема номера «Гений места и времени» вдохновляет не только на анализ исторических наслоений в архитектурной среде, но и на попытку некоторого прогнозирования завтрашнего дня. Типологически новые структуры и объекты трактуются, по определению, как пространства будущего. Активное проектирование в последние годы научно-образовательных центров и комплексов, IT-кластеров, а также университетских городов принципиально нового типа подвигает задуматься над рядом вопросов:

- градостроительный аспект: сможет ли эта откровенно искусственная, единовременно созданная по своим законам среда стать со временем подлинной архитектурной средой города или поселения;

- объемно-пространственный аспект: каким должно быть функциональное наполнение объектов и их планировочная структура, чтобы бесперебойно работал архитектурно-типологический потенциал этих комплексов для обеспечения их жизнеспособности;

- композиционно-художественный аспект: какие приемы художественной интеграции надо использовать, чтобы архитектурная среда была гармонично наполненной, а не бездушной;

- психологический аспект: направления влияния «искусственной» архитектурной среды на формирование личности студента и преподавателя;

- концептуальный аспект: каковы отношения реального общественного и виртуального информационного пространства в такой среде.

Эти общие вопросы предлагается рассмотреть на примере новых кампусов российских вузов – университетского города Иннополис, кампуса Дальневосточного федерального университета на острове Русский во Владивостоке, комплексов Национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (ИТМО) в Санкт-Петербурге, Южного федерального университета в Ростове-на-Дону, Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Градостроительный аспект. Место и время

Рассматривая градостроительный аспект формирования архитектурной среды современных кампусов с точки зрения места и времени, необходимо уделить особое внимание их расположению в городской ткани (место), а также функциям, которые кампус выполняет в городе как научно-образовательный комплекс и триггер для развития (время).

При этом необходимо отметить, что новые студенческие кампусы формируются как в исторически сложившейся среде (например, кампусы в Ростове-на-Дону, в Перми), так и на новых автономных территориях – остров Русский, как градообразующие объекты для городов-спутников – комплекс ИТМО Хайпарк в Пушкине. Появляются новые города с научно-образовательной функцией – город Иннополис – наследник наукоградов.

В настоящее время наиболее распространены в России рассредоточенные кампусы, в которых функции размещены по отдельным зданиям или небольшим группам зданий на разных территориях. Многочастные кампусы, включающие на каждой из территорий весь набор функций, распространены в меньшей степени. Как правило, такое устройство комплексов случается вследствие объединения нескольких отдельных вузов или в случае выделения новых территорий для развития удаленно от действующего кампуса вуза [1]. Реже встречаются компактные комплексы вузов, объединяющие на одной территории учебные, научные и иные подразделения, а также общежития.

Именно общественное пространство является той типологической единицей, в которой в полной мере отразились новые подходы к организации современного кампуса вуза. Причем речь идет как об образовательном процессе, так и о формировании архитектурной среды.

Обращаясь к истории советской архитектуры, «иконой типа» в России, вероятно, следует признать Московский институт электронной техники (МИЭТ; архитекторы Ф. Новиков, Г. Саевич, 1971), построенный более 50 лет в Зеленограде – городе-спутнике Москвы, аттрактором в архитектурной среде которого комплекс выступает долгие годы. В 2019 году архитектурный комплекс МИЭТа

^ Рис. 1. Кампус Национального исследовательского университета ИТМО в Санкт-Петербурге. Арх. бюро «Студия 44», проект 2019 (<https://studio44.ru/projects/itmo-hajpark-universitetskij-kompleks-sankt-peterburgskogo-nacional-nogo-issledovatel-skogo-universiteta-informacionnyh-tehnolog/>)

вошел в государственные списки объектов культурного наследия.

«Глядя на институтский комплекс из нашего сегодня, его вполне можно соотнести с устоявшейся типологией кампуса. В отличие от среднестатистического американского кампуса, как правило, дисперсно рассредоточенного в ландшафте, МИЭТ представляет собой плотно сбитую, компактную кластерную структуру с ярко выраженным центральным ядром, связанным рукавами-переходами с учебными, спортивно-оздоровительным и культурно-рекреационным блоками. Предпосылки такой собранной воедино, сгруппированной, с одной стороны, и иерархически выстроенной структуры, с другой, очевидны: природно-климатический фактор – зимой из корпуса в корпус особенно не побегаешь, и русская ментальность, отказывающая миру в существовании вне организующего – “блюстительного” – начала» [2].

За эти годы российский опыт проектирования и строительства комплексов вузов существенно расширился, однако именно неразрывная связь с природой, которая традиционно закладывалась в основу проектов новых наукоградов, а также антропогенная составляющая в виде насыщенной инфраструктуры определяют качество архитектурной среды кампусов.

В 2018 году началось проектирование нового кампуса Национального исследовательского университета ИТМО в городе-спутнике Санкт-Петербурга Южный, концепцию застройки которого разработали архитекторы Gillespies в 2013 году. «В ней город-спутник предстает как элемент нового, полицентричного подхода к застройке Петербурга, и кроме того – город зеленый, невысокий <...>». Территория расположена между Киевским шоссе, ведущим в Гатчину, и железной дорогой туда же, со станцией Лесное на ней. ИТМО Хайпарк, согласно замыслам, должен стать первым районом Южного и драйвером его развития, не только учебного, но и исследовательского и производственного. «<...> Проект High Park не был бы современным, если с самого начала замысла не предполагал схемы включения кампуса в структуру нового города. Такая схема разработана и на уровне города, и на уровне Хайпарка: в крупном, среднем и микро-масштабе пешехода» [3].

С 2019 года над проектом кампуса ИТМО начало работать Архитектурное бюро «Студия 44» под руководством Н. И. Явейна (рис. 1). Запроектировав главный учебный корпус – ядро всего комплекса, несколько корпусов общежитий и студенческий клуб, архитекторы не только дополнили, но в некоторых частях существенно переработали мастер-план.

«К городу Южный инноград ИТМО «подключается» примерно как процессор к материнской плате – через «хаб» городской площади – протяженного пространства, вытянутого вдоль северо-восточной границы кампуса перед самым главным его зданием, учебным центром, который планируется построить в составе первой очереди. После завершения проекта площадь-хаб будет состоять из двух частей: к северу от нее последней, пятой очередью планируются бизнес-инкубатор и центр урбанистики, к ним будет вести пешеходный мост, между зданиями образуется вторая часть площади; по завершении всех частей проекта площади “стыкуются” между собой и образуют полноценную связь с городом, который к тому моменту, может быть, начнут строить. В город, помимо автомобильных путей, будут вести два пешеходных: на севере мост через трассу, в северо-восточной части главной связью с городом служит мост, встроенный в состав вокзала, в который должен превратиться полустанок Лесное» [3].

С градостроительной точки зрения на жизнеспособность кампусов существенно влияют транспортно-пешеходные коммуникации, которые играют важную роль при выборе места размещения вуза в планировочной структуре города. В зависимости от местоположения комплекса в городе – центрально-планировочной, срединной, периферийной или пригородной зоне – существенно меняются условия доступа студентов и преподавателей к его территории [4].

Так, расположенные в структуре крупнейших городов кампусы Южного федерального университета в Ростове-на-Дону и Пермского национального исследовательского политехнического университета находятся в непосредственной близости и пешеходной доступности от объектов городской инфраструктуры, что определяет включенность их территорий в общественную жизнь города.

^ Рис. 2. Кампус Дальневосточного федерального университета на о. Русский. Аэрофотосъемка. Р. Савин. 2013 (<https://www.dvfu.ru/upload/iblock/0e6/7111402.jpg>)

Наличие множества видов пассажирского транспорта, обслуживающего территорию, создает отличные условия его доступности для студентов и преподавателей. При этом проблемой является обеспечение доступности территории на автомобильном транспорте в условиях плотной застройки, а также недостаток парковочных мест на исторически сложившихся территориях кампуса.

Противоположными примерами являются кампус Иннополис, расположенный за пределами Казани, и кампус Дальневосточного федерального университета на острове Русский во Владивостоке. Обслуживание их автономных территорий обеспечивается исключительно автомобильным транспортом, что представляет собой, по нашему мнению, некоторое ограничение для развития территории в будущем. Решением проблемы в настоящее время является наличие резидентов, которые проживают непосредственно в кампусе.

Расположение кампусов относительно крупных городов диктует и особенности состава транспортной инфраструктуры. Например, на территории кампуса Иннополис созданы обширные парковочные пространства именно по причине приоритетного доступа на территорию на автомобильном транспорте. В непосредственной близости от кампуса на острове Русский расположена вертолетная площадка. Отсутствие какой-либо отдельной транспортной инфраструктуры характерно для кампусов, интегрированных в сложившуюся планировочную ткань города.

Говоря о транспортно-коммуникационной функции территорий кампусов, необходимо уделить внимание и устройству внутренней инфраструктуры: количеству парковочных мест для студентов и преподавателей, качеству пешеходных связей, наличию пространства для движения и хранения велосипедов и средств индивидуальной мобильности. Связанность территории, оцениваемая в минутах на передвижение между различными элементами кампуса, является неотъемлемой составляющей формирования комфортной и безопасной среды. Архитектурно-градостроительная организация кампуса вуза имеет существенное влияние на бюджет времени студента и позволяет в некоторых случаях достичь значительного снижения непроизводительных затрат времени на перемещения [5]. С увеличением

размера территории возрастает доля территорий, предназначенных для устройства улиц, площадей, пешеходных коммуникаций, бульваров.

Ярким примером является территория кампуса Дальневосточного федерального университета на острове Русский (рис. 2), на которой создана полноценная улично-дорожная сеть и организовано движения пассажирского транспорта. Разработанный Центральным научно-исследовательским и проектным институтом жилых и общественных зданий комплекс занимает обширную живописную территорию с видом на бухту Аякс и Уссурийский залив, насыщенную рекреационными, прогулочными, спортивными зонами, обустроенными общественными пространствами.

В последние годы с переходом к единому информационному обществу в составе университетских кампусов появились принципиально новые объекты: технопарки, бизнес-инкубаторы, медиатеки, коворкинги. Однако актуальными остались все традиционные функциональные блоки: учебно-научный, жилой, культурно-досуговый. Анализируя функциональное насыщение, обратимся к объемно-пространственным решениям.

Объемно-пространственный аспект. Место и время
Комплекс на острове Русский состоит из 23 корпусов общей площадью 760 тыс. м². В него входят учебные и лабораторные корпуса, студенческий центр, административный корпус, общежития, спортивный и физкультурно-оздоровительные комплексы. Заслуживает отдельного внимания учет временного фактора: здания общежитий проектировались и строились как объекты двойного назначения: как гостиницы для саммита АТЭС 2012 и как жилище для обучающихся и сотрудников ДВФУ после завершения саммита, что предопределило уровень их комфорта: средняя площадь по проекту на одного студента превышает среднюю по России более чем в два раза (12–14 м² при средней по России 5,5–6 м²). Общежития для студентов, аспирантов и гостиницы для гостей и сотрудников в кампусе представлены одиннадцатью зданиями трех типов на 5,5 тыс. комнат/номеров. Изначально проектом предусматривались одноместные и двухместные жилые комнаты/номера, однако

^ Рис. 3. Кампус Университета Иннополис в г. Иннополисе, Республика Татарстан. Общий вид кампуса. На переднем плане спорткомплекс, на заднем плане слева корпуса общежитий, справа учебно-лабораторный корпус

в процессе эксплуатации было произведено уплотнение. По состоянию на 2023 год для обучающихся в бакалавриате и магистратуре ДВФУ предлагаются двухместные комнаты площадью от 20 до 32 м², трехместные номера типа «сьют», состоящие из двух комнат общей площадью от 37 до 42 м² и четырехместные номера типа «сьют», состоящие из двух комнат общей площадью от 50 до 61 м². Санитарные блоки имеются при каждой комнате/номере. Кухни для всех типов номеров общие, имеется прачечная самообслуживания. Здания имеют традиционную коридорную планировочную структуру. Построенный несколько севернее комплекс общежитий «Малый Аякс», уже не предполагавший размещения делегатов саммита АТЭС, включает 114–5-этажных общежитий, решен достаточно утилитарно и не имеет развернутой системы обслуживания [1].

Главной концептуальной и композиционной идеей ИТМО является прием, согласно которому функциональные зоны планировочно не отделены друг от друга и перетекают одна в другую как внутри зданий, так и в кампусе в целом. Функционально-планировочная структура развивается от центрального ядра учебного корпуса, нагруженного функциями. В нем расположены входная группа, помещение столовой, конференц-зал, предполагающий функции актового зала. Они образуют единое пространство. Это ядро служит основной коммуникацией между выходящими в него помещениями коворкингов, творческих пространств, блоков учебных аудиторий, помещений учебной части. Объединение столь разных функциональных зон в едином пространстве является новацией в отечественной практике проектирования зданий вузов, жизнеспособность которой покажет эксплуатация объекта. Панорамное остекление высотой в несколько этажей визуально объединяет уличные и внеуличные общественные пространства; такое образное объединение усиливается продолжением композиционных осей кампуса в планировочных решениях учебного корпуса.

В отличие от ИТМО High Park, который строится на удаленной территории как кампус университета со сравнительно долгой историей, университет Иннополис в Республике Татарстан был создан заново как градо-

формирующий объект для нового города Иннополис недалеко от Казани. Мастер-план города разработал сингапурский архитектор Тай Лиу Кер с учетом всех особенностей местности. Особый подход к проектированию диктует и сам участок – окружающие скалистые берега, реки Волга и Свияга, леса и горы. Реализацией мастер-плана занимались российские специалисты из Казани – Innopolis Architect. «Сначала архитекторы и сами до конца не верили, что все футуристические идеи будут воплощены в реальность. Но в итоге их работа оказалась не просто концептом в виде макета, а вполне состоявшимся городом» [6].

Кампус представлен учебно-лабораторным корпусом (архитекторы Антон Цыбисов, Яна Самакаева) и тремя общежитиями (архитекторы Тимур Степанов, Михаил Капитонов), соединенными внеуличным отапливаемым переходом в уровне второго этажа, а также спортивным комплексом (архитектор Тимур Степанов) (рис. 3). Ядром учебно-лабораторного комплекса является многосветный атриум – общественное пространство-холл, окруженное пешеходными галереями, на которые выходят учебные, административные, подсобные и иные помещения.

В объемно-планировочных решениях учебного корпуса Университета Иннополис много новаций, ряд из которых представляются удачными, а ряд спорными. Переговорные комнаты, доступные для студентов и преподавателей, трансформируемые общественные пространства. Так, например, полностью стеклянные стены аудиторий при практическом использовании приводят к снижению концентрации внимания студентов на занятиях (например, студенты отвлекаются и провозжают взглядом, идущих по коридорам). Не всегда удачно применение принципа перетекающих пространств для учебных и научных помещений, тогда как для общественных пространств такая организация весьма удобна.

Общежития Университета Иннополис при достаточно интересной композиции в значительной мере повторяют планировки советских общежитий 1970–1980-х годов. В традиционный блок архитекторы добавили кухню, но исключили отдельный санузел (блок предусмотрен на 5 человек). Имеется некоторая избыточная площадь коридоров, холлов, других коммуникационных про-

а

б

^ Рис. 4. Новый кампус Пермского национального исследовательского политехнического университета: а – схема расположения корпусов, б – общий вид.
 Фото А. Нелюбина (https://pstu.ru/_res/news/10734img.jpg)

странств и минимизирована площадь жилых комнат (6 м² на проживающего), что, как представляется, не позволяет вместить все необходимые функции. В общежитиях много трехместных комнат [1].

Замкнутые благоустроенные двory без машин определяют планировочную структуру жилого комплекса в городе Иннополис (архитекторы Тимур Степанов, Михаил Капитонов). В основе художественной идеи лежит вдохновение темами природы, с одной стороны, и цифровыми технологиями – с другой. Используются природные цвета в колористическом решении и ассоциации с бинарным кодом в элементах фронтальной композиции фасадов.

Композиционно-художественный аспект. Место и время

...В разгаре осенней ночи они приехали к панораме своей альма-матер. Раздвинулись хвои, и взгляду предстала подсвеченная фонарями и собственным полумночным светом их родная Железка: суть комплекс институтов, кольцо ускорителя, трубы, вытяжные системы, блоки лабораторий и стеклянные плоскости оранжерей.

Василий Аксенов. Золотая наша Железка

Такое «типологическое» описание научно-образовательного комплекса 1980-х дает Василий Аксенов в повести «Золотая наша Железка». Известно, что прототипом «Железки» стал Новосибирский Академгородок, но, вдохновленный новой средой, писатель отмечал, что все удивительное и уникальное, что он увидел в Академгородке, долго продолжаться не может.

За архитектурно-планировочное решение Новосибирского Академгородка СО АН СССР в 1967 году группа архитекторов Всесоюзного проектного и научно-исследовательского института комплексной энергетической технологии (ВНИПИЭТ) была удостоена Государственной премии РСФСР в области архитектуры. И в то же время уже достаточно давно «Академгородок из автономного наукограда превращается в спальный район сибирского мегаполиса» [7].

В последние десятилетия символом обновления этой знаковой территории стал комплекс технопарка – своеобразная триумфальная арка 56-метровой высоты, которая может трактоваться и как прорезная пирамида. Яркое цветовое решение фасада усиливает впечатление от выразительной формы. Две наклонные 14-этажные башни соединены переходом на уровне 13-го этажа. В одной из них размещается Центр информационных технологий, во второй – Центр коллективного пользования. Проектом (концепция Space-Construction, архитекторы Д. Герасимов, Е. Савин; генпроектировщик ООО «Сибирский проектный институт», архитекторы В. Серова, А. Лотарев, В. Вилисов, 2012) предполагалось строительство трех башен, закрепляющих в плане вершины условного треугольника, но были возведены лишь две. К башням примыкают симметрично расположенные административные здания, в которых размещена технологическая и сервисная инфраструктура (Центр обработки данных, Междисциплинарный межуниверситетский магистерский центр инжиниринговой подготовки кадров, гостиница, food-корт, фитнес-центр) [8].

Технопарки – примета нового времени. От примера такого объекта в традиционном наукограде перейдем к технопарку особой экономической зоны «Иннополис» им. А. С. Попова в Казанском Иннополисе. Здание (архитектор Антон Цыбисов) имеет форму кольца, внутри – круглый благоустроенный замкнутый двор. Сложно сказать, природные или технократические формы вдохновляли автора: объект одновременно напоминает свернувшуюся кольцом гигантскую рептилию и космический летательный аппарат. Возможно, в этом взаимопроникновении – задумка.

Психологический аспект. Место и время

И они приняли рабочую гипотезу, что счастье в непрерывном познании неизвестного, и смысл жизни в том же.

**Стругацкий А., Стругацкий Б.
 Понедельник начинается в субботу**

Сразу отмечу, что, не занимаясь специально вопросами психологии восприятия, сложно сказать, что более привлекательно для студента и преподавателя:

расположение в привычной историко-архитектурной среде, на сложившихся годами участках вузов, или на новых территориях. Но социологические исследования показывают, что фактор транспортной доступности территории кампуса является одним из тех, которые влияют на выбор студентами вуза. Большое значение имеют такие аспекты, как удаленность от центра города, вид и частота движения пассажирского транспорта, наличие возможности парковки личных автомобилей на территории кампуса.

Новый кампус Пермского национального исследовательского политехнического университета по адресу: улица Профессора Дедюкина, д. 18 в г. Перми (рис. 4), построенный в 2014 году по проекту А. Барклянского, представлен десятью общежитиями для студентов и одним общежитием для преподавателей. Кампус является собой очень редкий для Российской Федерации пример комплекса малоэтажных зданий для проживания обучающихся и сотрудников высших учебных заведений. Комплекс обладает оригинальной композицией свободно расположенных кубических объемов, гармонично сочетающийся с природным окружением в лесном массиве в северной части г. Перми. Однако такое расположение влечет некоторые недостатки обслуживания быта, снабжения и организации досуга, а соответствующая собственная инфраструктура комплекса представляется недостаточно развитой. Имеется ряд недостатков в организации транспортного обслуживания комплекса. Десять общежитий для студентов спроектированы единообразно. В каждом четырехэтажном здании имеется 34 жилых комнаты, включая 29 двухместных и 3 одноместные. Кухни общие, располагаются на каждом этаже и представляют собой многофункциональное пространство, используемые обучающимися для приготовления пищи, приема пищи и общения. Санитарные блоки и душевые также общие и размещены в центральной части плана на каждом этаже. Трехэтажное здание для преподавателей включает 9 небольших апартаментов площадью около 16 м², оборудованных санитарным блоком и кухней-нишей.

Кампус Южного федерального университета на улице Зорге в Ростове-на-Дону, состоящий из 6 общежитий, построен в период с 2012 по 2015 год по проекту архитекторов И. Ю. Линника, А. И. Комардина, А. В. Тарасова, В. А. Коновалова, А. В. Жабина и А. С. Мальчугина. Проект важен поставленной авторами задачей формирования системы пространств для учебно-научных потребностей, бытовых нужд, отдыха обучающихся. В составе комплекса предусмотрены: библиотека, столовая, зоны тихого и активного отдыха, уличные и внеуличные спортивные объекты. В целом проект базируется на традиционных принципах проектирования подобных объектов. Так, преобладает коллективное заселение в комнаты; места для учебно-научной работы видятся организованными несовременно, что в особенности важно на настоящем уровне развития, когда сопряжение реальных и виртуальных пространств переводит значительную часть таких процессов в дистанционный формат; не уделяется должного внимания развитию общественных пространств.

Хотя традиции также являлись основой для обеспечения психологического комфорта, и от них однозначно не стоит отказываться.

В основе идеи главного корпуса ИТМО в Пушкине – организация игрового пространства, световые эксперименты, прозрачность среды. Световые воронки, просветы и отверстия превращают среду вуза в проницаемую, легко прочтываемую, исключая появление психологических барьеров.

Анализируя организацию общественных пространств в экспериментальном проекте реконструкции исторически сложившегося кампуса ННГАСУ в Нижнем Новгороде,

авторы посвященной ему статьи отмечают: «Основная идея – неразделение на внешнее и внутреннее – осуществляется за счет решения дворов, которые демонстрируют постепенный переход от городской среды к пространствам внутри здания. С точки зрения утилитарной такой прием был продиктован наиболее короткими путями передвижения студентов и преподавателей университета. Основное центральное коммуникационное пространство подразумевает зоны отдыха и рекреации, что дает возможность для широкого использования» [9].

М. В. Дущев отмечает: «<...> Мы обнаружили некоторые важные полюса, которые определяют художественные метаморфозы времени в сегодняшней архитектурной среде:

- от истории и идентичности места – до универсального, транскультурного пространства;
- от камерного городского «сюжета» – до идеи продления единой городской среды внутренне-внешнего пространства;
- от понимания времени в контексте истории культуры – до абстрактно-физического или «абсолютного» времени космоса» [10].

Концептуальный аспект

Проведенный в предыдущих разделах настоящей статьи анализ позволяет перейти к концептуальному аспекту пространственно-временных подходов к формированию архитектурной среды российских вузов. Но, прежде чем сделать это, сосредоточимся на пространстве кампуса как информационном пространстве. Тенденции последнего времени, которые требуют смешанной формы организации учебно-научной работы и подразумевают ее удаленный дистанционный варианты, выводят эту тему передний план.

Автор статьи «О двойственной природе предметного мира» Н. Г. Якуничев полагает, что особенность искусственной предметной формы заключается прежде всего в том, что она – посредник в отношениях человека с окружающим миром. Он пишет: «Требование инноваций предполагает поиск качественно новых решений и, соответственно, отказ от эталонов прошлого ради «прорыва в будущее». Но как осуществить этот прорыв, если наше воображение глядит на него глазами настоящего, обремененного грузом прошлого? И далее: «Дизайнер обладает профессиональной способностью «превращать» обстоятельства среды в форму предмета и, соответственно, «извлекать» из предметной формы информацию об этих обстоятельствах» [11].

Анализируя Интернет как средство коммуникации, ученые указывают на его основные черты [12]:

- открытость – потенциальная возможность любого представителя мирового сообщества выступать как потребителем информационных ресурсов, так и их производителем или транслятором;
- нелинейность – альтернативность и многовариантность путей развития глобальной сети в целом, а также отдельных ее сегментов;
- интегрированность – взаимосвязанность отдельных элементов сети в единое целое.

Эти черты, а также целостность, сложность – наличие составных частей в виде отдельных элементов, взаимозависимость частей, обеспечивающая необходимые связи между подсистемами и элементами и иерархическое построение роднят организацию сети с организацией рассредоточенных кампусов современных вузов. И их общественные пространства выступают одновременно как информационные пространства.

Другой аспект проблемы связан с тем, что крупные университеты – звенья одной сети. Развитие сетевого межвузовского сотрудничества, применение цифровых технологий и удаленные формы обучения подвигают

на трактовку вузовских кампусов по всей стране именно как элементов единой системы. Угроза такого подхода – уход от духа места, стилистического своеобразия, региональных особенностей.

«Актуальная работа архитектора во времени и пространстве все чаще переходит в средовую плоскость, в том смысле, что становится неразрывно связанной с повседневным жизненным потоком человека в многообразии ситуаций, функций, настроений. Метаморфоза в сторону приоритета сиюминутного очень заметна в городской среде, в которой именно временное часто становится носителем и медиумом художественных сообщений» [10].

Как результат искусственная архитектурная среда новых кампусов вузов формируется как выставка гигантских самодостаточных арт-объектов. Так ли это? Правы ли мы в своем предположении? Объемно-планировочное решение выставок выполняется таким образом, чтобы обеспечивать изменение тематики, оно должно быть гибким, предусматривать в случае необходимости расширение пространства павильонов. На выставках, как правило, предусматривается принудительный график движения, исключающий пересечение встречных потоков. Выставка как средство демонстрации достижений всегда несет в себе определенную новизну. Что бывает после того, как выставка заканчивается? Новая выставка.

А мы рассказываем о новых кампусах вузов как жизнеспособной во времени и пространстве системе. В то же время инфраструктура новых кампусов вузов строится на приемах, близких к системе обслуживания микрорайонов: детские учреждения, школы, спортивные комплексы, культурно-досуговые здания, торговля, питание.

Общественные пространства в виде пустых атриумов, характерных скорее для деловых центров, готовят к новой офисной среде. В то время сейчас такой подход встречается реже: чаще в Open Spaces учебных корпусов свободно «плавают» небольшие коворкинги, которые подразумевают экономию площадей и максимально эффективное использование их для небольших рабочих помещений. Атриум выступает, скорее, как статус здания.

Другая, преднамеренно иная реальность – застройка с крупным и подчас необъяснимым масштабом, с большими пустотами вместо наполненных общественных пространств наводит на мысли об угрозах формированию целостной архитектурной среды. Не останутся ли эти территории «не-местами»?

«Не-места» – это пространства, лишённые своего смысла, без назначения, которые порождают новые масштабы коммуникационных связей и перемещений в постиндустриальном обществе. Если место может быть определено как создающее идентичность, формирующее связи и имеющее отношение к истории, то пространство, не определяемое ни через идентичность, ни через связи, ни через историю, является не-местом [13].

Студенческая молодежь – социальная группа, занимающая в нашем обществе особое место. Высшая школа в целом является одним из важных инструментов формирования руководящих и интеллектуальных слоев любого современного общества. В терминологии П. А. Сорокина – «социальный лифт» или «канал вертикальной циркуляции» [14]. Сегодняшние студенты спустя 10–30 лет займут руководящие посты во всех отраслях экономики, общественных и политических структурах страны. Это кадры, социально-культурный и профессиональный уровень которых будет определять жизнь всего народа, и их формирование должно быть полноценным и эффективным не только в вопросах профессиональных компетенций, но и в вопросах всестороннего развития личности, усвоения индивидом духовных, моральных,

нравственных, социальных норм и ценностей, моделей поведения, психологических установок, знаний, навыков, позволяющих ему успешно функционировать в обществе.

Время – отрезок жизни с 17–18 до 25 лет как один из важнейших в процессе развития личности и интеграции в общество – период устойчивой концептуальной социализации (целостной, окончательной). Важнейшую роль в процессе социокультурного развития и социализации обучающегося играет окружение – его преподаватели, другие обучающиеся, друзья и знакомые и, конечно, архитектурная среда вуза, в которой происходит общение, обучение, быт и отдых. Архитектурная среда кампуса – повествование, экспозиция, выставка, которую должен сознательно и бессознательно считывать обучающийся.

Заключение

Широко известно, как время преобразует место. И то, что еще недавно было новым, становится «архитектурным слепком эпохи». Менее известно, как место преобразует время. Но это прослеживается именно в университетских кампусах. С одной стороны, за счет цикличности обучения, ежегодных наборов студентов, обучающихся в течение ряда лет по одинаковым учебным планам, время словно замирает. С другой – именно здесь чаще всего апробируется новое, и место своим архитектурно-градостроительным решением должно отвечать этим новациям. Надо отметить, что влияние это всегда двухстороннее и неразрывное.

В качестве выводов мы должны констатировать, что время и место выступают при формировании «искусственной» архитектурной среды новых кампусов вузов в двух оппозициях, постоянно удерживая бинарность как инструмент развития и жизнеспособности:

1. Градостроительный аспект:
 - место может диктовать архитектурную среду, а может не оказывать влияния на подходы к ее созданию;
 - в отдельных частях рассредоточенных кампусов время и место могут иметь разный отсчет.
2. В объемно-пространственном решении:
 - широкий спектр композиционных схем (линейная, узловая, с развитым центром) и схем группировки помещений: кольцевые и анфиладно-кольцевые, атриумная, смешанная;
 - центральное коммуникационное пространство;
 - иерархия структурного построения;
 - стремление к равному процентному соотношению публичных и частных пространств;
 - наличие переходных буферных зон, полуизолированных пространств;
 - преднамеренное смешение функций с возможностью обучения в рекреациях и коммуникациях – холлах, открытых амфитеатрах, форумах;
 - перетекающая среда;
 - возможность трансформации помещений;
 - сквозной принцип организации внутренних и внешних общественных пространств.
3. В композиционно-художественном аспекте:
 - формируется преднамеренно иная среда инноград, иннополисов: нездешняя, искусственная, отличная от сложившей историко-архитектурной среды;
 - с точки зрения типологии такая среда ближе всего зрелищной, выставочной среде, наполненной автономными самодостаточными объектами-экспонатами, не коррелирующими друг к другу.
4. В психологическом аспекте:
 - направления воздействия новых общественных пространств на адресатов в кампусах вузов еще предстоит осмыслить;
 - жизнеспособность архитектурной среды кампуса, которая определяется целым рядом взаимосвязанных факторов, в том числе возможностью гибкого реаги-

рования на происходящие перемены, воспринимается как устойчивость и стабильность вуза.

5. В концептуальном аспекте используются как вне-временные традиционные подходы, так и ответы на требования сегодняшнего дня:

- связь с природой;
- стремление к неразделению внешнего и внутреннего – проницаемость пространства;
- синтез природного и антропогенного;
- синтез искусств;
- формирование информационного каркаса университетов на основе сетевого сотрудничества в удаленной форме;
- формирование распределенных межвузовских кампусов.

Технологические изменения подвигают на иное прочтение пространственно-временных подходов к архитектурному формированию зданий и комплексов высших учебных заведений. Вузы и их архитектура находятся

на острие новаций, но они же есть вместилище традиций, когда-то бывших новациями; это наследие прошлого, устремленное в будущее.

Статья написана в рамках проведения НИР «Архитектурное формирование общественных пространств в кампусах вузов» научными коллективами организаций – членом и стратегических партнеров Отраслевого консорциума «Строительство и архитектура».

Литература

1. Попов, А. В. Концепция архитектурного формирования кампусов вузов в России : дисс. ... доктора архитектуры. – Нижний Новгород, 2022. – 622 с.
2. МИЭТу – 40. – URL: <http://archvestnik.ru/2013/11/06/mietu-40/> (дата обращения: 30.03.2023).
3. Тарабарина, Ю. Летящий. – URL: <https://archi.ru/russia/86786/letyashchii> (дата обращения: 30.03.23)
4. Danilina, Nina; Tsurenkova, Ksenia; Berkovich, Vladislav. Evaluating Urban Green Public Spaces: The Case Study of Krasnodar Region Cities, Russia // *Sustainability* Volume13 Issue24 Article Number14059 DOI10.3390/su132414059
5. Popov, A. V. The impact of architectural and space-planning design of student accommodation (dormitories, campuses) on the time budget of the student youth // *IJEAT-BEIESP - International Journal of Engineering and Advanced Technology* (ISSN 2249-8958) Volume-8, Issue-3, February 2019 pp.128-133.
6. Нестандартный город для нестандартных людей: путеводитель по архитектуре Иннополиса. – URL: <https://habr.com/ru/company/innopolis/blog/273783/> (дата обращения: 28.04.2023).
7. Ложкин, А. Академгородок. Судьба утопии. – URL: <https://alexander-loz.livejournal.com/123023.html> (дата обращения: 28.04.2023).
8. Гельфонд, А. Л. О пространственной типологии зданий-арок // *Academia : Архитектура и строительство*. – 2020. – № 2. – С. 47–60.
9. Гельфонд, А., Лапшин, А. Векторы развития кампуса ННГАСУ // *Проект Байкал*. – 2020. – № 65. – С. 157–166.
10. Дутев, М. В. Архитектурно-художественная среда: метаморфозы времени // *Архитектура и строительство России*. – 2021. – № 1. – С. 22–27.
11. Якуничев, Н. Г. О двойственной природе предметного мира. – 2016. – Вып. № 5 (47). – URL: <https://research-journal.org/archive/5-47-2016-may/o-dvoystvennoj-prirode-predmetnogo-mira> (дата обращения: 28.04.2023).
12. Гельфонд, А. Л. Архитектурный подход к изучению информационного пространства // *Архитектура и строительство России*. – 2021. – № 4. – С. 40–47.
13. Оже, М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с франц. А. Ю. Коннова — (Studia Urbanica). — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — 136 с. — URL: <https://discours.io/articles/chapters/mark-ozhe-mesta-kotorye-nikогда-ne-osuschestvlyayutsya-polnostyu> (дата обращения: 21.05.2023).
14. Сорокин, П. А. Социальная мобильность / пер. с англ. М. В. Соколовой. – Москва : Academia : LVS, 2005. – XX, 588 с.

References

- Danilina, N., Tsurenkova, K., & Berkovich, V. (2021). Evaluating Urban Green Public Spaces: The Case Study of Krasnodar Region Cities, Russia. *Sustainability*, 13(24). DOI: 10.3390/su132414059.
- Dutsev, M. V. (2021). Arhitekturno-hudozhestvennaya sreda: metamorfozy vremeni [Architectural and artistic environment: Metamorphoses of time]. *Arhitektura i stroitel'stvo Rossii*, 1, 22–27.
- Gelfond, A. L. (2020). O prostranstvennoj tipologii zdaniy-arok [On the Spatial Typology of Arch Buildings]. *Academia. Architecture and Construction*, 2, 47–60.
- Gelfond, A. L. (2021). Arhitekturnyj podhod k izucheniyu informacionnogo prostranstva [Architectural approach to the study of the information space]. *Arhitektura i stroitel'stvo Rossii*, 4, 40–47.
- Gelfond, A., & Lapshin, A. (2020). Development vectors for the NNSUACE campus. *Project Baikal*, 17(65), 157 – 166. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.65.1700>
- Jakunichev, N. G. (2016). On the dual nature of object environment. *International research journal*, 5(47). <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.47.285>
- Lozhkin, A. (2010, March 3). *Akademgorodok. Sud'ba utopii*. Retrieved April 28, 2023, from <https://alexander-loz.livejournal.com/123023.html>
- МИЭТу – 40 [MIET – 40]. (2013, November 6). *Arhitekturnyj Vestnik*. Retrieved March 30, 2023, from <http://archvestnik.ru/2013/11/06/mietu-40/>
- Nestandartnyj gorod dlya nestandartnyh lyudej: putevoditel po arhitekture Innopolisa [A non-standard city for non-standard people: A guide of the Innopolis architecture]. (2015, December 23). *Habr*. Retrieved April 28, 2023, from <https://habr.com/ru/company/innopolis/blog/273783/>
- Ozhe, M. (2017). *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna [No-place. Introduction to hypermodern anthropology]* (A. Yu. Konnova, Trans.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. Retrieved May 21, 2023, from <https://discours.io/articles/chapters/mark-ozhe-mesta-kotorye-nikогда-ne-osuschestvlyayutsya-polnostyu>
- Popov, A. V. (2019, February). The impact of architectural and space-planning design of student accommodation (dormitories, campuses) on the time budget of the student youth. *IJEAT-BEIESP - International Journal of Engineering and Advanced Technology*, 8(3), 128–133.
- Popov, A. V. (2022). *Koncepciya arhitekturnogo formirovaniya kampusov vuzov v Rossii [The concept of architectural formation of university campuses in Russia]* [Doctoral Dissertation]. N. Novgorod.
- Sorokin, P. A. (2005). *Socialnaya mobilnost [Social mobility]* (M. V. Sokolova, Trans.). Moscow: Academia: LVS.
- Tarabarina, Yu. (2020, August 6). Letyashchij [Flying]. *Archi.ru*. Retrieved March 30, 2023, from <https://archi.ru/russia/86786/letyashchii>
- 06 avgusta 2020

В Древней Греции архитекторы стремились к тому, чтобы звук голоса достигал ушей зрителя «отчетливым и приятным». Для этого они обратились к теории музыкальных резонансов и создали междисциплинарную концепцию архитектуры. Прецеденты удачных форм аудиторий и развитие науки помогли создавать архитектурные шедевры с хорошей акустикой. Рождение науки архитектурной акустики в начале XX века вселило надежду на хорошее прогнозирование качества звучания проектируемых зрительных залов. Но уже к середине XX века стало понятно, что требуется новый путь. На стыке наук архитектурной акустики и электроакустики сформировалась новая междисциплинарная концепция зрительного пространства, которая в большей степени отвечает социальным и творческим запросам человека.

Ключевые слова: архитектура; зрительный зал; междисциплинарная концепция; амбиофония; иммерсивный звук. /

In ancient Greece, architects sought to ensure that the sound of the voice reached the viewer's ears "distinctly and pleasantly". To do this, they turned to the theory of musical resonances and created a multidisciplinary concept of architecture. The precedents of successful audience forms and the development of science helped to create architectural masterpieces with good acoustics. The birth of the science of architectural acoustics at the beginning of the 20th century gave hope for a good prediction of the sound quality of designed auditoriums. But by the middle of the 20th century, it became clear that a new path was required. A new multidisciplinary concept of audience space has been formed at the intersection of the sciences of architectural acoustics and electroacoustics, which meets the social and creative needs of a person to a greater extent.

Keywords: architecture; auditorium; multidisciplinary concept; ambiophony; immersive sound.

Эволюция междисциплинарной концепции зрительного пространства / The evolution of the multidisciplinary concept of audience space

текст

Юрий Исаков
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А. Д. Крячкова

Евгений Лихачев
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А. Д. Крячкова

text

Yuriy Isakov
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov

Evgeniy Likhachev
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov

1. Вступление

Большая часть наших знаний о древней греческой и римской архитектуре основана на трудах Витрувия Маркуса Поллиона, механика и архитектора, автора De Architectura. Это труд, датированный примерно 27 годом до нашей эры, в котором Витрувий описывает театральный дизайн и природу звука. Он изучил особенности геометрического построения планов для греческого и римского театров. У греков, в отличие от римлян, оркестра была круглой, и угол зрительного пространства более 180°. Витрувий так описывает природу звука: «Голос движется по бесконечно расширяющимся окружностям, подобно тем бесчисленным кругам волн, какие возникают на спокойной воде, если бросить в нее камень, <...> но на воде круги двигаются по поверхности лишь в ширину, а голос распространяется не только вширь, но постепенно восходит и ввысь <...> все они без всякого отражения доходят до ушей и самых нижних и самых верхних зрителей. <...> древние архитекторы <...> старались, чтобы всякий звучащий со сцены голос доходил до ушей слушателей отчетливее и приятнее» [1, с. 92]. Витрувий сформулировал архитектурную задачу зрительного пространства, которую решали зодчие в разные эпохи и решают в наши дни.

2. Первая междисциплинарная концепция зрительного пространства

Витрувия заинтересовала концепция зрительного пространства, созданная древними греческими

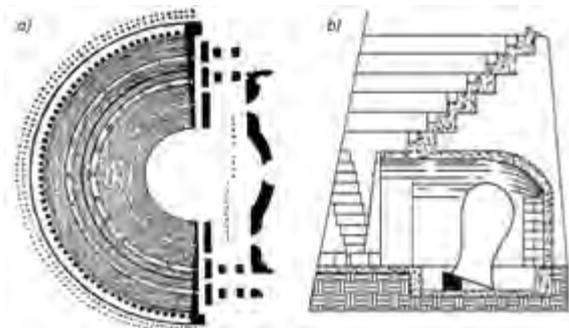
архитекторами (рис. 1а), в которой используются «звучащие» сосуды – «голосники». Для установки «голосников» требовались специальные помещения под ступенями амфитеатра (рис. 1б). Архитектор должен уметь настраивать «голосники», для чего он должен был овладеть музыкальной гармонией Аристоксена: «Гармония же есть музыкальный предмет, темный и трудный, в особенности для тех, кому неизвестен греческий язык» [1, с. 92]. Можно считать, что Витрувием описана первая междисциплинарная концепция зрительного пространства, где используются знания о звуке и музыкальной теории для улучшения звучания голосов и музыкальных инструментов. До сих пор многие архитекторы и ученые считают, что идея «голосников» лишь теоретическая и практически не работающая. Но исследования подтверждают, что «звучащие сосуды» улучшали акустику зрительного пространства древних театров, используя эффект дополнительного акустического резонанса в низкочастотном диапазоне.

3. Улучшение акустики зрительного пространства методами архитектуры

Эффект акустического резонанса использован в византийском соборе Святого Марка [2], построенного в IX веке в Венеции (рис. 2). В соборе Святого Марка пять куполов, по одному на каждом конце креста и один в центре. Диаметр параболической поверхности купола и высота влияют на собственный акустический резонанс.

Отмечено, что один из куполов издает «медные» тона, а противоположный купол издает «серебряные» тона. Композиторы сочиняли музыку специально для этого собора, чтобы использовать его замечательные акустические особенности. Джованни Габриэли, один из таких композиторов, хотел, чтобы зрители сидели под главным куполом, а звуки излучались по обе стороны, что давало возможность испытать акустические эффекты куполов.

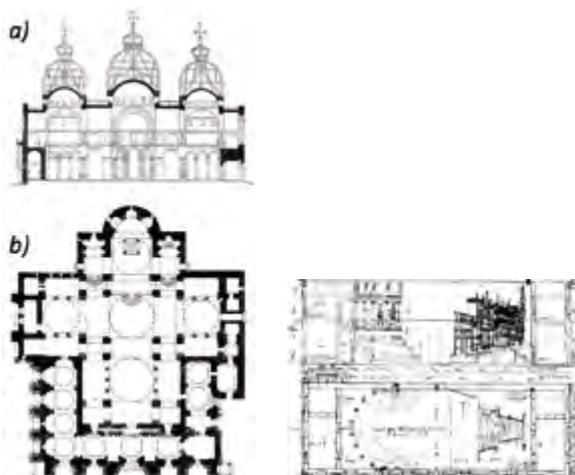
В эпоху раннего Ренессанса итальянский зодчий Леон Баттиста Альберти (1404–1472) публикует труд «Десять книг о зодчестве». Он пишет о значении портиков по периметру амфитеатра для усиления голоса: «Философы полагали, что воздух от сотрясения голоса и преломления звука движется кругами, <...> звук и голос становятся

> Рис. 1. План расположения ваз в амфитеатре Литта (а). Ниши для звучащих ваз (б)

> Рис. 2. Разрез а), план б) и виды собора Святого Марка, Венеция

^ Рис. 3. Разрез и план Teatro all'antica в Саббионете

гораздо звучнее и яснее там, где <...> круги движения наталкиваются на что-нибудь такое, что их <...> останавливает и отталкивает, подобно брошенному о стену мячу. От такого отражения эти круги становятся более тесными и сплоченными» [4, с. 290]. «Голосники», описанные Витрувием, Альберти тоже упомянул и объяснил, почему сложно их применять: «Я не буду вдаваться в указания Витрувия, почерпнутые им у музыкантов, по правилам которых он предписывал располагать в театре сосуды <...>. Сказать это легко, но как осуществить на деле, знают только ученые» [3, с. 292].

Новая форма спектакля, мелодрама или опера, объединила различные виды представления: мелос, означающий пение, драму, означающую игру. В последние десятилетия XVI века опера приобрела собственную независимую архитектуру театра. План театра обычно делился на зоны с разными функциями: «savea», или зрительные места; сцена и помещения за ней, предназначенные для персонала и артистов. Teatro all'antica в Саббионете (1588–1590) Винченцо Скамоцци (1548–1616) стал первым зданием, полностью спроектированным как отдельно стоящий театр (рис. 3) [4].

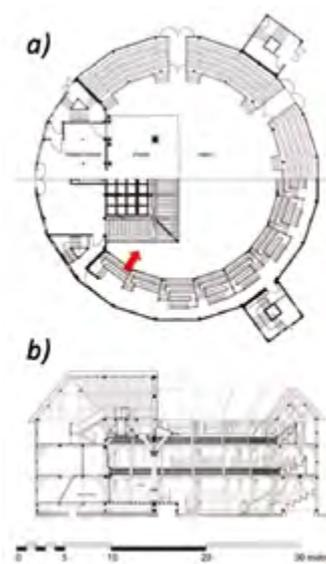
В Лондоне в 1567 был построен театр драмы «The Red Lion». Этот театр стал прототипом здания театра «Глобус», который был построен в 1599. Именно постановка произведений Шекспира и других драматургов эпохи Возрождения делали этот театр одним из важнейших центров культурной жизни страны. В 1642 Кромвель, поощрявший пуритан, закрыл театр, а вскоре и все театры Англии. Спустя 300 лет театр был восстановлен в первоначальном виде. Поскольку спектакли проходят в аутентичной обстановке, то можно в наши дни оценить качество театрального звука конца XVI – начала XVII веков. Зрители находятся в секторе 270° вокруг сцены. Поэтому часть зрителей всегда видят актера или сбоку, или со спины, что значительно снижает отчетливость голоса (рис. 4).

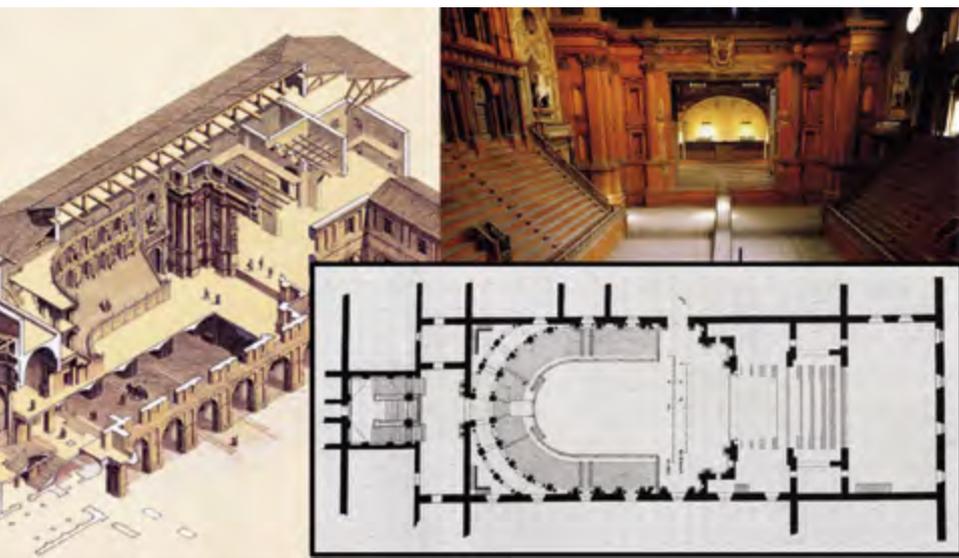
В начале XVII века в театральный дизайн вошел новый элемент, который повлиял как на сценографию, так и на акустику – арка авансены. Итальянский архитектор Джованни-Баттиста Алеотти (1546–1636) ввел новое пространственное расположение в Театре Фарнезе

в Парме (1610) [5] (рис. 5). Алеотти построил арку авансены, которая материализовала разницу между реальным и театральным вымыслом. Роль этого элемента была как визуальной, так и акустической: арка усиливала первые отражения от источника звука на сцене, тем самым повышая «отчетливость» голосов солистов в партере.

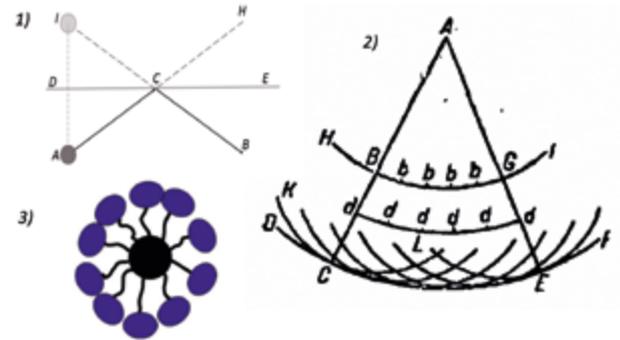
Повышенный интерес к физике звука вызвал труд иезуита Джузеппе Бьянкани (1566–1624), опубликованный в 1620. Часть сочинения называется Эхометрия, или Геометрический трактат об Эхе [5]. Эхометрия Бьянкани открыла новую область научных знаний, сочетающую звук и оптику, которая в дальнейшем будет называться акустика. Французский математик и физик Марен Мерсенн (1588–1648) в 1636–1637 пишет монографию «Универсальная гармония...». В одном из разделов «Трактате об Эхо» он описывает теорию отражения звука от поверхности (рис. 6 (1)): «<...> если линия голоса идет от А до Н, когда Звук встречает отражающую поверхность D E в точке С, он будет отражаться обратно в точку В.

v Рис. 4. Театр «Глобус» в Лондоне: а) план; б) разрез [9, р. 282]. Красной стрелкой на плане отмечено место, с которого сделано фото

^ Рис. 5. Театр Фарнезе в Парме. 3D – разрез. Вид на сценическую арку. План

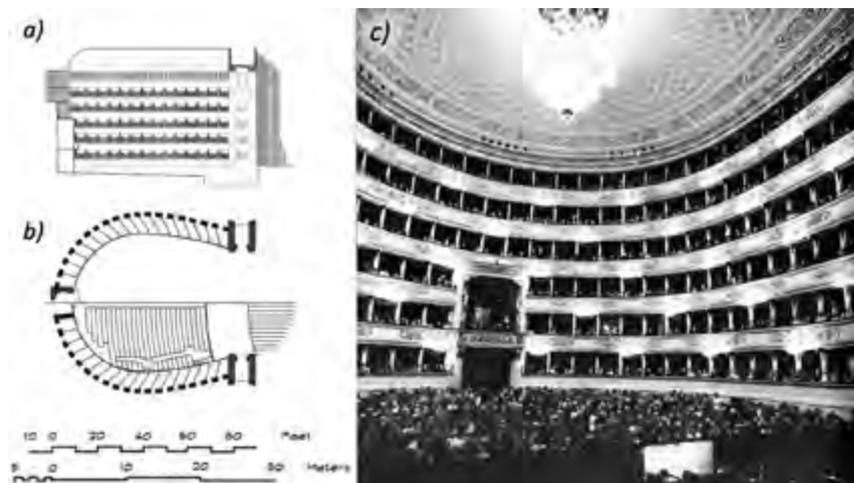

^ Рис. 6. 1) К описанию теории отражения звука по Мерсенну. 2) К волновой теории Гюйгенса. 3) К теории Виттоне

<...> Звук, издаваемый в точке А, который собирается ударить в С, слышится ухом, находящимся в точке В, как если бы он находился в точке I, где образ предстает перед глазами <...>» [6, с. 56]. Это практически описание современного метода мнимых источников, которым пользуются архитекторы при построении отражающих поверхностей.

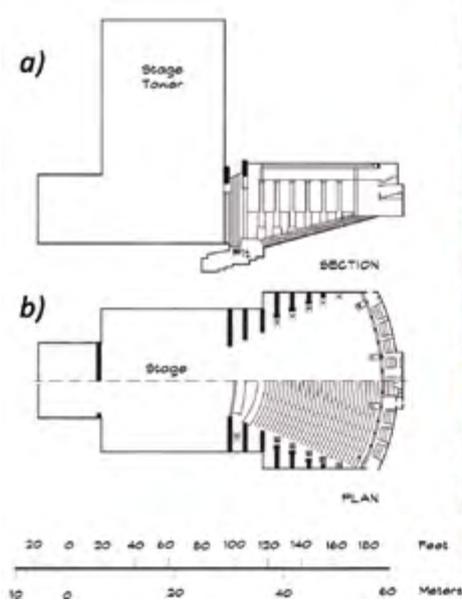
Голландский физик и математик Христиан Гюйгенс (1629–1695) в своем «Трактате о свете» объясняет волновую теорию (рис. 6 (2)): «<...> каждая частица вещества, в котором распространяется волна, должна сообщать движение не только ближайшей частице, <...> также и всем другим частицам, которые касаются ее и препятствуют ее движению. Таким образом вокруг каждой частицы должна образовываться волна, центром которой она является» [7, с. 31–32]. Опираясь на свою теорию, Гюйгенс объясняет закон отражения волн. Угол отражения равен углу падения волны. Итальянский архитектор Антонио Бернардо Виттоне (1704–1770) пишет краткий трактат о природе звука [13] и приходит к тому же мнению, что Гюйгенс, однако полагая, что возбужденные частицы связаны с источником невидимыми нитями (рис. 6 (3)).

v Рис. 7. Театр Ла Скала в Милане (1776–1778) Джузеппе Пьермарини: а) продольный разрез; б) план партера и план лож [14, с. 24]; в) фото со сцены

Венецианский дворянин Андреа Меммо (1729–1793) в труде под названием «Простые советы для тех, кто интересуется строительством театра в приходе Сан Фантино в Венеции» (1790) указывает на направленность источников звука. По его мнению, дизайн театров круглой формы (по Витрувию) не был согласован с направленностью голоса. Кроме того, тембр («приятность») голоса зависит как от прямого звука, так и от отраженного [4]. При этом прямые и отраженные звуки должны были быть уравновешены: в частности, последние можно было выровнять при правильном выборе материалов. Джордж Сондерс (1762–1839), написавший «Трактат о театрах» (1790), предложил размеры театра согласовывать с возможностями человеческого голоса, а дерево использовать для поглощения нужного количества звука [4]. Архитектура зрительного зала Театра Ла Скала в Милане (1776–1778) Джузеппе Пьермарини (1734–1808) способствовала хорошему звучанию («отчетливому и приятному»), так как аккумулировала вышесказанные достижения в изучении звука (рис. 7). Зрительный зал в форме подковы украшен лепниной и позолоченными виньетками. Под потолком висит огромная богемская люстра. Вместимость 2289 зрителей при максимальном удалении от авансцены 31 м.

Задача «отчетливости и приятности голоса» была изобретательно решена в фестивальном оперном театре Вагнера в Байройте (Германия), построенного в 1876. Зрительный зал имеет прямоугольную форму, но зрительская зона – форму веера. Вместимость 1645 зрителей. План и разрез показаны на рис. 8. Вагнер стремился к тому, чтобы зрителей ничто не отвлекало от действия на сцене. Он использовал полный оркестр, но его звук должен быть приглушенный, для чего была использована глубокая оркестровая яма специальной конструкции (рис. 8). Из зала музыкантов и дирижера не видно: музыканты отделены от зрителей специальным вогнутым барьером, который отражает звук музыкальных инструментов на сцену. Таким образом, зрители не слышат прямого звука оркестра. Это решение улучшило баланс как внутри оркестра, так и баланс между певцами и оркестром [8].

< Рис. 8. Оперный зал Festspielhaus в Байройте, Германия: а) продольный разрез; б) план зрительного зала и сцены; с) фото зрительного зала; д) оркестровой ямы; е) фото в оркестровой яме

4. Архитектурная акустика: рождение науки

В 1800 Иоганн Г. Род (1762–1827) публикует «Теорию распространения звука для архитекторов», в которой описывает «теорию эха». Критическим расстоянием отражающей поверхности для заметности эха он считает 60 футов (18,3 м). В 1849 американский физик Джозеф Генри (1797–1878) разработал новый лекционный зал Смитсоновского института в Вашингтоне (рис. 9). Исследования Д. Генри привели к открытию того, что теперь известно как «эффект предшествования», устанавливающего ограничения на допустимые временные интервалы ранних отражений. Генри использовал свое открытие для проектирования формы поверхностей стен и потолка, чтобы сформировать «отчетливый» и громкий звук лектора для 1500 слушателей.

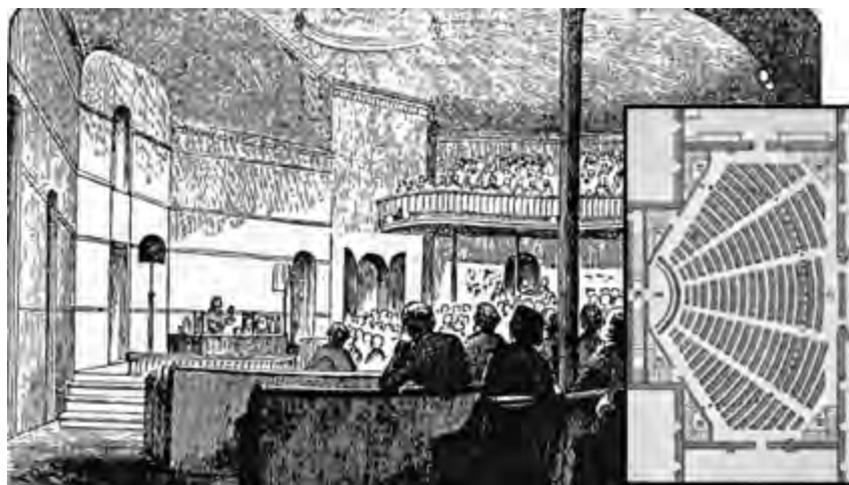
Знаменитое двухтомное издание «Теория звука» (1877–1878) профессора Кембриджского университета Джона Стретта, лорда Рэлея (1842–1919) стало обобщающим трудом, в котором освещены практически все результаты научных исследований в области акустики того времени. Во втором томе описывается теория слуха на основе работ Гельмгольца (1821–1894). В 1883–1890 Карл Штумпф (1848–1936) опубликовал труд «Психология звука».

Другой взгляд на проблему принадлежит Уоллесу Клементу Сэбину (Wallace Clement Sabine, 1868–1919), американскому физика. Он сформулировал понятие времени реверберации, которое до сих пор является самой важной характеристикой зрительного зала. Уоллес К. Сэбин признан как основатель науки архитектурной акустики. Сэбин должен был найти решение проблемы ужасного звука в лекционном зале Художественного музея Фогга (рис. 10 а). Для этого он разработал метод измерения времени затухания остаточного звучания после выключения органной трубы, используя только уши наблюдателя и секундомер. Он быстро понял, что время затухания слишком велико. В 1898 были внесены изменения, указанные Сэбином для улучшения акустики лекционного зала.

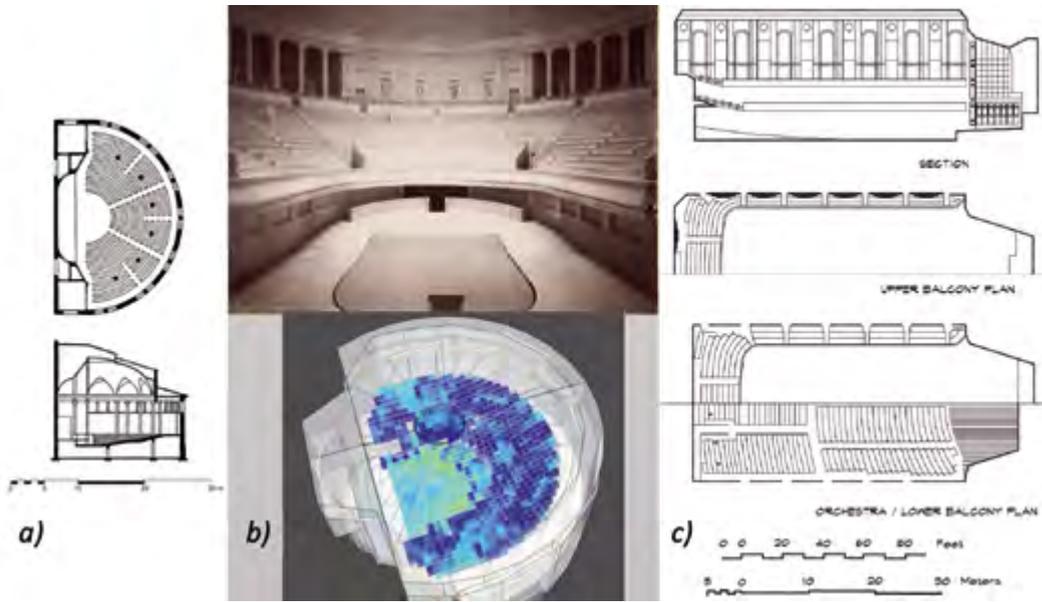
Осенью 1898 рассматривался новый Бостонский мюзик-холл, и У. Сэбина пригласили проконсультировать по вопросу акустики. Проект нового симфонического

зала предложил архитектор Чарльз Фоллен МакКим в форме греческого театра (рис. 10 б, сверху). Уоллес Клемент Сэбин оценил его как «идеальный современный зал». Исследования проекта МакКима в наши дни с помощью компьютерной модели показали, что выбор формы зала мог привести к акустической катастрофе [10]. Но Генри Ли Хиггинсон, банкир-филантроп, который основал в 1881 Бостонский симфонический оркестр, после консультаций с европейскими дирижерами настоял на том, чтобы форма нового зала была прямоугольной. Более того, архитекторам была поставлена задача взять за основу зал в Лейпциге и увеличить количество зрительных мест с 1560 до 2600. При этом Хиггинсон считал, что, по его мнению, увеличивать высоту не нужно, и старый мюзик-холл был слишком высок. Используя результаты своих исследований, Сэбин рассчитал необходимый объем зала для достижения оптимального времени реверберации для Симфонического зала Бостона (рис. 10 с) и предотвратил опасность ухудшения параметров. Его акустический проект завершился большим успехом, и Бостонский симфонический зал считают одним из лучших залов в мире. Кроме того, единицу поглощения энергии диффузного звукового поля – «Сэбин» – на-

в Рис. 9. Смитсоновский лекционный зал. План партера зала; пунктиром обозначена линия балкона

> Рис. 10. Лекционная аудитория Fogg Art Museum, Cambridge: а) план и продольный разрез. Проект симфонического зала Бостона: б) сверху – предложенный Charles Follen McKim; внизу – компьютерная модель проекта С. Ф. McKim, выполненная в компании iD!BRI. Boston Symphony Hall: в) продольный разрез и планы существующего зала

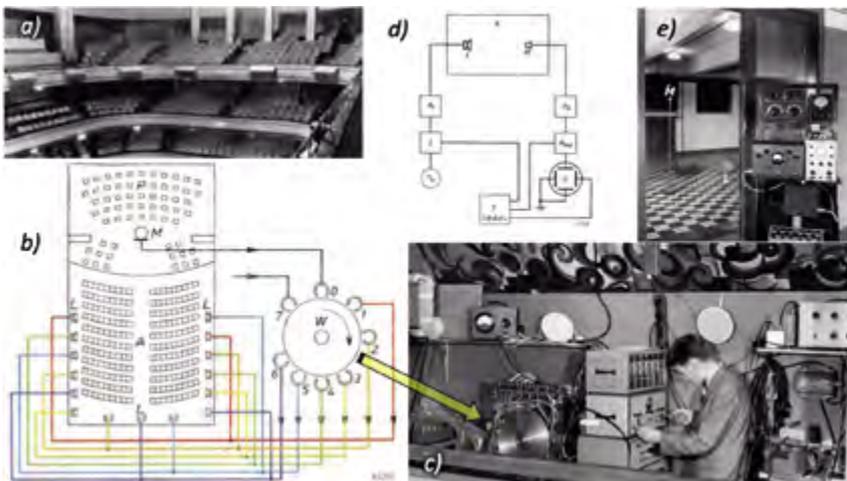
звали в его честь [10]. В своем труде *Collected Paper on Acoustics* в 1922 он пишет: «Проблема архитектурной акустики требует для своего полного решения двух различных направлений исследования: одно для количественного определения физических условий, от которых зависят громкость, реверберация, резонанс и связанные явления, а другое – для определения интенсивности, которую должно иметь каждое из них. какие условия лучше всего подходят для отчетливого прослушивания речи и какие эффекты лучше всего подходят для музыки в ее различных формах» [11].

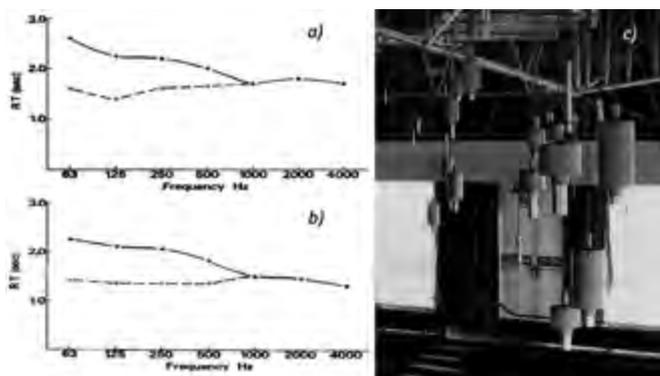
5. Междисциплинарная концепция архитектуры зрительного зала – амбиофония

В 1887 Александру Г. Беллу (1847–1922) был выдан патент на телефон. В Bell Labs проводились исследования в области речи и слуха в 1916–1949 под управлением Харви Флетчера (1884–1981). В 1920 началась работа по определению абсолютного порога слышимости [24]. В результате исследований стало возможным в числах выражать относительный уровень акустического и электрического сигнала. Величина названа «бел» в честь основателя телефонии. На практике

используется «дБ» – децибел. В 1935 в лаборатории Philips Research Lab. был изобретен метод изучения акустики концертного зала с помощью масштабной модели. В 1938 в *Philips Technical Review* была опубликована статья об акустике помещения, которая характеризуется реверберацией, разборчивостью речи и звукопоглощением [12]. В 1946 Виллем Так (1908–1984) разработал измерительную аппаратуру для изучения явлений реверберации (рис. 11 д, е). В исследованиях был вовлечен знаменитый дирижер Леопольд Стоковский: «воспроизведение звука через громкоговорители открывают совершенно новые возможности <...> музыка не должна достигать слуха с одного направления, скорее, слушатель должен быть окружен ею, не получая никакого впечатления от направления, но вместо этого купающийся в звуке». Он был настолько одержим этой идеей, что в лаборатории родился термин для объемного воспроизведения звука «стокофония». В статье «Пространство в музыке» Вермюлен объяснил концепцию амбиофонии, которая призвана имитировать диффузность и реверберацию. Исследования Вермюлена также были связаны с идеями Стоковского. В своей книге «Музыка для всех нас» в главе «Отражение и поглощение – эхо и реверберация», дирижер написал: «В будущем можно будет строить концертные залы и студии для радио и записи с переменной акустикой. <...> можно будет выделить и усилить любую частотную полосу и продлить ее реверберацией. <...> Это будет сделано не отражением, а электрическим процессом» [16]. Стоковский сформулировал новую междисциплинарную концепцию зрительного зала, в которой улучшение «отчетливости и приятности» звука происходит за счет электроакустики. Система состоит из микрофона/ов в области сцены и громкоговорителей, распределенных по зрительному залу (рис. 11 б). Громкоговорители излучают задержанный сигнал, имитируя отражения. Для формирования задержек в системе использовалась магнитная запись, носителем записи был диск с магнитной поверхностью (рис. 11 б, с). Максимальная задержка составляла от 0,25 сек. до 0,5 сек. в зависимости от скорости вращения диска. В 1954 прототип системы был установлен в концертном зале Дома искусств и наук в Гааге (рис. 11 а). Первое публичное

в Рис. 11. Система Амбиофонии Philips: а) концертный зал Дома искусств и наук (вдоль верхнего балкона видны громкоговорители системы реверберации); б) упрощенная схема амбиофонической системы; в) прототип электронной системы задержек, установленной в Доме искусств и наук в Гааге; д) схема Виллема Така измерений характеристик реверберации; е) оборудование и комната, где проходили измерения (1947)

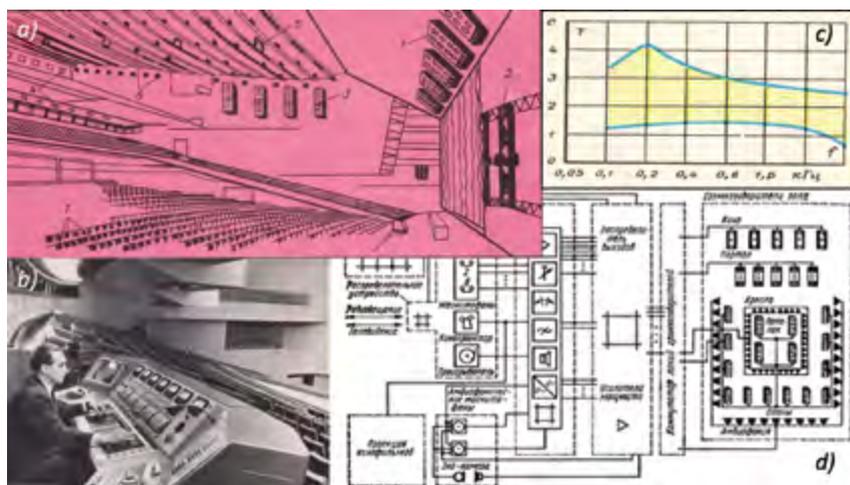

^ Рис. 12. Графики зависимости времени реверберации от частоты: а) без зрителей; б) со зрителями; сплошная линия на графиках – система включена, пунктирная линия – система выключена. Вид с) резонаторов для микрофонов

выступление Гаагского филармонического оркестра с использованием системы амбиофонии Philips состоялось 30 сентября 1954 [12]. После положительных отзывов музыкантов, критиков и меломанов система получила название EL6910. Первая коммерческая инсталляция была в Театре Ла Скала в Милане. После разрушений Второй мировой войны театр был восстановлен, но акустика театра стала слишком «сухая». В калибровке и настройке системы принимал участие знаменитый дирижер Герберт фон Караян. 7 декабря 1955 состоялось первое представление системы для широкой публики исполнением оперы Моцарта «Волшебная флейта»; дирижировал Герберт фон Караян [12, с. 59].

6. Система поддерживаемых резонансов Паркина

«Ройял Фестивал Холл» (RFH) в Лондоне, открытый в 1952 на 3000 мест [13]. Акустики использовали теорию Сэбина для прогнозирования времени реверберации на этапе проектирования. Но принятые в расчет значения коэффициента звукопоглощения зрителей оказались далеки от реальных. Устранение этого недостатка путем строительного-акустических мероприятий было признано нецелесообразным. Паркин предложил в 1961 улучшить акустику зала посредством регенеративной электроакустической системы [13]. Идея П. Паркина заключается в использовании акустического резонанса в системах, содержащих микрофон, усилитель и громкоговоритель. Паркин, по сути, предложил систему, которую придумали древние греки со звучащими вазами, но состоящую из большого числа электроакустических каналов, каждый из которых работает в очень узкой полосе частот. На первом этапе работы было решено ограничить акустическую коррекцию областью частот от 70 до 340 Гц. При ширине полосы в 3 Гц потребовалось 89 независимых каналов (максимальное число ваз у древних греков было 38 [1]). Микрофоны и громкоговорители были скрытно размещены над подвесным потолком (рис. 12 с). Положительная оценка достигнутых результатов и опыт успешной эксплуатации системы в течение ряда лет (1965–1969) побудили к расширению частотного диапазона коррекции [13]. В конечном варианте система содержала 172 канала, занимающих диапазон от 58 до 700 Гц. Тщательная

^ Рис. 13. Зрительный зал Кремлевского Дворца съездов: а) расположение громкоговорителей в зале; б) ложа звукооператора; с) график времени реверберации; д) структурная схема электроакустики зала

настройка системы привела к оптимуму, представленного графиками на рис. 12 а, б). В концертном сезоне 1968–1969 Герберт фон Караян дирижировал в RFH двумя концертами оркестра Берлинской филармонии. По его мнению, откорректированная акустика RFH являлась, возможно, наиболее совершенной среди концертных залов всего мира [13]. Систему коррекции Паркина нет оснований называть системой искусственной реверберации. Реверберация в зале как с коррекцией, так и без нее остается естественной. Эту особенность выражает термин «система поддерживаемых резонансов» (assisted resonance), предложенный П. Паркином для обозначения регенеративного метода воздействия на акустические свойства зала.

7. Реализация междисциплинарной концепции в зрительном зале Кремлевского дворца съездов в Москве

Рассматривая развитие в области проектирования концертных залов в XX веке, Йордан пишет: «<...> мы замечаем растущий интерес к экспериментированию формой и материалами. Следует также отметить некоторые тенденции при разработке проектов театральных и концертных залов. <...> Сейчас мы находимся на пороге новой эры в проектировании больших залов – эры залов многоцелевого назначения» [14, с. 30].

Зрительный зал Кремлевского дворца съездов многоцелевой. Зал предназначался не только для съездов партии, конференций и конгрессов, но и для исполнения разнообразных концертных программ: от эстрадных до симфонических. В объемно-пространственной структуре зала, план которого близок квадрату, балкон, амфитеатр и партер решены как единое архитектурное пространство. Зал вмещает 6000 зрителей. Наибольшее удаление зрителей от сцены от 47 м в партере до 62 м на балконе. При таких размерах формирование эффективных отражений за счет ограждающих поверхностей становится невозможным. Поэтому было принято решение об уменьшении влияния естественной реверберации [13, с. 74]. Для достижения отчетливости речи на съездах использовались 6000 малогабаритных громкоговорителей, встроенных в спинки кресел. Для музыкальных кон-

> Рис. 14. Примеры архитектуры зрительного зала театра «Black Box»

центов электроакустика должна формировать как прямое поле, так и реверберационное. Для формирования прямого поля использовалась пятиканальная портальная система мощностью 400 Вт на канал (рис. 13 а). Для формирования реверберационного поля – амбиофоническая система (рис. 13 d). В амбиофонической системе применялось 350 громкоговорителей по 5 Вт. Для формирования сигналов использовались задержки и эхо-камера. Открытие Дворца съездов состоялось 17 октября 1961. Оперативное управление режимами работы системы осуществлялось звукорежиссером (рис. 13 b). Пределы регулирования времени реверберации показаны на рис. 13 с. Во многих случаях оптимальные рабочие режимы устанавливались звукорежиссером с участием дирижера, хормейстера, художественного руководителя или постановщика. Во время исполнения звукорежиссер, сидя за пультом, имел перед глазами партитуру и программу управления режимами систем (усиления и амбиофонии) [13]. Уровень профессионализма звукорежиссера определял точность работы системы амбиофонии. Поэтому эти системы не были широко распространены.

8. Междисциплинарная концепция архитектуры зрительного пространства в цифровую эпоху

Методы представления любой информации в цифровом виде позволили создать более удобные и более точные приборы для контроля времени реверберации и других параметров в зрительном зале. Более детальное изучение слухового восприятия позволило определить параметры, которые соответствуют субъективному восприятию и могут быть измерены в зрительном зале. Теперь звук «отчетливый и приятный» (по Витрувию) закреплен в системе параметров, включенных в стандарт ИСО. Цифровая обработка звуковых сигналов позволяет добиться стабильности параметров, их сохранения и восстановления с точностью, превышающей способности восприятия отклонений слушателем. Многие фирмы-производители аудиоаппаратуры разработали системы коррекции и управления звуковым полем зрительного зала. Используются две основные технологии активного управления звуковым полем: «линейная» – S-SF (синтез звукового поля), эволюция амбиофонии; «регенеративная» – A-SF

(коррекция звукового поля), эволюция системы «дополнительного резонанса» Паркина. На базе этих технологий построены системы разных производителей MCR, E-coustic (LARES), ACS, SIAP, Vivace, Amadeus, CARMEN. Есть системы гибридные, объединяющие обе технологии: Constellation (Meyer Sound, USA) и AFC (Yamaha, Japan). В последние годы добавилась гибридная система CARMENCITA, новая генерация системы CARMEN. Несмотря на такое бурное развитие систем активного управления звуковым полем (АУЗП), их применение чаще всего наблюдается только после строительства зрительного зала с неудовлетворительной акустикой. Но намного эффективней, чтобы междисциплинарная концепция была выбрана на этапе проектирования зрительного зала, особенно трансформируемого, как в современном театре – без четкого разделения пространства на сценическое и зрительское. Как пишет Дорита Ханна, «театральные деятели XX века, такие как Мейерхольд, Арто, Брехт, Пискатор, Шлеммер, Рейнхардт и Гротовски стремились уничтожить тотальную арку авансцены и нарушить границы между актером и зрителем, экстерьером и интерьером, улицей и сценой, усилив переживание как захватывающее и галлюцинаторное событие» [15]. Последовательное уменьшение роли архитектуры в театральном действии привело к созданию «пустого пространства» по Питеру Бруку. Первым выразил идею «Театра будущего» английский сценограф Эдвард Гордон Крейг: «Место без формы – перед нами один огромный квадрат пустого пространства <...>» [15]. Можно сказать, что «Театр будущего» является предельной архитектурной реализацией – антиархитектурой. Это простая прямоугольная форма помещения, ограждающие поверхности которого и все технологическое оснащение выкрашено в матовый черный цвет для отсутствия бликов и теней. Вот «духовная сущность» нового театра, если вспомнить Ганса Шаруна. Театр получил название «Black box» – «Черная коробка». Конструкция зала такова, что зрительные места и сцена имеют возможность трансформироваться. Подвесного потолка нет, его заменяет технологическая решетка, на которую крепится театральное оборудование (рис. 14).

Если «духовная сущность» или парадигма театра «Black Box» для визуального восприятия – пустое пространство без теней и бликов, то это должно поддерживаться и звуковым восприятием «пустого пространства» как акустически «мертвого», с минимальными отражениями и минимальной реверберацией, чтобы исключить из акустического восприятия физические размеры зала. Лорд Рэлей в главе XIII тома II своего труда «Теория звука» приводит замечательный пример: «<...> цитируется в Natural Philosophy Юнга, том II, стр. 272 из Zoonomia Дарвина, том II, стр. 487. «Покойный слепой судья Филдинг, когда он однажды посетил меня, вошел в мою комнату впервые и после того, как произнес несколько слов, сказал: "Эта комната имеет около 22 футов длины, 18 ширины и 12 высоты"; все это он определил с большой точностью на слух» [9, р. 77].

Литература

1. Витрувий. Десять книг об архитектуре. Т. I / Витрувий; пер. Ф. А. Петровского. – Москва: Всесоюз. акад. архит., 1936. – 331 с. : ил. – (Классики теории архитектуры).
2. Egner, L. Architectural Acoustics, 12.12.2003. – URL: https://www.academia.edu/7738714/Architectural_Acoustics_Lisa_Egner (дата обращения: 24.07.2022).
3. Альберти, Л. Б. Десять книг о зодчестве : В 2 т. – Москва : Всесоюз. акад. архит., 1935–1937. (Классики теории архитектуры).
4. D'Orazio, D. и Nannini, S. «Towards Italian Opera Houses: A Review of Acoustic Design in Pre-Sabine Scholars» Acoustics. – URL: <https://doi.org/10.3390/acoustics1010015>, March 2019, pp. 252–280.
5. Postma, F. Barteld, N. и Katz, B. «Forum Acousticum, EAA.» в A History of the Use of Reflections Arrival Time in Pre-Sabinian Concert Hall Design, Krakow, 2014.
6. Marsenne, M. Harmonie universelle, contenant la théorie et la pratique de la musique ..., Paris: Gallica, 1636–1637.
7. Гюйгенс, Х. Трактат о свете / пер. В. Фредерикс. – Москва ; Ленинград : ОНТИ. Глав. ред. общетехн. лит-ры, 1935. – 172 с.
8. Long, M. Architectural Acoustics, London: Elsevier Academic Press, 2006.
9. Рэлей, Джон Вильям Стрэтт. Теория звука / Пер. с 3-го англ. изд. П. Н. Успенского и С. А. Каменецкого ; под общей ред. С. М. Рытова и К. Ф. Теодорчика. – Т. 2. – Москва ; Ленинград : Гостехтеоретиздат, 1955.
10. Edwards, N. «The acoustic science of boston's symphony halls», iD!Bri. – URL: <https://www.idibri.com/content/articles/> (дата обращения: 11.02.2023).
11. Sabine, W.C. Collected Papers on Acoustics, London: Humphrey Milford Oxford University Press, 1922.
12. Kees, T. On the Threshold of Beauty, Philips and the Origins of Electronic Music in the Netherlands 1925–1965, revised PDF edition, 2020.
13. Фурдуев, В. В. Стерефония и многоканальные звуковые системы. – Москва : Энергия, 1973. – 112 с.
14. Йордан, В. Л. Акустическое проектирование концертных залов и театров / пер. с англ. С. А. Хомутова ; под ред. Л. И. Макриненко. – Москва : Стройиздат, 1986. – 170 с. : ил.
15. Hannah, D. «"(I m)Mater (Iality)and the Black -Box Thetre as an "Empty Space" of Reproduction",» IDEA Journal, т. 4, № Design Research Paper, pp. 23–33, 2003.

Таким образом, только искусственная акустическая среда, соответствующая действию, может быть сформирована в театре «Black-Box». Значит, проектирование зрительного зала театра «Black-Box» возможно только на основе междисциплинарной концепции.

Заключение

Анализ приведенных прецедентов архитектуры зрительного зала и его назначения показывает, что социальные и творческие запросы, с одной стороны, и исследования физики звука, открывающие новые качественные характеристики восприятия, – с другой, ставят задачи, часто невыполнимые только методами архитектурной акустики. Поэтому междисциплинарная концепция является наиболее реальным путем архитектурного проектирования и реконструкции зрительных пространств и залов.

References

- Alberti, L. B. (1937). Desyat knig o zodchestve [Ten books on architecture]. In A. G. Garbichesky (Ed.), *Klassiki teorii arhitektury*. Moscow: Vsesoyunaya akademiya arhitektury.
- D'Orazio, D., & Nannini, S. (2019). Towards Italian Opera Houses: A Review of Acoustic Design in Pre-Sabine Scholars. *Acoustics*, 1(1), 252-280. <https://doi.org/10.3390/acoustics1010015>
- Edwards, N. (n.d.). *The acoustic science of Boston's symphony halls*. iD!Bri. Retrieved February 11, 2023, from <https://www.idibri.com/content/articles/>
- Egner, L. (2003). *Architectural Acoustics*. Retrieved July 24, 2022, from https://www.academia.edu/7738714/Architectural_Acoustics_Lisa_Egner
- Furduev, V. V. (1973). *Stereofoniya i mnogokanal'nye zvukovie sistemy [Stereothonics and multichannel sound systems]*. Moscow: Energiya.
- Hannah, D. (2003). (Im)mater(iality) and the Black-Box Theatre as an 'Empty Space' of Re-production. *IDEA Journal*, 4(1), 23-33.
- Huygens, Ch. (1935). *Traite de la Lumiere* (V. Frederix, Trans.). Moscow; Leningrad: ONTI NKTP SSSR.
- Jordan, V. L. (1986). *Akusticheskoe proektirovanie kontsertnykh zalov i teatrov [Acoustical Design of Concert Halls and Theatres]* (S. A. Khomutov, Trans.; L. I. Makrinenko, Ed.). Moscow: Stroyizdat.
- Kees, T. (2020). *On the Threshold of Beauty, Philips and the Origins of Electronic Music in the Netherlands 1925-1965*.
- Long, M. (2006). *Architectural Acoustics*, London: Elsevier Academic Press.
- Marsenne, M. (1632-1637). *Harmonie universelle, contenant la théorie et la pratique de la musique* Paris: Gallica.
- Postma, F., Barteld, N., & Katz, B. (2014). Forum Acousticum, EAA. In *A History of the Use of Reflections Arrival Time in Pre-Sabinian Concert Hall Design*. Krakow.
- Sabine, W. C. (1922). *Collected Papers on Acoustics*. London: Humphrey Milford Oxford University Press.
- Strutt, J. W. (L. Rayleigh). (1955). *Theory of Sound* (P. N. Uspensky & S. A. Kamensky, Trans.; S. M. Rytov & K. F. Teodorchik, Eds.). Vol. II. Moscow; Leningrad: Gostekhteorizdat.
- Vitruvius (1936). *Ten Books on Architecture* (F. A. Petrovsky, Trans.). Vol. I. Moscow: Publishing House of the All-Union Academy of Architecture.

Пространство города и пространство театральной сцены имеют много общего. Но трансформации городских пространств ограничены в гораздо большей степени, чем эксперименты с пространствами сцены. В статье проведен сравнительный анализ двух авангардных течений начала XX века в театре и – параллельно – в архитектуре. Показано, что эпический театр Брехта и архитектура испытали сильное влияние пессимистических идей Шпенглера. Театр Мейерхольда и движение конструктивистов, напротив, базируются на идеях социального оптимизма. На примере современного города Аммана (столица Иордании) и театра «Аль-Шамс» показано, что выбор между депрессивными и оптимистическими путями развития остается актуальным и сегодня.

Ключевые слова: театр; архитектура; история; Баухаус; конструктивисты; Иордания./

The space of the city and the space of the theater stage have a lot in common. Transformations of urban spaces have much more limitations than experiments with stage space. The article presents a comparative analysis of two avant-garde trends of the early twentieth century in the theater and, in parallel, in architecture. It is shown that Brecht's epic theater and Bauhaus architecture were strongly influenced by Spengler's pessimistic ideas. The Meyerhold Theater and the constructivist movement, on the contrary, are based on the ideas of social optimism. Using the example of the modern city of Amman (the capital of Jordan) and the Al-Shams Theater, it is shown that the choice between depressive and optimistic development paths remains relevant today.

Keywords: theater; architecture; history; Bauhaus; constructivists; Jordan.

Театр как место экспериментов с пространством / Theatre as a place of experimentation with space

текст

Моайяд Шафик Хамза
Школа креативных медиа
Колледжа технического
университета Luminous,
Институт SAE, Амман
Диаб Гази Аль-Наури
Школа креативных медиа
Колледжа технического
университета Luminous,
Институт SAE, Амман /

text

Moayyad Shafeeq Hamza
School of Creative
MediaSAE, Luminous
Technical University
College, Amman
Diab Ghazi Al-Naouri
School of Creative
MediaSAE, Luminous
Technical University
College, Amman

Предыстория вопроса

Концепция архитектурного пространства возникла в европейской теории относительно недавно. Еще несколько веков назад принципы барокко рассматривали пространство как пустоту, которую не терпит Природа. Пространство должно быть как можно более плотно заполнено объемами, декором, деталями. Пустое место – это вызов архитектору или его ошибка.

Неоклассицизм XVIII века мало что изменил в отношении архитекторов к пространству. И только век XIX принес свежие идеи в этой сфере. Пространство как таковое, его форма, его взаимодействие со светом и с человеком начали привлекать внимание архитекторов.

Первым историком архитектуры, который систематически исследовал тему пространства, был Карл Шнаазе (1798–1875). В 1834 году он опубликовал свои «Нидерландские письма» (Niederl ndische Briefe) – исследование средневековой архитектуры голландских готических соборов. В архитектуре готического стиля пространство играет важную, решающую роль. «Пульсирующая органическая жизнь» (по выражению Шнаазе) наполняет ритм боковых проходов в центральном нефе Антверпенского собора [1, с. 18].

В следующее десятилетие интерес немецких теоретиков архитектуры к выразительным возможностям пространства возрос. Франц Куглер объявил архитектуру Возрождения носителем особой «пространственной красоты» [2]. Яков Буркхардт в своем фундаментальном труде «История итальянского Возрождения» (1867) обнаружил пространственные мотивы и в римской, и в византийской, романской, готической архитектуре, но именно Возрождение он объявил носителем «пространственного стиля» (Raumstil), в отличие от «органических стилей» античности и готики [3].

Следующий шаг в осознании смысла и роли пространства в архитектуре сделал Готфрид Земпер в конце XIX века. В его теории «четырех оснований архитектуры» очаг, стены, крыша и фундамент объединены понятием внутреннего пространства. Этот мотив – «старейший формальный принцип в архитектуре, независимый от конструкции и основанный на концепции пространства» [4, с. 98]. Земпер считал, что искусство создания

полых (пространственных) конструкций сформировалось и выдвинулось в IV веке до н. э. Архитекторы Александра Македонского и его наследников распространили этот принцип по всей эллинистической ойкумене, его усовершенствовали римляне и развили архитекторы Ренессанса, но главные открытия на этом пути, по мысли Земпера, еще впереди, в «космополитическом будущем архитектуры» [5].

Баухаус и Бертольд Брехт

Первые десятилетия XX века ознаменовались небывалой в истории войной. Германия, потерпев сокрушительное поражение, оказалась в крайне тяжелом положении. Репарации по Версальскому договору, разрушенная экономика, гиперинфляция национальной валюты и потеря железных и угольных бассейнов Эльзаса и Лотарингии – все это наложило на глубокий моральный упадок. В стране царили пессимизм, разруха и голод. На этом фоне закономерно усилились тенденции к эскапизму. Немецкая интеллигенция искала смысл жизни в мистических, «духовных» сферах.

Немецкий экспрессионизм, впрочем, оставил лишь небольшой след в развитии архитектуры. Эксперименты Ганса Поэльцига, Бруно Таута, Рудольфа Штайнера, несмотря на претенциозные манифесты, так и не породили практической методики работы с пространством (как и устойчивой школы архитектурного проектирования) [6].

Противоположное течение немецкой мысли искало выход из экзистенциального тупика в чистой рациональности. Полное отрицание эмоций казалось спасением от чудовищных образов проигранной войны. Рационализм приобрел массовое звучание под названием «американизм» (Amerikanismus). Образ Америки, окрашенный в золотые тона ар-деко, стал популярен не только в архитектуре, но и в кино, музыке, танцах. Мартин Вагнер, позже ставший главным архитектором Берлина, в 1918 году опубликовал книгу «Современный строительный бизнес» (Neue Bauwirtschaft), в которой с большим энтузиазмом продвигал американские методы строительства и бизнес-модели в качестве идеала и образца. В его журнале «Социальный строительный бизнес»

Introduction. Background of the issue

The concept of architectural space has emerged in European theory relatively recently. A few centuries ago, the principles of the Baroque considered space as a void, which should be filled as tightly as possible with volumes, décor and details. An empty space was a challenge to the architect or his mistake.

The neoclassicism of the XVIII century changed little in the attitude of architects to space. And only the XIX century brought fresh ideas in this area. Space as such, its shape, interaction with light, the impact of space on a person began to attract the attention of architects.

The first historian who systematically investigated this topic was Karl Schnaase (1798-1875). In 1834 he published his *Niederländische Briefe* (Dutch Letters), a study of the medieval architecture of Dutch Gothic cathedrals. In the architecture of the Gothic style, space plays an important, decisive role. "Pulsating organic life" (according to Schnaase) fills the rhythm of the side aisles in the central nave of Antwerp Cathedral (Eberlein 1934).

In the next decade, the interest of German architectural theorists in the expressive possibilities of space increased. Franz Kugler declared Renaissance architecture to be the bearer of a special "spatial beauty" (Goryunov, & Tubli, 1992). Jacob Burckhardt in his

fundamental work *Geschichte der Renaissance in Italien* ("History of the Italian Renaissance", 1867) discovered spatial motifs in both Roman and Byzantine, Romanesque, Gothic architecture, but it was the Renaissance that he declared the bearer of the "spatial style" (Raumstil) in contrast to the "organic styles" of antiquity and Gothic (Burckhardt, 1860).

The next step in the awareness of space and its role in architecture was made by Gottfried Semper at the end of the XIX century. In his theory of the "four foundations of architecture", the hearth, walls, roof and foundation are united by the concept of internal space. This motif is "the oldest formal principle in architecture, independent of design and based on the concept of space" (Nerdinger, & Oechslin, 2003). Semper believed that the art of creating hollow (spatial) structures was formed and distinguished in the fourth century BC. The architects of Alexander the Great and his heirs spread this principle throughout the Hellenistic ecumene, it was perfected by the Romans and developed by Renaissance architects, but the main discoveries on this path, according to Semper, are still ahead, in the "cosmopolitan future of architecture" (Semper, 1970).

1. Bauhaus and Bertold Brecht

The first decades of the twentieth century were marked by an

(Soziale Bauwirtschaft) принципы Тейлора настойчиво пропагандировались в качестве единственного способа оживить неповоротливую немецкую экономику [7].

Наиболее пронизательные и глубокие из немецких интеллектуалов, впрочем, искали возможности объединить мрачную энергетику экспрессионизма с рассудочным функционализмом. К таким фигурам относится основатель Баухауса Вальтер Гропиус. Еще в 1910 году он опубликовал «Программу основания общей жилищно-строительной компании, следующей художественно-единым принципам» [8], в которой выразил свое увлечение идеями массового производства. После войны его позиция (мастерство – это главное, а этические и эстетические принципы – личное дело каждого) позволила собрать в Баухаусе таких разных людей, как Василий Кандинский, Пауль Клее, Ласло Мохли-Надь, Тео ван Дуйсбург, Мис ван дер Роэ и др. Можно сказать, что идеи Земпера и Баухауса опирались на сокращенную формулу «триады Витрувия»: архитектор должен строить прочно и удобно, а споры о критериях красоты нужно оставить в стороне.

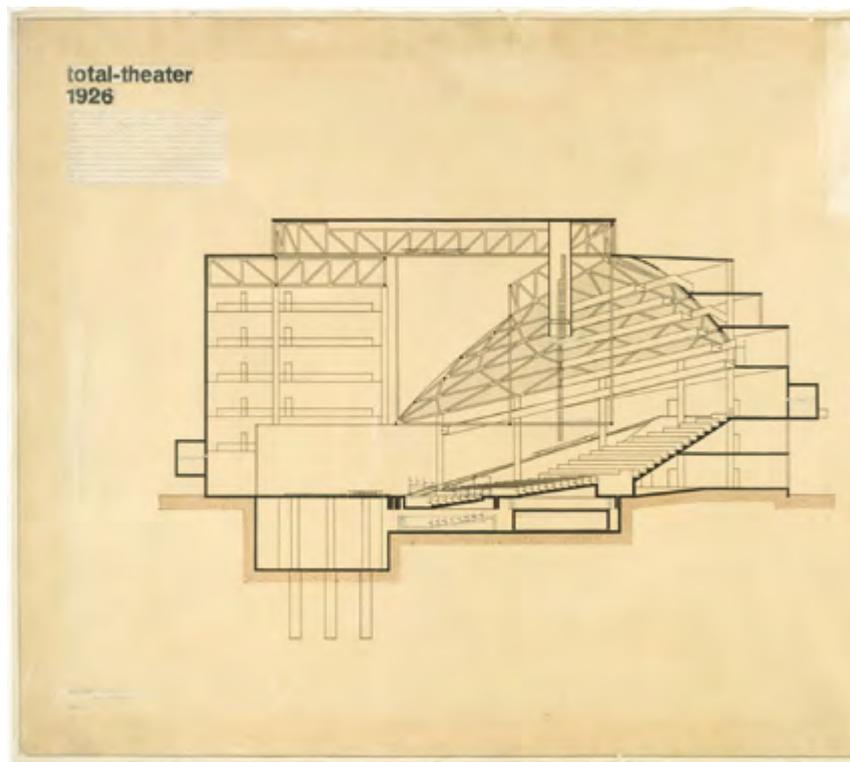
Заметим, что в наиболее чистом виде философия прагматизма нашла свое выражение в другом искусстве, столь же синтетическом и древнем, как архитектура, а именно в театре. Немецкий театр Эрвина Пискатора и Бертольда Брехта отбросил декоративность и сосредоточился на технологиях увеличения выразительности. Пространство сцены строится как «машина для производства эмоций и мыслей». Задник сцены превращается в киноэкран, через сцену движется конвейер, актеры поют и комментируют от своего имени происходящее в пьесе и т. д. Театральные новаторы существенно расширили палитру приемов, особенно в аспекте пространства театральной сцены.

Параллели между пространством сцены и пространством архитектурного объекта – от жилой комнаты до целого города – проводились неоднократно. В последнее время одна за другой появляются работы, посвященные анализу взаимоотношений города и театра, их сходству и даже тождественности [9, 10]. Большинство этих работ опираются на идеи Анри Лефевра [11], согласно которым пространство города, его ритмы и форма целенаправлен-

но создаются правящим классом, чтобы влиять на сознание масс и держать их в подчинении. Социальный пафос Лефевра во многом чужд его последователям, но мысль о театральности современного города продолжает развиваться [12].

В пьесах Бертольда Брехта мир предстает мрачным и бесчеловечным. В нем нет справедливости, любые преступления могут быть оправданы, а счастье и удача достаются только самым везучим, отнюдь не самым достойным. Пространство сцены в театре Пискатора и Брехта в полной мере соответствует этому мировосприятию. Это пустая коробка практически без декораций, со слабо освещенным задником. Актеры, выделенные светом, окружены тьмой. Сценическая машинерия (кон-

в Рис. 1. Проект здания «Тотального театра» Вальтера Гропиуса в соответствии с идеями Эрвина Пискатора. 1926. Пространство театра построено по принципам механического устройства (Harvard Art Museums) / Figure 1. Walter Gropius, the project of "Total Theater" for Erwin Piscator (1926). The space of the theater is built according to the principles of a mechanical device. Harvard Art Museums

unprecedented war in history. Germany, having suffered a crushing defeat, found itself in an extremely difficult situation. Reparations under the Treaty of Versailles, the destroyed economy, hyperinflation of the national currency and the loss of the iron and coal basins of Alsace and Lorraine – all this superimposed on a deep moral decline. Pessimism, devastation and famine reigned in the country. Against this background, tendencies towards escapism naturally intensified. The German intelligentsia sought the meaning of life in mystical, “spiritual” spheres.

German expressionism, however, left only a small trace in the development of architecture. The experiments of Hans Poelzig, Bruno Taut, Rudolf Steiner, despite the pretentious manifestos, did not give rise to a practical methodology for working with space (as well as a stable school of architectural design) (Whyte, 1985).

The opposite current of German thought sought a way out of the existential impasse in pure rationality. The complete denial of emotions seemed to be a salvation from the monstrous images of the lost war. Rationalism acquired a mass sound under the name “Amerikanismus”. The image of America, painted in golden tones of Art Deco, has become popular not only in architecture, but also in cinema, music, and dance. Martin Wagner, who later became the chief architect of Berlin, in 1918 published the book “Neue Bauwirtschaft”

(“Modern construction business”), in which he pointed out American construction methods and business models as an ideal and model. In his magazine *Soziale Bauwirtschaft* (Social Construction Business), Taylor’s principles were constantly promoted as a way to revive the sluggish German economy (Behne, 1921).

The most astute and profound of German intellectuals, however, were looking for opportunities to combine the gloomy energy of expressionism with rational functionalism. Such figures include the founder of the Bauhaus Walter Gropius. Back in 1910, he published the “Program for the foundation of a common housing and construction company following artistically uniform principles” (Gropius, 1925), in which he expressed his fascination with the ideas of mass production. After the war, his position (skill is the main thing, and ethical and aesthetic principles are a personal matter for everyone) made it possible to gather in the Bauhaus such different people as Vasily Kandinsky, Paul Klee, Laszlo Moholy-Nagy, Theo van Duisburg, Mies van der Rohe and others. It can be said that the ideas of Semper and Bauhaus were based on the abbreviated formula of the Vitruvius triad: an architect should build solidly and comfortably, and disputes about the criteria of beauty should be left aside.

It should be noted that in its purest form, the philosophy of pragmatism found its expression in another art, as synthetic and

вейер у Пискатора или поворотный круг у Брехта) движут актеров без их участия, как поток событий несет человека по жизни, независимо от его желаний. Итак, мир – это место страшное и отвратительное, безопасность и осмысленность здесь могут быть только иллюзорными, и единственная задача человека – хотя бы на какое-то время устроиться в этом мире с максимальным удобством для себя. Вероятно, в наиболее наглядной форме это мировоззрение проявилось в экранизациях пьес Брехта. В классическом фильме Георга Пабста по «Трехгрошовой опере» (1931) действие разворачивается в декорациях бедных кварталов послевоенного европейского города (некий «обобщенный Лондон»). В фильме Чаплина «Месье Верду» (1947), проникнутом духом пьес Брехта, персонажи действуют в тесном, перегруженном деталями

пространстве «приличного общества», в котором как раз и происходят бесчеловечные преступления этой «комедии убийств». В любом случае, бедный или богатый, город являет собой опасное, лживое и безжалостное пространство.

Сегодня нам трудно определить, насколько пессимистичная идеология немецкого общества 1920-х годов повлияла на стилистику Баухауса. Его несомненные заслуги в рождении и развитии целых направлений архитектуры и дизайна окружают эту группу талантливых исследователей ореолом глубокого уважения, а их идеи очевидным образом доказали свою жизнеспособность. Шпенглеровский дух социального пессимизма становится заметнее в ходе сравнительного анализа Баухауса с его современниками, соратниками и конкурентами – движением российских конструктивистов.

Конструктивисты и Мейерхольд

По отношению к Баухаусу конструктивисты выглядят старшими братьями и наставниками. В конце 1921 года в Берлин приехал Эль Лисицкий, чтобы вместе с Ильей Эренбургом основать журнал «Вещь» (*Veя/Objet/Gegenstand*). Было выпущено только три номера в апреле – мае 1922 года, но среди авторов журнала успели оказаться ван Дуйсбург и Ле Корбюзье [13]. Вскоре после этого Лисицкий стал редактором влиятельного берлинского журнала *G*, который он редактировал совместно с Хансом Рихтером и Вернером Граффом.

Крупнейший теоретик конструктивизма академик Моисей Гинзбург перед войной учился в Париже, Тулузе и Милане. Войну он встретил будучи студентом Рижского технического университета, по окончании которого получил диплом инженера. Таким образом, он был хорошо знаком с европейскими течениями в архитектуре и с их проблемами. В своей книге «Стиль и эпоха» (1924), которая выдвинула его на первый план мировой архитектурной теории, он пишет об упадке европейской культуры, застрявшей в кустарном, ремесленном отношении к проектированию и строительству в духе Уильяма Моррисона. Но выводы, которые делает Гинзбург, весьма оптимистичны. Он уверен, что промышленные технологии

в Рис. 2. Кадр из фильма Георга Пабста «Трехгрошовая опера». 1931 / Figure 2. A frame from Georg Pabst's film "The Threepenny Opera", 1931

ancient as architecture, that is theater. The German theater of Erwin Piscator and Bertold Brecht discarded decorativeness and focused on technologies to increase expressiveness. The stage space is built as a “machine for the production of emotions and thoughts.” The backdrop of the stage turns into a movie screen, a conveyor belt moves through the stage, the actors sing and comment on what is happening in the play on their behalf, and so on. Theatrical innovators have significantly expanded the palette of techniques, especially in relation to the space of the theater stage.

Parallels between the space of the stage and the space of an architectural object – from a living room to an entire city – have been carried out repeatedly. Recently, one after another, there have been works devoted to the analysis of the relationship between the city and the theater, their similarity and even identity (Fischer-Lichte, & Wihstutz, 2013; Nicholson et al., 2023). Most of these works are based on the ideas of Henri Lefebvre (2014), according to which the space of the city, its rhythms and form are purposefully created by the ruling class in order to influence the consciousness of the masses and keep them in subjection. Lefebvre’s social pathos is largely alien to his followers, but the idea of the theatricality of the modern city continues to develop (Salingaros, 1999).

строительства приведут архитектуру к светлому социалистическому будущему [14].

Устремленный в будущее пафос коллективизма роднит конструктивистов с новаторским театром 1920-х годов. Концепция, согласно которой движение, активность людей есть первичный фактор, который формирует пространство, а вслед за тем – архитектурное решение, успешно применяется в Камерном театре Таирова и в Театре Мейерхольда.

Эксперименты по трансформированию сценического пространства, впрочем, начались в русском театре гораздо раньше. В 1910 году Владимир Немирович-Данченко поставил в МХТ «Братьев Карамазовых». Спектакль был объявлен как «роман на сцене». Действие перемежалось чтением авторского текста, для чего сцена была разделена на две части. Примерно четверть длины сцены была отделена колоннадой, за которой возвышалась кафедра. Обладатель глубокого баса актер Званцев читал с этой кафедры текст романа Достоевского, а иногда подавал реплики за персонажей. Занавес при этом отсутствовал, так что граница, обычно отделяющая сцену от зрительного зала, оказалась повернута поперек. Нельзя не увидеть в этом эксперименте стремление разрушить «четвертую, невидимую стену» сценического пространства, объединить зрителя и актеров, как в спектакле «Земля дыбом» Мейерхольда, в постановках «Трехгрошовой оперы» у Брехта и Таирова. Этот же прием разрушения стен и объединения внешнего и внутреннего пространства прославил Дом Фарнсуорт и другие проекты Мис ван дер Роэ.

Решение сценического пространства в спектакле Немировича-Данченко ошеломило публику. Мнения разделились. В фигуре Чтеца увидели и возрождение античного хора и надругательство над классическим текстом. Опыт показался настолько дерзким, что сам Немирович-Данченко отказался от дальнейшего развития подобных приемов и вернулся к ним только в 1930 году в постановке «Воскресения» (по роману Льва Толстого) [15].

Итак, при всем идеологическом различии мировосприятия эксперименты с пространством сцены в Германии и России двадцатых годов XX века принимают сходный облик. Развитие обеих школ можно проследить от простых и категоричных форм, наполненных пафосом борь-

In Bertold Brecht’s plays, the world appears gloomy and inhuman. There is no justice in it, any crimes can be justified, and happiness goes only to the luckiest, but not to the worthiest. The stage space in the theater of Piscator and Brecht fully corresponds to this worldview. This is an empty box with almost no decorations, with a dimly lit backdrop. Highlighted actors are surrounded by darkness. Stage machinery (Piscator’s conveyor belt or Brecht’s turning circle) moves actors without their participation, as the flow of events carries a person through life, regardless of his desires. So, the world is a terrible and disgusting place, security and meaningfulness here can only be illusory, and the only task of a person is to settle in this world with maximum convenience for himself, at least for a while. Probably, this worldview manifested itself in the most visual form in the film adaptations of Brecht’s plays. In Georg Pabst’s classic film based on the Threepenny Opera (1931), the action takes place in the “scenery” of the poor quarters of a post-war European city (a kind of “generalized London”). In Chaplin’s film “Monsieur Verdoux” (1947) imbued with the spirit of Brecht’s plays, the characters act in a cramped, overloaded with details space of “decent society”, in which the inhuman crimes of this “comedy of murders” take place. In any case, poor or rich, the city is a dangerous, deceitful and ruthless space.

бы с традицией, – к все более сложным и многозначным проявлениям, впитывающим элементы предыдущих эпох и идеологий. Крайности раннего функционального конструктивизма выражены в работах Татлина и Родченко, это сценические «машины» Степановой и Поповой в Театре Мейерхольда и конвейер в театре Пискагоро. Зрелые формы движения – это скульптурность проектов братьев Весниных и Голосовых, архитектурные фантазии Леонидова, сценография поздних спектаклей Мейерхольда и чаплинского «Месье Верду». Но идеологическое, мировоззренческое содержание продолжает различаться, как пессимизм и макиавеллиевское обращение к бесчеловечному в человеке отличается от оптимизма и веры в лучшее будущее.

Современный Амман и театр «Аль-Шамс»

Современный Амман, столица Иорданского Хашимитского Королевства, – город во многом проблемный. Население увеличивается чрезвычайно быстрыми темпами: за последние сто лет этот тысячелетний город вырос

в Рис. 3. Сцена из спектакля по трагедии Ж. Расина «Федра» в Камерном театре Таирова. 1922 / Figure 3. A scene from the play “Phaedra” (Racine) at the Tairov Theater, 1922

Today it is difficult for us to determine how much the pessimistic ideology of the German society of the 1920s influenced the style of the Bauhaus. Its undoubted merits in the development of architecture and design surround this group of talented researchers with a halo of deep respect, and their ideas have clearly proved their viability. Spengler's spirit of social pessimism becomes more noticeable in the course of a comparative analysis of the Bauhaus with its contemporaries, associates and competitors – the movement of Russian constructivists.

2. Constructivists and Meyerhold

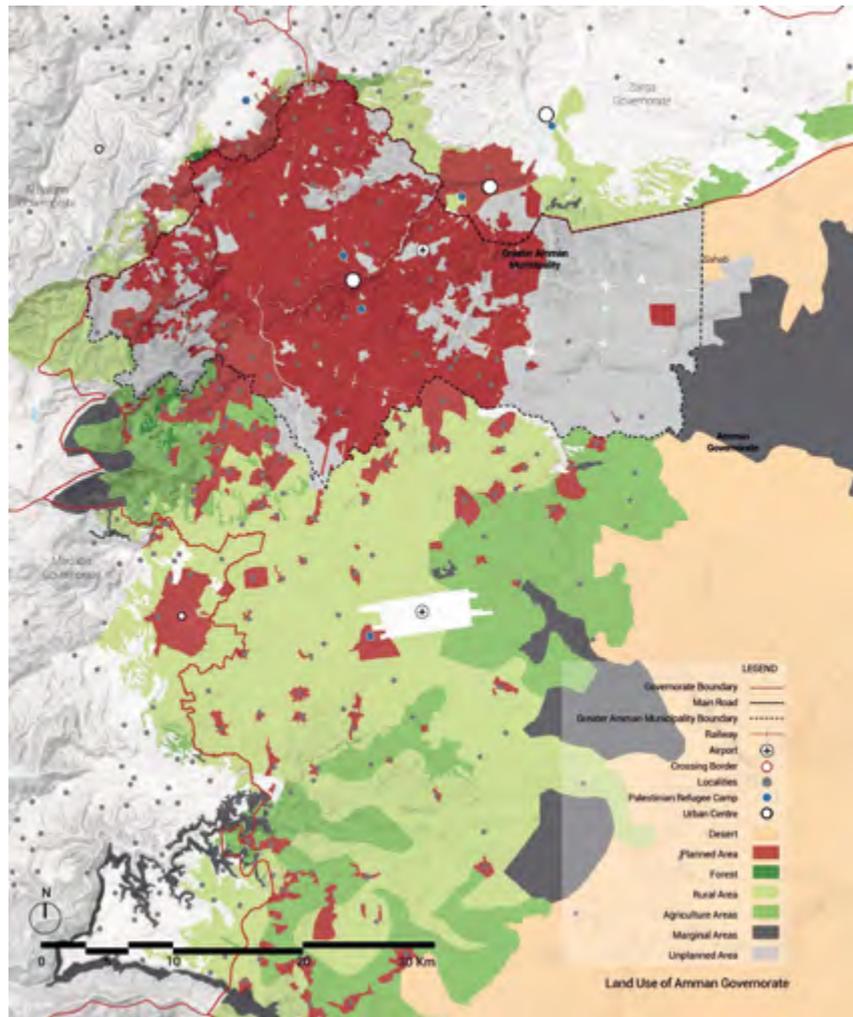
In relation to the Bauhaus, constructivists look like older brothers and mentors. At the end of 1921, El Lisitsky came to Berlin to found the magazine *Vea/Objet/Gegenstand* together with Ilya Ehrenburg. The magazine published only three issues in April – May 1922, but van Duisburg and Le Corbusier managed to be among its authors (Sidorina, 1995). Soon after, Lisitsky became the editor of the influential Berlin magazine *G*, which he co-edited with Hans Richter and Werner Graff.

The greatest theorist of constructivism, academician Moses Ginzburg, studied in Paris, Toulouse and Milan before the war. He spent the war as a student at Riga Technical University, where he received

an engineering degree. Thus, he was well acquainted with European trends in architecture and their problems. In his book "Style and Epoch" (1924), which brought him to the forefront of world architectural theory, he writes about the decline of European culture, stuck in an artisan attitude to design and construction in the spirit of William Morrison. But the conclusions that Ginzburg makes are very optimistic. He is confident that industrial construction technologies will lead architecture to a bright socialist future (Ginzburg, 1934).

The pathos of collectivism aimed at the future unites constructivists with the innovative theater of the 1920s. The concept according to which the movement, the activity of people is the primary factor that forms the space, and after that – the architectural solution, this concept is successfully applied in the Tairov Chamber Theater and in the Meyerhold Theater.

Experiments on the transformation of the stage space, however, had begun in the Russian theater much earlier. In 1910, Vladimir Nemirovich-Danchenko staged the *Brothers Karamazov* at the Moscow Art Theater. The performance was announced as a "romance on stage". The action was interspersed with reading the author's text, for which the scene was divided into two parts. About a quarter of the length of the stage was separated by a colonnade, behind which stood a pulpit. The owner of a deep bass, actor Zvantsev, read the

^ Рис. 4. План Аммана. Темно-красным обозначены районы, застроенные в соответствии с градостроительным планом, серым – районы стихийной застройки / Figure 4. The plan of the city of Amman. Dark red indicates areas built up in accordance with the urban development plan, gray – areas of spontaneous development

от крошечного городка в 2–3 тысячи жителей до 4-миллионного мегаполиса. Почти половина населения Иордании живет в Аммане, причем четверть горожан – это беженцы из соседних воюющих стран: Палестины, Сирии, Ирака, Йемена. Больше половины территории города находится в частных руках, и застройка в этих районах не контролируется муниципалитетом, а развивается вне какого-либо генерального плана.

Отметим, что город, как и весь этот регион, подвержен стихийным бедствиям: засухам, наводнениям и землетрясениям. При этом в Аммане очень невысокий уровень преступности (по сравнению с другими быстро растущими мегаполисами), снабжение жителей водой, пищей, электричеством составляет 85–95%, а служба вывоза твердых бытовых отходов работает с почти стопроцентной эффективностью [16]. В целом можно сказать, что Амман являет собой впечатляющий пример самоорганизации жителей. Упорядоченная, ритмичная жизнь города происходит при слабом и фрагментарном управлении «сверху», в основном горожане поддерживают порядок самостоятельно.

Похожие тенденции можно наблюдать в развитии иорданского театра, где традиции уличного театрального представления как нельзя лучше сочетаются с опытом эпического театра Брехта и конструктивистских экспериментов Мейерхольда. Театральное движение в Иордании, как и национальная архитектура, стоит перед серьезнейшей задачей нахождения такого языка и таких образов, которые смогут конкурировать с продукцией интернациональной массовой культуры. Дело даже не в дефиците профессиональных кадров. Сейчас в Иордании нет недостатка в актерах. Есть университетские колледжи, которые выпускают актеров и драматургов начиная с 1981 года. Первое отделение для выпускников-актеров было открыто в Университете Аль-Ярмук (Северная Иордания) в 1981 году, второе – в Иорданском университете в Аммане в 2002 году (автор этой статьи написал его учебную программу). Около 15 лет назад были открыты новые факультеты, выпускающие кинематографистов. Однако все еще есть много актеров, которые снимаются в телевизионных сериалах, не получив никакого образования. Телевидение – самое привлекательное

text of Dostoevsky's novel from this pulpit, and sometimes gave cues for the characters. There was no curtain, so the border that usually separates the stage from the auditorium was turned across. It is impossible not to see in this experiment the desire to destroy the "fourth, invisible wall" of the stage space, to unite the viewer and the actors, as in the play "The Earth stands on End" by Meyerhold, in the productions of the "Threepenny Opera" by Brecht and Tairov. However, the same technique of destroying walls and combining spaces glorified the "Farnsworth House" and other projects of Mies van der Rohe.

Such a decision of the stage space stunned the audience. Opinions were divided. In the figure of the Reader, they saw both the revival of the ancient choir and the abuse of the classical text. The experience seemed so audacious that Nemirovich-Danchenko himself refused to further develop such techniques and returned to them only in 1930 in the production of "Resurrection" (based on the novel by L. Tolstoy) (Skorokhod, 2016).

So, for all the ideological differences in world perception, experiments with stage space in Germany and Russia take on similar guises. The development of both schools can be traced from simple and categorical forms filled with the pathos of the struggle against tradition to increasingly complex and ambiguous manifestations that

absorb elements of previous eras and ideologies. The extremes of early functional constructivism are expressed in the works of Tatlin and Rodchenko, these are the stage "machines" of Stepanova and Popova in the Meyerhold Theater and the conveyor in the Piscator Theater. Mature forms of movement are the sculptural projects of the Vesnin brothers and Golosov brothers, the architectural fantasies of Leonidov, the scenography of the late performances of Meyerhold and Chaplin's "Monsieur Verdoux". But the ideological content continues to differ, just as pessimism and Machiavellian appeal to the inhuman in man differs from optimism and faith in a better future.

3. Modern Amman and the Al-Shams Theater

Modern Amman, the capital of the Hashemite Kingdom of Jordan, is in many ways a problematic city. The city's population is growing at an extremely rapid pace: over the past hundred years, this millennial city has grown from a tiny town of 2-3 thousand inhabitants to a megalopolis with 4 million inhabitants. Almost half of Jordan's population lives in Amman, and a quarter of the citizens are refugees from neighboring warring countries – Palestine, Syria, Iraq, Yemen. More than half of the city's territory is in private hands, and development in these areas is not controlled by the municipality and is developing outside of any master plan.

< Рис. 5. Сцена из спектакля театра «Аль-Шамс» «Завтра и затем». Переработанная версия пьесы «В ожидании Годо» Сэмюэля Беккета. Автор и режиссер Абдусалам Кубайлат / Figure 5. A scene from the play "Tomorrow and then" by the Al Shams Theater. A revised version of the play "Waiting for Godot" by Samuel Beckett, author and director Abdusalam Kubeylat

место для работы актеров в Иордании, особенно потому, что есть возможность работать в других арабских телевизионных проектах, кроме иорданских. Многие предпочитают сниматься в египетских, саудовских, кувейтских и др. сериалах, где гонорары выше. В результате актер (особенно молодой) не заинтересован в глубоком изучении мастерства, большинство старается освоить несколько технических приемов, а затем менять места работы и проекты, везде показывая один и тот же набор заученных трюков. Понятие командной работы у таких актеров отсутствует, а ситуация, когда один и тот же

спектакль выдерживает множество показов, для них незнакома (вспомним для контраста, что постановка гооголевского «Ревизора» в Театре Мейерхольда выдержала 400 показов).

К сожалению, почти все то же самое можно сказать и о современной иорданской архитектуре. Молодые архитекторы крайне редко выходят за рамки узкой специализации, а быстрое развитие компьютерных инструментов проектирования способствует дроблению общей работы над проектом на мелкие фрагменты. В результате процесс архитектурного проектирования

Note that the city is prone to natural disasters: droughts, floods and earthquakes.

At the same time, Amman has a very low crime rate (compared to other rapidly growing megacities), the supply of water, food, electricity to residents is 85-95%, and the solid waste removal service works with almost one hundred percent efficiency (Urban Planning, 2022). In general, we can say that Amman is an impressive example of self-organization of residents. The orderly, rhythmic life of the city takes place with weak and fragmented management "from above", citizens mostly maintain order on their own.

Similar trends can be observed in the development of the Jordanian theater, where the traditions of street theater performance are perfectly combined with the experience of Brecht's epic theater and Meyerhold's constructivist experiments.

The theatrical movement, as well as the national architecture in Jordan, faces the most serious task of finding such a language and such images that can compete with the products of international mass culture. It's not even a shortage of educated personnel. There is no shortage of actors in Jordan right now. There are university colleges that have been producing actors and playwrights since 1981. The first department for graduate actors was opened at Al-Yarmouk University/Northern Jordan in 1981. The second was at the University

все больше напоминает конвейер, где каждый работник выполняет одну операцию и даже не интересуется конечным результатом.

В наших предыдущих публикациях мы уже сообщали о работе театра «Аль-Шамс» («Солнце»), который является ярким примером наиболее перспективного и динамичного направления в иорданском театре [17]. Театр существует и развивается благодаря энтузиазму группы жителей Аммана без какой-либо государственной поддержки. Тем не менее «Аль-Шамс» регулярно выпускает новые постановки и привлекает достаточное количество зрителей, чтобы существовать на основе самоокупаемости.

Сценическое пространство спектаклей театра «Аль-Шамс» во многом напоминает сценографию театров Брехта и Мейерхольда. Минималистичные, практически лишённые декора решения, минимум реквизита и суровая рациональность – вот стилистические принципы сценографии театра. Зачастую оформление спектаклей содержит мрачные и пессимистические коннотации. Так, спектакль «Завтра и затем» идет в окружении черных кулис и задника, но середина сцены выделена резким прямым светом. В результате персонажи действуют как бы в узкой полосе света, окруженной со всех сторон темнотой. На черном фоне едва различимы фрагменты фасадов, окна... Складывается образ мрачной и опасной среды, город предстает как экзистенциальная пустота, безличная, безразличная и немая.

С другой стороны, детские спектакли театра поражают своей жизнерадостной изобретательностью и красочностью. Так, в оформлении спектакля «Счастье в мешке» использованы световые эффекты, напоминающие виртуальные пространства компьютерной игры или мультфильма. Весьма экономными техническими средствами достигается яркий и динамичный эффект, заставляющий вспомнить сценическую машинерию в постановках Мейерхольда 1920-х годов.

Амман и его театр переживают сегодня период напряженного поиска собственных путей развития. В театре, в решениях сценических пространств, как в капле воды, отражаются варианты решения пространства всего города. Одни пути ведут в сторону депрессивного лабиринта

of Jordan/Amman in 2002 (the author of this article wrote its curriculum). About 15 years ago, new faculties were opened for cinematographers. However, there are still many actors who work in television dramas without having received any education. Television is the most attractive place for actors to work in Jordan, especially because there is an opportunity to work in other Arab television projects besides Jordanian ones. Many go to work in Egyptian, Saudi, Kuwaiti TV series and TV series of other countries where the fees are higher. As a result, an actor (especially a young one) is not interested in a deep study of skill, most actors prefer to master several techniques, and then change jobs and projects, showing the same set of their tricks everywhere. There is no concept of teamwork among such actors, and the situation when the same performance withstands many screenings is unfamiliar to them (recall, by the way, that the production of Gogol's "Inspector" at the Meyerhold Theater withstood 400 screenings).

Unfortunately, almost all of this can be said about modern Jordanian architecture. Young architects rarely go beyond a narrow specialization, and the rapid development of computer tools contributes to the fragmentation of the overall work on the project into small fragments. As a result, the architectural design process increasingly resembles a pipeline, where each employee performs one operation and is not even interested in the final result.

узких щелей, равнодушных или враждебных человеку. В этом направлении идут многие города, создавая огромные районы фавел, геджеконду и прочих сквоттерских гетто. Другие развиваются в направлении футуристического «города-машины», дорогих и пафосных проектов (архитектура богатых соседей Иордании по арабскому миру). Третий вариант сулит фантастическую многоцветную атмосферу виртуальной Мета вселенной с медиафасадами и трансформируемой городской средой.

В любом случае театральная сцена предстает прекрасной, эффективной площадкой для экспериментов с пространством для людей – насыщенным смыслами и переживаниями, пространством наших городов настоящего и будущего.

Литература

1. Eberlein, K. K. Franz Kugler // Pommersche Lebensbilder I. Saunier. – Stettin, 1934. – P. 123–140.
2. Горюнов, В. С., Тубли, М. П. Архитектура эпохи модерна. Концепции. Направления. Мастера. – Санкт-Петербург : Стройиздат, 1992. – 359 с.
3. Burckhardt, J. Die Cultur der Renaissance in Italien. – Basel : Schweighauser, 1860. – 576 s.
4. Nerdinger, W., Oechslin, W. Gottfried Semper 1803–1879. Architektur und Wissenschaft. – Zürich : Prestal, 2003. – 519 s.
5. Земпер, Г. Практическая эстетика. – Москва : Искусство, 1970. – 320 с.
6. The Crystal Chain Letter: Architectural Fantasies by Bruno Taut and His Circle / ed. and trans. I. B. Whyte. – Cambridge : M.I.T. Press, 1985. – 396 p.
7. Behne, A. Mittelalterliches und modernes Bauen // Neue Bauwirtschaft. – 1921. – N 2. – P. 7–23.
8. Internationale Architektur / ed. W. Gropius. – Munich : Albert Langen, 1925. – 56 p.
9. Performance and the Politics of Space: Theatre and Topology / eds. E. Fischer-Lichte, B. Wihstutz. – New York : Routledge, 2013.
10. Nicholson, H., Hughes, J., Edwards, G., Gray C. Theatre in Towns. – London : Routledge, 2023. – 131 p.
11. Lefebvre, H. Critique of Everyday Life: the one-volume edition. – London : Verso, 2014. – 912 p.
12. Salingaros, N. A. Urban space and its information field // Journal of

In our previous publications, we have already reported on the work of the Al-Shams theater (“The Sun”), which is a vivid example of the most promising and dynamic direction in the Jordanian theater (Hamza, 2023). The theater exists and develops thanks to the enthusiasm of a group of Amman residents without any government support. Nevertheless, the theater regularly releases new productions and attracts enough viewers to exist on the basis of self-sufficiency.

The stage space of the performances of the Al-Shams theater in many ways resembles the scenography of the Brecht and Meyerhold theaters. Minimalistic, almost decorless solutions, a minimum of props and harsh rationality – these are the stylistic principles of the theater’s scenography. The design of performances often causes gloomy and pessimistic connotations. So, the play “Tomorrow and beyond” is surrounded by black wings and a backdrop, but the middle of the stage is highlighted by a sharp direct light. As a result, the characters act as if in a narrow strip of light, surrounded by darkness on all sides. On a black background, fragments of facades, windows are barely discernible ... an image of a gloomy and dangerous environment develops, the city appears as an existential void, indifferent and mute.

On the other hand, children’s theater performances amaze with their cheerful ingenuity and colorfulness. So, in the design of the

play “Happiness in a Bag”, light effects resembling virtual spaces of a computer game or cartoon are used. A bright and dynamic effect is achieved by very economical technical methods, which makes one recall the stage machinery in Meyerhold’s productions of the 1920s.

Conclusion

The city of Amman and its theater are going through a period of intense search for their own ways of development. Like in a drop of water, the solutions of the space of the whole city are reflected in the theater and the solutions of scenic spaces. Some paths lead towards a depressive maze of narrow gaps, indifferent or hostile to man. Many cities go this way, creating huge areas of favelas, gejekonda and other squatter ghettos. Others are in the direction of a futuristic “machine city”, expensive and pretentious projects – the architecture of Jordan’s rich neighbors in the Arab world is developing in this direction. The third path promises a fantastic multicolored atmosphere of a virtual Metaverse with media facades and a transformable urban environment

In any case, the theater stage appears to be an excellent, effective platform for experimenting with a space for people, a space saturated with meanings and experiences, a space of our cities of the present and the future.

Urban Design. 1999. – Vol. 4(1). – P. 29–49.

13. Сидорина, Е. Русский конструктивизм: истоки, идеи, практика. – Москва, 1995. – 240 с.

14. Гинзбург, М. Я. Жилище: опыт пятилетней работы над проблемой жилища. – Москва : Гос. науч.-техн. изд-во строит. индустрии и судостроения, 1934. – 190 с.

15. Скороход, Н. С. Брехт и «эпический опыт» русской сцены // Вестник Самар. гос. ун-та. – 2016. – № 1. – 136–141 с.

16. UN-Habitat. Urban Planning & Infrastructure in Migration Contexts. Amman Spatial Profile, Jordan. – URL: https://jordan.un.org/sites/default/files/2022-04/220411-final_amman_profile_0.pdf (дата обращения: 20.05.2023).

17. Hamza, M. Sh. The space of the theater stage in the East and in the West // Project Baikal. – 2023. N 3(76). – P. 62–68.

References

Behne, A. (1921). *Mittelalterliches und modernes Bauen*. *Neue Bauwirtschaft*, 2, 7-23.

Burckhardt, J. (1860). *Die Cultur der Renaissance in Italien*. Basel: Schweighauser.

Eberlein, K. K. (1934). Franz Kugler. In *Pommersche Lebensbilder* (pp. 123-140). I. Saunier, Stettin.

Fischer-Lichte, E., & Wihstutz, B. (Eds.). (2013). *Performance and the Politics of Space: Theatre and Topology*. NY: Routledge.

Ginzburg, M. Ya. (1934). *Zilishche: opyt pyatiletnei reboty nad problemoi zhilishcha [Housing: Experience of five years of work on the problem of housing]*. Moscow: State Scientific and Technical Publishing House of the Construction Industry and Shipbuilding.

Goryunov, V. S., & Tubli, M. P. (1992). *Arkhitektura epokhi moderna. Kontseptsii. Napravleniya. Mastera [Architecture of the Modern era. Concepts. Directions. Masters]*. St. Petersburg: Stroyizdat.

Gropius, W. (Ed.). (1925). *Internationale Architektur*. Munich: Albert Langen.

Hamza, M. Sh. (2023). The space of the theater stage in the East and in the West. *Project Baikal*, 3(76), 62-68.

Lefebvre, H. (2014). *Critique of Everyday Life*. London: Verso.

Nerdinger, W., & Oechslin, W. (2003). *Gottfried Semper 1803—1879. Architektur und Wissenschaft*. Zurich: Prestal.

Nicholson, H., Hughes, J., Edwards, G., & Gray, C. (2023). *Theatre in Towns*. NY: Routledge.

Salingaros, N. A. (1999). Urban space and its information field. *Journal of Urban Design*, 4(1), 29–49.

Semper, G. (1970). *Prakticheskaya estetika [Practical Aesthetics]*. Moscow: Iskusstvo.

Sidorina, E. (1995). *Russkii konstruktivizm: istoki, idei, praktika [Russian constructivism: origins, ideas, practice]*. Moscow: B. I.

Skorokhod, N. S. (2016). Brecht i “epichesky opyt” russkoi stsény [Brecht and the “epic experience” of the Russian stage]. *Bulletin of Samara State University*, 1, 136-141.

Urban Planning & Infrastructure in Migration Contexts. Amman spatial profile, Jordan (2022). *UN-Habitat*. Retrieved May 20, 2023, from https://jordan.un.org/sites/default/files/2022-04/220411-final_amman_profile_0.pdf

Whyte, I. B. (Ed. and Trans.). (1985). *The Crystal Chain Letter: Architectural Fantasies by Bruno Taut and His Circle*. Cambridge: M.I.T. Press.

Рассмотрены некоторые объективные особенности формирования архитектуры столицы эмирата Дубай, не совпадающие с общепринятыми представлениями, а также изложены основные факторы, предпосылки и тенденции ее стремительного развития из настоящего в будущее. Представлены некоторые инициативные авторские концептуальные решения эксклюзивных архитектурных объектов для Дубая, выполненные им в 2000-е годы. Ключевые слова: высотная архитектура; коммерческая недвижимость; градостроительная стратегия; эксклюзив; острова Пальма; стилистическое единство; инвестиционные проекты. /

The article describes some objective characteristics of the formation of architecture in the capital of the emirate of Dubai. These characteristics do not coincide with commonly accepted views. The main factors, preconditions and trends of its rapid development from the present to the future are outlined. The article presents some proactive conceptual solutions for exclusive architectural designs in Dubai worked out by the author in the 2000s.

Keywords: tall architecture; commercial real estate; urban planning strategy; exclusive; Palm Islands; stylistic unity; investment projects.

Архитектурный Дубай: мифы и реальность / Architectural Dubai: Myths and Reality

текст

Андрей Коротич
Уральский федеральный
университет
им. Б. Н. Ельцина

text

Andrey Korotich
Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin

У большинства обывателей бытует представление о Дубае – столице одноименного эмирата – как о городе сплошных суперсовременных небоскребов, имеющих уникальную высококлассную архитектуру, достойную подражания. Культивируется такое мнение многочисленными глянцевыми журналами, туристическими фирмами и рекламными телерепортажами из районов небоскребов, стоящих вплотную друг к другу наподобие густого леса.

Автору, достаточно часто посещавшему Дубай в 2000-е годы и неоднократно наблюдавшему город с высоты птичьего полета, представляется необходимым развенчать некоторые популярные, расхожие мифы об этом городе, чтобы у читателя сложилось объективное представление о нем.

Миф 1. Дубай по большей части состоит из небоскребов экстракласса наподобие Манхэттена в Нью-Йорке.

Отнюдь. Районы небоскребов (их всего 4–5) занимают по площади не более 15% городской территории Дубая; все же остальное – 2-3-этажная застройка, уходящая в горизонт (Дубай растянут по всему побережью в пределах границ эмирата километров на 60–70). Основные районы высокоплотной высотной застройки – обе стороны центральной магистрали Шейх-Заид-Роуд, а также прибрежный район Дубай-Марина.

Миф 2. Районы небоскребов представляют собой высокоплотные конгломераты сплошь эксклюзивной архитектуры.

Это не так. Примерно 95% небоскребов Дубая по уровню архитектуры (не по качеству внутреннего комфорта!) относится к коммерческой недвижимости, которая отнюдь не является эксклюзивом. В настоящее время лишь несколько высотных построек Дубая могут быть причислены к уникальным произведениям архитектуры мирового уровня (среди них, естественно, 828-метровый «Бурдж-Халифа», 321-метровый отель-парус «Бурдж-Дубай», спиральная башня «Инфинити» – вот пока, пожалуй, и всё).

Миф 3. Градостроительная стратегия развития эмирата предусматривает соблюдение стилистического единства застройки, в том числе высотной.

Если посмотреть на стилистику высотных объектов, расположенных по обеим сторонам магистрали Шейх-

Заид-Роуд, то создается впечатление, что застройщики небоскребов вообще не обращали внимания на характер архитектуры тех объектов, которыми уже застроена магистраль, в том числе на соседних участках. Это впечатление верное. Градостроительная политика Дубая предусматривает возможность застройки строительного участка, приобретенного инвестором («плота»), по своему усмотрению. Единственное условие – строгое соблюдение высотности (в границах города расположены три международных аэропорта, и самолеты идут на взлет и посадку прямо над городскими кварталами). Таким образом, весь город поделен на «плоты», которые оптом и в розницу распродают денежным инвесторам для застройки – были бы деньги и утвержденный муниципалитетом проект.

Миф 4. В процессе строительства в Дубае используют только самые проверенные архитектурные решения, строительные материалы, эксклюзивные технологии и новые инженерные идеи.

Этот миф развенчивают широко разрекламированные три искусственных насыпных острова Пальма, расположенные в Персидском заливе недалеко от побережья районов Джумейра, Дейра и Джебель-Али, имитирующие ствол пальмы, от которого расходятся в обе стороны криволинейные удлиненные «листья», на которых размещены частные виллы. Ошибки в расчетах и строительных технологиях привели к тому, что в узких заливах-каналах между соседними «листьями» вода застаивается и заболачивается, что влечет за собой появление резкого запаха и колоний mosquitos. В результате кампания по продаже престижных вилл на островах Пальма долгое время была на грани срыва, а исправление ошибок привело к миллиардным дополнительным затратам.

Однако, несмотря на ошибки и просчеты, архитектура Дубая продолжает стремительно развиваться и удивлять многочисленных туристов со всего света. Город умело рекламирует свою архитектуру, благодаря чему его популярность в мире достигла колоссальных высот (многочисленные престижные всемирные выставки, фестивали и форумы, спортивные и туристические проекты, а также масштабные политические международные мероприя-

^ Центр культуры, науки и космоса в Джебель-Али. Автор А. В. Коротич, при участии И. А. Коротича и М. А. Коротича

тия – лучшая визитная карточка архитектурной привлекательности и комфорта арабской столицы).

Безусловный настрой правительства эмирата на создание уникальной современной высотной архитектуры в столице и значительный финансовый потенциал для его реализации влекут туда многих прославленных зарубежных архитекторов (З. Хадид, Н. Фостер, Ф. Гэри, Р. Колхас и др.), а также всемирно известные проектные бюро (WS Atkins, SOM, Aedas, Gensler, Khatib & Alami и др.), что в ближайшем будущем сулит гарантированное расширение перечня высотных архитектурных шедевров. Но пока это лишь в проектах, хотя темпы воплощения идей поражают. Для стимулирования реализации уникальных архитектурных проектов в Дубае регулярно устраиваются инвестиционные смотры-конкурсы перспективных эксклюзивных объектов, в том числе в рамках ежегодной выставки Cityscape (на нескольких таких выставках автор присутствовал как зритель и участник).

^ Высотный многофункциональный комплекс Spirals of the Universe / Sheikh Zayed Towers в Джумейре. Автор А. В. Коротич, при участии И. А. Коротича и М. А. Коротича

v Центр культуры, науки и космоса в Джебель-Али. Автор А. В. Коротич, при участии И. А. Коротича и М. А. Коротича

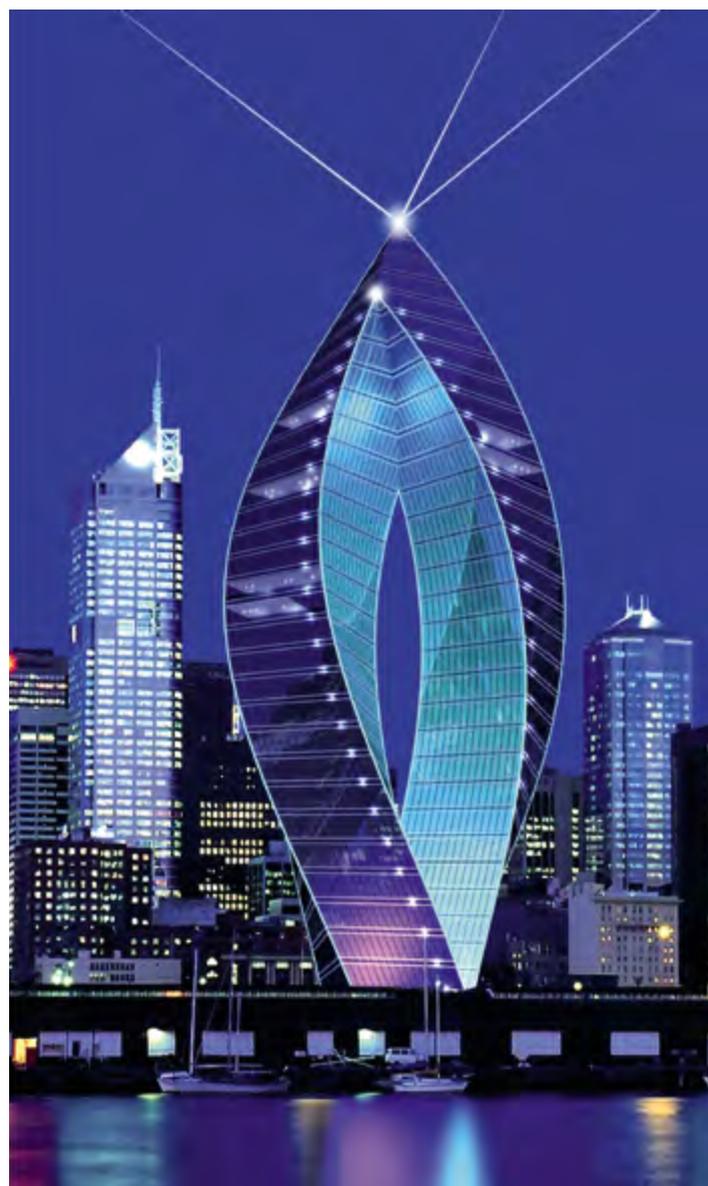
> Островной ВИП-отель Pearl of Gulf в Джебель-Али. Автор А. В. Коротич, при участии И. А. Коротича и М. А. Коротича

v Головной офис DNOC (Dubai National Oil Company) в Джебель-Али. Автор А. В. Коротич, при участии И. А. Коротича и М. А. Коротича

Неоднократные попытки зайти в строительный комплекс Дубая автор предпринимал в течение ряда лет (в статье представлены лишь некоторые его инициативные архитектурные концепты различных эксклюзивных объектов). И в целом ряде случаев его концепты получали высокую оценку (в том числе шейха Дубая, а также различных потенциальных клиентов – руководителей крупных корпораций), однако до их реализации по различным причинам дело так и не дошло.

Современный Дубай представляет собой уникальную, единственную в мире экспериментальную строительную площадку колоссального масштаба, в рамках которой возможна реализация очень амбициозных архитектурных идей (одно из известных высказываний правителя Дубая шейха Мохаммеда бен Рашида Аль-Мактума гласит: «В Дубае нет ничего невозможного при наличии воли к победе!»). Отдельные аспекты уникального высотного

строительства, в том числе в Дубае, рассматривались автором ранее [1–4] по результатам 5-летнего исследования путей и особенностей развития архитектуры ОАЭ. Основные предпосылки для архитектурного прогресса – отсутствие многочисленной исторической застройки высокой ценности, которую необходимо учитывать в контексте стилистической преемственности; большие финансовые возможности строительного комплекса эмирата; невысокая сейсмичность и благоприятные климатические условия. При этом отсутствие четко продуманной градостроительной политики в отношении высотности, стилистики и качества архитектуры привело к тому, что сегодняшний архитектурный Дубай представляет собой удивительную смесь из абсолютно разнотильных и композиционно несовместимых объектов, но, возможно, в этом-то и кроется восточное очарование и самобытность одной из самых известных арабских столиц.

> Рис.7. Полуостровной многофункциональный комплекс Galaxy в Дэйре. Автор А. В. Коротич, при участии И. А. Коротича и М. А. Коротича

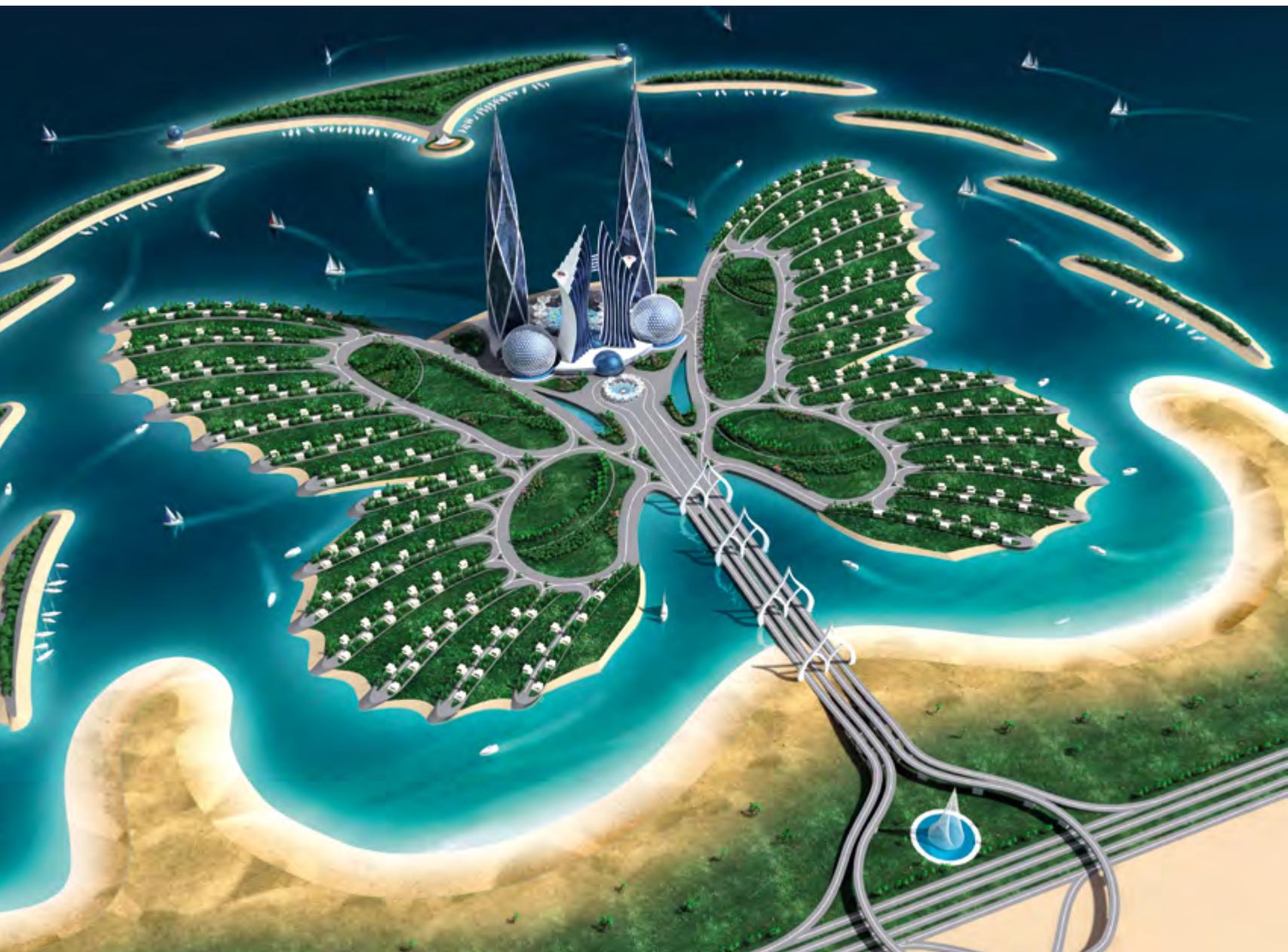
v Островной ВИП-район Butterfly Island в Джумейре. Автор А. В. Коротич, при участии И. А. Коротича и М. А. Коротича

Литература

1. Коротич, А. В. Художественные особенности современной высотной архитектуры Ближнего Востока. Объединенные Арабские Эмираты. Дубай // Academia. Архитектура и строительство. – 2018. – № 2. – С. 57–65.
2. Коротич, А. В. Небоскреб как произведение пластического искусства : монография. – Екатеринбург : Архитектон, 2018. – 404 с.
3. Коротич, А. В. Эмираты глазами архитектора: визит в будущее // Акад. вестник УралНИИпроект РААСН. – 2008. – № 1. – С. 112–115.
4. Коротич, А. В. Региональные художественные особенности современной высотной архитектуры Ближнего Востока. Объединенные Арабские Эмираты. Абу-Даби. // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. – 2016. – № 2, ч. 1. – С. 60–84.

References

- Korotich, A. V. (2016). Regional Artistic Peculiarities of the Modern High-Rise Architecture of the Middle East. United Arab Emirates. Abu Dhabi. Decorative Art and Object-spatial Environment. Bulletin of Moscow State Academy of Arts and Industry, 2, part 1, 60-84.
- Korotich, A. V. (2018a). Artistic features of the Middle East modern tall architecture. United Arab Emirates. Dubai. Academia. Architecture and Construction, 2, 57-65.
- Korotich, A. V. (2008b). Emirates through the eyes of an architect: A visit to the future. Acad. vestnik RAACS UralNIIPrject, 1, 112-115.
- Korotich, A. V. (2018c). Skyscraper as a product plastic art: A monograph. Yekaterinburg: Architekton.

Несмотря на то, что причины климатических изменений остаются недостаточно понятными, характер этих изменений не подлежит сомнению. Движение границ климатических зон сопровождается быстрым ростом количества и масштабов экстремальных погодных явлений, перепадов температуры и влажности. Для многих регионов Евразии климатические изменения выражаются в наступлении пустынных и полупустынных (аридных) климатических зон. Особенно угрожающе экстремальные погодные феномены сказываются на жизни городов. По целому ряду причин городская среда менее устойчива к погодным катастрофам. Способы повышения устойчивости городской среды, которые предлагает архитектурный мейнстрим, выглядят недостаточно эффективными. В статье обосновывается концепция использования традиционных и вернакулярных архитектурно-строительных технологий, сохранившихся в регионах с аридным климатом. Приведены примеры успешного применения традиционных способов домостроения в сочетании с элементами новейших технологий.

Ключевые слова: архитектура; строительство; урбанистика; климатические изменения; экстремальные погодные феномены; традиции; вернакуляр. /

While the causes of climate changes remain poorly understood, their nature is undeniable. The shift in climate zone boundaries is accompanied by a rapid increase in the number and scale of extreme weather events, temperature and humidity variations. For many regions of Eurasia, climatic changes are manifested in the onset of desert and semi-desert (arid) climate zones. Extreme weather phenomena have a particularly threatening impact on urban life. For a variety of reasons, the urban environment is less resilient to weather disasters. The ways of increasing the resilience of urban environment, which are offered by the architectural mainstream, look insufficiently effective. The article substantiates the concept of using traditional and vernacular architectural and construction technologies preserved in regions with arid climate (Middle East, North Africa). Examples of successful application of traditional methods of house-building in combination with elements of the latest technologies are given.

Keywords: architecture; construction; urbanism; climate change; extreme weather phenomena; traditions; vernacular.

Климатические изменения как вызовы и перспективы развития архитектуры / Climate change as challenges and prospects for architecture development

текст

Омар Мустафа Ахмад

Аль-Омари

Прикладной университет
Аль-Балка, Солт, Иордания
Маиса Аль-Шомали

Прикладной университет
Аль-Балка, Солт, Иордания
А. М. Фатен Альбтуш

Университет Джадара,
Ирбид, Иордания

Мохаммад Аль-Равашдех

Прикладной университет
Аль-Балка, Солт, Иордания
Самих Башир

Аль-Равашдех

Прикладной университет
Аль-Балка, Солт, Иордания

text

Omar Moustafa Ahmad

AlOmari

Al-Balqa Applied University,
Salt, Jordan

Maisa AlShomali

Al-Balqa Applied University,
Salt, Jordan

A. M. Faten Albtoush

Jadara University, Irbid,
Jordan

Mohammad AlRawashdeh

Al-Balqa Applied University,
Salt, Jordan

Samih Bashir AlRawashdeh

Al-Balqa Applied University,
Salt, Jordan

Введение. Климатические зоны движутся – что это означает?

В 1884 году русский ученый немецкого происхождения Владимир Кёппен разработал классификацию климатических зон Земли и впервые составил карты распределения этих зон по континентам. Позже методология была усовершенствована климатологом Рудольфом Гейгером, и с тех пор карты Кёппена-Гейгера регулярно пересматриваются и уточняются.

Одна из последних редакций карты климатических зон была опубликована в 2023 году в Шестом докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата, также известной как МГЭИК. В документе отмечено, что каждое из последних четырех десятилетий было последовательно теплее, чем любое предыдущее с 1850 года и что деятельность человека, вполне вероятно, является основной движущей силой.

Согласно Шестому докладу МГЭИК, с 1995 по 2014 год Европа классифицировалась следующим образом:

- субарктический и океанический климат – в Северной Европе;
- преимущественно континентальный климат – в Восточной Европе;
- смесь континентального, океанического и частично влажного субтропического климата – в Западной и Центральной Европе;
- на юге Европы преобладал средиземноморский климат с некоторыми областями теплого полусухого климата, а на севере чувствовался влажный субтропический климат (рис. 1).

Как видно на карте, Юго-Восточная Европа и прилегающие к ней регионы находятся в опасной близости к обширным областям сухого и жаркого пустынного климата (BWh по классификации Кёппена-Гейгера; обозначены красным цветом). Даже незначительное потепление может привести к тому, что границы пустынных зон начнут сдвигаться к северу, захватывая густонаселенные европейские страны.

1. Что обещают ближайшие десятилетия?

В Докладе также присутствует прогноз на следующие десятилетия, вплоть до 2100 года. Несмотря на крайне

осторожные формулировки, в которых много раз подчеркивается предположительный характер прогноза, некоторые тезисы высказаны достаточно уверенно. Начиная с 2076 года, следует ожидать следующие изменения:

- субарктический климат почти полностью исчезает в Северной Европе;
- континентальный климат резко отступает к северу по всему региону;
- океанический климат сменяется влажным субтропическим;
- на юге Европы ожидается значительное расширение пустынных районов и полусухого климата, что, несомненно, затронет миллионы людей. Это изменение вызывает особую озабоченность экспертов.

Необходимо отметить, что глобальное потепление выражается не только в повышении среднегодовых температур. Движение климатических зон связано с учащением экстремальных проявлений климата и погоды. Ярким примером роста частоты экстремальных явлений является испанский регион Каталония. По данным местных властей, Каталония столкнулась с самой сильной засухой с момента начала учета в 1905 году. На момент выхода Доклада дождя в Каталонии не было уже 30 месяцев. Водохранилища были заполнены на 28% необходимого объема. В результате в Каталонии введен план ограничения подачи воды, который затрагивает более 200 муниципалитетов. Эксперты впервые столкнулись со столь длительной засухой, причем прогнозы на 2024 год также остаются тревожными [1].

Изменение климата вызывает ускоренный круговорот воды в природе. Это влечет за собой более интенсивные осадки и связанные с ними наводнения, а также более интенсивную засуху во многих регионах. В высоких широтах количество осадков, вероятно, увеличится, в то время как в значительной части субтропиков прогнозируется их уменьшение. В течение XXI века в прибрежных районах будет продолжаться повышение уровня моря, что приведет к более частым и сильным наводнениям в низколежащих районах и береговой эрозии. Явления экстремальных уровней моря, которые раньше случались один раз в 100 лет, к концу этого столетия могут наблюдаться значительно чаще. Дальнейшее

- the oceanic climate is replaced by a humid subtropical climate;
- in southern Europe, desert areas and semi-arid climates are expected to expand significantly, undoubtedly affecting millions of people. This change is of particular concern to experts.

It should be noted that global warming is expressed not only in the increase of average annual temperatures. The movement of climate zones is associated with an increase in the frequency of extreme climate and weather events. A striking example of the increasing frequency of extreme events is the Spanish region of Catalonia. According to local authorities, Catalonia is facing the worst drought since record-keeping began in 1905. At the time of the Report's release, there had been no rain in Catalonia for 30 months. Water reservoirs were filled to 28% of their required capacity. As a result, Catalonia has introduced a water restriction plan that affects more than 200 municipalities. This is the first time experts have experienced such a prolonged drought, with predictions for 2024 also remaining alarming (Lee, Romero, 2023).

Climate change is causing an accelerated water cycle in

nature. This entails more intense precipitation and associated flooding, as well as more intense drought in many regions. Precipitation is likely to increase at high latitudes, while it is projected to decrease in much of the subtropics. Sea-level rise will continue in coastal areas during the twenty-first century, leading to more frequent and severe low-lying flooding and coastal erosion. Extreme sea level events, which used to occur once every 100 years, may occur much more frequently by the end of this century. Further warming will intensify melting of permafrost and loss of seasonal snow cover and melting of glaciers (Bayar et al., 2023).

There is no need to wait for manifestations of climate zone dynamics; these manifestations are already quite obvious. In the extreme summer of 2023, a significant part of the Northern Hemisphere was engulfed by intense heat. New daily records and station temperature records have been broken, and it is possible that some national records may fall. According to observations by the World Meteorological Organization, new temperature records are expected on the continent as the abnormal heat wave continues.

возможности ливневой канализации, за счет чего города подвергаются катастрофическим наводнениям. Повышение уровня моря в прибрежных городах может вызвать затопление целых кварталов и районов и так далее. Наконец, любые экстремальные погодные явления в городах вызывают значительно больший экономический ущерб и риск для имущества, жизни и здоровья людей.

Экстремальные погодные явления в городах вызывают еще один важный фактор риска – социальный. До сих пор сохраняется ситуация, когда наибольший ущерб от изменений климата несут как раз те социаль-

ные группы, которые вносят наименьший вклад в эти изменения. Беднейшие социальные слои и целые страны с минимальным уровнем потребления испытывают максимальные тяготы от засух, наводнений, ураганов и вызванных ими проблем с продовольствием и жильем. В последнее время все чаще встречается специфический термин – «климатическая справедливость», означающий требование более равномерного и адекватного распределения ответственности за климатические изменения и их последствия [5].

> Рис. 2. Расписные дома народности Кассен в поселке Тибеле, Буркина-Фасо / Figure 2. Painted houses of the Kassen people in the village of Tibebe, Burkina Faso.

According to preliminary data, June saw the warmest global average temperature on record, which continued into July.

Meanwhile, heavy rainfall led to devastating flooding and loss of life in several countries, including the Republic of Korea, Japan and the northeastern United States (Simultaneous, 2023).

2. Heat waves, heat domes, heat islands

The increasing frequency of extreme weather events is also reflected in the fact that previously extremely rare phenomena are becoming commonplace and are beginning to seriously affect cities and people. Such phenomena include, first and foremost, “heat domes”. This peculiar phenomenon consists in the fact that a layer of heavy cold air forms a closed structure, similar to an inverted bowl, under which hotter air is held. Under the pressure of the cold layers, the hot air is compressed, and from this heats up even more, but it cannot rise upwards. As a result, its temperature can additionally increase by 10-20°C.

The phenomenon of “heat waves” consists in a series of heat domes that slowly move one after another, successively warming up the area to catastrophic temperatures.

4. Что можно противопоставить экстремальной погоде?

На фоне глобальных масштабов происходящих климатических изменений меры, которые предлагаются для их сдерживания, выглядят не слишком убедительно. Архитекторы предлагают увеличивать озеленение и обводнение городов, использовать светоотражающие материалы для стен и крыш, заботиться о том, чтобы публичные пространства были закрыты комфортной тенью. Очевидно, все эти меры носят паллиативный характер. Большинство исследований и предложений в этой сфере носят еще более узкий характер. Фактически повестка мероприятий сводится сегодня к сокращению выбросов углекислоты. Иногда к «углеродному следу» в качестве главной причины погодного экстремизма присоединяются выбросы метана и прочих газов, обладающих парниковым эффектом (в «парниковые газы» входят также окись азота, фреоны – перфторуглероды и гидрофторуглероды и так далее). Но даже такой «урезанный» подход зачастую реализуется лишь формально. Многочисленные исследования показывают, что в большинстве случаев планы и проекты, направленные на кардинальное снижение выбросов парниковых газов, остаются на уровне лозунгов и пропагандистской шумихи. Учитывая, что до сих пор нет однозначных доказательств того, что именно парниковый эффект от выбросов углекислого газа является основной причиной глобальных изменений климата, предлагаемые меры тем более не внушают уверенности [6; 7].

Сложившаяся ситуация заставляет сделать однозначный вывод: архитекторы и градостроители не могут и не должны ждать, когда климатические изменения будут в достаточной степени исследованы и промоделированы. В каждом регионе Земли архитекторы уже сейчас включаются в поиск решений, которые помогут смягчить последствия изменения климата. Ввиду того, что эти изменения носят разнообразный характер, нет смысла обсуждать некое универсальное решение или хотя бы универсальный подход к проблеме. В каждом конкретном регионе локальный характер климатических изменений должно определять направление поиска «архитектуры эпохи климатических перемен».

Finally, inside large cities, especially in their central part, the phenomenon of “heat island” is increasingly observed, which has a similar mechanism of occurrence, but smaller scale and artificial cause. Heat generated by machines, air-conditioners and people does not rise to the upper atmosphere, but remains in the surface layer. When all three of these phenomena overlap, a city becomes a dangerous place for life and health, as is happening this July in many large cities in Texas (Goodell, 2023).

3. Climate change and the city

Cities cover only a little over 2% of the Earth’s surface, but it is in cities that 55% of humanity lives, with the most densely populated regions being in hot climate zones. For cities, many aspects of climate change take particularly strong and dangerous forms. For example, the global temperature rise is increased by intensive energy consumption (recall that, according to the laws of physics, any form of energy consumption is eventually converted into heat). Sharp temperature fluctuations in urban environments have a more severe pathogenic effect. Heavy precipitation can exceed the capacity of storm drainage systems, exposing cities to

5. Гений времени в помощь гению места

Значительным ресурсом в борьбе с последствиями климатических изменений обладают традиционные (вернакулярные) виды архитектуры. Локальные архитектурные традиции и строительные технологии воплощают в себе концентрированный опыт жизни, приспособленный к специфике климата и погодной динамики. В каждой климатической зоне накоплены богатые и разнообразные традиции домостроения, устойчивого, в том числе, к экстремальным погодным явлениям данной зоны. Важно отметить, что опыт вернакулярной архитектуры, как правило, носит комплексный характер и включает не только технологию строительства, но и способы инклюзивной (партиципативной) организации проектирования, постройки и украшения зданий, своеобразную эстетику и мудрые традиции взаимодействия с локальным ландшафтом. Так, традиционные дома «сукхала» народности Кассена являются примером не только оригинальной строительной технологии, но и своеобразной организации строительного процесса. Каждый новый дом совместно строится всеми жителями квартала мужского пола в середине сухого сезона, а перед началом сезона

^ Рис. 3. Мечеть Дар аль-Ислам в городе Абикию (Нью-Мексико, США). Проект Хасана Фатхи. 1981 / Figure 3. Dar al-Islam Mosque in Abiquiu, New Mexico, USA, designed by the late architect Hassan Fathy (1981)

catastrophic flooding. Sea level rise in coastal cities can flood entire neighborhoods and districts, and so on. Finally, any extreme weather events in cities cause much greater economic damage and risk to property, life and health.

Extreme weather events in urban areas cause another important risk factor – a social one. There is still a situation where the social groups that contribute the least to climate change are the ones that suffer the most from climate change. The poorest social strata and entire countries with minimal consumption levels are experiencing maximum hardship from droughts, floods, hurricanes and the resulting food and housing problems. Recently, a specific term “climate justice” has become increasingly common, meaning the demand for a more equal and adequate distribution of responsibility for climate change and its consequences (Jafry et al., 2019).

4. What can be done about extreme weather?

Against the backdrop of the global scale of climate change, the measures that have been proposed to curb it do not look very convincing. Architects suggest increasing the greening and

watering of cities, using reflective materials for walls and roofs, making sure that public spaces are covered with comfortable shade. Obviously, all these measures are palliative in nature. Most of the studies and proposals in this area are even more narrow in scope. In fact, the agenda of measures today boils down to reducing carbon dioxide emissions. Sometimes methane and other “greenhouse gases”, which also include nitrogen oxide, freons (perfluorocarbons and hydrofluorocarbons) and so on, are added to the carbon footprint as the main cause of weather extremism. But even this “reduced” approach is often realized only formally. Numerous studies show that in most cases plans and projects aimed at radical reduction of greenhouse gas emissions remain at the level of slogans and propaganda hype. Given that there is still no unambiguous evidence that the greenhouse effect from carbon dioxide emissions is the main cause of global climate change, the proposed measures do not inspire confidence (Ibrahim et al., 2020; Vakilifard et al., 2022).

This situation leads to a clear conclusion: architects and urban planners cannot and should not wait for climate change to be

> Рис. 4. Глиняный дом в Ломбардии в процессе строительства / Figure 4. A clay house in Lombardy under construction

дождей женщины также сообща покрывают наружные стены здания геометрическими узорами. В качестве красок используется смесь цветной глины с маслом, что дает прочное и влагостойкое покрытие (рис. 2).

Растущий интерес к опыту «босоногих архитекторов» наблюдается во всем мире, а особенно – в странах с жарким климатом, которым климатические изменения угрожают в максимальной степени. Опыт строительства в этих

регионах перестает восприниматься в качестве свидетельства бедности и отсталости и привлекает все более пристальное внимание архитекторов и урбанистов [8].

Традиции строительства из необожженных смесей глинистой почвы с соломой и другими добавками никогда не умирали в странах Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы. В 1940-х годах египетский архитектор Хасан Фатхи возглавил возрождение земляного строительства

sufficiently researched and modeled. In every region of the Earth, architects are already engaged in finding solutions to help mitigate the effects of climate change. Because of the diverse nature of these changes, there is no point in discussing a one-size-fits-all solution, or at least a one-size-fits-all approach to the problem. In each particular region, the local character of climate change should determine the direction of the search for “architecture of the climate change era”.

5. The genius of time to help the genius of place

Traditional (vernacular) types of architecture have a significant resource in combating the effects of climate change. Local architectural traditions and building technologies embody the concentrated experience of life, adapted to the specifics of climate and weather dynamics. Each climatic zone has accumulated rich and diverse traditions of house building, resistant, among other things, to the extreme weather phenomena of this zone. It is important to note that the experience of vernacular architecture, as a rule, is complex and includes not only construction technology, but also ways of inclusive (participatory) organization of design,

construction and decoration of buildings, peculiar aesthetics and wise traditions of interaction with the local landscape. Thus, “sukhala”, traditional houses of the Kassena people, are an example not only of original construction technology, but also of a peculiar organization of the construction process. Each new house is built jointly by all male residents of the neighborhood in the middle of the dry season, and before the beginning of the rainy season women also jointly cover the outer walls of the building with geometric patterns. The paints used are a mixture of colored clay and oil, which gives a durable and moisture-resistant coating (Fig. 2).

There is a growing interest in the experience of “barefoot architects” around the world, and especially in countries with hot climates that are most threatened by climate change. The experience of building in these regions is no longer perceived as evidence of poverty and backwardness and is attracting more and more attention from architects and urbanists (van Lengen, 2007).

The tradition of building from adobe mixtures of clay soil with straw and other additives never died in the Middle East

в своей родной стране. Известный проект по переносу деревни Шейх Абд-эль-Курна (1945–1948) был задуман и реализован именно как пример партисипативного строительства на основе местных технологий. Перенос деревни был вызван необходимостью раскопок древнего некрополя, обнаруженного археологами прямо под деревней. Хасан Фатхи спроектировал основные общественные здания для новой деревни – мечеть, школу и крытый рынок. Остальные дома жители деревни строили сами по традиционной технологии при поддержке и консультациях Хасана Фатхи [9] (рис. 3).

Фатхи осознал необходимость совместных строительных технологий и обратился к земле за их универсальным использованием. Земля, являющаяся легкодоступным материалом в регионе, оказалась решением проблемы улучшения условий жизни сельской бедноты Египта. Местный материал практически не требует промышленной обработки или транспортировки, что позволяет экономить энергию и ресурсы. В Египте глина в изобилии, она может быть переработана и обладает отличными термическими свойствами для жаркого региона. Материал прост в использовании, и в наличии имеются квалифицированные каменщики. Здесь земляной кирпич сушат на солнце, а не обжигают в печах, что делает его низкотехнологичной и низкоэнергетической альтернативой.

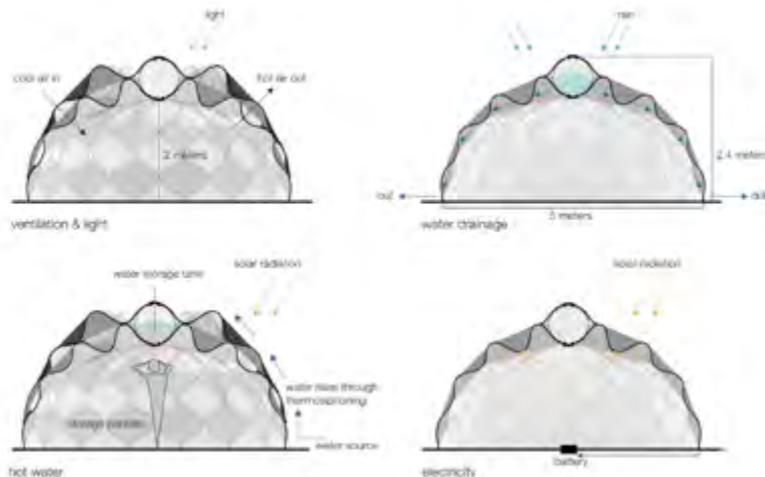
Идеи Фатхи были новаторским воплощением древних архитектурных концепций Египта. Его земляные здания были прочными по конструктивным принципам, что позволяло ему исследовать архитектурные формы. Пятидесятилетняя карьера Фатхи, пионера земляной архитектуры, оказала влияние на широкий спектр сооружений по всему Глобальному Югу. Сегодня технологии земляного строительства исследуются, систематизируются и применяются все шире. За последнее десятилетие в журналах *Scopus* было опубликовано почти сто исследовательских статей, относящихся к этой теме, в основном связанных с использованием утрамбованного грунта [10].

Опыт строительства домов из глинистого грунта оригинальным образом преломляется, пересекаясь с современными технологиями [11].

Так, совместный проект студии Mario Cucinella Architects (MCA) и лаборатории WASP в Ломбардии (Италия) заключается в постройке здания из местного глинистого грунта методом компьютерной 3D-печати (рис. 4).

На сочетании вернакулярных архитектурно-строительных подходов с новейшими технологиями, скорее всего, следует искать решение проблем современного города в условиях экстремальных погодных изменений. Современный архитектор из Иордании Abeer Seikaly много размышляет о том, каким образом мы могли бы совместить традиционные способы жизни в аридном климате и новейшие технологии домостроения. Один из ее проектов «Плетение дома» (Weaving a Home) направлен на то, чтобы использовать традиционную эстетику и технологию бедуинских палаток в современном контексте. Легкие, мобильные и дешевые куполообразные дома состоят из нескольких слоев ткани, натянутой на сетчатый каркас из металлической проволоки. Проект был представлен на Архитектурной Триеннале в Шарье (Sharjah Architecture Triennial) в 2023 году и вызвал большой интерес [12] (рис. 5; 6).

в Рис. 5. Схема, показывающая принципы взаимодействия конструкции «Плетеного дома» с дождевой водой и солнечной радиацией / Figure 5. Schematic showing the principles of interaction of the Wicker House structure with rainwater and solar radiation

and Southeastern European countries. In the 1940s, Egyptian architect Hassan Fathy led a revival of earthen construction in his native country. The famous project to relocate the village of Sheikh Abd el-Qurna (1945-1948) was conceived and realized precisely as an example of participatory construction based on local techniques. The relocation of the village was necessitated by the excavation of an ancient necropolis discovered by archaeologists directly beneath the village. Hassan Fathy designed the main public buildings for the new village: a mosque, a school and a covered market. The rest of the houses were built by the villagers themselves using traditional techniques with the support and advice of Hassan Fathy (Fathy, 2000) (Fig. 3).

Fathy realized the need for collaborative building technologies and turned to the earth for its universal use. Earth, a readily available material in the region, proved to be the solution to improving the living conditions of Egypt's rural poor. Local material requires little or no industrial processing or transportation, saving energy and resources. Mud is abundant in Egypt, recyclable and has excellent thermal properties for the hot region. The material is

easy to use and skilled masons are available. Here, earth bricks are sun-dried rather than fired in kilns, which makes it a low-tech and low-energy alternative.

Fathy's ideas were an innovative realization of Egypt's ancient architectural concepts. His earth buildings were strong in structural aspects, allowing him to explore architectural forms. Fathy's fifty-year career as a pioneer of earth architecture influenced a wide range of structures throughout the Global South. Today, earth construction technologies are being researched, systematized and applied more and more widely. In the last decade, almost one hundred research articles concerning this topic have been published in Scopus journals, mostly related to the use of tamped soil (Gomaa et al., 2023).

The experience of building houses from clay soil is ingeniously re-fracted, intersecting with modern technologies (Gomaa et al., 2022).

Thus, a collaborative project between Mario Cucinella Architects studio (MCA) and WASP laboratory in Lombardy, Italy, consists in constructing a building from local clay soil by computerized 3-D printing (Fig. 4).

Заключение. Прошлое – это будущее. Традиционная архитектура аридного климата на фоне климатических изменений

Пока климатологи спорят о роли антропогенного фактора в глобальном потеплении, архитекторы и градостроители уже сегодня сталкиваются с необходимостью реагировать на изменения в окружающей среде. Сегодняшние города, построенные из бетона, стекла и металла, потребляющие непомерно большие количества энергии, производящие гигантские объемы отходов, становятся все менее адекватными меняющейся реальности. Стратегия повышения сложности строительных технологий, привлечение

цифровых и электронных методов в некоторых случаях дает необходимый эффект, но в целом сопровождается значительным ростом стоимости строительства и обслуживания зданий.

Мы видим мощное стремление к удешевлению строительства, к социальной справедливости и равномерному распределению «права на город». Одновременно наблюдается сильный тренд к возрождению традиционных, vernacularных способов проектирования, строительства и эксплуатации строений. На пересечении трендов находится поиск архитектурно-строительных решений для меняющегося климата Глобального Юга. Архитектура

> Рис. 6. Внешний вид «Плетеного дома» на фоне типичного пейзажа иорданской пустыни [13] / Figure 6. Appearance of the Wicker House against a typical Jordanian desert landscape (Abeer Seikaly, 2015).

It is likely that solutions to the problems of the modern city in the face of extreme weather changes should be sought in the combinations of vernacular architectural and construction approaches with the latest technologies. Abeer Seikaly, a contemporary architect from Jordan, has been thinking a lot about how we might combine traditional ways of living in an arid climate with the latest house-building technologies. One of her projects, *Weaving a Home*, seeks to utilize the traditional aesthetics and technology of Bedouin tents in a contemporary context. Lightweight, mobile and cheap, the dome-shaped houses are composed of several layers of fabric stretched over a metal wire mesh frame. The project was presented at the Sharjah Architecture Triennial in 2023 and attracted a lot of interest (*The Beauty of Impermanence*, 2023) (Figs. 5, 6).

Conclusion. The past is the future. Traditional architecture of arid climate against the backdrop of climate change

While climatologists argue about the role of anthropogenic factor in global warming, architects and urban planners are already facing the need to respond to environmental changes. Today's cities,

built of concrete, glass and metal, consuming exorbitant amounts of energy and producing huge amounts of waste, are becoming less and less adequate to the changing reality. The strategy of increasing the sophistication of building technologies, digital and electronic methods in some cases has the necessary effect, but is generally accompanied by a significant increase in the cost of construction and maintenance of buildings.

We see a strong desire for cheaper construction, social justice and equal distribution of the "right to the city". At the same time, there is a strong trend to revitalize traditional, vernacular ways of designing, building and operating structures. The search for architectural and building solutions for the changing climate of the Global South is at the intersection of such trends. The architecture of the Middle East retains many of the traditions of its millennia-old history. This experience of living in a hot and arid climate will be increasingly relevant against the backdrop of global climate change.

Ближнего Востока сохраняет многие традиции своей тысячелетней истории. Этот опыт жизни в жарком и засушливом климате будет все более востребован на фоне глобальных климатических изменений.

Литература

- Lee H., Romero J. (eds.) (2023) *Climate Change 2023: Synthesis Report. A Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Contribution of Working Groups I, II and III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Core Writing Team, Geneva: IPCC
- Bayar, A. S., Yilmaz, M. T., Yücel, İ., & Dirmeyer, P. (2023). CMIP6 Earth system models project greater acceleration of climate zone change due to stronger warming rates. *Earth's Future*, 11, e2022EF002972.
- Simultaneous heatwaves hit northern hemisphere in summer of extremes. (18 July 2023) Official site of World Meteorological Organization. – URL: <https://public.wmo.int/en/media/news/simultaneous-heatwaves-hit-northern-hemisphere-summer-of-extremes>
- Goodell J. (2023) *The Heat Will Kill You First: Life and Death on a Scorched Planet*. NY: Little, Brown and Company
- Jafry T., Helwig K., Mikulewicz M. (Editors) (2019) *Routledge handbook of climate justice*. Abingdon, Oxon: Routledge
- Ibrahim M. F., Putri M. M., Utama D. M. (2020) A literature review on reducing carbon emission from supply chain system: drivers, barriers, performance indicators, and practices. *IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering* 722 012034
- Vakilifard N., Williams R. G., Holden P. B., Turner K., Edward N. R., Beerling D. J. (2022) Impact of negative and positive CO₂ emissions on global warming metrics using an ensemble of Earth system model simulations. *Biogeosciences*, 19, 4249–4265
- van Lengen J. (2007) *The Barefoot Architect*. Bolinas, CA: Shelter Publications, Inc.
- Fathy H. (2000) *Architecture for the Poor: An Experiment in Rural Egypt* (Phoenix Books). Chicago, IL: University of Chicago Press
- Gomaa M., Schade S., Ding Wen Bao, Yi Min Xie (2023) Automation in rammed earth construction for industry 4.0: Precedent work, current progress and future prospect. *Journal of Cleaner Production*. 398. 136569
- Gomaa M., Jabi W., Soebarto V., Yi Min Xie (2022) Digital manufacturing for earth construction: A critical review. *Journal of Cleaner Production*. 338, 130630
- The Beauty of Impermanence: An Architecture of Adaptability. Sharjah Architecture Triennial 2023. (7 July 2023) – URL: <https://www.sharjaharchitecture.org/pages/triennial-2023>

- Abeer Seikaly. *Weaving a Home* (2015) – URL: <https://archello.com/project/weaving-a-home>

References

- Bayar, A. S., Yilmaz, M. T., Yücel, İ., & Dirmeyer, P. (2023). CMIP6 Earth system models project greater acceleration of climate zone change due to stronger warming rates. *Earth's Future*, 11, e2022EF002972.
- Fathy, H. (2000). *Architecture for the Poor: An Experiment in Rural Egypt* (Phoenix Books). Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Gomaa, M., Jabi W., Soebarto V., Yi Min Xie (2022). Digital manufacturing for earth construction: A critical review. *Journal of Cleaner Production*. 338. 130630
- Gomaa M., Schade S., Ding Wen Bao, Yi Min Xie (2023) Automation in rammed earth construction for industry 4.0: Precedent work, current progress and future prospect. *Journal of Cleaner Production*. 398. 136569
- Goodell, J. (2023). *The Heat Will Kill You First: Life and Death on a Scorched Planet*. NY: Little, Brown and Company.
- Ibrahim, M. F., Putri, M. M., & Utama, D. M. (2020). A literature review on reducing carbon emission from supply chain system: drivers, barriers, performance indicators, and practices. *IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering*. 722 012034.
- Jafry, T., Helwig K., & Mikulewicz, M. (Eds.). (2019). *Routledge handbook of climate justice*. Abingdon, Oxon: Routledge.
- Lee, H., & Romero J. (Eds.). (2023). *Climate Change 2023: Synthesis Report. A Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Contribution of Working Groups I, II and III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Core Writing Team, Geneva: IPCC.
- Seikaly, A. (2015). *Weaving a Home*. Retrieved from <https://archello.com/project/weaving-a-home>
- Simultaneous heatwaves hit northern hemisphere in summer of extremes. (2023, July 18). *Official site of World Meteorological Organization*. Retrieved from <https://public.wmo.int/en/media/news/simultaneous-heatwaves-hit-northern-hemisphere-summer-of-extremes>
- The Beauty of Impermanence: An Architecture of Adaptability. (2023, July 7). *Sharjah Architecture Triennial 2023*. Retrieved from <https://www.sharjaharchitecture.org/pages/triennial-2023>
- Vakilifard, N., Williams, R. G., Holden, P. B., Turner, K., Edward, N. R., & Beerling, D. J. (2022). Impact of negative and positive CO₂ emissions on global warming metrics using an ensemble of Earth system model simulations. *Biogeosciences*, 19, 4249–4265.
- van Lengen, J. (2007). *The Barefoot Architect*. Bolinas, CA: Shelter Publications, Inc.

Определяются понятия vernacular city, vernacular urbanism, vernacular approach в исследовании происхождения и развития исторического города. Рассматриваются проблемы, возникающие в городских поселениях в результате безудержного стихийного роста. Влияние неуправляемого умножения застройки городских окраин сказывается на функционировании всего городского организма. Проблемы стихийного горизонтального роста территории города рассматриваются на примере Бишкека – столицы Киргизии.

Ключевые слова: Центральная Азия; vernacular architecture; vernacular city; vernacular urbanism; традиционные ценности; стихийная застройка. /

The article gives the definitions of such concepts as vernacular city, vernacular urbanism and vernacular approach in the study of the origin and development of the historic city. It considers the problems arising in urban settlements as a result of unrestrained spontaneous growth. The impact of uncontrolled multiplication of development of urban peripheries affects the functioning of the whole urban organism. The problems of spontaneous horizontal growth of the city's territory are considered on the example of Bishkek, the capital of Kyrgyzstan.

Keywords: Central Asia; vernacular architecture; vernacular city; traditional values; spontaneous development.

Вернакулярный урбанизм в Центральной Азии / Vernacular urbanism in Central Asia

текст

Ольга Воличенко
Юго-Западный государственный университет

text

Olga Volichenko
Southwest State University

Рассмотрение проблем градостроительства и архитектуры через призму vernacularity достаточно давно практикуется за рубежом; постепенно этот вектор исследования стал учитываться и в отечественных научных разработках. Надо сказать, что он включает множество аспектов и направлений из-за содержания, которое вкладывается в понятие «вернакуляр».

Во-первых, vernacular city – это практически любой исторический город, который до определенного периода развивался без профессионального вмешательства архитекторов и градостроителей. Наиболее агрессивным вторжением в моделирование городской среды характеризуется эпоха модернизма (вплоть до середины XX в.), отвергавшая и пренебрегавшая историческим опытом и наследием народной (vernacular) архитектуры, которая постепенно, но неуклонно приходила в упадок. Исследования археологов и историков архитектуры, рассматривающих и обследующих руины древних и материальные свидетельства средневековых городов, не принимались во внимание при современном

проектировании городских пространств. Можно сказать, что vernacular architecture в начале прошлого века занимала маргинальное положение как в архитектурно-градостроительных исследованиях, так и в самой профессии и образовании. Достаточно небольшой круг ученых рассматривал предметно-пространственную среду города как продолжение и развитие традиционных ценностей строительного ремесленного искусства местного сообщества.

Во-вторых, vernacular city – это стихийное образование самостоятельно формирующихся поселений или неуправляемое разрастание окраинных районов крупных городов. Как уже отмечалось, большая часть городских территорий на нашей планете появилась в результате самостоятельно возникших, спонтанных поселений; именно переселенцы на самом деле построили большую часть городов мира [1; 2]. В настоящее время стихийные градообразующие процессы протекают в основном в двух направлениях:

- переселенцы, в силу каких-либо причин – например, устав от жизни в больших мегаполисах, создают новые поселения на удаленных от цивилизационных благ землях (Фэрхоуп, Гомер, Бисби, Эврика-Спрингс, Мадрид и др.) (рис. 1);

- низкие доходы вынуждают жителей покидать родные места, отправляясь в крупные или столичные города в поисках заработка, вызывая неконтролируемый прирост населения и городских территорий (Пекин, Шанхай, Адис-Абеба, Сеул, Бишкек, Душанбе и т. д.) (рис. 2).

Незапланированные демографические изменения приводят к нерегулируемому росту городов, появлению неофициальной застройки пустующих окраинных земель мегаполисов.

И в первом, и во втором случае в спонтанно возникших поселениях часто полностью отсутствуют основные базовые услуги – безопасность, гигиена, санитария и т. п. В трущобах неформальных поселений нелегально проживает множество людей, создавших собственные социально-экономические связи, правила и язык общения.

Вернакулярный район – еще одно понятие, связанное с особенностями восприятия города его жителями. Он у каждого свой и обозначает субъективное представ-

в Рис. 2. Стихийное поселение Гурионг (район Каннам), возникшее в 1988 в результате выселения жителей бедных районов для проведения Олимпиады. Сеул (<https://goo.su/oNgXz>)

^ Рис. 1. Поселение хиппи. Мадрид, штат Нью-Мексико (США) (<https://goo.su/0x8Lxr>)

ление о городском пространстве, его протяженности и знаковых для конкретного индивида объектах. Центром вернакулярного района, обладающего адресной идентичностью конкретной личности, является его дом, а границы очерчиваются сферой ее интересов, вызванной сопричастностью к протекающим на данной территории процессам [3, с. 55].

Вернакулярная архитектура городов Центральной Азии

Города Центральной Азии возникали, как правило, на оживленных трассах караванных путей. У водоемов (реки, озера, родники) на природной возвышенности или искусственной платформе-стилобате из блоков пахсы (битой глины) и необожженного кирпича возводились мощные цитадели (укрепленные крепости), предоставляющие приют и защиту путешественникам. Постепенно у подножия цитадели вырастал шахристан, окруженный высокими крепостными стенами с башнями (рис. 3). У городских ворот велась оживленная торговля, строились многочисленные караван-сарай, к которым примыкали лавки и дома ремесленников, сооружались храмы, дома зажиточных купцов и дворцы-замки аристократов. Так за пределами шахристана появлялась новая укрепленная территория города – рабат, во много раз превышающая его своими размерами. Пространство вернакулярной архитектуры восточного города отражало исторический опыт накопленных и складывающихся веками архитектурных форм, приемов и композиционных средств.

Центральная Азия, занимает обширный регион, в который входят бывшие среднеазиатские республики (Туркменистан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан) и Казахстан, а также Иран, Афганистан, западный Китай

(СУАР) и Алтай (РФ). Несмотря на значительную разницу зимних температур в различных районах, лето на всей территории Центральной Азии сухое, засушливое и очень жаркое. Отсутствие леса и суглинистые почвы материалов, конструктивных систем и технологий. Как писал египетский архитектор Хассан Фатхи, «климат оказывает определенное воздействие на архитектурные формы» [4, с. 57]. Несмотря на обширные расстояния между отдельными частями региона, местные стили народной архитектуры действительно очень схожи между собой, следуя единым принципам и образцам: глухие плоскости глиняных стен, плоские кровли, внутренние дворы, небольшие оконные проемы, резные деревянные колонны и навесы. Таким образом, вернакулярная архитектура очень точно следовала и отвечала экологическому контексту окружающей среды (рис. 4).

^ Рис. 4. Панорама Ичан-Калы. Хива. Фото автора

v Рис. 3. Цитадель. Герат (Афганистан) (<https://goo.su/lwDYR>)

Классический мусульманский город в основном состоял из переплетения узких, тесных, как бы случайно прорезанных в глухом массиве застройки, улиц. Каждый жилой район, окруженный высокими глинобитными стенами с воротами, обладал некоторой самостоятельностью, имел свои мечети и базары. «Ядром городского центра была главная соборная мечеть, возле которой возвышался дворец или крепость наместника. Относительно прямыми были главные улицы города, на которых располагались крупные общественные, жилые и культовые постройки – мечети; медресе; ханака – обитель суфиев (мусульманских подвижников); диванхана (административное здание); караван-сарай; бани-хамомы; склады товаров; лавки ремесленников; дома купцов; главные перекрестки, с пересечением множества улиц, фиксировались многокупольными торговыми павильонами и т. д.» [5, с. 246] (рис. 5).

Камерность и закрытость городских пространств – площадей, улиц, внутренних дворов – была продиктована

природной экологичностью вернакулярной архитектуры, создавая тем самым неотъемлемый колорит и атмосферу восточного города. Свободный простор, раздольность, широкие просеки улиц – это приемы, характерные для европейского градостроительства, воспроизводящего со времен М.-А. Лоджи и Ж. Э. Османа архитектуру Леса [6, с. 64]. Архитектура Степи и Пустыни по своей сути прямо противоположна – это капля упавшей воды, которую требуется сохранить. Она диктует необходимость жесткого ограждения небольших пространств и максимальной затененности. Именно эта философия лежит в основе философии восточного города и сада, отражая главное – постоянную нехватку воды.

В XX веке города исламского мира стали развиваться по европейской модели градостроительства как в плане планировочной структуры, так и в плане зонирования, транспортно-пешеходной схемы и объектов общественного назначения – социально-культурных (школы,

в Рис. 5. Вид на махалли и ансамбль Poi-Калян. Бухара (<https://goo.su/T3PH>)

< Рис. 6. Панорама города. Ташкент (<https://goo.su/VxII>)

университеты, музеи, театры и т. п.), административных, спортивных, промышленных. Новые формы архитектуры и градостроительства модернизма заменили собой традиционные; особенно тотальный характер это явление приобрело в городах постсоветского пространства. Модернистская архитектура современных городов, распространяя идеи интернационального стиля, основанного на тиражировании высокотехнологичных материалов – стекла и железобетона, лишила их возможности использовать традиционные, местные архитектурные формы и приемы, выработанные многолетним опытом строительного искусства [7, с. 60] (рис. 6).

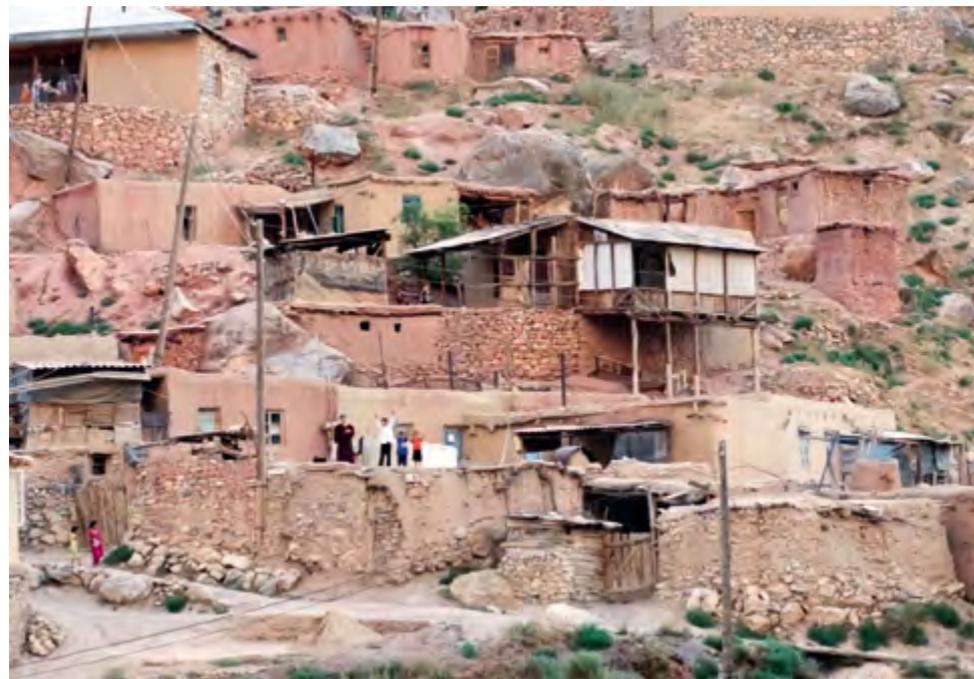
Фасады сплошного остекления, железобетон, асфальтовое покрытие больших свободных пространств площадей и улиц создают эффект теплового острова, а в естественно-жарком климате центральноазиатского региона такой эффект приводит к максимально неблагоприятным условиям пребывания в городской среде.

Широкие городские проспекты стали необходимостью современных городов Центральной Азии для обеспечения максимальной интенсивности и скорости движения больших потоков автомобильного транспорта. Строительные нормы требуют, чтобы в зданиях (вокруг зданий) было достаточно парковочных мест для автомобилей. Естественно, значительные поверхности городской территории оказались покрыты асфальтом. Площадь зеленых насаждений – лиственные деревья, дающие глубокую тень, – при этом значительно сокращается (в процессе расширения улиц они вырубаются). Новую городскую среду можно описать только как асфальтовую пустыню (Бишкек, Душанбе, Ташкент, Алма-Ата и др.). Один из способов снижения теплового излучения от дорожного покрытия в ряде городов (Дубаи, Лос-Анжелес и др.) – окраска дорог в белый или синий цвета (четыре теплоотражающих слоя краски с полыми керамическими микросферами). Это помогает снизить температуру на уровне земли на 15–20 градусов по сравнению с традиционным темным покрытием. Разница связана с меньшим количеством тепла, которое светлая поверхность поглощает и выделяет в самые жаркие часы дня. Охлаждающий эффект распространяется и на участки вокруг окрашенной улицы. Стоит отметить, что, несмотря

на наблюдаемое снижение температуры, игнорируется проблема в целом: европейская модель организации предметно-пространственной среды города не имеет смысла в экологическом контексте Центральной Азии.

Жилая среда вернакулярной архитектуры, опирающаяся на традиции и природно-климатические особенности места, создавала масштаб, удобный для людей. Колонные веранды-айваны у мечетей и торговых площадей, узкие улочки предоставляли пешеходам необходимые затененные пространства. Конфигурация улиц города способствовала более плавному распределению температуры по всему ее участку за счет их продуваемости, т. е. ориентация улиц и зданий учитывала господствующее направление ветра. Вернакулярный «органический» каркас исторических городов Центральной Азии был гораздо лучше организован и структурирован, чем применяемые в современном градостроительстве принципы модерниз-

в Рис. 7. Застройка горного склона. Горный Бадахшан (Таджикистан) (<https://goo.su/HwztZz0>)

ма. В настоящее время на основании проводимых исследований делается вывод, что изломанные очертания улиц средневековых городов Центральной Азии (Бухара, Самарканд, Ош, Кабул, Кандагар, Герат и др.) должны быть выбраны в качестве рекомендуемой конфигурации новых жилых районов не только из-за их тепловых характеристик, но и из-за других аспектов устойчивости. «Этот тип планировки обеспечивает более высокий уровень конфиденциальности, а в других случаях, более активное социальное взаимодействие. Он лучше всего отвечает культурному аспекту общества и в то же время климатическим условиям города» [8, с. 122]. Народная архитектура создается местным сообществом с учетом климата и местных природных материалов, именно поэтому она находится в гармонии с окружающей средой [9]. Вернакулярная архитектура, являясь, по сути, анти-модернистской, привлекает внимание профессионалов самобытными культурными образами и принципами экологичной организации пространства (рис. 7).

в Рис. 8. Вид на город в южном направлении. Бишкек (<https://goo.su/UUbsp>)

Сравнительный анализ «органической» (вернакулярной) и «структурированной» (модернистской) городской планировки показывает, что вернакулярные исторические районы, например, городов Хива, Бухара (Узбекистан) прохладнее летом и осенью, чем «структурированная» планировка новых районов с широкими бульварами и проспектами. Это не означает необходимости возвращения к строительству домов из сырцового кирпича и разрушению автострад. Но при проектировании новых кварталов или модернизации существующих пригородов в городах Центральной Азии, возможно, следует использовать традиционные методы и принципы строительства. Не стоит обращаться к европейскому опыту и философии, когда местные приемы организации архитектурно-планировочной композиции лучше соответствуют климатическим условиям и отвечают традиционному укладу общества. Как лучше всего описывает это Кевин Линч, исторический город жив, потому что спосо-

в Рис. 9 а. Вернакулярная застройка центра города, 1988. Бишкек (<https://goo.su/ujRgE8s>)

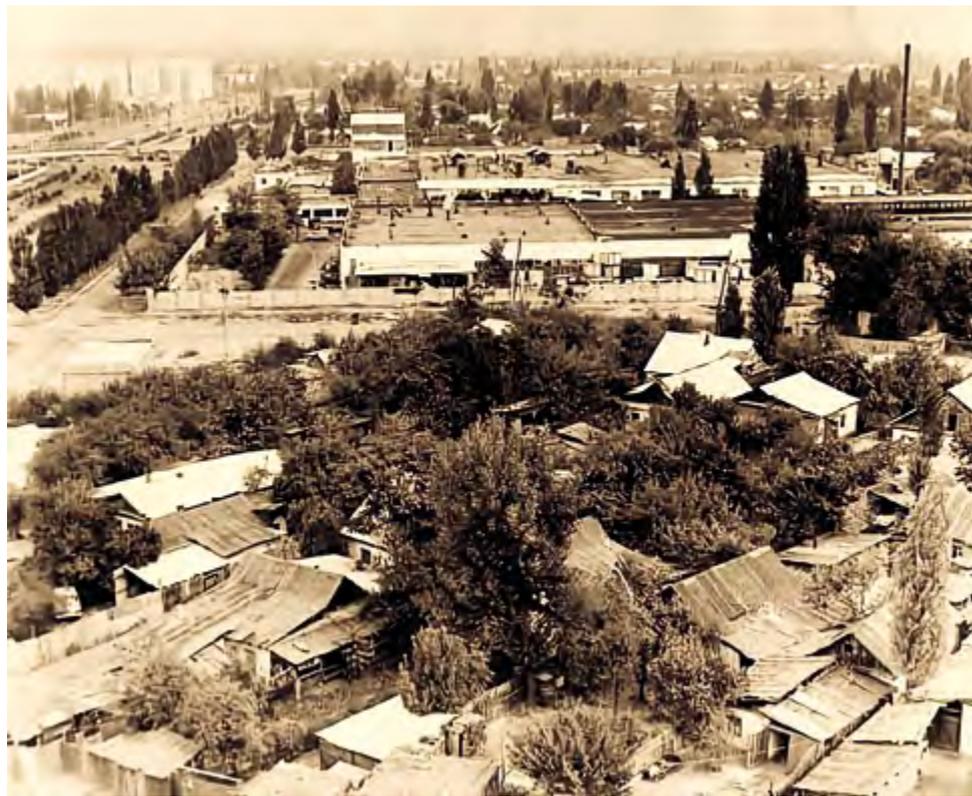
^ Рис. 9 б. Застройка улицы Токтогула, 2022. Бишкек. Фото автора

бен создать «яркий и четкий образ», который становится частью коллективной памяти жителей [10, с. 5]. Стирание следов прошлого означало бы, что новые поколения вырастут без той истории, которая по-человечески им принадлежит, не имея возможности насладиться опытом, способствующим формированию характера общества, частью которого они являются [11, с. 16].

Вернакулярные города и пригороды

Стихийно растущие районы города, формирующиеся по собственным механизмам организации, и в настоящее время вырастают на окраинах больших городов. Генеральный план в них начинает варьироваться и дифференцироваться по функциям, пока окончательно не перестает справляться с неуправляемыми и незапланированными процессами роста города. Бедные, самодеятельно возникающие вернакулярные районы, в которых отсутствуют основные элементарные удобства и услуги городской инфраструктуры, создаются местными сообществами. Народный урбанизм отражает локальные и личностные предпочтения, использует материалы и дизайн, характерный для данного региона. В безличностной интернациональной архитектуре человек чувствует себя оторванным от своего окружения. С другой стороны, стихийно выросшие городские окраины – гетто, сквоттер-сити, жилмассивы – это прибежище бедных, изгнанных и отверженных. Все они имеют серьезные проблемы с санитарией, здравоохранением, преступностью, образованием; они не подвержены романтике или ностальгии любого рода. Это очень трудные во всех отношениях места для жизни. Однако жители окраин защищают свои хрупкие общины красноречиво и мощно; агрессивно организуются для обеспечения улучшенных условий, доступа к инфраструктуре (вода, канализация, энергия), образования и какой-либо медицинской помощи.

Проблемы горизонтального увеличения территории города (со 120 км² в 1991 до 160 км² в 2023) за счет стихийного прироста окраин приобрели масштабный характер, мешая устойчивому функционированию инфраструктуры и социокультурных пространств одного из крупнейших городов Центральной Азии – Бишкека. Столица Киргизии Бишкек сравнительно молод (145 лет); основное его

развитие пришлось на советское время, поэтому в нем практически полностью отсутствует колорит восточного города. Расположенный в Чуйской долине у подножия высокогорного Киргизского хребта, он имеет ясно выраженную ортогональную планировочную схему, присущую европейскому градостроительству, с ориентацией улиц по странам света (рис. 8).

Почти 70% центральной части города к концу XX столетия составляли районы вернакулярной архитектуры с зелеными аллеями улиц и водными каналами арычной системы. Почти 80% домов были ветхими, подлежащими сносу (рис. 9 а). Застройка центра города без единого планировочного плана привела к потере масштабности,

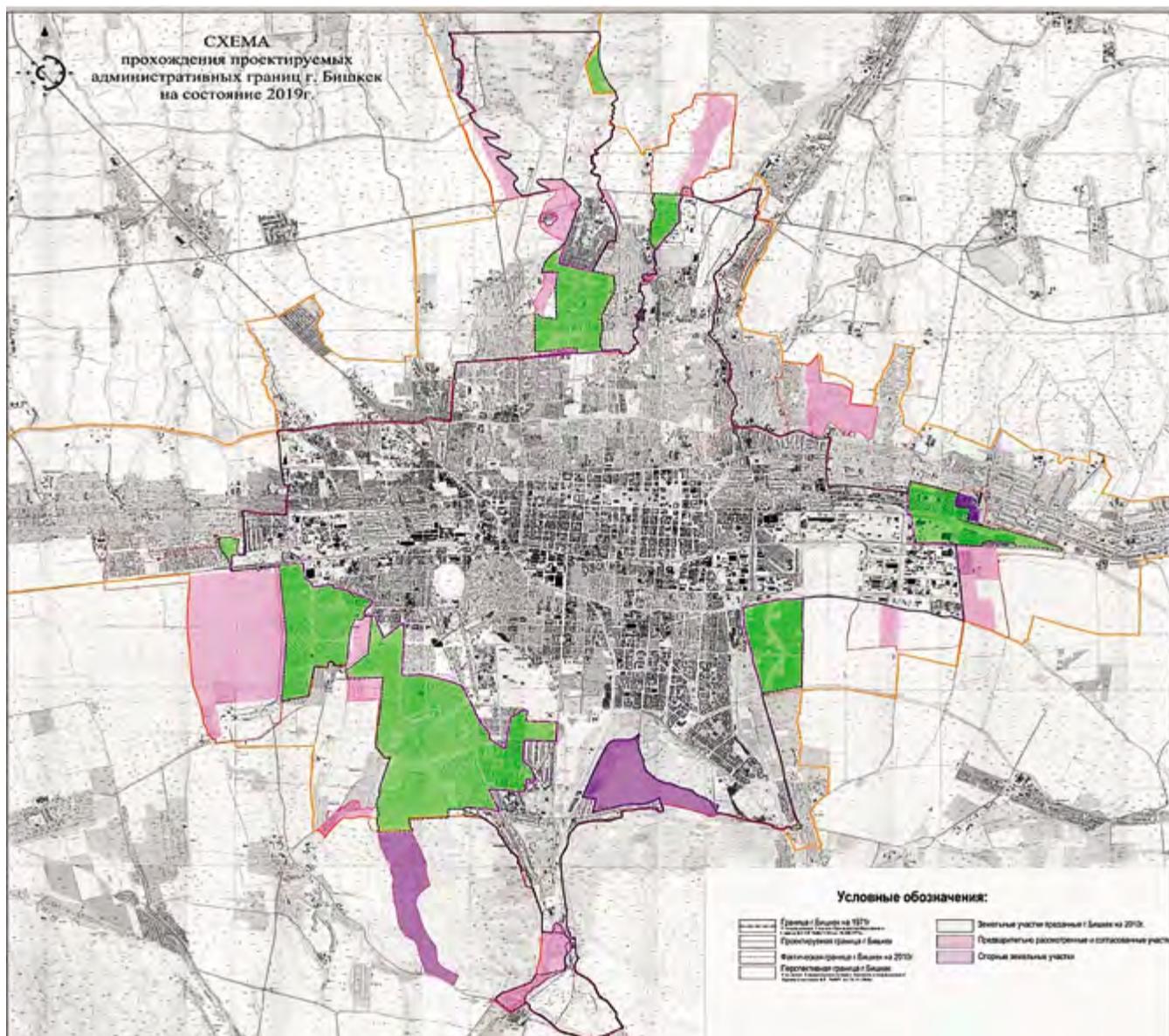
стилевого и композиционного единства, потери климатического комфорта и удобства для горожан (рис. 9 б).

В 1991 население Бишкека составляло немногим более 600 тыс. человек. Спустя 30 лет оно увеличилось вдвое, в основном за счет внутренней миграции жителей из сельских районов и городов республики. «В результате границы размываются, и город обрастает районами нелегальной индивидуальной застройки, лишенной городских удобств» [12]. Территория города оказалась в плотном кольце стихийно выросших жилых массивов, которые, чтобы не вызывать беспорядка и возмущения проживающего в них сообщества, городским властям пришлось признать легитимными (рис. 10). Данное решение потребовало, в свою очередь, создания в этих районах необходимой городской инфраструктуры.

Жилые массивы vernakularной застройки Бишкека наполнены множеством очень серьезных проблем и неудовлетворенных потребностей. Они представляют собой густонаселенные территории, в которых проживают вну-

тренные мигранты с низким уровнем доходов. Но многие из них являются устойчивыми и социально сплоченными сообществами, предлагающими неявную поддержку тем, кого игнорирует или отвергает большинство. Незаконно захватывая землю сельскохозяйственных угодий, окружавших город, они привносили с собой привычный образ жизни и провинциальный уклад. Как физически спроектированные места они изобретательны и интуитивно понятны. Жилмассивы были сосредоточены на решении основной задачи – создании крова, которая в значительной степени учитывала местные обстоятельства: как справиться с жарой, холодом, дождем, ветром и работой, используя те материалы, что есть под рукой. При этом жилые дома часто строились на запрещенной территории санитарно-защитных зон (близко к мусорным полигонам, ЛЭП и т. п.) и поэтому находятся под угрозой принудительного переселения. Из-за стихийного, непродуманного и нерационального распределения земельных участков под застройку в некоторых жилмассивах нет

в Рис. 10. Схема развития границ Бишкека. Цветом обозначены стихийно возникшие территории жилых массивов

< Рис. 11. Одна из типичных улиц жилмассивов. Бишкек. (<https://goo.su/YOUdHfo>)

возможности для создания необходимой социальной инфраструктуры (детских садов, школ, медицинских учреждений). Отсутствие доступа к учреждениям образования, здравоохранения и культуры является одной из наиболее распространенных проблем. Городская инфраструктура также слаборазвита и нуждается в прокладке асфальтированных дорог, тротуаров, канализации, водо- и газоснабжении, освещении и озеленении [13].

Архитектура городских окраин определяется местными условиями и поэтому считается народной архитектурой. Ее обитатели, как правило, сами умеют строить. Способ застройки практически одинаков во всем мире. Существуют условия, при которых в таких районах блокируется развитие в полноценный город. Местное сообщество заинтересовано в сохранении существующих социальных правил и народных обычаев.

Заключение

Архитектура всех исторических городов появлялась и развивалась до определенного момента как vernacular архитектурная архитектура на основе культурных традиций, методов и специфических условий местности – топографии, климата, материалов и т. п. – того, что лежит в основе региональной архитектуры. Интеграция уникального сочетания обстоятельств указывает на идентичность конкретного региона (архитектура Карелии, Центральной Азии, Средиземноморья и т. п.).

Поселения на окраинах городов выростали в силу следующих причин:

- в процессе высокой урбанизации XIX–XX вв. Активная индустриализация требовала огромного притока рабочей силы из деревни в город. Город, не имея возможности быстро удовлетворить необходимые потребности в жилье, обрастал множеством трущоб. В промышленных городах люди жили в условиях высокой плотности и минимальных удобств. Эти проблемы предприятия решали качественным и быстрым возведением жилья для своих сотрудников;
- миграции беженцев, вынужденных уехать из родных мест в результате стихийных бедствий или военных действий. Беженцы, теряя все нажитое имущество, в спешке покидают опасные зоны. Обустраиваясь в городе, само-

стоятельно возводят дома-убежища, перенося на новое место привычный образ жизни, обычаи и традиции;

- экономической миграции, когда нет возможности заработать у себя на родине: люди уезжают в крупные города (внутренняя или внешняя миграция), занимая свободную землю, сооружают простое экономичное укрытие, адаптированное к внешним условиям.

Основные черты стихийных vernacularных поселений:

- они не проектируются архитекторами и не утверждаются законодательно;
- являются результатом инстинктивной мотивации человека и совместных коллективных усилий;
- развиваются органично и постепенно, меняясь с течением времени;
- построены из местных дешевых материалов и материалов вторичного использования.

Архитектурные планы по благоустройству vernacularных окраин варьируются от радикального сноса и переселения жителей в многоквартирные дома. Это позволило бы повысить плотность застройки и остановить территориальное расширение города, которое требует много финансовых средств, до локального благоустройства существующих территорий – прокладки инженерных сетей, дорог и строительства необходимой социальной инфраструктуры (рис. 12). Опыт показывает, что масштаб планов по улучшению имеет большое влияние на конечный успех. Крупномасштабные планы чаще проваливаются, чем мелкомасштабные. Частичный подход лучше учитывает сложную реальность застроенной среды, в которой социальные и экономические структуры вместе составляют городской феномен.

Литература

1. Oliver, P. Built to Meet Needs: Cultural Issues in Vernacular Architecture. – Oxford : Architectural Press, 2006. – 474 p.
2. Asquith, L., Vellinga, M. Vernacular Architecture in the 21st Century: Theory, Education and Practice 1st Edition. – London : Taylor & Francis, 2005. – 312 p.
3. Казакова, Г. М. Региональная идентичность, vernacularный район и Российский «Низовой регионализм» // Вестник ЧГАКИ. – 2016. – № 4 (48). – С. 53–58.

> Рис. 12. Бишкек.
Новая школа в жилмассиве
Мурас-Ордо
<https://bilim.akipress.org/ru/news:1804804>

4. Fathy, H. *Natural Energy and Vernacular Architecture: Principles and Examples with Reference to Hot Arid Climates*. – Chicago : University of Chicago Press, 1986. – 196 p.
5. Воличенко, О. В. Творческие концепции новейшей архитектуры. – Бишкек : Кыргызский государственный университет строительства, транспорта и архитектуры им. Н. Исанова, 2013. – 312 с.
6. Воличенко, О., Цурик, Т. Двойственность отношения к исторической городской застройке // Проект Байкал. – 2023. – № 75. – С. 68–73.
7. Иванов, А. Вернакуляр как антиимперия: культура 3 // Проект Байкал. – 2023. – № 74. – С. 58–71.
8. Rancati, C. *Vernacular urbanism*. – Addis Ababa : Addis Ababa Living Lab, 2020. – 338 p.
9. Воличенко, О. В. Взаимное тяготение и противоречие природных и архитектурных форм (эволюционный аспект) // Архитектон : известия вузов. – 2011. – № 3 (35). – URL: archvuz.ru/2011_3/ (дата обращения: 25.07.2023).
10. Линч, К. *Образ города*. – Москва : Стройиздат, 1982. – 164 с.
11. *Centro storico: museo-ghetto o motore di sviluppo?* – Roma : Fondazione Filippo Caracciolo, 2005. – 146 p.
12. Таловская, О., Рыжков, А., Хорт, Н. Бишкек: Проект-концепция модели развития до 2040 года. Готовы ли постсоветские города к переменам? – Москва : Высшая школа урбанистики им. А. А. Высокоского, 2014. – URL: <https://urban.hse.ru/bishkek2040> (дата обращения: 01.07.2023).
13. Абдырасулова, Н. Отчет об оценке жилых массивов г. Бишкек – общие выводы и рекомендации. – Бишкек, 2020. – 22 с.

References

- Abdyrasulova, N. (2020). *Otchet ob ocenke zhilyh massivov g. Bishkek – obshchie vyvody i rekomendacii*. [Bishkek Residential Assessment Report – General Findings and Recommendations]. Bishkek.
- Asquith, L., & Vellinga, M. (2005). *Vernacular Architecture in the 21st Century: Theory, Education and Practice* (1st ed.). London: Taylor & Francis.
- Centro storico: museo-ghetto o motore di sviluppo?* (2005). Roma: Fondazione Filippo Caracciolo.
- Fathy, H. (1986). *Natural Energy and Vernacular Architecture: Principles and Examples with Reference to Hot Arid Climates*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ivanov, A. (2023). Vernacular as anti-empire: Culture 3. *Project Baikal*, 19(74), 58–71. <https://doi.org/10.51461/pb.74.13>

- Kazakova, G. M. (2016). Regional'naya identichnost', vernakulyarnyj rajon i Rossijskij "Nizovoj regionalism" [Regional Identity, Vernacular District and the Russian "Grassroots Regionalism"]. *Vestnik CHGAKI*, 4(48), 53-58.
- Lynch, K. (1982). *Obraz goroda [The image of the city]*. Moscow: Strojizdat.
- Oliver, P. (2006). *Built to Meet Needs: Cultural Issues in Vernacular Architecture*. Oxford: Architectural Press.
- Rancati, C. (2020). *Vernacular urbanism*. Addis Ababa: Addis Ababa Living Lab.
- Talovskaya, O., Ryzhkov, A., & Hort, N. (2014). *Bishkek: Proekt-koncepciya modeli razvitiya do 2040 goda. Gotovy li postsovetские goroda k peremenam? [Bishkek: Project-concept of the development model until 2040. Are post-Soviet cities ready for change?]*. Moscow: Vysshaya shkola urbanistiki imeni A. A. Vysokovskogo. Retrieved July 1, 2023, from <https://urban.hse.ru/bishkek2040>
- Volichenko, O. V. (2011). Attraction and opposition between natural and architectural forms (evolutionary aspect). *Architecton: Proceedings of Higher Education*, 3(35), 6.
- Volichenko, O. V. (2013). *Tvorcheskie koncepcii novejshej arhitektury [Creative concepts of the latest architecture]*. Bishkek: Kyrgyzskij gosudarstvennyj universitet stroitel'stva, transporta i arhitektury im. N. Isanova.
- Volichenko, O., & Tsurik, T. (2023). Ambivalence towards historical urban development. *Project Baikal*, 20(75), 68-73. <https://doi.org/10.51461/pb.75.16>

Дом – особенное место, в котором время течет совсем по-особенному. В своем доме стены помогают, а прошлое не умирает. Дом – это моя крепость, и это место встреч с близкими. Дом – это одновременно и защитная оболочка, обращенная во внешний мир, и отображение самых личных, глубоких и интимных изгибов души. В рубрике, посвященной жилью, мы помещаем материалы двух круглых столов, проведенных с молодежью Новосибирска и Иркутска. Как представляют себе свой дом представители следующего поколения? Они сами расскажут об этом.

Проблема совместного проживания уже решалась сто лет назад в рамках концепции Соцгорода (и принесла крайне противоречивые плоды), но сегодня эта тема возвращается и снова привлекает внимание архитекторов и социологов на новой, цифровой платформе проектирования. Точно так же возрождается интерес к традиционным материалам жилого домостроения – в первую очередь к дереву. Как научить молодых архитекторов «эпохи бетона, стекла и металла» навыкам проектирования в дереве? Об этом – материалы рубрики.

Константин Лидин

образ жизни и дом / lifestyle and home

Home is a special place where time flows in a very special way. At home, the walls help, and the past never dies. Home is my fortress and a place where I meet my loved ones. Home is both a protective cover facing the outside world and a reflection of the most personal, deep and secret recesses of the soul. In the section devoted to housing, we present the materials of two round tables held with young people in Novosibirsk and Irkutsk. How do representatives of the next generation imagine their home? They will tell us about it.

The problem of co-housing was already solved a hundred years ago within the concept of Socialist City (and brought extremely controversial results), but today this theme is returning, while attracting the attention of architects and sociologists on a new digital design platform. Similarly, there is a renewed interest in traditional materials for residential housing, especially, wood. How to teach young architects of the “era of concrete, glass and metal” the skills of designing in wood? This section contains articles devoted to it.

Konstantin Lidin

Современная демографическая ситуация такова, что молодежь превращается в убывающее меньшинство населения. Тем важнее исследовать представления молодежи о будущем, особенно в таком важном вопросе, как организация личного жилища. В статье показаны результаты частотного контент-анализа высказываний фокус-группы студентов одного из новосибирских университетов по теме своего жилья. Тексты включают два массива. Одна представляет собой эссе, написанные в свободной форме участниками фокус-группы. Второй массив получен в ходе обсуждения темы на круглом столе. Контент-анализ проводился при помощи авторской программы, измеряющей присутствие основных групп эмоций в тексте (эмоциональный спектр текста). Анализ обоих массивов показал совпадение их эмоциональных спектров, что подтверждает правдивость высказываний респондентов. Преобладающей является группа эмоций «совесть, вина, справедливость», что указывает на стремление молодежи к стабильности, равновесию и справедливому устройству жилища.

Ключевые слова: архитектура; жилье; молодежь; контент-анализ; эмоции. /

The current demographic situation is such that young people are becoming a dwindling minority of the population. It is all the more important to study young people's ideas about the future, especially in such an important issue as the organisation of personal housing. The article shows the results of a frequency content analysis of the statements of a focus group of students from one of Novosibirsk universities on the topic of their housing. The texts include two arrays. One represents essays written in free form by the focus group participants. The second array was obtained in the course of discussing the topic at a round table. The content analysis was conducted using the author's programme measuring the presence of the main groups of emotions in the text (emotional spectrum of the text). The analysis of both arrays showed the coincidence of their emotional spectra, which confirms the truthfulness of the respondents' statements. The group of emotions "conscience, guilt, justice" is predominant, which indicates the desire of young people for stability, balance and fair housing arrangement.

Keywords: architecture; housing; youth; content analysis; emotions.

Дом следующего поколения / Next Generation Home

текст

Константин Лидин
Федерация «Союз соотечественников»,
София, Болгария
Ольга Белобрыкина
Новосибирский
государственный
педагогический
университет

text

Konstantin Lidin
Federation of Fellow
Citizens (Sofia, Bulgaria)
Olga Belobrykina
Novosibirsk State
Pedagogical University

Основной инструмент, наглядно показывающий демографическое состояние общества – половозрастная пирамида. Этот график показывает, сколько людей каждой возрастной группы имеется в обществе на момент составления пирамиды (отдельно мужчин и женщин). Идеальный вид половозрастная пирамида приобретает в обществе, которое несколько десятилетий живет в стабильном режиме, не испытывая глубоких потрясений. Войны, неурожайные годы, движения людей в неосвоенные территории – все это имеет место, но в привычных формах, не нарушающих равновесие в обществе в целом. Такая пирамида, например, имела место в Российской империи в конце XIX века. По итогам переписи населения 1897 года мы видим правильную симметричную фигуру, в которой дети и молодежь составляют больше половины населения.

Потери человеческих жизней в результате войн, революций и природных бедствий оставляют след в виде резкого сужения на силуэте пирамиды (демографический спад). Затем, примерно через тридцать лет, приходит «эхо»: не рождаются дети, чьи родители погибли в катастрофах предыдущего поколения. Еще через поколение может прийти второе эхо – неродившиеся внуки тех, кто погиб шестьдесят лет назад, не оставив потомства. Иногда эхо одного тяжелого периода накладывает на новый демографический спад. Так получилось в 1990-х годах, когда второе эхо Великой Отечественной войны совпало с распадом СССР и его последствиями. Сегодня, через тридцать лет после этой великой социальной катастрофы, мы сталкиваемся с «двойным эхом» событий середины и конца прошлого столетия [1].

Вероятно, никогда еще в истории страны у нас не был так мал процент молодежи в диапазоне 15–25 лет. Вместо доброй половины общего населения страны молодежь составляет меньше 18%. Заметим, что демографический спад продолжается, так что в ближайшие годы молодежи станет меньше, чем пенсионеров. Молодые люди становятся редкостью. Из мощной социальной силы, которая сотрясала и двигала общество своей буйной энергией, молодежь превращается в скромное меньшинство, чьи интересы и запросы не так-то просто разглядеть. Голос молодежи тих и невнятен. Но тем важ-

нее выяснить, как относится эта категория населения к важным вопросам сегодняшнего и завтрашнего дня – в частности, к соотношению гения места и времени [2].

Мы провели эксперимент с целью проверки следующей гипотезы: многолетнее нарушение баланса между пространством и временем города исчерпало себя. Следующее за нами поколение уже мечтает о восстановлении равновесия.

Проверку рабочей гипотезы мы проводили в ходе глубокого комплексного интервью с группой студентов Новосибирского государственного педагогического университета. Численность группы составила 16 человек в возрасте 19–23 года, в основном женского пола (14:2). Участникам группы предложили написать небольшое эссе на тему «Мой будущий дом» по следующему набору вопросов:

1. Содержание жизни – это поток событий. Какие события происходят в вашем будущем доме? Какими переживаниями, встречами, действиями будет наполнен ваш дом? Что составляет содержание будничных, обычных дней вашего дома? Какими будут ваши домашние праздники?

2. Чем, на ваш взгляд, отличается жизнь в своем отдельном доме (усадебке, особняке) от жизни в квартире многоквартирного дома? Какие плюсы и минусы несет отдельное жилье? Если у вашего будущего дома есть прилегающий участок, что происходит на этой вашей земле? Насколько мнение соседей будет важно для вас, если вы будете жить в пригородном поселке? А если вы будете жить в многоквартирном доме в городе?

3. Как вы относитесь к присутствию виртуальной и/или совмещенной реальности в своем будущем доме? Какую роль будет играть виртуальная реальность в формировании облика вашего дома? Какая часть повседневной жизни в вашем доме будет происходить «в виртуале»? Может ли так получиться, что заработок не позволит вам жизнь в реальном особняке, но жизнь в виртуальном доме окажется дешевле? Если так и произойдет, какие изменения это может произвести в вашем сознании?

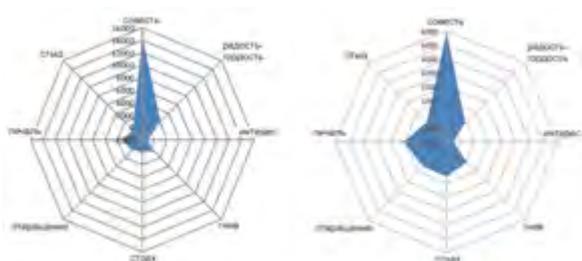
На втором этапе эксперимента те же вопросы мы обсудили в прямом диалоге. Беседа продолжалась два

Литература

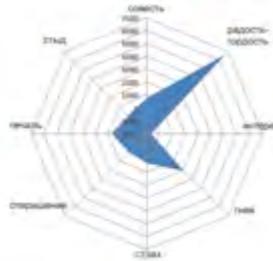
1. Национальный атлас России : в 4 т. / Сост. и подгот. к изд. ПКО «Картография» и Госцентром «Природа» в 2004 г. под общ. рук. Роскартографии; отв. ред.: Г. В. Поздняк; предс. редколл. А. В. Бородко. – Калининград : Сказ, 2008. – Т. 3 : Население Экономика. – 496 с.
2. Бурлина, Е. Я. Время в городе: темпоральная диагностика, хроноטיפы, молодежь: Монография / Е. Я. Бурлина, Л. Г. Иливицкая, Ю. А. Кузовенкова, Я. А. Голубинов, Н. В. Барабошина, Е. Я. Римон, Е. Ю. Шиллинг. – Самара : Изд-во Самарск. науч. центра РАН, 2012. – 112 с.
3. Лидин, К. Город-пациент. К исследованиям эмоциональной атмосферы городов // Проект Байкал. – 2011. – № 29–30. – 33–36.

References

- Burlina, E. Ya., Ilivitskaya, L. G., Kuzovenkova, Yu. A., Golubinov Ya. A., Baraboshina, N. V., Rimon, E. Ya., & Shilling, E. Yu. (2012). *Vremya v gorode: temporalnaya diagnostika, khronotipy, molodezh: Monografiya [Time in the city: temporal diagnostics, chronotypes, youth: Monograph]*. Samara: Publication House of Samara Scientific Centre of RAS.
- Lidin, K. (2011). The city as a patient. Examining the city emotional atmosphere. *Project Baikal*, 8(29-30), 33-36. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.29-30.313>
- Naselenie Ekonomika [Population Economy]. (2008). In G. V. Pozdnyak, & A. V. Borodko (eds.), *National Atlas of Russia: In 4 vols. compiled and prepared for publication by PKO "Cartography" and Goscentre "Nature" in 2004 under the general supervision of Roskartography (Vol. 3)*. Kaliningrad: Skaz.

^ Рис. 1. Эмоциональный спектр эссе (слева) и стенограммы круглого стола (справа) студентов НГПУ на тему «Мой будущий дом»

^ Рис. 2. Эмоциональный спектр стенограммы круглого стола молодыми иркутскими архитекторами на тему «Мой будущий дом»

часа и проходила онлайн (так как модератор находился в Болгарии, а участники – в Новосибирске).

По итогам анализа сочинений выявились следующие предпочтения:

- самый популярный вариант – это жизнь в уединенном месте, но недалеко от людей (50% респондентов);
- большинство предпочитает частный дом (62%), а не квартиру в многоквартирном доме (38%);
- значительное большинство хотело бы жить в просторном доме (88%), так как ориентировано на большую семью (56%).

Эмоциональное наполнение рассказов о своем будущем доме мы измеряли при помощи специализированной методики частотного контент-анализа. Об этом методе и программе, которая его реализует, мы уже писали ранее [3].

На рисунке (рис. 1) показан эмоциональный спектр массива текстов письменных сочинений и устных высказываний респондентов в ходе обсуждения. Из рисунков видно, что спектры практически полностью совпадают; это указывает на искренний и правдивый характер высказываний: студенты пишут и говорят о своем доме в одном и том же эмоциональном ключе.

Как видно из рисунков, в эмоциональном спектре решительно преобладают эмоции группы «совесть». Новосибирские студенты относятся к построению своего дома как к своему долгу и обязанности, как делу чести и элементу правильного образа жизни. Большой дом усадебного типа для большой семьи, но близко к центру города – вот идеал, соответствующий нормальному отношению к жилью.

Необычной деталью спектра является полное отсутствие эмоций группы «интерес». Образ своего дома не вызывает энтузиазма и воодушевления. Тем более, нет и следа трикстеровской иронии: дом – дело серьезное, в нем живут не для ехидства, а для совести.

Аналогичному анализу мы подвергли текст высказываний представителей иркутской молодежи. Круглый стол на тему «Мой будущий дом» был проведен весной 2023 года на базе Лаборатории урбанистики. В обсуждении участвовало шесть человек (двое юношей и четыре девушки) – молодых профессиональных архитекторов в возрасте около 25 лет. Расшифровка стенограммы круглого стола публикуется в этом номере ПБ. Эмоциональный спектр стенограммы показан на рисунке (рис. 2).

Общая форма спектра высказываний иркутской молодежи похожа на «новосибирский вариант», но максимум здесь приходится на группу эмоций «радость – гордость». Молодые иркутские архитекторы склонны воспринимать свой дом как признак жизненного успеха (хотя в ходе диалога они отрицали, что дом является знаком престижа). Здесь присутствует также и ведущая эмоциональная тема архетипа Трикстера – ирония, сарказм, ехидство. Место этой группы эмоций – между осями «интерес» и «гнев». Эмоции гневной группы присутствуют, хотя и в умеренном количестве (на уровне раздражения, недовольства), но группа «интерес» выражена слабее.

Заметим, что именно эмоции группы «интерес» в наибольшей степени соответствуют образу «быстрого города». Эмоции интереса, энтузиазма, возбуждения соответствуют максимальной интенсивности информационных потоков. Это образ предельно насыщенного событиями пространства-времени. Но по итогам нашего исследования складывается впечатление, что сибирская молодежь не стремится жить быстрее.

Ниже мы приводим сокращенную стенограмму иркутского Круглого стола. Из высказываний участников можно заметить, что и для них многие события городской жизни – это события природные. Не громыхающие яркие праздники, а птичье пение, шелест листвы, природный ландшафт за окнами с его сезонными переменами, контакты с соседями.

Круглый стол на тему «Мой будущий дом» прошел в редакции журнала «Проект Байкал» 28 февраля 2023 года. На обсуждение был предложен ряд вопросов, касающихся темы жилья: какое жилье воспринимается как наиболее комфортное, уютное и удобное. Были высказаны различные мнения, но общий знаменатель характеризует оптимальное жилье как такое место, где можно чувствовать себя надежно и спокойно в долгосрочной перспективе. В то же время молодые архитекторы продемонстрировали, что мобильность, возможность менять место и образ жизни также представляет для них высокую ценность. В целом можно сказать, что наиболее желательным состоянием является баланс между стабильностью и мобильностью без необходимости выбирать что-либо одно.

Ключевые слова: архитектура; жилье; молодежь; мобильность; стабильность; баланс; круглый стол. /

A roundtable discussion on the topic “My future home” was held in the editorial office of Project Baikal on February 28, 2023. A number of issues related to the topic of housing were proposed for the discussion: what housing is perceived as the most comfortable, cozy and convenient. Various opinions have been expressed, but the common denominator characterizes optimal housing as a place where you can feel safe and secure in the long term. At the same time, young architects have demonstrated that mobility, the ability to change their place and lifestyle is also of high value to them. In general, it can be said that the most desirable state is a balance between stability and mobility without having to choose either one.

Keywords: architecture; housing; youth; mobility; stability; balance; round table.

Дискуссионный клуб пб «МОЙ БУДУЩИЙ ДОМ» / PB Discussion Club “MY FUTURE HOME”

текст

Екатерина Гладкова
ИРНТУ

Елена Григорьева
РААСН

Павел Дорофеев
Сибирская лаборатория
урбанистики

Валентина Казакова
Сибирская лаборатория
урбанистики

Константин Лидин
Федерация «Союз соотечественников», София,
Болгария

Станислав Соколов
Сибирская лаборатория
урбанистики

Анастасия Холявко
Сибирская лаборатория
урбанистики

text

Ekaterina Gladkova
INRTU

Elena Grigoryeva
RAACS

Pavel Dorofeev
Siberian Laboratory of
Urbanistics

Valentina Kazakova
Siberian Laboratory of
Urbanistics

Konstantin Lidin
Federation of Fellow Citizens (Sofia, Bulgaria)

Stanislav Sokolov
Siberian Laboratory of
Urbanistics

Anastasia Kholiyavko
Siberian Laboratory of
Urbanistics

Елена Григорьева В прошлом году пб в первый раз провел экспериментальную дискуссию по городской среде, пригласив к обсуждению молодых архитекторов – выпускников Иркутского национального исследовательского технического университета, уже имеющих практический опыт работы в профессии и существенные достижения. Считая опыт удачным, мы с Константином Львовичем для обсуждения темы жилья и образа жизни решили позвать для разговора прогрессивную молодежь – тех, кто сейчас присматривает себе квартиру, обустраивает ее, планирует самостоятельную жизнь в новом жилище. Слово модератору.

Константин Лидин Чем вызвана такая тема: жилье, планы и надежды на жилье? Как и во многих других областях, здесь наблюдается довольно тяжелый кризис. Я живу в Восточной Европе, и здесь цены на использование городской инфраструктуры уже совершенно бешеные. Еще недавно, лет 10–15 назад, когда мы начинали здесь жить, они составляли 30–40% от месячного дохода. Сейчас – 70–80%. Если сплусовать все, что мы платим за то, что живем в городе – аренда жилья, отопление, электричество, вода, общественный транспорт – все это вместе пожирает большую часть наших доходов.

Причем неважно, какой это уровень доходов. Люди с доходами выше среднего в основном живут в престижных локальных кварталах, но там и оплата выше. И процесс роста цен на жилье, похоже, глобальный.

В результате возникает вопрос: может быть, мы вообще напрасно живем в городах? Жизнь в городе становится все более дорогой и обрастает все большим количеством проблем и сложностей. Я буквально сегодня беседовал с другом, который живет в Голландии. У них вторую неделю бастуют мусорщики, и по многим улицам просто уже нельзя пройти. Там сплошной слой мусора, полтора – два метра. Пару лет назад похожая ситуация была в Милане, в Италии. Городская инфраструктура сегодня очень хрупкая и уязвимая, расходы растут, а надежность снижается. Может быть, мы забрели в какой-то тупик? Соответственно, вопрос: как мы будем жить дальше? И на что мы можем надеяться в плане жилища?

Валентина Казакова Вот и я хотела бы начать с такой всем известной цитаты «мой дом – моя крепость», и для меня дом – это то место, где ты чувствуешь себя защищено, спокойно и гармонично. И когда ты являешься собственником, ты знаешь, что и завтра, и через неделю, через месяц ты будешь жить здесь. Ты можешь обустраивать жилье в соответствии со своими предпочтениями, со своим характером и мировоззрением; в итоге каждый уголок твоего дома будет отражать тебя, твою жизнь и твой характер.

Например, я мечтаю, чтобы в будущем доме у меня была такая большая комната, зеркальная, где я могла бы танцевать. А мой муж часто рисует в воображении свою мастерскую, где он мог бы писать картины или даже смастерить стул.

Таким образом, дом – не просто что-то материальное. Это пространство для души, где тебе всегда хорошо. И для меня настоящий дом – это как с любовью сотканное одеяло, которое состоит из множества деталей, тщательно подобранных. И каждая деталь отражает тебя, твою историю, твои путешествия и твое общение с миром. Дом наполнен твоей энергией и энергией людей, которых ты приглашаешь в свой дом. Из этого складывается теплая атмосфера, аура, пространство, куда ты хочешь возвращаться.

В то же время мне кажется, что арендованное жилье – что-то непостоянное. Договор всегда можно расторгнуть, и ты постоянно как бы в подвешенном состоянии. Правда, я сама никогда не жила в арендованном жилье. Даже когда я сильно хотела жить отдельно от родителей, я не решилась переехать в арендованное жилье.

Мне кажется, что особенно для творческого человека очень важно, чтобы жилье помогало, чтобы оно выглядело определенным образом. А это не всегда возможно – подобрать такое жилье, чтобы оно соответствовало такому образу, чтобы каждый уголок тебя устраивал. Это может быть слишком дорого или просто невозможно из-за особенностей квартиры и ее хозяев. Ты никогда не знаешь, сколько ты проживешь в этом жилье. Ты можешь вкладывать в него душу, но в один момент тебе могут сказать: извините, но вам нужно съехать. И тебе придется снова создавать свое личное пространство,

вкладывать в него душу, но ты не будешь знать, сколько это продлится. Конечно, люди все разные. Сейчас многие выбирают более мобильный образ жизни, чтобы не привязываться к каким-то материальным ценностям. Но для меня очень важно ощущение своего дома, куда я возвращаюсь просто потому, что там всегда тепло и хорошо.

В вопросе было еще насчет престижа. Я считаю, что это совсем неважно. Престижным может быть и свой дом, и квартира где-нибудь в центре города. Но все-таки важно, чтобы человек чувствовал себя комфортно. Надо, чтобы дом соответствовал его потребностям, особенностям, желаниям; это главное.

Самое главное – чувствовать себя счастливым в этом пространстве. И неважно, насколько это престижно.

Анастасия Холявко Очень важные слова Валя нам сказала в принципе: дом – это место, куда хочется возвращаться, где ты будешь физически и морально отдыхать душой. Но для меня еще один из факторов важен – это, конечно же, финансовая сторона. У творческих людей, у архитекторов очень высокие запросы на эстетическую составляющую. Мы смотрим не только на то, как обустроена квартира, но и в каком доме она находится. Обустройство вокруг дома: какой район, шаговая доступность услуг, парковка и так далее. Если ты уже семейный человек, то ты думаешь и о социальной обеспеченности. Садик, школа, поликлиника и так далее; и все это стоит достаточно дорого. Если все это платное, как в арендованном жилье, то иногда становится просто неподъемным. В такой ситуации ипотека, по факту, дает больше свободы, чем съем жилья.

Может быть, здесь влияет сложившееся мнение поколения наших родителей, что обязательно нужно иметь какую-то свою жилплощадь, но я тоже придерживаюсь этого мнения – как раз стремлюсь к тому, чтобы начинать приобретать свое жилье; для меня это фундамент постоянства.

Станислав Соколов Для меня лично это вопрос, скажем так, жизненного опыта. Времена теперь такие, что человек может посмотреть целый мир на экране своего телефона. Естественно, возникает интерес – увидеть, попробовать, попутешествовать, пожить в разных местах. Мы можем позволить себе подвигаться по миру, посмотреть вокруг себя шире, и хочется этим воспользоваться. На этом этапе обычно ценнее быть более мобильным.

Конечно, очевидны недостатки арендного жилья, вся серьезность которых, наверное, зависит от условий рынка: по совокупности факторов у арендного жилья очень много неизвестных. Тут может случиться много стресса. И с возрастом этот стресс все меньше хочется испытывать.

Лично для меня это вопрос жизненной позиции. Пока что для меня приоритетнее мобильность, но, возможно, попозже, в старости, более предпочтительным станет собственное жилье. Этот выбор находится на пересечении многих факторов – экономических, личных, даже политических.

КЛ Хорошо. Но теперь, прежде чем передать слово дальше, я бы хотел уточнить вопрос. Вот у нас уже третий выступающий говорит о том, что своя квартира – это ощущение надежности, стабильности. Но ведь собственность еще и уязвимость. Всегда может найтись кто-то, кто захочет у вас вашу собственность отнять. Если у вас нет квартиры, то у вас ее никто и не отнимет.

Насколько вы себя чувствуете защищенными со стороны права, закона? Здесь, на Западе сейчас есть масса способов потерять свою собственность. Буквально: вы задолжали за горячую воду, и у вас могут отнять

жилье. И встает вопрос: в каком случае вы себя чувствуете в большей безопасности? Давайте попробуем понять – откуда берется ощущение, что свое жилье – это обязательно стабильность, надежность и защищенность? Всегда ли это ощущение оправдано?

Екатерина Гладкова Я ничего страшного в арендованном жилье не вижу в принципе. Я сейчас живу в арендованном жилье, и мне ничто не мешает его обустроить, как я захочу. И в случае переезда все, что мне надо, я смогу забрать с собой.

Действительно, многое зависит от законодательной базы, потому что я сейчас арендую жилье в Германии, и здесь съемщик больше защищен, чем арендодатель. Выселить съемщика достаточно сложно, особенно если он регулярно платит аренду.

Зато для меня существенно расстояние от дома до работы. Мне удобнее в случае изменения этого расстояния переехать куда-то ближе к работе. Совсем не хочется каждый день тратить целый час на дорогу из пригорода, из своего дома. В этом нет особого смысла, как мне кажется.

Свое жилище может иметь смысл разве что как вложение средств, как долговременная инвестиция. Но, как уже сказали, надо быть уверенным, что у тебя его не отнимут, не отберут.

Если я пытаюсь представить себе такую ситуацию, чтобы свое жилье превратилось в жизненную цель, то это могут быть свои дети. Когда обзаводишься семьей и детьми, наверное, оседлый образ жизни благотворно сказывается на воспитании. Но, пока детей нет, мобильность дороже.

Павел Дорофеев Я, наверное, расскажу про свой опыт. Во время стажировки во Франции я жил в общежитии, и недавно еще был опыт в Монголии, я там три месяца жил на съемной квартире. И в какой-то момент поймал себя на мысли, что мне оттуда не хотелось даже уезжать. Это временное жилье, я им так проникся, оно просто стало местом, где я живу. После возвращения еще оставалось ощущение, что я на самом деле в гостях, а мой настоящий дом остался где-то там. Человек сильнее пространства, и оно может меняться вместе с ним.

Говорят, что автомобиль не роскошь, а средство передвижения. Вот и недвижимость – это, по сути, не какой-то там знак престижа, а пространство для жизни. Меня немного удивляют и часто заставляют грустить люди, которые обладают недвижимостью и ужасно этим гордятся. А что, больше совсем нечего про себя сказать?

Еще я хотел бы сказать, что давно наблюдаю за рынком жилья, и мне кажется, планировки совсем не меняются. Они ориентированы на какого-то усредненного и безликого потребителя. Сложно понять, почему это происходит, но мне бы хотелось, чтобы жилые пространства развивались и были более разнообразными, трансформировались, были удобными для разных людей.

И еще: мне кажется важным, чтобы уже сегодня в плане новых планировок предусматривались какие-то общие пространства, которым бы пользовались жильцы, вообще люди. Уже сегодня люди многое делают совместно – покупают, пользуются какими-то приборами. Жаль, что пока это в планировках не сильно выражается.

КЛ Немножко поправлю, потому что это уже есть, называется «колинвинг». Например, когда я жил в Германии, в нашем подъезде было три квартиры и одна стиральная машина. Жильцы из трех квартир вместе купили большую промышленного типа стиральную машину, установили в цокольном этаже и по расписанию там стирают. Я знал несколько семей, у которых таким же образом была

машина в совместном пользовании. Это сейчас активно обсуждается в архитектурном сообществе.

ЕГ Сделаю маленькую врезку. Буквально вчера на открытии Зимника прозвучала такая статистика. За прошлый год ввод жилья в эксплуатацию в Иркутской области на три четверти состоял из ИЖС, индивидуального жилищного строительства, и только четверть пришлось на многоквартирные дома. Таким образом, практика показывает, что именно собственный дом, скорее всего за городом, а не квартира становится наиболее привлекательным и наиболее доступным жильем. Такая вот информация к размышлению.

АХ Много, конечно, зависит от того, каков уровень доходов и какие у тебя самого запросы. Потому что на данный момент построить дом, даже с нуля, может быть дешевле и выгоднее, чем покупать квартиру. Сейчас у нас в Иркутске в среднем квадратный метр стоит где-то 130, даже 150 тысяч рублей в зависимости от того, какой район, какое жилье. Ну, если мы берем более-менее хорошие условия, то такой ценник. Однокомнатная квартира от застройщика может стоить 6–7 миллионов, буквально 42 квадратных метра. За такие деньги можно спокойно за городом построить дом с нуля, потому что стоимость плюс ипотека с пониженной ставкой, так как дом за пределами черты города находится. И это выгоднее, люди идут именно как раз на строительство домов, потому что больше объем квадратуры, свой участок там может быть, маленький огородик получится, даже если брать до 10 соток, то все равно есть лучшие возможности.

Но ты не сможешь дом построить в одиночку, особенно если ты девушка. Лучше уже иметь семью.

Далее, мы говорим про обслуживание. Тут у меня сразу простой конкретный вопрос: как убирать снег? Потому что здесь ты сам себе управляющая компания, и надо следить за участком. Нужен забор по периметру, и желательно, конечно, не профлист. В общем, имея свой дом, постоянно нужно вкладывать деньги. С одной стороны, за 5–6 миллионов ты сможешь себе построить дом 100 квадратов – может быть, одноэтажный с мансардой, может, даже на двухэтажный хватит. Но ты потом постоянно проживаешь в этом доме и должен каждый год вкладывать, что-то делать, доделывать, где-то переделывать. Плюс еще коммуникации: есть ли они, заведены в СНТ или нет. И вот такая постоянная движуха происходит.

С другой стороны, свой дом – это и защищенность в плане здоровья, и свежий воздух. На мой взгляд, конечно, идеальная картинка – иметь квартиру в городе поближе к центру, к университетам, чтобы в будущем было где жить ребенку, когда он будет учиться. А основное время проживать за городом, в доме. Само собой, нужны еще две машины – у мужа и у жены, так как это независимость в передвижении, мобильность. Все очень индивидуально, потому что есть куча примеров у знакомых, которые купили дом или купили участок, начали строиться – и до сих пор не могут закончить, потому что проект требует очень больших вложений. Или размахнулись на 150 квадратов, не понимая объемов – и тоже не могут довести стройку до конца, хотя могли бы давно, например, купить себе квартиру и съехать от родителей, жить там отдельно. В общем, есть плюсы и минусы.

Екатерина Г Если говорить про отличия своего дома от квартиры, мне кажется, что отличие значительное и фундаментальное. Многоквартирный дом – это социум, где ты всегда окружен людьми, ты всегда их слышишь. Тут еще, конечно, вопрос звукоизоляции: часто она не очень хороша в многоквартирных домах. И ты зависишь от людей, которые тебя окружают, это я уже говорю как собственник квартиры в новостройке.

Очень часто соседи решают делать ремонт с утра до вечера, и ты вынужден уходить из дома, потому что очень тяжело находиться целый день в таком «озвученном» пространстве. Когда ты живешь в своем доме, ты более свободен, ты сам решаешь, чем заняться. В большинстве случаев тебе никто не мешает.

В своем доме, конечно, больше взаимодействуешь с природой, можешь каждый день завтракать на улице, там под сенью сосны наблюдать за новыми всходами на своем огороде.

Когда живешь в многоквартирном доме, опять же ты свободен в выборе: можешь пойти в любое кафе, особенно если живешь в каком-то оживленном районе, где развитая инфраструктура. После кафе можешь пойти погулять на набережную или в благоустроенный парк, у тебя больше вариантов для досуга. Можешь сходить в кино, в музей, встретиться с друзьями гораздо проще. Явно вы будете встречаться гораздо чаще. Большой вопрос – социальная инфраструктура. Часто, если проживаешь в частном доме, то все гораздо дальше, сложнее; если у тебя есть дети, а если еще не один ребенок, такие вопросы на первом месте. И мне кажется, что это просто вопрос какого-то жизненного этапа. Например, я бы очень хотела иметь свой дом. У меня в голове есть уже готовая картинка, как будет выглядеть этот дом, где он будет находиться – не в какой стране, а что его будет окружать. И просто придет время, когда я смогу себе это позволить, когда наша семья будет к этому готова. Очень важно делать все в тот период, когда это будет комфортно. На данном этапе я проживаю в многоквартирном доме. Мне комфортно: я могу пешком дойти до работы, до спортивного зала, до кафе, даже в моем доме есть кафе, салоны красоты... Но в будущем, когда у меня будет большая семья, я, конечно, хотела бы иметь свой дом с прекрасными видами вокруг, который всегда будет полон гостей.

СС А почему у нас получается полярный выбор – либо квартира, либо дом? Есть же множество всяких переходных способов жилья – таунхаусы, блокированные дома. И потом, конкретный образ жизни зависит от того, в каком городе живешь, в каком районе. Даже передвигаться по городу можно не только на машине, а на велосипеде, самокате электрическом, с коляской для ребенка...

Свой дом лучше с точки зрения экологии, но есть же такие города, где воздух свежий, вода чистая, шум в каких-то допустимых пределах. В общем, пока есть высокая потребность в общении, чтобы был плотный поток событий – надо жить в городе. Все-таки удаленное общение – это что-то неполноценное. Скайп не заменяет живое общение. Тогда городская квартира или какой-то переходной формы жилье предпочтительнее.

ПД Я согласен, что существует такая возможность – жить недалеко от центра города, но в формате индивидуального жилья. Я как раз живу в таком новом районе в Иркутске, он называется Березовый,строен трехэтажными домами, и мне тут многое нравится. Действительно, можно открыть окно и послушать, как птички поют, особенно если работаешь из дома. Мне бы хотелось именно так видеть будущее городов.

Правда, тут я вижу еще одну проблему совместного проживания в таких поселках или вообще в общем пространстве. Такому образу жизни надо учиться, он сам собой не получится. Пока что у нас люди не готовы учиться совместной жизни. Мне кажется, об этом пока рано говорить.

АХ Да, есть мысль насчет трансформируемого жилья. Это была, кстати, тема моего первого диплома. Я хочу сказать о жизненном цикле. Сначала ты живешь один, и тебе достаточно 40–45 квадратных метров для ком-

форта. Вдвоем уже требуется площади больше – очень востребованный тип квартиры, «евро-однушка», как у нас модно сейчас называть. Потом появляется ребенок или даже несколько, и тут многие начинают задумываться о своем доме. Но жизнь все равно идет. Дети вырастают, из дома уходят, и получается, что вы остаетесь снова вдвоем; в конечном счете, зачастую человек потом остается опять один. Проходит жизненный цикл и возвращается в исходную точку. И большая площадь уже становится невостребованной, ее тяжело обслуживать из-за возраста, объемов, в силу занятости. Мне кажется, тут помогло бы развитие арендного жилья в плане домов. Пусть у тебя будет своя квартира минимальных размеров, на одного-двух человек. Но пусть будет возможность всегда снимать дом нужных размеров на длительный срок. Договор на пять лет и дольше. Чтобы был выбор съемного жилья с различными вариантами планировок, в соответствии с течением цикла жизни человека.

КЛ Да, трансформируемое жилье. Идея не очень революционная, но незаслуженно забытая. Может быть, вам как молодым архитекторам, предстоит такое жилье проектировать. Сначала просто дом, а когда дети подрастут, к нему пристроили крыло, а еще через двадцать лет – дети живут отдельно, а крыло уже обветшало, его можно спокойно сносить.

ЕГ Если говорить о трансформируемом жилье, то как раз загородный дом предполагает свое развитие в пространстве, в пределах того участка, который сейчас, слава богу, не в 6 соток, а больше. И мы видим огромное количество примеров. Вот я сейчас как раз живу в субурбии и вижу эту вернакулярную архитектуру. Прямо видно, как был один дом, потом – как сбоку пристраивалась новая часть, с другой стороны – третья очередь... Конечно, о качестве архитектуры тут говорить сложно. Но традиция такая существовала и продолжает существовать.

КЛ А теперь давайте поговорим о людях. Представим себе дом как оболочку вокруг того, что происходит между людьми. Каких людей вы хотели бы видеть в своем доме, чем они там будут заниматься и как дом будет им помогать в этом?

АХ Когда я думаю о людях, соседях, у меня первым делом возникает вопрос – как бы от них изолировать. Я человек, который любит слушать музыку громко и даже подпевать в полный голос, мне не хочется, чтобы я мешала кому-то и чтобы тебе кто-то мешал своими звуками. Звукоизоляция сейчас для меня важна. Я живу в панельном доме, и когда там человек громко чихает, ты можешь сказать ему: «Будь здоров!», и он тебе скажет в ответ – «Спасибо!». Или, например, ты слышишь голубей на чердаке, как они там воркуют.

У кого-то дети плачут сами по себе или из-за того, что на них родители очень сильно кричат. Это тоже сказывается. Ты, например, удаленно работаешь или болеешь, или отдыхаешь, а у тебя за стеной или под той же крики, вопли; поэтому существуют очень важные моменты, которые влияют на качество твоей жизни.

В новостройке можно договориться и сделать хорошую звукоизоляцию по перекрытию. Есть ты делаешь изоляцию пола и потолка, а сосед сверху тоже так делает, получается хорошая капсула, где вы не будете друг другу мешать. Хочется проводить семейные праздники, потому что это же дом, свой очаг, и хочется иногда собирать гостей, друзей, родных, чтоб проводить вместе праздники – всевозможные, по поводу и без.

ЕГ Сейчас вышел новый федеральный закон о шуме – там четко регулируется допустимый уровень шума. В новостройках эти границы несколько шире по понятным причинам, но в целом закон достаточно строгий. Причем

это не региональный, а именно федеральный закон. Так что есть надежда, что ситуация будет улучшаться.

СС Я считаю, что в моем доме будут находиться только самые близкие люди – члены семьи, жена, дети. Друзей мы будем приглашать, но немногих, так что для этого хватит гостиной, пусть будет десять квадратных метров. Если компания будет собираться в большем количестве, то лучше тогда где-то в кафе, во двореке. В кондоминиуме могут быть террасы, плоская кровля. Но мое жилище – в основном место для уединения.

Екатерина Г Я считаю, что вопрос, кто будет находиться в моем доме – вопрос доверия. Конечно, хорошо, когда соседям можно доверять, когда они – люди близкие по культуре, воспитанные. Но это не всегда так. В общем, хорошие соседи – такие, которые не мешают.

ПД Вы знаете, у нас в подъезде люди как-то уже взаимодействуют. Вместе следят за состоянием парковки возле подъезда. Есть у нас один жилец, такой бодрый пенсионер. Он совершенно добровольно чистит снег зимой на всей парковке. Многие жильцы держат комнатные растения на лестничных площадках, это, конечно, уютно. Я думаю, что такую практику можно было бы расширять. Например, на чердаке мог бы разместиться зимний сад, у каждого жильца – своя грядка. В подвале можно было бы поместить баню, сауну по финскому опыту, спортивные снаряды. Я думаю, тут инициатива может исходить как раз от архитекторов.

СС Понятие жилья выходит за пределы квартиры. Часть процесса жизни, которая требует уединения, действительно проходит в квартире. Но встречи, коворкинги, хобби – многое может проходить за ее пределами. Общественные пространства берут на себя часть функций жилья. Нам нужно будет учиться такому образу жизни, он пока что непривычно выглядит. Но, наверное, это и есть будущее нашего жилья.

КЛ Наше время закончилось, и я благодарю всех участников за искренние и интересные высказывания. Вряд ли можно сказать, что мы готовы создать какой-то итоговый документ, но такой цели у нас и не было. Мы услышали разные мнения, и я надеюсь, что обсуждение поможет появлению новых идей и новых проектов. Мы все хотим жить в уютном, комфортном и здоровом доме. Но что конкретно означают эти хорошие слова и как двигаться к этому идеалу? Сегодняшний разговор, я думаю, помог это выяснить. Еще раз спасибо всем участникам и надеюсь, что такие круглые столы у нас будут происходить регулярно.

Небольшое послесловие двух круглых столов. Поиски равновесия – самая трудная задача в любой области. К сожалению, всегда велико искушение выбрать что-то одно, «самое главное» и пожертвовать ему все остальное. Гений Места-И-Времени, в котором слились бы напряженные ритмы техногенной среды и тихое обаяние природных ландшафтов, разные масштабы событий – от глобального до личного – такое универсальное состояние архитектуры редко и кратковременно. Тем не менее мы должны признать: это возможно. Именно сейчас, когда мейнстрим утратил свою монолитность и его единый поток распался на множество ручьев и речек, когда Дух времени слабеет, а Гений места напоминает о своих правах – сейчас самый подходящий момент для поисков такого баланса. Может быть, гений Места-И-Времени поможет нам увидеть, оценить и использовать все стороны и все возможности многовекторной сбалансированной архитектуры.

Стиль брутализм (необрутализм) опирается на эстетику и этику честности и прямой, неприкрашенной демонстрации свойств строительного материала. Первоначально таким материалом был бетон, но позже в палитру бруталистов вошел кирпич, стекло и металл. В последнее время в связи с удорожанием всех строительных материалов и работ быстро растет интерес к древесине. Дерево в качестве строительного материала обладает целым рядом уникальных качеств, придающих жилью особо комфортные и здоровые свойства (салютогенность). Для этого дерево должно иметь непосредственный контакт с атмосферой. Композитные материалы, содержащие древесину в матрице связующего, теряют особые свойства дерева.

Ключевые слова: архитектура; необрутализм; древесина; жилое домостроение; салютогенный дизайн. /

The brutalism (neo brutalism) style is based on the aesthetics and ethics of honesty and a direct, unvarnished demonstration of the properties of the building material. Initially, concrete was such a material, but later brick, glass and metal entered the brutalist palette. Recently, due to the rise in the cost of all construction materials and works, interest in wood has been growing rapidly. Wood as a building material has a number of unique qualities that give housing particularly comfortable and healthy properties (salutogenicity). To do this, wood must have direct contact with the atmosphere. Composite materials containing wood in the binder matrix lose the special properties of wood.

Keywords: architecture; neo brutalism; timber; residential housing; salutogenic design.

Деревянный брутализм / Wooden brutalism

текст

Алексей Буйнов

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет /

text

Alexei Buinov

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Название стиля «брутализм» происходит от французского *béton brut* – «необработанный бетон». После своего возникновения брутализм довольно долго считался «бетонным стилем», в котором шершавая, серая поверхность бетона со следами опалубки является неотъемлемым элементом специфической эстетики. Райнер Бзнем в 1966 году объявил необрутализм не просто стилем, но некоей этической системой, в основе которой лежит прямота и честность [1]. Функциональность брутализма носит бескомпромиссный характер: недопустимы никакое украшательство, никакая декоративность, кроме сложного ритма объемов. Зато смелость и сложность объемно-пространственных решений носит крайний, неограниченный характер. Четкие, угловатые формы брутализма однозначно тяготеют к эстетике и этике города, стиль предельно урбанистичен. В то же время, в отличие от деконструктивизма, который также возникает внутри зрелого модернизма на фоне уходящего «корбузианства», брутализм уважительно и бережно относится к кани города. Если деконструктивистские здания прогибают и разрывают городскую среду, то брутализм предпочитает этого не делать [2].

Возникнув как течение, новый брутализм быстро развивался и смело перешагивал через первоначальные рамки. Уже британский необрутализм Элисон и Питера Смитсон отошел от монополии бетона и начал использовать кирпич. Одновременно расширение палитры материалов в рамках стиля происходит в своеобразном, но слабо изученном явлении «сибирского брутализма» – иркутской школы Павлова. Красный кирпич здесь используется изобретательно и эффективно при сохранении этических и эстетических принципов брутализма [3].

Следующий логичный шаг в развитии стиля заключается в дальнейшем расширении гаммы строительных материалов, а именно – во включении в палитру древесины.

Натуральное дерево обладает рядом свойств, которые мы позитивно воспринимаем на подсознательном уровне. Теплые оттенки естественного цвета дерева создают состояние внутреннего покоя, а древесный аромат ощутимо повышает настроение и тонус. Это единственный строительный материал, к которому в полной мере применим термин «живой». Именно с этим понятием напрямую

связывают ряд оздоравливающих эффектов, которыми обладает дерево: оно не только значительно улучшает микроклимат в доме, но и способно поддерживать оптимальный уровень влажности за счет своих природных свойств (ведь дерево – материал гигроскопичный). Стены из древесины способны самостоятельно регулировать влажность воздуха, поглощая излишнюю влагу и отдавая ее при необходимости. Кроме того, дерево «дышит», оно проницаемо для кислорода и водяных паров, что обеспечивает постоянное наличие свежего воздуха в доме, а отдельные сорта древесины выделяют в воздух эфирные масла, которые убивают опасные микроорганизмы. Дерево крайне редко вызывает аллергию, зато способствует снижению провоцирующего действия многих видов городской грязи. Каждый, кто жил в деревянном доме (хотя бы недолго), согласится: древесина способна создать такое ощущение здоровой и комфортной среды интерьера, как ни один другой строительный материал.

По экологическим показателям с деревом также не может конкурировать ни один другой материал: оно само по себе продукт природный и даже после обработки не наносит окружающей среде никакого ущерба. У дерева отрицательный углеродный след, лес активно поглощает парниковые газы и прочие загрязнения, он представляет собой сложную экосистему с огромным разнообразием видов и т. д.

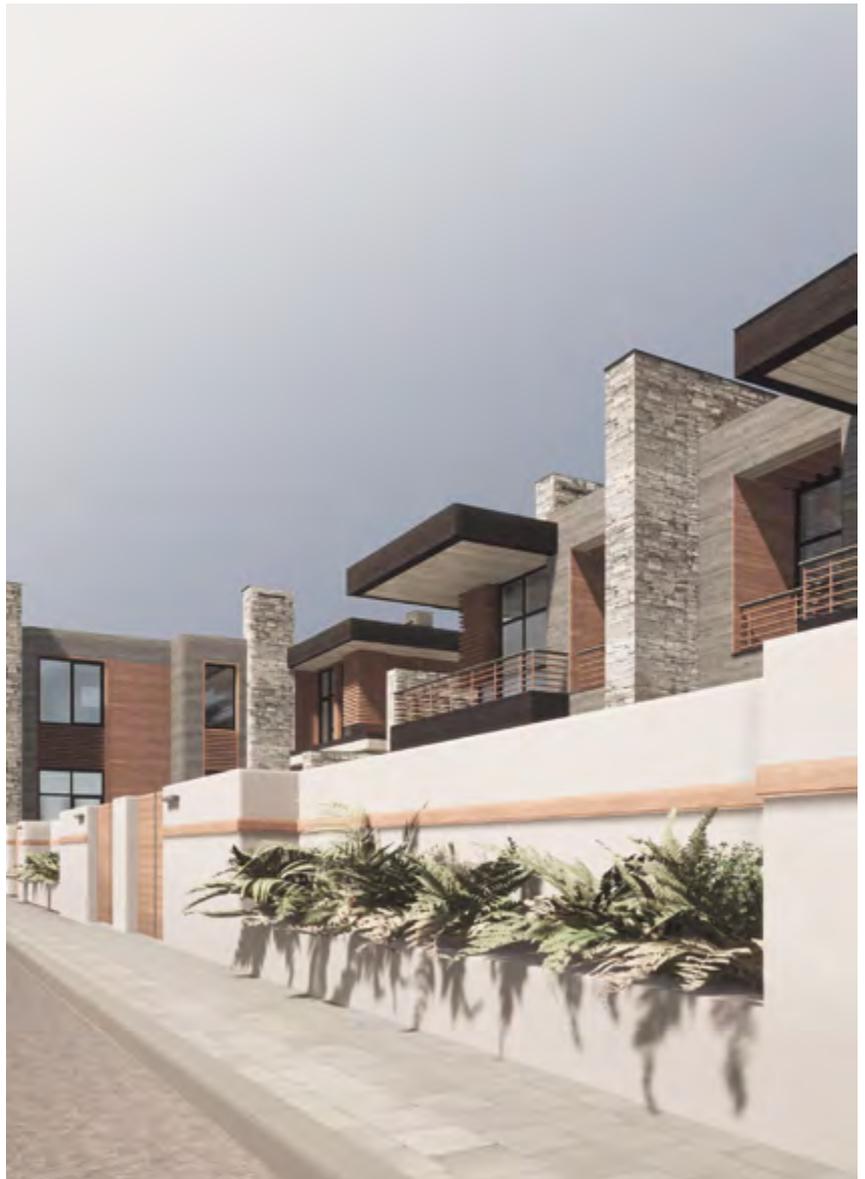
В конструктивном плане древесина также имеет ряд уникальных преимуществ. У дерева оптимальное соотношение прочности на сжатие и изгиб. В результате деревянная постройка обладает прекрасной стойкостью к нагрузкам (в том числе сейсмическим) и хорошо выдерживает колебания грунта по сравнению с каменными и железобетонными постройками.

В сравнении с бетоном, кирпичом или тем более камнем плотность у дерева очень невысока. За счет своей пористой структуры дерево обеспечивает небольшую массу строения, относительную легкость монтажа и прекрасные теплоизолирующие свойства.

Подводя итог перечислению положительных качеств деревянных (прежде всего жилых) зданий следует сказать, что при грамотном и профессиональном исполнении такие постройки всегда являются модными и престижными

< v Блокированный дом с деревянными несущими конструкциями ООО ПТАМ «Студия 7». Авторский коллектив: Алексей Буйнов, Татьяна Котченко, Мария Серегина

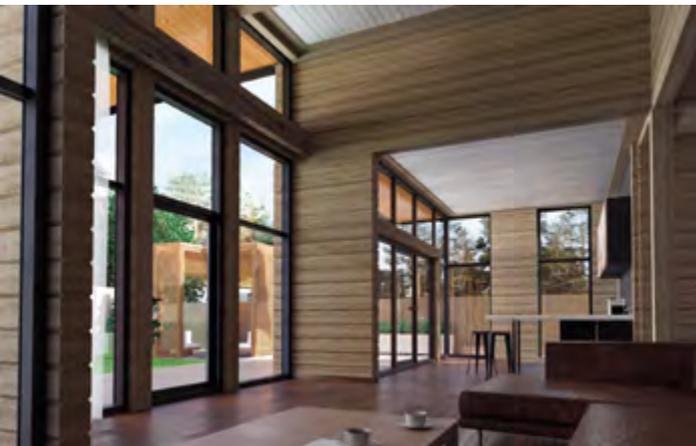
ми. Понятие уюта также неразрывно связано с деревянными жилыми домами.

Однако здесь возникает важный вопрос, который интересен некоей своей парадоксальностью: а что мы, собственно, называем деревянным домом? Ведь всё вышеперечисленное в полной мере относится только к домам, созданным из «цельнодеревянных» элементов. Нет, никто не говорит о том, что из конструктивного решения здания должны быть полностью исключены металлические, железобетонные, каменные, композитные, пластиковые и прочие элементы. Но ведь и большинство деревоклееных, а тем более прессованных материалов нельзя в полной мере считать деревянными. Обладает ли композитный материал, в котором измельченная древесина замурована в матрицу из синтетической смолы, цемента или магнезиального связующего, свойствами дерева? Где располагается грань, отделяющая дерево от деревосодержащих композитов?

Однозначного и научно обоснованного ответа нет. Нужна грамотная оценочно-аналитическая система, которая даст ответ на вопрос, с каким же, собственно, объектом мы имеем дело. Но, повторимся, непреложным фактором остается то, что понятию «деревянный дом» обязательно сопутствуют чувство дерева, совершенно определенные тактильные ощущения, гамма запахов и, если хотите, определенная аура. То есть как минимум внутри и снаружи (зона непосредственного «общения» объекта с человеком) здание должно быть выполнено в основном из деревянных элементов. При этом сложная, пористая и волокнистая структура древесины не должна быть изолирована от атмосферы ни каким-либо связующим, ни покровным материалом.

Поиск решений в сфере «деревянного брутализма» ведется во многих регионах мира, особенно там, где дерево доступно по цене. Интересные решения возникают и обсуждаются в Бразилии и Мексике, во многих странах

Юго-Восточной Азии реализуются проекты на основе традиционных домостроительных технологий с использованием бамбука и т. д. И во всех случаях экономика вопроса играет весьма существенную роль.

«Бюджетность» деревянных жилых домов – проблема непростая. Два года назад финансовый институт развития в жилищной сфере России АО «Дом. рф» проводил открытый всероссийский конкурс на разработку типовых проектов жилых домов и социально-культурных объектов с использованием деревянных несущих строительных конструкций и других материалов. За небольшой временной отрезок конкурса (несколько месяцев) цена на изделия из древесины поднялась настолько, что участникам оказалось весьма затруднительно «уложиться» в ценовые показатели, заложенные организаторами.

Заметим, правда, что стоимость строительства из любого материала сегодня растет такими темпами, которые опережают инфляцию и рост цен в других сферах. Так, в странах Евросоюза за последние пятнадцать лет цена строительства выросла в полтора раза, в США она также растет на 10% в год [4]. Весь комплекс домостроительной сферы дорожает с большой скоростью. На этом фоне деревянный дом быстро теряет свой статус дорого и элитного жилья и выглядит все более привлекательно и с экономической точки зрения.

Рост экономической целесообразности деревянного домостроения неизбежно поставит вопрос о расширении стилистической гаммы. Кроме ясных и прямолинейных форм брутализма начнут возвращаться приемы деревянного классицизма XVIII века, деревянного барокко XIX века и даже стилистика Абрамцевского кружка и русский модерн. Разумеется, эти стили, кроме глубокого понимания конструктивных свойств древесины, потребуют заново выучить технологии производства декоративных деталей, вспомнить подробности работы с различными сортами дерева и т. д. Развитие деревянного домостроения во всем объеме и многообразии возможностей этого замечательного материала осуществимо только на глубоком фундаменте восстановления традиций, разработки новых и новейших технологий и сильной системы подготовки архитекторов, владеющих спецификой дерева. Но мы глубоко убеждены, что все это не только вероятно,

но и неизбежно. Есть все основания утверждать, что в условиях близости сырьевой базы и при наличии предприятий деревообрабатывающего комплекса, использующих современные технологии, квалифицированного кадрового состава и проч. (причем всё в одном месте) строительство бюджетных деревянных домов вполне возможно. И может случиться, что деревянный брутализм, а с ним и другие стили станут важным (важнейшим?) направлением развития домостроения в лесных регионах России и мира.

Литература

1. Banham, R. *The New Brutalism: Ethic or Aesthetic?* – New York : Reinhold, 1966. – 199 p.
2. Кудрявцев, А. Век XX. Архитектура РСФСР: 1955–1990. Штрихи к портрету // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 26–31.
3. Лидин, К. Школа как нарратив // Проект Байкал. – 2020. – № 64. – С. 105–108.
4. *Producer Price Indexes* – May 2023. – Washington : Bureau of Labor Statistics. – URL: <https://www.forexfactory.com/news/1225656-producer-price-index-may-2023> (дата обращения: 20.06.2023).

References

- Banham R. (1966) *The New Brutalism: Ethic or Aesthetic?* NY: Reinhold.
- Kudryavtsev, A. (2019). XX Century. Architecture of the RSFSR: 1955–1990. Outlines of the portrait. *Project Baikal*, 16(59), 26–31. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1427>
- Lidin, K. (2020). School as narrative. *Project Baikal*, 17(64), 105–108. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1643>
- Producer Price Indexes*. (2023, May). Washington, DC: U.S. Bureau of Labor Statistics. Retrieved June 20, 2023, from <https://www.forexfactory.com/news/1225656-producer-price-index-may-2023>

< ^ Индивидуальный жилой дом с деревянными несущими конструкциями ООО ПТАМ «Студия 7». Авторский коллектив: Алексей Буйнов, Надежда Батютова

Приводится методика исследования типологии жилища для преподавателей и сотрудников вузов в составе кампусов. Исследование проводилось на основании изучения архивных документов проектов и построек, а также анализа современных примеров коливингов. На основании использования характерных параметров создана выборка наиболее подходящих объектов, которые легли в основу формирования базы данных.

Структурированная информация, представленная в базе данных, легко поддается обработке. Это позволяет определить средние показатели: площади помещений – минимальные, максимальные, средние медианные; количество, процент от площади зданий по различным типам и помещениям. Выявляются связи между показателями с помощью корреляционного анализа.

На основании результатов исследования были сформулированы предложения по возможной типологии объектов.

Ключевые слова: коливинг; база данных; проживание преподавателей; жилище; типология коливинга; цифровизация; корреляционный анализ.

The article presents a methodology for studying the typology of housing for teachers on campuses. The study was conducted on the basis of a study of archival documents of projects and buildings, as well as an analysis of modern examples of coliving. As a result, based on the use of characteristic parameters, a selection of the most suitable objects was created, which formed the basis for the formation of the database.

Structured information presented in the database is easy to process. This makes it possible to determine average indicators, such as the floor space – minimum, maximum and average median, as well as the number and percentage of building area for different types and rooms. The authors identify the relationships between indicators using correlation analysis. In accordance with the results of the study, they developed proposals on a possible typology of objects.

Keywords: coliving; database; teacher accommodation; housing; coliving typology; digitalization; correlation analysis.

Цифровые технологии в формировании типологии коливингов / Digital technologies in the formation of the coliving typology

текст

Алевтина Балакина

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
Алёна Павлюк
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

text
Alevtina Balakina
National Research Moscow State University of Civil Engineering
Alyona Pavlyuk
National Research Moscow State University of Civil Engineering

Введение

Последнее десятилетие характеризуется активным внедрением цифровых технологий в процессы проектирования и строительства. Искусственный интеллект, нейросети, различные программы для параметрического проектирования и моделирования позволяют создавать архитектуру нестандартных форм, учитывая в том числе визуальную составляющую.

При необходимости обработки больших объемов информации особая роль отводится цифровым методам. Поиски новой типологии не могут не опираться на предшествующий опыт проектирования и строительства объектов. Таким образом, необходимо изучить и классифицировать большие объемы архивной и проектной документации. В статье предлагается рассмотреть традиционные цифровые методы, которые могут помочь архитектору в систематизации уже созданных объектов.

Проведение исследований в архитектуре предусматривает достаточно обширную методологию [1–5]. Одной из особенностей проведения подобных научных исследований является необходимость изучения и обработка большого количества существующих планировочных решений. Использование ресурсов современной вычислительной и коммуникационной техники дает возможность существенно облегчить эту задачу. Формализованные и структурированные данные позволяют более эффективно проводить обработку и находить необходимые численные значения. Следовательно, целесообразно рассмотреть построение базы данных в рамках методики исследования.

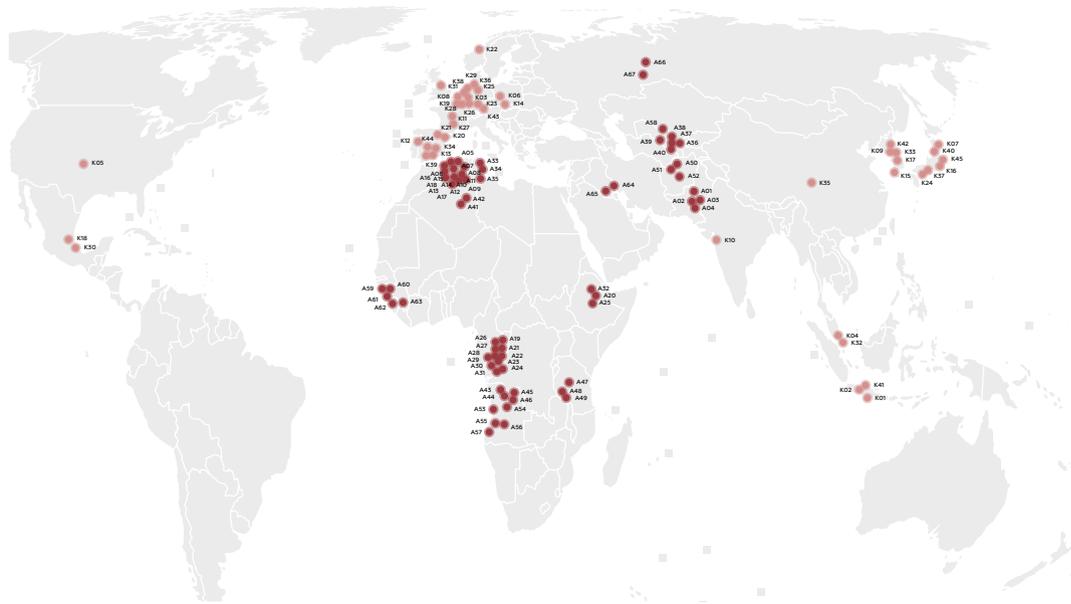
Методика проведения исследования

Целью данной работы является анализ факторов и поиск новой типологии жилища для проживания преподавателей и сотрудников вузов в рамках академической мобильности. В настоящее время академическая мобильность стала обязательной составляющей формирования научного потенциала вузов. Все большее число сотрудников вузов готовы работать в высокотехнологичных, инновационных образовательных учреждениях. Вузы, в свою очередь, заинтересованы в привлечении высокопрофессиональных научных кадров. Одной из главных

проблем, осложняющих этот процесс, является организация проживания в новом городе, которая не может быть полностью решена общежитием или арендой квартиры. Вместе с тем опыт обмена жильем или проживания у местных жителей в России не распространен, поэтому были изучены современные тенденции в организации временного проживания. В свете этих тенденций была предложена новая форма проживания – коливинг, который представляет собой жилье с общим пространством, где каждый житель имеет свою личную комнату или квартиру, а также доступ к общим удобствам. Жилье в формате коливинга представляет собой современную и комфортабельную альтернативу общежитию, которая включает удобные общие пространства: гостиная, зона отдыха, веранды на открытом воздухе, коворкинги и другие. Коливинги располагают более высоким уровнем сервиса и удобств; в зависимости от категории может включать уборку помещений, бесплатный Wi-Fi, фитнес-залы, питание, парковочные места, бассейны и бильярдные. В коливинге одна из основополагающих целей – создание сообщества и социальное взаимодействие между жильцами, поэтому многие из них представляют совместные активности: занятия йогой, языковые курсы, вечера просмотра фильмов, проведение вечеринок и рабочих воркшопов. В коливинге жильцам предоставляются более гибкие условия аренды и широкий выбор разных размеров и уровней комфорта комнат. Помимо этого, жильцы могут выбирать своих соседей, имея больше свободы в определении, с кем будут жить.

Переход к формату коливинга на территории кампуса для преподавателей в рамках академической мобильности решит несколько задач: обеспечит профессорско-преподавательский состав комфортным местом проживания, включающим жилье, общественные функции и места для работы. Это также поможет преодолеть изоляцию, возникающую при переезде в новое место, и найти новое сообщество с единомышленниками.

Для дальнейшего исследования рассмотрены две группы источников. Первый – исторический опыт проживания преподавателей, второй – современный опыт совместного проживания в коливингах. Для определения

< Рис. 1. Карта изученных объектов

наиболее точных характеристик создаваемой типологии предложена методика, состоящая из следующих шагов:

1. Сбор исходной информации в архивах и библиотеках;
2. Формирование базы данных;
3. Определение принципов зонирования;
4. Подсчет обобщенных значений и корреляционный анализ;
5. Формирование архитектурной типологии на основе полученных данных.

Далее рассмотрен каждый шаг более подробно.

1. Сбор информации в архивах и библиотеках

В настоящее время сведениями о местах проживания преподавателей при учебных заведениях располагают архивы: Министерство науки и образования РФ Федеральное государственное бюджетное учреждение «Управление комплексного хозяйственного обеспечения» (ФГБУ УКХО), научный фотокаталог музея архитектуры имени А. В. Щусева, Российский государственный архив в г. Самаре (РГА в г. Самаре), Главное архивное управление города Москвы (Главархив Москвы) и другие. Основным источником архивных данных, рассмотренных в этой статье, являются материалы Российского государственного архива в г. Самаре (РГА в г. Самаре).

Поскольку объект исследования – жилые дома преподавателей, были рассмотрены материалы организаций, которые наиболее активно занимались строительством высших учебных заведений и кампусов в советский период [5]: Государственный институт по проектированию высших учебных заведений «Гипровуз» Министерства высшего и среднего специального образования СССР (Москва) и Центральный научно-исследовательский и проектный институт типового и экспериментального проектирования школ, дошкольных учреждений, средних и высших учебных заведений (ЦНИИЭП учебных зданий) Госкомитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР (Москва).

В рамках исследования было суммарно проанализировано более 4500 описей на проектную, научно-исследовательскую и управленческую документацию периода 1957–1988 годов. В результате поисков отобрано 65

чертежей планировок помещений для проживания преподавателей.

Помимо исторических примеров, проанализированы современные места проживания. Одной из таких форм проживания, набирающих все большую популярность, являются коливинги. Особенностью коливинга является то, что это временный тип проживания совместного формата, который предназначен, как правило, для людей с общими интересами и одной сферой деятельности. Обширная общественная зона позволяет людям знакомиться, объединяться и создавать новые творческие проекты. При этом у каждого жителя есть комфортное личное пространство. В рамках данной статьи рассмотрены варианты применения коливинга для преподавателей при академической мобильности. Среди современных объектов были изучены зарубежные примеры коливингов, постройка которых датируется 2015–2022 годами; рассмотрено 45 объектов.

На рис. 1 приведена карта расположения рассмотренных объектов; красным цветом отмечены объекты исторического проживания преподавателей, розовым – современные коливинги. Исходя из изображения, заметно, что исторические объекты в большей степени сосредоточены в Африке и Средней Азии, наиболее часто встречаются в Анголе, Тунисе и Конго. Современные места проживания сосредоточены в большинстве своем в Европе, Китае, Японии и Индонезии.

2. Разработка базы данных

Для формирования базы данных необходимо провести структурирование и формализацию имеющейся информации.

Каждому объекту был присвоен идентификационный номер (ключ), позволяющий однозначно идентифицировать объекты. Так, например, для исторических мест присвоена кодировка с цифрой и порядковым номером от А01 до А65. Для современных мест проживания используется кодировка К1 – К45.

Поскольку база данных разрабатывается в среде реляционной системы управления базами данных Microsoft Access, данные представляются в виде таблиц. Параметры исторических мест проживания и коливингов

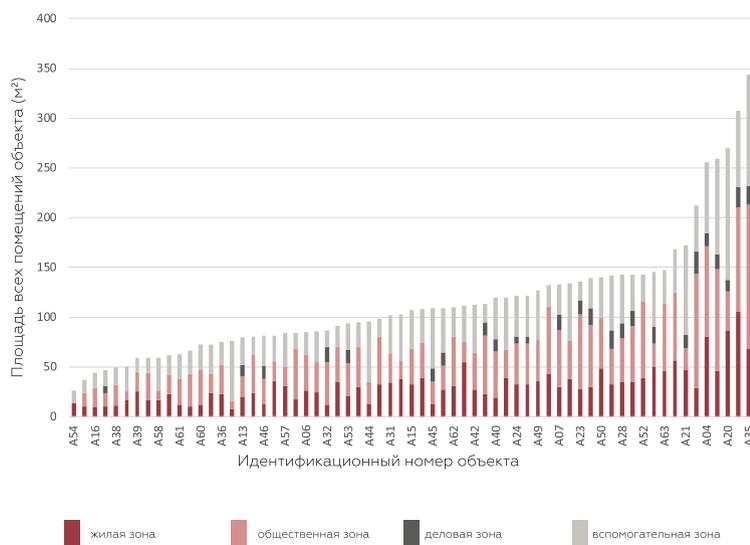

Рис. 2. Диаграмма площадей изученных объектов

существенно различаются, и поэтому было принято решение о формировании двух различных таблиц. Данные таблицы содержат общую информацию об объекте, включая кодový номер, место его расположения, тип здания, общая площадь и площадь каждого типа помещений.

Каждое из мест проживания содержит множество помещений, которые характеризуются площадью и типом. Для хранения этих сведений созданы вспомогательные таблицы. Между основными и вспомогательными таблицами сформированы связи «один ко многим», то есть одной записи (строке) основной таблицы может соответствовать множество записей дополнительных таблиц.

3. Определение принципов зонирования

При анализе существующих чертежей были выделены 4 основные группы функциональных зон с точки зрения назначения. К первому типу относятся жилые; они включают в себя спальни, детские и гостевые жилые комнаты. Кроме того, если речь идет о небольших помещениях формата студии, а основное пространство квартиры представлено одной комнатой, она также рассчитывается как жилая комната. Жилые помещения размещаются на значительном отдалении от входа, чтобы обеспечить тихое пространство, закрытое от посторонних глаз.

Ко второму типу относятся общественные пространства – места для проведения досуга и приема гостей: гостиные, столовые, террасы, балконы, лоджии и другие. В ряде примеров к этому типу относится и входная группа.

Третий тип – это деловые помещения, они представляют из себя кабинеты для работы.

К четвертому типу относятся вспомогательные помещения; они включают в себя остальные помещения – коридоры, санузлы, буфеты, комнаты для прислуги. Кроме того, к этому типу причислены кухни, поскольку в качестве места для приема пищи в данной типологии выступают столовые. Вспомогательные помещения сгруппированы единым блоком; к таким помещениям относят функцию коммуникации (коридоры, прихожие), поэтому эта зона располагается в центральной части здания, связывая все помещения между собой. Чаще всего входная группа размещается в зоне вспомогательных помещений.

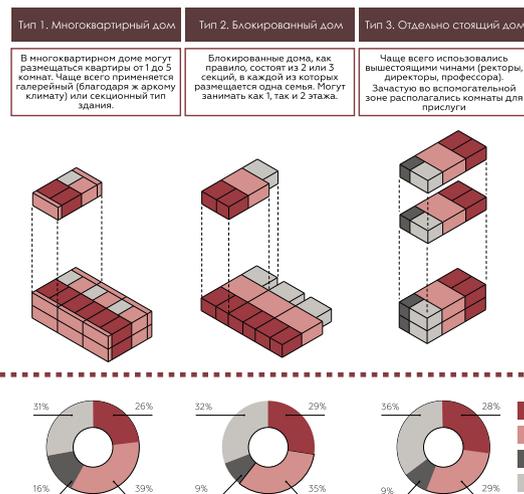

Рис. 3. Формирование типологии жилища для проживания преподавателей

В таблицах, представленных ниже, приведены характеристики четырех типов зон по назначению. Диаграмма распределения площадей по типам зон в исторической застройке приведена на рисунке 2.

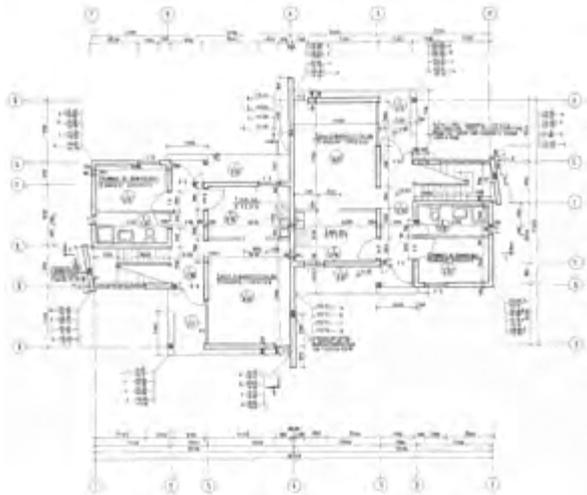
4. Подсчет обобщенных значений и корреляционный анализ

Собранные данные позволяют проанализировать площади помещений в домах различного типа. Сводные данные представлены в таблице 1.

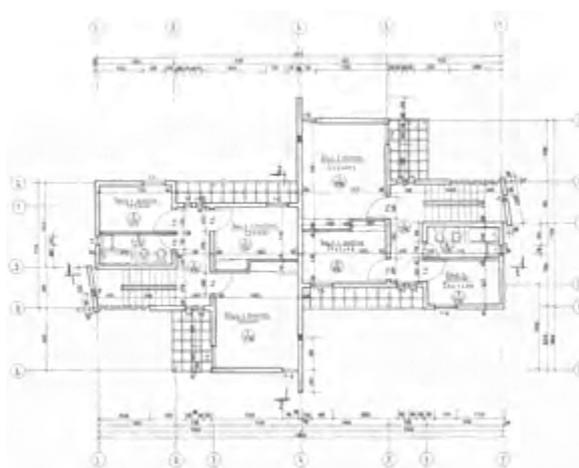
Таблица 1. Площадь помещений различных зон

Тип здания	Вычисляемый параметр	Жилая зона	Общественная зона	Деловая зона	Вспомогательная зона
Многоквартирный дом	Площадь мин/макс, м²	8–48,6	8–75,4	0–16,5	13,8–60
	Средняя площадь, м²	23,7	35,5	14,2	28,5
	Процент от площади здания	26%	39%	16%	31%
Блокированный дом	Площадь мин/макс, м²	10,5–56,7	20–76,9	0–11,8	12,8–57,2
	Средняя площадь, м²	29,5	38,2	8,8	32,8
	Процент от площади здания	29%	35%	9%	32,4%
Отдельно стоящий дом	Площадь мин/макс, м²	12–105,8	19,1–104,7	0–20,6	17,1–132,4
	Средняя площадь, м²	43	44,3	14,4	55
	Процент от площади здания	28%	29%	9%	36%

Проведенный корреляционный анализ общей площади помещений и зон разного типа показывает, что существует сильная прямая пропорциональная связь между общей площадью и типом 4 (вспомогательным), обратно пропорциональная связь между общей площадью и типом 2, а связь между типом 1 и 3 незначительна.

^ Рис. 5. Объект А31. Двухэтажные коттеджи для преподавателей, этаж 1; г. Джанг, Федеративная Республика Камерун. Чертеж предоставлен РГА в г. Самаре

^ Рис. 6. Объект А31. Двухэтажные коттеджи для преподавателей, этаж 2; г. Джанг, Федеративная Республика Камерун. Чертеж предоставлен РГА в г. Самаре

Сравнение проводилось как между объектами архивного анализа, так и между современными объектами. Корреляционный анализ предусматривает сравнение и выявление взаимосвязи между отдельными показателями.

5. Формирование архитектурной типологии

Использование показателей базы данных позволяет определить возможные диапазоны площадей, выявить оптимальное процентное соотношение между жилой, общественной, вспомогательной и рабочей зонами.

Далее были сформированы три основных типа зданий, представленные на рис. 3.

К первому типу, наиболее скромному по размерам среди приведенной типологии, относится многоквартирный дом. Минимальная площадь одной квартиры – 43,8 м². Среди этого типа встречаются и крупные квартиры максимальной площадью 146 м². Средние габариты квартир – 90 м².

Здания располагали преимущественно на осваиваемых территориях, поэтому не было необходимости создавать уплотненную застройку. Многоквартирные дома строились от 2 до 5 этажей со средней этажностью 3,7. Количество комнат в каждой квартире варьируется от 1 до 5, но в среднем в каждой квартире по 3 комнаты.

Встречаются примеры и двухуровневых квартир, где на первом этаже размещают входную группу и общественную зону, а на втором – несколько спален.

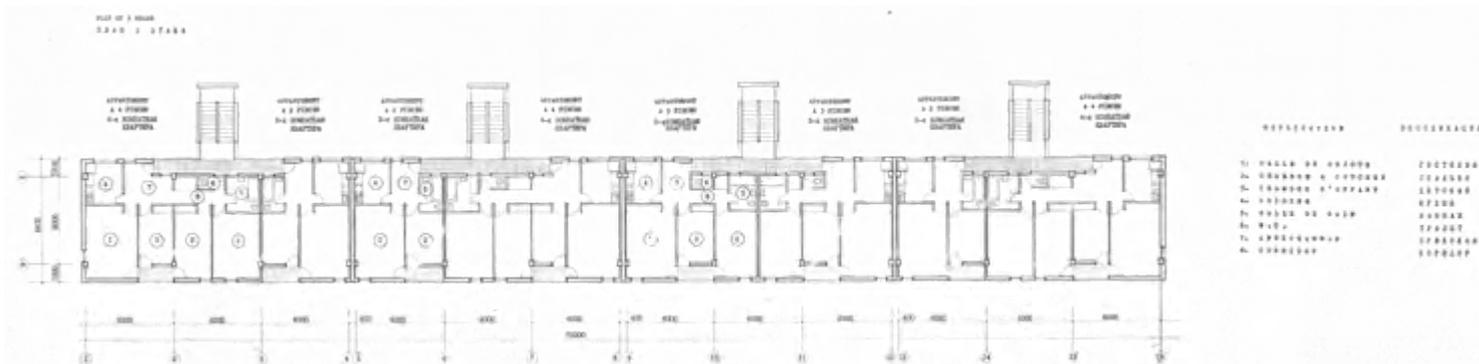
Далее на рисунках 4–6 приведен пример квартиры среднего габарита с площадью 61 м² (объект А17). В дан-

< Рис. 7. Объект А03. Коттедж директора при Технологическом институте Бирманского Союза в г. Рангуне. Чертеж предоставлен РГА в г. Самаре

< Рис. 8. Объект А32. Коттедж для одиноких преподавателей, Эфиопия. Чертеж предоставлен РГА в г. Самаре

в Рис. 4. Объект А17. Жилой дом для преподавателей на 30 квартир с гостиницей в Эль-Харраше, Алжирская Народно-Демократическая Республика. Чертеж предоставлен РГА в г. Самаре

^ Рис. 9. Объект K11. Коливинг «Institute of Marine Sciences» (<https://clck.ru/33Xegp>)

^ Рис. 10. Объект K11. Коливинг «Institute of Marine Sciences» (<https://clck.ru/33Xegp>)

ном случае квартира размещается в трехэтажном доме, внутри расположены две жилых комнаты и гостиная. Вспомогательная зона сгруппирована единым блоком.

Ко второму типу относится блокированный дом. Как правило, такие дома состоят из двух или трех секций, могут занимать как один, так и два этажа.

Примечательно, что блокированный тип ассоциируется с гораздо более внушительными площадями, однако анализ показал, что в данном случае площади многоквартирного и блокированного дома имеют схожие габариты. Так, например, средняя площадь второго типа – 100 м², что всего на 10 м² больше средней площади многоквартирного дома.

Разница в максимальной площади составляет 22 м² в пользу блокированного дома. Интересно, что минимальная площадь блокированного дома меньше, чем минимальная площадь квартиры на 17 м² (26 м² против 43 м²). Таким образом, можно сказать, что разброс площадей у всех типов достаточно большой и данная классификация никак не влияет на площадь, описывая исключительно конфигурацию здания.

На рис. 7–10 приведен блокированный дом средних размеров (объект А31). В нем размещается три спальни,

столовая-гостиная, два балкона. Вспомогательная зона представлена комнатой для прислуги, лестницами, холлами и двумя санузлами, в одном из которых располагается душ с туалетом, в другом – ванная.

Третий тип – отдельно стоящий дом. Чаще всего использовался вышестоящими чинами – ректорами, директорами, профессорами.

Во вспомогательной зоне в данном типе нередко предусмотрены дополнительные помещения – комната для прислуги, сервировочная, дополнительные кладовые. На каждом этаже размещается несколько санузлов, душевые и ванны комнаты.

Несмотря на то, что рассматриваемые чертежи датируются 1957–1988 годами, в некоторых примерах этого типа предусмотрены гаражи для автомобилей, которые в тот период были достаточно непопулярным видом транспорта.

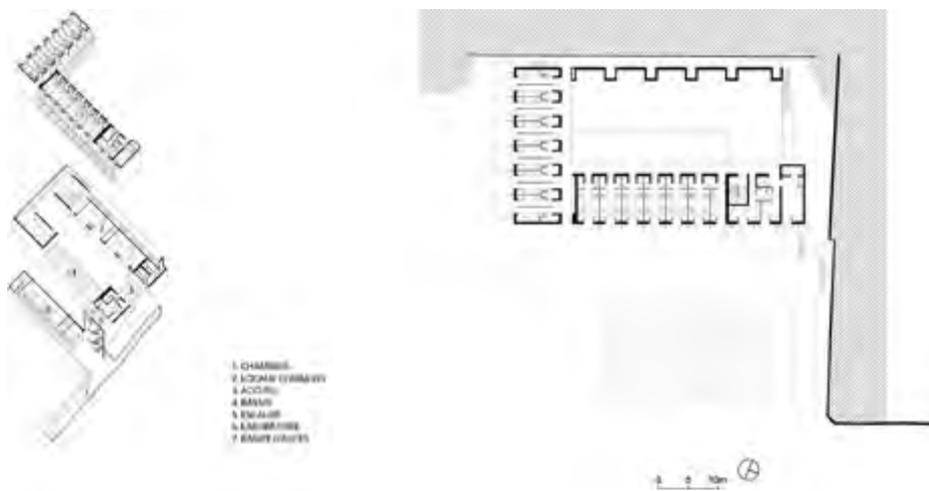
Самый крупный пример третьего типа занимает площадь 307 м² – это коттедж директора при Технологическом институте Бирманского Союза в г. Рангуне (проектировщик Гипровуз; объект А03, рис. 11–13). Дом предусматривает два этажа, пять жилых комнат, четыре ванных комнаты, гостиную и столовую, просторный кабинет, гараж, сервировочную и комнату для прислуги. Кроме того, в здании размещаются две веранды общей площадью более 60 м².

При этом встречаются и отдельно стоящие дома более скромных форматов. Так, в Эфиопии при профессионально-техническом училище на 740 учащихся отдельно стоящий коттедж рассчитан на проживание одиночки преподавателей (объект А32), и площадь здания – 87,1 м², что сопоставимо с обширной трехкомнатной квартирой. На рис. 14–16 представлены функциональная схема, планировочное решение и основные характеристики данного здания.

Наиболее миниатюрный пример отдельно стоящего здания по площади напоминает современные квартиры-студии в Учебном центре на 540 учащихся в г. Томба провинции Намиб по подготовке рабочих кадров для нужд Министерства рыболовства (Народная Республика Ангола), проектировщик Гипровуз. Отдельно стоящий дом для преподавателей занимает площадь

v Рис. 11. Объект K11. Коливинг «Institute of Marine Sciences» (<https://clck.ru/33Xegp>)

v Рис. 12. Объект K11. Коливинг «Institute of Marine Sciences». Планировка жилого этажа (<https://clck.ru/33Xegp>)

^ Рис. 13. Объект К30. Коливинг «NIU Coliving» (<https://clck.ru/33Xei9>)

^ Рис. 14. Объект К30. Коливинг «NIU Coliving» (<https://clck.ru/33Xei9>)

всего 26,3 м², жилая и общественная зона в этом случае представлены как единая студия площадью 13,5 м². Вспомогательная зона включает в себя кухню, раздельные душ и туалет, коридор.

Между всеми тремя типами наблюдаются общие черты. Так, например, благодаря теплomu климату многие из них располагают обширными балконами, лоджиями и верандами. Максимальная площадь таких открытых пространств – 60 м², средняя площадь – 14 м².

В качестве еще одной общей черты можно выделить назначение кухни: поскольку, несмотря на различную типологию, каждый из типов располагает достаточно просторными площадями, кухни используются исключительно как место для приготовления пищи, а место приема пищи перемещается в столовую и гостиную.

Анализ коливингов позволил выделить три типа: гостиницы, гостиницы комфорт-класса и блочный тип здания. Гостиницы предусматривают личное пространство в формате жилой комнаты и личного санузла; во втором типе предусмотрены дополнительные личные пространства – гардеробные или гостиные. В третьем типе здание разделяется на несколько отдельных жилых блоков, а общественная зона и санузлы размещаются для каждой зоны отдельно. Как правило, в каждом блоке находится не больше 4 жилых комнат.

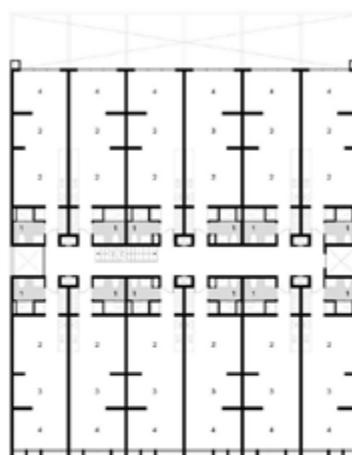
Далее приведено несколько примеров современных коливингов. Первый пример – коливинг «Institute of Marine Sciences» (рис. 9–11), он относится к формату гостиницы, предназначен для временного проживания научных сотрудников-океанологов. Здание расположено на побережье моря, что позволяет ученым заниматься наукой и обеспечивает их местом для проживания. К зоне общего пользования, помимо привычных помещений, – гостиной, кухонь, коридоров, лестнично-лифтового холла и туалетов – относятся ряд лабораторий, зал для конференции и помещения для перекачивания морской воды.

В здании размещается 64 жилых ячейки, которые делятся на 4 разновидности, они отличаются по габаритам личного пространства – от 10 м² до 27 м². В каждой комнате есть кровать, стол для работы, кухня-ниша шириной 1,2 м. Туалет и душ в 3 из 4 типов находятся в блоке (один

санузел на две комнаты), в наиболее обширном типе санузел расположен внутри комнаты.

Пример коливинга, относящегося ко второму типу – «NIU Coliving» (рис. 13–15), коливинг, расположенный в Мексике. В нем расположено 54 жилые ячейки, что позволяет разместить от 54 до 108 проживающих. Интересной особенностью здания является то, что это реконструкция существующего здания.

Жилые ячейки здесь представлены двумя типами площадью 41 и 54 м². Каждая из них имеет вытянутую форму, границы между комнатами ячейки условны. Солнечный свет проникает в жилую ячейку с торцевой части, в первую очередь освещая жилую комнату, затем столовую, затем гостиную и постепенно сходит на нет. Таким образом, наименьшее количество света оказывается в зоне кухни, прихожей и санузла, которые не требуют естественного освещения. Жилая комната занимает 10 м²,

1 Bed
2 Dining / Corridor
3 Kitchen
4 Restroom

< Рис. 15. Объект К30. Коливинг «NIU Coliving». Планировка жилого этажа (<https://clck.ru/33Xei9>)

^ Рис. 16. Объект K20. Коливинг «La Balma Collective Housing» (<https://clck.ru/33Xejji>)

^ Рис. 17. Объект K20. Коливинг «La Balma Collective Housing». Планировочное решение жилого этажа (<https://clck.ru/33Xejji>)

гостиная 9 м², столовая и кухня – 14 м². К общественным помещениям относится спортзал, кафетерий, террасы, комнаты для отдыха и другие.

Третий пример – коливинг блочного формата расположен в Испании («La Balma Collective Housing»; рис. 16–17). Здание является шестиэтажным объектом, в котором возможно размещение от 30 до 55 человек в зависимости от их семейного положения. Личная зона внутри каждого блока обустроена по принципу квартиры: там предусмотрены 1 или 2 спальни, столовая, гостиная, кухня с шириной поверхности для готовки 2,7 м, санузел, ванная. В некоторых типах предусмотрено 1 или 2 рабочих кабинета в блоке.

В общественной зоне также есть столовая, кухня, гостиная, места для работы – те же помещения, что и внутри блока, но более крупного формата и предоставленные в пользование жителей всего дома. Кроме того, в общем пользовании находятся терраса на крыше, велопарковка, многофункциональная зона для игр или проведения конференций. В здании предусмотрена гибкость планировок, позволяющая изменять габариты и функциональное наполнение каждого блока.

Заключение

Таким образом, в современной архитектурной практике возможно применение новейших технологий для создания нестандартных объемов и сложных форм, а в случае рассмотрения архивных исторических документов среди традиционных инструментов для сортирования, группировки и выявления общих признаков у большого количества объектов выделяется метод создания базы данных. Он позволяет существенно сократить время на проведение анализа большого объема проектных материалов, выявить средние значения по исследуемым показателям, выявить взаимосвязи площадей помещений в зависимости от величины.

Результаты данного исследования зарегистрированы в Федеральной службе по интеллектуальной собственности и подкреплены свидетельством о государственной регистрации базы данных № 2023620113 «Типология временного проживания на основе современных и архивных данных», правообладатель Павлюк Алёна Сергеевна.

Литература

1. Морозова, О. В. Структура метода историко-архитектурного исследования // Аналитика культурологии. – 2016. – № 1 (34). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-metoda-istoriko-arhitekturnogo-issledovaniya> (дата обращения: 23.01.2023).
2. Кислов, А. Б. О специфике научного метода // Известия Иркутской государственной экономической академии. – Иркутск. – 2004. – № 3. – С. 86–89.
3. Подкорытов, Г. А. О природе научного метода. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – 224 с.
4. Баранов, Г. В. Научный метод: понятие, структура, функции. – Самара : Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2007. – 220 с.
5. Казанцева, Л. А. Исследовательский метод в условиях гуманизации образования. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1999. – 135 с.
6. Проектирование высших учебных заведений и институтов повышения квалификации // Государственный научно-проектный институт учебно-воспитательных, торгово-бытовых и досуговых зданий (Институт общественных зданий) Минстрой России : Справочное пособие к СНиП. Серия основана в 1989 году // Москва : Стройиздат, 1992.

References

- Baranov, G. V. (2007). Nauchnyi metod: Ponyatie, struktura, funktsii [Scientific method: Concept, structure, functions]. Samara: Publishing House of Samara State University of Economics.
- Kazantseva, L. A. (1999). Issledovatel'skiy metod v usloviyakh gumanizatsii obrazovaniya [Research method in terms of humanization of education]. Kazan: Publishing House of Kazan University.
- Kislov, A. B. (2004). About specific character of scientific method. Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy, 3, 86-89. Irkutsk.
- Morozova, O. V. (2016). Struktura metoda istoriko-arhitekturnogo issledovaniya [The structure of the method of historical and architectural research]. Analytics of cultural studies, 1(34). Retrieved January 23, 2023, from <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-metoda-istoriko-arhitekturnogo-issledovaniya>
- Podkorytov, G. A. (1988). O prirode nauchnogo metoda [On the nature of the scientific method]. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University.
- Proektirovanie vysshikh uchebnykh zavedenii i institutov povysheniya kvalifikatsii [Designing higher educational institutions and advanced training institutes]. (1992). State Research and Design Institute of Educational, Commercial, Domestic and Leisure Buildings (Institute of Public Buildings) of the Ministry of Construction of Russia. Reference manual to SNiP. The series was founded in 1989. Moscow: Stroyizdat.

Впервые рассматриваются архивные материалы, содержащие результаты проведенного в 1936 году обследования четырех известных «социалистических городов»-новостроек при крупных промышленных предприятиях. Уникальность этой работы – в критическом подходе к процессу реализации на практике основной градостроительной концепции, сформировавшейся в конце 1920-х годов в связи с принятым курсом на форсированную индустриализацию страны. В ходе обследования были тщательно проанализированы все составляющие концепции «соцгородов»: планировочные особенности, типология жилища и принципы «обобществления быта», социальный состав населения, ведомственная принадлежность и выявлены границы реализации этих установок, накладываемые самой жизнью, что привело к фактическому разрушению концепции. Показано, что попытки авторов сформулировать собственные принципы организации жизни людей, исходя из изменившегося «духа времени» второй половины 1930-х годов, уже содержали в себе новые границы нереализованности.

Ключевые слова: Академия коммунального хозяйства РСФСР; проектирование и строительство «социалистических городов»; проект и его реализация; принципы проектирования жилых кварталов.

The article examines new, previously unresearched archival materials containing the results of a survey conducted in 1936 of four well-known “socialist cities” – new housing developments at large industrial enterprises. The uniqueness of this work lies in the critical approach to the process of implementing in practice of the main urban planning concept, which was formed in the late 1920s in connection with the adopted course of forced industrialization of the country. During the survey, all the components of the concept of “socialist cities” were carefully analyzed, including planning features, typology of housing and principles of “socialization of life”, social composition of the population, departmental affiliation, etc. The boundaries of the implementation of these policies imposed by life itself were revealed, which ultimately led to the actual destruction of the concept. At the same time, the article shows that the authors’ attempts to formulate their own principles of organizing people’s lives, based on the changed “spirit of the times” of the second half of the 1930s, already contained new boundaries of unrealisation.

Keywords: Academy of Municipal Engineering of the RSFSR; design and construction of “socialist cities”; project and its implementation; principles of design of residential quarters.

Жизнь в «соцгородах» начала 1930-х годов / Life in the “socialist cities” of the early 1930s

Концепция «социалистических городов» в целом сформировалась во второй половине 1920-х годов, когда правительством СССР был взят курс на ускоренную индустриализацию. Этой теме, тесно связанной с формированием новой системы размещения промышленности на территории страны и соответствующими коренными изменениями сложившейся системы расселения, в историографии позднего советского и постсоветского периодов уделено достаточно внимания. В фундаментальных трудах С. О. Хан-Магомедова, В. Э. Хазановой, М. Г. Мееровича, Е. В. Конышевой и других историков советской архитектуры раскрываются подробности полемики вокруг нового расселения и городов промышленно-селитебного типа, обширная фактология проектирования «соцгородов» и их концептуальных особенностей, принципиальные расхождения во взглядах на проблему строительства таких городов советских архитекторов и иностранных специалистов, работавших в СССР, и многое другое.

Предмет внимания в данной статье – открывшаяся возможность посмотреть, как практически выглядела «воплощенная мечта» о социалистических городах уже через несколько лет после начала строительства, в середине 1930-х годов. Увидеть ситуацию глазами современников помогают выявленные автором новые архивные материалы, содержащие подробный отчет об обследовании четырех известных «соцгородов», организованном в 1936 году Академией коммунального хозяйства при СНК РСФСР [1].

Академия коммунального хозяйства (АКХ), сыгравшая немалую роль в организации градостроительства 1930-х годов, была создана в соответствии с решением известного июньского пленума ЦК ВКП (б) 1931 года, посвященного развитию городского хозяйства Москвы и других городов СССР. Помимо налаживания разнообразных сфер этого хозяйства, Академия должна была заниматься вопросами социалистического расселения, планировки новых городов, реконструкции существующих населенных мест [2]. Функции АКХ частично дублировались на республиканском уровне – Наркоматом коммунального хозяйства, на союзном – Всесоюзным советом по коммунальному хозяйству.

Основная задача, поставленная перед сектором социалистической планировки населенных мест АКХ, заключалась в том, чтобы «в кратчайшие сроки подвести научную базу под строительство городов» [3, с. 68]. Такая формулировка не была случайной: когда в 1928 году утверждался первый пятилетний план, строительство новых городов при вновь возникающих промышленных предприятиях не было предусмотрено на государственном уровне; их проектирование и строительство складывалась во многом стихийно, градостроительная наука не успевала за стремительно развивавшейся практикой.

Основным методом создания «научной базы» должны были стать анализ и оценка, во-первых, существующей практики строительства городов; во-вторых, проработка теоретических вопросов: каким, собственно, должен быть социалистический город. Здесь были свои парадоксальные особенности: считалось, что внимание необходимо сосредоточить в основном на анализе только советской практики (хотя она признавалась несовершенной), а основания для градостроительной теории искать, во-первых, в трудах основоположников марксизма; во-вторых, в оперативных, по сути, документах – партийно-правительственных постановлениях. Сектор планировки АКХ работал в русле этих тенденций.

Академия, например, провела обследование практики строительства крупных новых городов, входивших в состав Урало-Кузнецкого комбината – гигантской угольно-металлургической базы, создававшейся в эти годы в СССР [4]. Многие работы, выполненные до 1935 года, не отложились в архивном фонде АКХ, они лишь упоминаются в специальных изданиях. Обследования текущей практики проводились Академией с целью выполнения главного задания, данного ей СНК РСФСР – разработки нормативов для проектирования и строительства новых и реконструкции существующих городов [5].

Именно это обстоятельство определило изначальную мотивацию проведения масштабного обследования четырех «соцгородов»: Нового Харькова при крупном тракторном заводе, Нового Запорожья при ДнепроГЭС, автотракторного района г. Горького и г. Сталиногорска (до 1931 года Бобрики, с 1961 года – Новомосковск) при Бобриковском комбинате в районе нового угольного

текст
Юлия Косенкова
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
text
Yulia Kosenkova
National Research Moscow State University of Civil Engineering

бассейна. Каждый из этих новых городов к 1936 году насчитывал около 7–8 лет проектирования и строительства. Характерно, что изучение практического положения со строительством «соцгородов», оценка степени их соответствия теоретическим постулатам нового города социалистического типа была поручена не архитекторам, а авторитетным в тот период специалистам – деятелям городского хозяйства. Исполнителями работы по заданию сектора планировки АКХ стали сотрудник Центрального союза жилищной кооперации РСФСР, юрист Ц. Г. Рысс (1898–1974) и профессор Московского института инженеров коммунального строительства, экономист В. Е. Рудницкий (1880–1957).

Первоначальный замысел состоял в описании и анализе «живой практики», которая послужила бы основой для дальнейшей работы АКХ по разработке планировочных нормативов. Отсюда широта программы: в основной, центральной части рукописи монографии, написанной В. Е. Рудницким, внимательному практическому рассмотрению подверглись проекты планировки соцгородов, связь селитбы и места работы, система застройки жилых кварталов и ее изменения в ходе строительства, социальный состав и расчетное количество населения, реальная организация бытовых вопросов, типы домов и квартир и условия проживания в имеющемся жилом фонде. Рукопись всей монографии представляет собой тщательное и детальное исследование, снабженное большим количеством аналитических таблиц, основанное на знании методологической литературы и проектных архивов того времени.

Рассматривая сегодня, с учетом современных исследований, историю проектирования и застройки соцгородов, выбранных в 1936 году для обследования, нельзя не заметить общих особенностей и почти одновременных поворотов в их судьбе, несмотря на различные местоположение, климатические данные, характер основного производства, возможности строительной базы и т. п. Проекты были приняты к строительству в очень короткие сроки в результате конкурсного проектирования и обсуждения в прессе, но затем подверглись значительным переработкам.

В ходе обследования авторами работы прежде всего было обращено внимание на соотношение территории «соцгородов» и расположения промышленности, поскольку хорошая связь селитбы с основным местом приложения труда считалась одной из особенностей, характеризующих город нового типа [4, с. 186]. Однако на практике во всех случаях отмечались, во-первых, совершенно недопустимые малые размеры защитных зеленых полос, отделяющих селитбу от производства; во-вторых, их полная функциональная и архитектурно-планировочная неформленность. В. Е. Рудницкий писал, что там, где полосы, разделяющие город и производство, еще сохранялись как отдельные пространства, они представляли собой пустыри, загруженные хаотично проложенными пешеходными, транзитными и местными путями, и «сами превращаются в источник шума и пыли, особенно если это голая степная полоса и ее озеленение относится к последней очереди работ» [1, л. 59].

Другое важное наблюдение, сделанное в ходе обследования, – имевшие практически во всех городах значительные искажения в ходе строительства разработанных проектов организации соцгорода. Один из впечатляющих примеров, приведенных в работе – Сталиногорск. Наличие залежей каменного угля и большого количества сопутствующих ископаемых стало основанием для развития здесь целого ряда промышленных предприятий, расположившихся на трех участках: на севере – химическая и энергетическая промышленность, на юге – керамическая и на востоке – угольная и газовая. Проект

единого для всех производств соцгорода предполагал очень удачное его размещение как в функциональном, так и в климатическом отношении.

На деле строительство в городе велось без плана. Ведомственные проектные конторы создавали собственные проекты, фактически приводившие к хаосу [1, л. 40]. Большинство населения было размещено в бараках «временных» поселков. Только один наиболее удаленный северный поселок, расположенный вблизи химзавода и не предусмотренный генпланом, насчитывал до 45 тыс. населения. Именно здесь стихийно сосредоточились все политические, административные, культурно-бытовые и прочие городские учреждения; при этом ни одного специального здания для них построено не было. Суммы, ассигнованные на строительство нового города, шли на благоустройство «временного» города, несмотря на то что весь его жилой фонд уже был поражен грибком и разрушался. По плану здесь предполагалось размещение дополнительных вредных производств, однако на момент обследования в этом районе началось строительство капитальных жилых домов в 2 и 4 этажа [1, л. 41, 42].

Рудницкий указывал, что во всех обследованных городах наблюдалась схожая картина. Барачные поселки использовались сначала для строительства рабочих, но с окончанием строительства заселялись постоянными рабочими на срок полной амортизации бараков; затем производился их капитальный ремонт и утепление, после чего поселки превращались в постоянные.

Не менее сложно, как показало обследование, складывалось дело и со строительством на территориях, «законно» предназначенных проектами для селитбы. Так, например, в основу города при Харьковском тракторном заводе, рассчитанном на 100 тыс. населения, была положена основополагающая для «соцгородов» идея полного обобществления домашнего быта, поэтому во всем городе не было запроектировано ни одной кухни [1, л. 29]. Предполагалось, что население «жилкомбинатов» будет крытыми переходами общаться с общественным сектором (переходы не были осуществлены). На этом же основании при детских учреждениях не было запроектировано ни кухонь, ни прачечных, ни погребов для хранения продуктов. Также не было предусмотрено никаких обслуживающих помещений (погреба, сушилки, сараи) и в жилом секторе. Недостатки планировки привели к тому, что около домов двух застроенных к моменту обследования кварталов «рабочими было нарыто без всякого порядка множество ям-погребов (около трехсот) для хранения картофеля и других овощей. Крыши были сделаны из подручных материалов и хлама, производивших крайне неряшливое впечатление». Кроме того, около новых жилых зданий хозяйки разводили костры, вырывая ямы в земле или складывая из кирпича примитивные очаги, где варили пищу [1, л. 33, 34]. Чтобы скрасить картину, заводоуправление обнесло один из кварталов фигурной железной решеткой (судя по указаниям в тексте монографии и оставшимся следам вклеек, рукопись сопровождалась большим количеством фотографий, иллюстрировавших положение дел. На каком этапе эти материалы были изъяты, установить практически невозможно).

В целом обследование показало, что деятельность заводской администрации в соцгороде, корректирующая изначальный проект, была связана не только с отказом от строительства общественных обслуживающих сооружений, но, в первую очередь, с желанием как-то изобрести от строчной системы застройки, создававшей столь некстати открытое, «сквозное» пространство, выгородить более привычные дворы, где население строило небольшие бытовые помещения – постирочные,

сушилки, кладовые, погреб для продуктов, курятники и помещения для домашнего скота, мусороприемники, дровяники и пр. Достигалось это в основном достройкой не предусмотренных проектом поперечных корпусов вдоль магистралей, чтобы закрыть таким образом торцы домов строчной застройки. Точно такие же дома-ширмы возводились, к примеру, в Сталиногорске [1, л. 46].

Если система застройки первых двух кварталов соцгорода ХТЗ осуществлялась более или менее в соответствии с проектом, то третий участок, как было выявлено обследованием, застраивался уже по плану, разработанному Управлением капитального строительства при заводе в 1934 году, и резко отличался от первоначального проекта. Это был огромный дом-гигант на целый квартал, (вместо ранее запроектированных 11 отдельных корпусов), в котором планировалось разместить (в отличие от запроектированных продуктовых распределителей) ряд магазинов, кафе, парикмахерскую, аптеку и пр. В. Е. Рудницкий отметил, что в капитальное строительство нового города вносится целый ряд существенных изменений, оформление которых еще не закончено. Строительство 1934–1935 годах ведется уже по исправленному ведомственной проектной мастерской проекту [1, л. 31].

Особенно сильное впечатление на авторов рукописи произвело обследование быта в квартирах домов, выстроенных в соответствии с проектами соцгородов. В монографии приводится целый ряд тщательно запротоколированных сведений по всем соцгородам. Вот только один из примеров, касавшийся жизни в домах «квартирного типа», считавшихся относительно комфортными по сравнению с корпусами «для одиноких», населенных, как правило, семьями [1, л. 97–98].

Однокомнатная квартира с маленькой прихожей, ванной и уборной (вместе), водопроводной раковины и небольшой плитой. «Такая квартира почти без исключения используется жильцами следующим образом: водопроводная раковина закрывается доской и обращается в туалетный столик, плита также закрывается досками и превращается в стол, так как топить ее летом невозможно из-за жары, а зимой из-за дыма и копоти. Готовят пищу на примусе в уборной, которая фактически превращается в кухню: ванна закрывается частично досками и образует кухонный стол, стульчак же закрывается деревянной крышкой и на него ставится примус. Другой частью ванны пользуются как раковиной. Тут же в уборной хранятся и продукты, так как ни кладовых, ни других каких-либо обслуживающих помещений не имеется. Стирка белья производится тоже в уборной или комнате, сушится белье где попало, так как сушилок нет ни в одном корпусе. Балконы используются как складочные помещения для продуктов и для хранения разного домашнего хлама» [1, л. 94–95].

Картина реализации проектов соцгородов, выявленная в ходе обследования, в целом выглядела настолько безотрадной и явно неподходящей в качестве позитивной основы для дальнейшей работы АКХ над градостроительными нормативами, что авторы сочли возможным в предисловии к рукописи оговорить пересмотр цели исследования, поскольку «выявилась настоятельная необходимость осмыслить ту теоретическую базу, на которой зиждется наша обширная проектно-планировочная практика в области проектирования жилых районов социалистических городов» [1, л. 2а].

Если попытаться обобщить высказывания авторов о причинах создавшегося положения, сделанные как в «практической» части исследования, так и в «методологических» его частях, написанных Ц. Г. Рыссом,

можно свести их к нескольким позициям, суть которых мы постарались обозначить курсивом.

1. «Будущее и настоящее города». Одним из недостатков методологии проектирования новых городов авторы считали ориентацию архитекторов «на конец генплана» (т. е. на перспективу 1945–1950), ради чего выстраивались, казалось бы, стройные теоретические схемы. Но при этом полностью отсутствовал комплексный этапный план осуществления строительства. В результате получались жесткие разрывы между планом и действительностью, «способные дискредитировать самую идею соцгорода». Здесь авторам удалось уловить важную особенность методологии советского градостроительства, неразрывно связанную с самой природой принятого принципа «волевого планирования».

2. «Распад целостности замысла». В работе, возможно, впервые в советской методологической литературе показан разрушительный характер принятой системы ведомственного финансирования строительства городов. Полная несогласованность действий различных категорий застройщиков неизбежно приводит к катастрофическим последствиям для города даже при наличии продуманного генерального плана. В случае, если город застраивается только одним крупным промышленным предприятием, это не спасает положения, поскольку основное городское коммунальное хозяйство находится на балансе завода и полностью подчинено заводоуправлению, заинтересованному прежде всего в развитии производства. Наличие городского совета, призванного представлять интересы города, не играет никакой роли [1, л. 124, 139, 142].

3. «Ложность основного социального принципа». Один из главных выводов работы заключался в том, что сохраняющиеся с 1920-х годов взгляды на «фундаментальное организующее начало» жилого квартала как на замкнутый самодовлеющий социально-экономический организм должны быть пересмотрены. Самое уязвимое в этой концепции, как считал Ц. Г. Рысс, – это предпосылка о механическом перерастании первичного звена общества – семьи в «общественно-бытовой коллектив», своего рода «расширенную семью», которая является основой и фундаментом всех дальнейших социологических и планировочных построений, якобы отличающих социалистический город от капиталистического [1, л. 10]. Практика организации жизни в исследованных городах, по его убеждению, целиком опрокидывала эту теорию.

Критике подверглись устоявшиеся в методологической литературе штампы, где комплекс жилья и детских учреждений (яслей и детсадов) считался «первичным социальным-бытовым звеном». Было показано, что на самом деле здесь нет никакого организационного единства, тем более что школу все равно приходится рассчитывать на два или три квартала, что никак не вписывается в концепцию «расширенной семьи» [1, л. 24].

В качестве альтернативы этой концепции Ц. Г. Рысс предлагал поместить в центр внимания традиционную небольшую семью, все члены которой активно участвуют в общественной жизни, каждый в своей возрастной и профессиональной группе [1, л. 165]. Именно вокруг семьи как основного стержня, с максимальным удобством для нее, должна быть построена вся система бытового обслуживания. Этому будет способствовать, как считал автор, уже начавшееся постепенное отмирание самостоятельных, «кустарных» форм содержания учреждений обслуживания и замена их государственными формами, что дает «квалифицированное руководство и крепкую материальную базу». Автор считал, что нет никаких оснований к тому, чтобы видеть в самостоятельных бытовых организациях прообраз будущей бытовой организации общества.

Однако на деле этот процесс оказался более сложным и противоречивым, чем представлялось автору. Уже в следующем 1937 году разнообразие форм существования жилищно-кооперативного движения в стране окажется практически свернутым [7, с. 270]. Немногие оставшиеся ЖСК будут в основном рассчитаны только на сотрудников определенных предприятий и учреждений. Образовавшаяся не столько государственная, сколько ведомственная система по-прежнему будет заинтересована в наращивании объемов жилья, но не в строительстве учреждений соцкультбыта.

4. «Поверхностность социальных перемен». В 1936 году, когда писался текст монографии, прошло уже шесть лет с момента выхода известного постановления ЦК ВКП (б) «О работе по перестройке быта» (май 1930), направленного против крайностей «обобществления быта». На смену «домам-коммунам» и «жилым комбинатам» с их предельно заорганизованной жизнью пришли «жилые кварталы» – совокупности отдельных жилых домов, пространственно и функционально объединяемые не только границами окаймлявших их улиц, но и все той же системой объектов обслуживания «обобществленного быта». С 1933 года начался очень медленный и фрагментарный процесс терминологической и содержательной замены системы «обобществления быта», основанной на самодеятельных началах, на государственное «общественное обслуживание» [8, с. 209].

Однако сути социальной основы жилого квартала как вместительности «бытового коллектива» эти изменения практически не затрагивали. Соответственно методы расчета количества жителей, типов домов и квартир, потребности в детских учреждениях и других бытовых и культурных объектах, предлагаемые как крупными проектными организациями, так и обобщающими эту практику теоретическими трудами, во многом оставались прежними. Развернувшаяся в середине 1930-х годов дискуссия об архитектурно-пространственной организации жилых кварталов касалась не столько этих основополагающих показателей, сколько поисков выразительных композиционных приемов и планировочных систем застройки, способных удовлетворить требование власти о первоочередной застройке городских магистралей, сформулированное в 1932 году в связи с переходом к концепции «города-ансамбля» [9, с. 49].

Судя по всему, Ц. Г. Рысс прекрасно понимал эту ситуацию, поскольку отказ от ранее считавшейся прогрессивной строчной застройки и поиски различных разновидностей периметральной или сложной «внеквартальной» застройки расценивался им как чисто вкусовое явление, не затрагивающее сути социальной организации новых городов [1, л. 7–8]. Отсюда один из важнейших выводов работы касался необходимости показать, что в основу новых соцгородов, во многом определяющих облик городов будущего, закладываются довольно неопределенные и неустойчивые показатели.

5. «Недоуверенность расчетных основ». Ц. Г. Рысс писал, что сложившаяся «технология» планировочного проектирования, принятая в массовой практике, сводится к той или иной величине типового квартала, определяемой в зависимости от двух исходных положений: демографических норм возрастной структуры населения и принятых «оптимумов» обслуживания. Недавно вышедшие теоретические работы, основанные на идее перерастания семьи в «бытовой коллектив» [10; 11] могут, по его мнению, вывести «оптимумы» и нормы практически для любой величины кварталов [1, л. 9].

Но «оптимумы», из суммы которых исчисляется количество населения квартала (т. е. показатели учреждений квартального хозяйства, связанные с количеством населения, которое они могут обслужить), – величина не-

постоянная, зависящая от уровня техники и социально-экономических условий. Это заведомо недолговременные показатели, и многие из них идут «от бедности», от пока не достигнутого равновесия между растущими потребностями и уровнем народного хозяйства [1, л. 21, 22].

Автор указывал, что в основе всех исчислений населения и величины кварталов лежат также довольно шаткие демографические нормы; это позволяет скомбинировать практически любой желаемый результат [1, л. 18]. Приходится довольствоваться как единственно достоверным материалом переписью 1926 года, явно устаревшим. Результатом предстоящей переписи можно будет воспользоваться не раньше, видимо, 1937 года. Но «даже если бы статистика была точной, мы проектируем не на сегодня, а на десятки лет вперед. Приходится прибегать к умозрительным исчислениям, вводя произвольные поправочные коэффициенты» [1, л. 19]. Несколько забегаая вперед, отметим, что надеждам на предстоящую перепись населения 1937 года не суждено было сбыться: по целому комплексу причин она была признана дефектной, а ее результаты строго засекречены [12].

В тексте нет открытой полемики с разработанной в начале 1930-х годов методикой расчета населения по «трудоному балансу», практически повсеместно принятой при проектировании новых «соцгородов». Ее суть заключалась в том, чтобы, используя упрощенные формулы, исходно задать, сколько в том или ином населенном пункте необходимо разместить трудовых ресурсов в соответствии с объемами и «человекоемкостью» размещаемой здесь промышленности. И, как следствие, какие типы домов и в каком количестве необходимы для жизнеобеспечения концентрируемой в данном месте рабочей силы [6, с. 188–191]. Но высказываемые автором сомнения в имеющихся упрощенных методах расчета и упоминание «произвольных поправочных коэффициентов» указывает на наблюдавшиеся автором в реальной практике строительства «соцгородов» грубые просчеты с определением количества и структуры населения. Далее он прямо предупреждает «правильный по своей теоретической основе» метод трудового баланса в использовании необходимых исходных коэффициентов для расчета структуры населения [1, л. 180].

6. «Основы методологии будущего». Ц. Г. Рысс резюмировал: при проектировании жилых районов надо исходить не из теоретических исчислений нормативной величины квартала в 4, 6, 9 и т. д. га, а из совершенно иных оснований и принципов. Основой, фундаментом проекта планировки социалистического города является социально-экономическая гипотеза о развитии данного населенного пункта как результат научно-обоснованного прогноза комплексного использования естественных производительных сил планируемого района. Разработанная на этой основе демографическая гипотеза определяет емкость будущего города и служит исходной позицией для определения потребностей для него селитебной территории. Размер последней выводится как сложное производное от комплексного учета целого ряда факторов: естественно-исторических, санитарно-гигиенических, техно-экономических и социально-экономических. [1, л. 187]. Далее автор последовательно излагал свои взгляды на природу планировочных норм, которые не должны принимать характер неизменного канона, организацию работы архитектора в тесном сотрудничестве с экономистами, транспортниками, отраслевыми инженерами и другими специалистами. В этих рассуждениях было много разумного, но автор не мог предполагать, что исходный посыл о разработке обоснованной социально-экономической гипотезы, казалось бы, вполне естественный для планового хозяйства, окажется наиболее слабым звеном в этой цепи [13, с. 10–11].

Рассмотренный нами исторический документ – забытая рукопись неизданной монографии, описывающей итоги, казалось бы, рядового события – обследования строительства четырех новых «социалистических городов», тем не менее, представляется довольно неординарным (если не уникальным) явлением в истории советского градостроительства. Она была написана в середине 1930-х годов, т. е. фактически в момент «перелома эпох»: только недавно получил утверждение генеральный план Москвы 1935 года, в значительной степени перевернувший мировоззрение советских градостроителей и закрепивший подход к городу прежде всего как к художественному ансамблю. Авторам этой научной работы удалось за новой сформировавшейся системой оценочных критериев увидеть главное: социальные, функциональные и организационные основы формирования жилых кварталов остались неизменными и по-прежнему представляют собой довольно шаткое основание для практической работы в новых городах. Надо отдать должное их наблюдательности, трезвости взглядов и попыткам осмыслить причины сложившегося положения, а также смелости: насколько известно на сегодняшний день, это была единственная работа, где критике подверглись основополагающие для советского градостроительства содержательные постулаты. Фактически, авторы коснулись наиболее фундаментальных проблем советского градостроительства, которые затем будут воспроизводиться снова и снова на протяжении десятилетий.

По мысли авторов, материал должен был использоваться, скорее, для «подведения итогов предшествующей планировочной практики». Однако, представляется, что замысел этот не совсем удался. Авторы выявили, проанализировали и даже назвали причины повторяющихся практически во всех обследуемых соцгородах сходных ситуаций деструктивного характера. Но, будучи погруженными в современную им социально-экономическую реальность конца 1920-х – середины 1930-х годов, оценили это лишь как временное явление. Эта работа в свое время прошла, очевидно, незамеченной. На нее не удалось обнаружить ссылок даже в тех разработках по жилому кварталу, которые производились в Академии коммунального хозяйства в 1937–1939 годах [14].

Литература

1. Уроки планировки и строительства жилых кварталов по материалам специального обследования городов Б. Запорожья, Сталиногорска, Ново-Харькова и автозаводского района г. Горького: монография (на правах рукописи). – Москва, 1936. – РГА НТД (Российский государственный архив научно-технической документации). Ф. 120. Оп. 1–3. Д. 60.
2. Косенкова, Ю. Л. Градостроительные аспекты деятельности Академии коммунального хозяйства РСФСР: 1930-е годы // Архитектурное наследие : Вып. 72 : сборник. – Санкт-Петербург : Коло, 2020. – С. 249–259.
3. Сектор соцпланировки населенных мест // Труды Академии коммунального хозяйства : Вып. 1. – Москва : Госстройиздат, 1933. – С. 67–81.
4. Михайлов, Б. О строительстве социалистических городов // Труды Академии коммунального хозяйства : Вып. 1. – Москва : Госстройиздат, 1933. – С. 155–160.
5. Городецкий, С. С. Сектор планировки // Информационный бюллетень Академии коммунального хозяйства. – 1934. – № 7–8. – С. 32–33.
6. Меерович, М. Г. Концепция «социалистического города» и практика ее реализации // Советское градостроительство. 1917–1941. В 2-х книгах. – Москва : Прогресс-Традиция, 2018. – Кн. 1. – С. 180–239.
7. Крашенинников, П. В. Страсти по праву: Очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. – Москва : Статут, 2018. – 331 с. – URL: <https://pravo.ru/news/214169/?ysclid=lbtc2x8w5w502732347> (дата обращения: 10.05.2023).
8. Меерович, М., Конышева, Е., Жмельницкий, Д. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 270 с.
9. Старостенко, Ю. Д. Дискуссия об архитектурно-пространственной организации жилых кварталов в СССР в середине 1930-х годов // Architecture and Modern Information Technologies. – 2021. – №2 (55). – С. 46–63. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2021/2kvart21/PDF/04_starostenko.pdf (дата обращения: 15.05.2023)
10. Галактионов, А., Соболев, Д. Жилой квартал: организация, нормы и условия планировки. – Москва : Госстройиздат, 1934. – 107 с.
11. Кривошеев, А. К. Основы проектирования жилого квартала : Азово-Черноморск. краев. науч.-иссл. ин-т коммун. хоз-ва. – Ростов-на-Дону : тип. им. Коминтерна, 1935. – 126 с.
12. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги : сборник документов и материалов. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 320 с.
13. Косенкова, Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов : От творческих поисков к практике строительства. – Москва : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009 – 440 с. .
14. РГА НТД (Российский государственный архив научно-технической документации). Ф. 120. Оп. 1–3. Дела: 54, 55, 104 (1937 г.); 103. Тт. 1, 2 (1938); 155 (1939).

References

- Galaktionov, A., & Sobolev, D. (1934). *Zhiloy kvartal: organizatsiya, normy i usloviya planirovki [Residential quarter: Organization, norms and planning conditions]*. Moscow: Gosstroyizdat.
- Gorodetsky, S. S. (1934). Sektor planirovki [The Planning Sector]. *Newsletter of the Academy of Municipal Economy*, 7-8, 32-33.
- Kosenkova, Yu. L. (2009). *Sovetskiy gorod 1940-kh – pervoy poloviny 1950-kh godov: Ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitel'stva [Soviet city of the 1940s - the first half of the 1950s: From creative searches to construction practice]* (2nd ed.). Moscow: Knizhnyy dom LIBROKOM.
- Kosenkova, Yu. L. (2020). Gradostroitel'nyye aspekty deyatel'nosti Akademii kommunal'nogo khozyaystva RSFSR: 1930-ye gody [Urban planning aspects of the activities of the Academy of Municipal Engineering of the RSFSR: The 1930s.]. In I. A. Bondarenko (Ed.), *Arkhitekturnoye nasledstvo. Sb. nauch. trudov NIITAG* (Issue 72, pp. 249-259). Saint-Petersburg: Kolo.
- Krashenninikov, P. V. (2018). *Strasti po pravu: Ocherki o prave voyennogo kommunizma i sovetском prave. 1917–1938 [Passion for Law: Essays on the Law of War Communism and Soviet Law. 1917–1938]*. Moscow: Statut. Retrieved May 10, 2023 from <https://pravo.ru/news/214169/?ysclid=lbtc2x8w5w502732347>
- Krivosheyev, A. K. (1935). *Osnovy proyektirovaniya zhilogo kvartala [Fundamentals of residential area design]*. Azovo-Chernomorsk. krayev. nauch.-issl. in-t kommun. khoz-va. Rostov-na-Donu: tip. im. Kominterny.
- Meerovich, M. G. (2018). Kontseptsiya “sotsialisticheskogo goroda” i praktika yeye realizatsii [The concept of the “socialist city” and the practice of its implementation]. In Yu. L. Kosenkova (Ed.), *Sovetskoye gradostroitel'stvo 1917-1941. Kollektivnaya monografiya v 2-kh knigakh* (Book 1, pp. 180-239). Moscow: Progress-Traditsiya.
- Meerovich, M., Konysheva, E., & Khmel'nitsky, D. (2011). *Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR 1928-1932 gg. [Cemetery of socialist cities: Urban policy in the USSR 1928-1932]*. Moscow: ROSSPEN.
- Mikhailov, B. (1933). O stroitel'stve sotsialisticheskikh gorodov [On the construction of socialist cities]. In *Trudy Akademii kommunal'nogo khozyaystva* (Issue 1, pp. 155-160). Moscow: Gosstroyizdat.
- RGA NTD (Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv nauchno-tehnicheskoy dokumentatsii [Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation]). Fund 120. Inv. 1-3. Files 54, 55, 104 (1937); 103, Vols. 1.2 (1938); 155 (1939).
- Sektor sotsplanirovki naselennykh mest [Sector of social planning of populated areas] (1933). In *Trudy Akademii kommunal'nogo khozyaystva* (Issue 1, pp. 67-81). Moscow: Gosstroyizdat.
- Starostenko, Yu. D. (2021). Diskussiya ob arkhitekturno-prostranstvennoy organizatsii zhilykh kvartalov v SSSR v seredine 1930-kh godov [Discussion of the architectural and spatial organization of residential quarters in the USSR in the mid-1930s]. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2(55), 46–63. DOI: 10.24412/1998-4839-2021-2-46-63. Retrieved May 15, 2023, from https://marhi.ru/AMIT/2021/2kvart21/PDF/04_starostenko.pdf
- Uroki planirovki i stroitel'stva zhilykh kvartalov po materialam spetsial'nogo obsledovaniya gorodov B. Zaporozh'ya, Stalinohorska, Novo-Khar'kova i avtozavodskogo rayona g. Gor'kogo [Lessons in the planning and construction of residential areas based on the materials of a special survey of the cities of B. Zaporozhye, Stalinogorsk, Novo-Kharkov and the Avtozavodsky district of the city of Gorky]. (1936). Moscow. RGA NTD. Fund 120. Inv. 1-3. File 60.
- Zhiromskaya, V. B., & Polyakov, Yu. A. (2007). *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: Obshchiye itogi: Sbornik dokumentov i materialov [All-Union population census of 1937: General results. Collection of documents and materials]*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).

This study focuses on examining the aesthetic preferences of students from different academic backgrounds in residential environments. The purpose of the study was to identify liked and disliked aesthetic characteristics among student groups with different academic backgrounds. The research involved students from various academic backgrounds, including the Departments of Architectural, Civil, Electrical Engineering, and the Department of Arabic Language. The study employed an appropriate factor analysis method to accurately assess the aesthetic quality. The study found that students' academic backgrounds significantly affect their aesthetic sense. Architecture students have a strong ability to evaluate works of art and engineering projects effectively. Some aesthetic characteristics, such as movement, harmony, and simplicity, are preferred across all student groups, while others, such as excessive complexity and rigidity, are disliked. The research also suggests that designers should consider the preferences of different resident groups when creating environments. Furthermore, the study found that most student groups, except for architecture students, exhibit great admiration for Western architectural styles with contemporary, non-traditional characteristics. Overall, the study provides new insights into the aesthetic preferences of students in residential environments and identifies visually desirable and undesirable attributes that most students agree upon.

Keywords: scientific background; aesthetic perception; residential environments; Factor Analysis; architecture and design; assessment. /

В исследовании приняли участие студенты различных учебных заведений, включая архитектурный, строительный, электротехнический факультеты и факультет арабского языка. Для точной оценки эстетических качеств использовался соответствующий метод факторного анализа. Установлено, что академическая подготовка студентов существенно влияет на их эстетическое восприятие. Студенты архитектурного факультета обладают высокой способностью эффективно оценивать произведения искусства и инженерные проекты. Движение, гармония и простота являются предпочтительными для всех групп студентов; чрезмерная сложность и жесткость таковыми не являются. Дизайнеры должны учитывать предпочтения различных групп студентов при создании среды. Большинство студенческих групп, за исключением студентов-архитекторов, с восхищением относятся к западным архитектурным стилям с современными нетрадиционными характеристиками. Исследование позволяет выявить визуально желательные и нежелательные свойства, с которыми согласны большинство студентов.

Ключевые слова: научная база; эстетическое восприятие; жилая среда; факторный анализ; архитектура и дизайн; оценка.

Влияние академической базы на эстетическое восприятие жилой среды / Scientific background impact on aesthetic perception in residential environments

текст

Айман Наджиб Тома (Маайя)

Прикладной университет Балка (Амман, Иордания)

text

Ayman Najib Tomah (Maayah)

Balqa Applied University (Amman, Jordan)

Введение

Эстетика жилой среды – сложная и многогранная тема, которая давно интересует исследователей и дизайнеров. Визуальная привлекательность жилой среды оказывает значительное влияние на удовлетворенность и благополучие ее обитателей. Но в предыдущих исследованиях недостаточно внимания уделялось роли научных знаний в формировании эстетического восприятия. Область эстетики, особенно в архитектуре, вызывает споры среди философов, архитекторов, психологов, ученых, занимающихся дизайном среды, и художников со времени возникновения эстетики в середине XVIII века. Эстетика определяется архитекторами как наука о чувственном познании, изучающая естественную красоту и художественный вкус, а также принципы искусства и дизайна. Те, кто изучает эстетические ценности, стремятся понять, что приносит человеку удовольствие, а что вызывает неприятные чувства. В исследованиях эстетических ценностей используются различные подходы, в том числе изучение эстетического вкуса и изучение способности человека к творчеству. Ранний подход фокусируется на сенсорном и когнитивном восприятии, а более поздний – на эстетических ценностях и творческих процессах [1].

Жилая среда и эстетические ценности в последние несколько лет активно изучаются в различных областях поведенческих наук и психологии [2; 3; 4]. Несмотря на многочисленные исследования, направленные на определение универсально воспринимаемых красивых или чувственных форм и символов, общепринятая единая теория или модель остается далекой целью [5]. Однако архитекторы и психологи-экологи сходятся во мнении, что при грамотном использовании определенные факторы способствуют восприятию жилой среды как позитивно стимулирующей [6].

Более двух тысяч лет назад Витрувий объяснил три основные цели, которые должно достичь любое здание: удобство использования, удовольствие и долговечность [7]. В XVII веке сэр Генри Уоттон перефразировал эти три цели, сохранив тот же смысл: товарность, радость и прочность [8]. Эти три цели взаимосвязаны и работают как группа [9]. Одной из наиболее важных целей, имею-

щих непосредственную связь с эстетическими аспектами, является удобство использования [10]. По мнению Баркера, архитектура представляет собой единство эстетического, формального и функционального аспектов, подобно тому как существует связь между чувственной красотой формы и скрытым смыслом в поэзии [10].

Восприятие и смыслы жилой среды

Согласно теории Гибсона и Гибсона, восприятие определяется взаимозависимостью сенсорных систем и стимулов окружающей среды [11]. Поскольку восприятие субъективно, архитекторы и дизайнеры не могут рассчитывать на то, что вложенный ими смысл будет воспринят пользователями конкретной среды именно так, как они задумали [3]. Сенсорное восприятие отличается от когнитивного, которое предполагает интерпретацию сенсорной информации в мозге [12]. Кроме того, сенсорное восприятие позволяет человеку воспринимать окружающую среду через свои органы чувств [13]. Световые, звуковые и другие сенсорные волны играют важнейшую роль в сенсорном восприятии и понимании смыслов созданной среды [14].

Архитектурные произведения в целом и жилые здания в частности редко бывают лишены смысла. Смыслы, которые несет в себе жилая среда, постоянно меняются и развиваются. На смыслы и идеи влияют ценности и тенденции, существующие в конкретном обществе, а также религиозные верования и развитие технологий [10]. Качество и функции, определяющие смыслы среды, зависят в основном от субъективных факторов, относящихся к самому дизайнеру, и внешних факторов, связанных с местом работы, расположением и бенефициаром проекта [15].

Смысл, который несут архитектурные формы, имеет большое значение для когнитивного восприятия и связан с чувствами. Броудбент [16] говорит по этому поводу: «Когда мы говорим о «смысле» конкретного здания, мы имеем в виду все, что стоит за его внешним обликом». Постижение смысла, который несет в себе жилая среда, также связано с сенсорным восприятием. Ощущения бывают внутренними, такими как голод и усталость, или внешними, и передаются они через пять органов

Introduction

Aesthetics in residential environments is a complex and multifaceted topic that has been of interest to researchers and designers for a long time. The visual appeal of a residential environment has a significant impact on the satisfaction and well-being of its residents. However, the role of scientific background in shaping aesthetic perception is an area that has received little attention in previous research. The field of aesthetics, particularly in architecture, has raised controversy among philosophers, architects, psychologists, environmental design scientists, and artists since the emergence of aesthetics in the mid-eighteenth century. Aesthetics is defined by architects as the science of sensory knowledge, the study of natural beauty and artistic taste, and the study of art and design principles. The goal of those interested in aesthetic values is to understand what brings pleasure or displeasure to individuals. Research on aesthetic values has taken different approaches, including studies on aesthetic taste and studies on the human capacity for creativity. The former approach focuses on sensory and cognitive perception, while the latter focuses on aesthetic values and creative processes. (Barker, 2020).

Residential environment and aesthetic values have been extensively studied in various fields of behavioral sciences and psychology over the past few years (Brady & Prior, 2020; Gifford, R. 2017; Herzog, et

al., 2019). Despite numerous studies aiming to determine universally perceived beautiful or sensual shapes and symbols, a widely accepted unified theory or model remains a distant goal (Spence, 2020). However, there is agreement among architects and environmental psychologists that certain factors contribute to the perception of residential environments as positively stimulating if used appropriately (Cervinka, et al., 2016).

Vitruvius, more than two thousand years ago, explained the three basic goals that any building must achieve: suitability for use, pleasure, and durability (Ferrari & Johansson, 2022). Sir Henry Wotton rephrased these three goals in terms of the same meanings: commodity, delight, and firmness in the seventeenth century (Fleming, 2017). These three goals are interrelated and work as a group (Caldas et al., 2018). Among the most important of the goals that have a direct connection with the aesthetic aspects is the convenience of use (Groat & Wang, 2016). According to Barker, architecture is a union between the aesthetic, formal, and functional aspects, just as there is a connection between the sensual beauty of the form and the implicit meaning in poetry (Groat & Wang, 2016).

Perception and Meanings of Residential Environments

According to Gibson and Gibson's theory, perception is determined by the interdependence of sensory systems and environmental stimuli

чувств. Ощущение всегда предшествует процессу восприятия, и связь между ними представлена тем, что ощущение – это восприятие световых волн и вибраций, в то время как восприятие представляет собой ощущение плюс смысл воспринимаемой вещи» [10].

Смысл и сенсорное восприятие тесно связаны, и на то, как воспринимается смысл, влияют два ключевых аспекта. Во-первых, это факторы, непосредственно связанные с человеком, осуществляющим процесс восприятия: перемещение человека в архитектурном пространстве; его личностные характеристики – опыт и интересы, воспоминания, обычаи и традиции, религия и верования, культурные особенности, уровень образования. Во-вторых, факторы, связанные с характеристиками и особенностями воспринимаемого здания, например: форма и композиция, текстура и внешний вид, а также масштаб, контраст и окружение (контекст), включая фон, тень, освещение, цвет и угол обзора [10]. Жилая среда, как и любой продукт человеческой деятельности, обычно несет в себе одновременно несколько различных смыслов, причем эти смыслы взаимосвязаны и пересекаются, и во многих случаях отделить их друг от друга невозможно. Смыслы, которые несет в себе жилая среда, не всегда связаны с архитектурными элементами, но те, кто их использует, наделяют их этой связью [15]. Смыслы, связанные с жилой средой, вызывают у индивидов общее чувство восхищения или неприязни, комфорта или дискомфорта и другие человеческие ощущения. Смыслы такой среды соответствуют ориентациям и ценностям индивидов, что усиливает достижение чувства принадлежности к месту или даже принадлежности к группе людей [10].

Цель и задачи

Целью данной работы является изучение влияния академической базы и культурного представления на эстетическое восприятие жилой среды студентами университета. Изучение взаимосвязи между научным образованием, культурным представлением и эстетическим восприятием позволит понять факторы, формирующие визуальные предпочтения индивидов, и расширить наше

представление о влиянии образования и культурного воздействия на эстетическое восприятие.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие **задачи**:

1. Выявить и проанализировать предпочтительные и неpreferred характеристики жилой среды среди студентов различных специальностей: архитектура, гражданское строительство, электротехника и арабский язык.

2. Сравнить и сопоставить восприятие жилой среды студентами различных специальностей и определить сходство и различие в предпочитаемых и не предпочитаемых ими характеристиках.

Методы

В исследовании использовался перекрестный опрос, который проводился с применением количественного исследовательского подхода. Студенты старших курсов Прикладного университета Балка в Аммане (Иордания) были отобраны методом преднамеренного отбора на основе таких специфических критериев, как уровень образования и область обучения. Сбор данных осуществлялся с помощью анкеты, состоящей из трех основных разделов. В первом собирались персональные данные – учебный год, специальность, пол и возраст. Во втором были представлены пять различных изображений жилой среды, отличающихся по архитектурному стилю и визуальным характеристикам, а именно:

Изображение (А): Традиционный стиль строительства в Аммане, характеризующийся использованием каменного материала и ярко выраженными архитектурными особенностями, который был распространен в городе в 1950-е – 1970-е годы.

Изображение (Б): Популярный в Иордании и в особенности в Аммане стиль жилых домов с черепичными крышами в духе западной архитектуры.

Изображение (В): Стиль жилых зданий, сочетающий в себе современные и традиционные элементы дизайна и пытающийся имитировать элементы традиционных зданий, придавая им современные черты.

Изображение (Г): Многоквартирные дома, количество которых быстро растет в Иордании, особенно в связи

Рис. 1. Типы жилых зданий, использованные для опроса / Figure 1: Represents the used residential building types

> Изображение А: Традиционные каменные дома в Аммане / Picture A: Traditional Stone-Made Buildings in Amman

v Изображение Б: Здания с черепичной крышей в западном стиле, Амман / Picture B: Western-Style Tiled Roof Buildings in Amman

v Изображение В: Стиль, соединяющий современные и традиционные черты / Picture C: Building style that combines modern and traditional

^ Изображение Г: Жилые дома, быстро распространяющиеся в Аммане / Picture D: Apartment buildings that are growing rapidly in Jordan

^ Изображение Д: Жилые дома, которые строятся государственным сектором / Picture E: Apartment building that is built by the public sector

с ростом цен на землю и строительные материалы. Эти здания обычно строятся из натурального камня, что придает архитектуре Иордании особый характер. Обычно строятся частным сектором.

Изображение (Д): Другой тип многоквартирных домов строится государственным сектором, как правило, с использованием готовых материалов или оштукатуренных стен, что значительно помогает сократить как время, так и стоимость строительства.

Третий раздел опросника состоял из семантической дифференциальной шкалы, включающей двадцать пунктов. Каждый пункт содержал пару противоположных по смыслу характеристик, разделенных семью пробелами, что позволяло респондентам выразить свое мнение и реакцию на каждое из пяти изображений, представляющих различные виды жилой среды. Характеристики распола-

(Gibson, 2015). As perception is subjective, architects and designers cannot assume that their intended meaning will be perceived as intended by the users of a particular environment (Gifford, 2017). Sensory perception is distinct from cognitive perception, which involves the interpretation of sensory information in the brain (Poon, 2020). Additionally, sensory perception enables individuals to experience the environment through their senses (Veilleux et al., 2022). Light, sound waves, and other sensory waves play a crucial role in sensory perception and understanding the built environment's meanings (Ulrich, 2017).

Architectural works in general and residential buildings, in particular, are rarely devoid of meaning. The meanings that the residential environment bears are constantly changing and evolving. Meanings and ideas are affected by the values and trends present in a particular society, in addition to being affected by religious beliefs and technological developments (Groat & Wang, 2016). Its quality and function of factors determining the meanings of the environment depend mainly on subjective factors belonging to the designer himself, and external factors related to the job, location, and the beneficiary of the project (Lang, 2017).

The meaning that architectural forms bear is of great importance in cognitive perception and that is related to feelings. Broadbent (2019) says in this regard "When referring to the "meaning" of a specific build-

гались в противоположных или антагонистических парах, причем положительные характеристики слева, а отрицательные – справа. Такая схема была призвана облегчить респондентам ответы на вопросы и упростить процесс анализа. Двадцать характеристик были расположены следующим образом:

№.	Пара характеристик	№.	Пара характеристик
1	простота – сложность	11	красота – уродливость
2	спокойствие – волнение	12	движение – жесткость
3	гармония – противоречие	13	порядок – хаос
4	ясность – неопределенность	14	расслабление – напряжение
5	формальность – неформальность	15	умиротворенность – ярость
6	смелость – страх	16	комфорт – дискомфорт
7	удовольствие – скука	17	радость – уныние
8	разнообразие – однообразие	18	сила – слабость
9	решимость – неуверенность	19	легкость узнавания – чужеродность
10	привычность – непривычность	20	симпатия – антипатия

Таблица 1. Противоположные характеристики в семантической дифференциальной шкале: опросник, состоящий из двадцати пунктов

Опросник был предварительно протестирован на валидность и надежность. Для анализа опросника, изменяющего субъективные представления и установки, использовалась методика факторного анализа: участникам предлагалось оценить концепцию по набору биполярных характеристик, чтобы определить ее коннотативное значение. Для анализа данных использовались методы описательной и инференциальной статистики.

Создание выборки исследования

Выборка исследования была сделана тщательно, чтобы обеспечить ее репрезентативность и соответствие задачам исследования. В нее вошли студенты мужского и женского пола в количестве 151 человека из Прикладного университета Балка в Аммане (Иордания), которые обучались на различных инженерных факультетах: 40 студентов с факультета архитектурного проектирования,

ing, we are referring to all matters related to this building behind its external appearance.” Understanding and comprehending the meaning that the residential environment bears is also related to sensory perception. The sensation is internally aching, such as hunger and fatigue, or externally, and it is conveyed through the five senses. Sensation always precedes the process of perception, and the relationship between them is represented by the fact that sensation is the reception of light waves and vibrations, while perception is sensation plus the meaning of the perceived thing (Groat & Wang, 2016).

Meaning and sensory perception are closely related, and two key aspects influence how meaning is perceived. First, there are factors that are directly related to the person performing the perception process, such as the person's movement within the architectural space, their personal characteristics, such as their experience and interests, their memories, their customs and traditions, their religion and beliefs, their cultural background, and their level of education. Second: factors related to the characteristics and features of the perceived building, such as: shape and composition, texture and appearance, in addition to the scale, contrast, and surroundings (context) that includes the background, as well as shadow, lighting, color, and the angle of view (Groat & Wang, 2016). The residential environment - like any human product - usually carries a number of different meanings at the same time, and

29 студентов с факультета гражданского строительства и 42 студента с факультета электротехники. Кроме того, в исследование были включены 42 студента факультета арабского языка Колледжа искусств.

Выбор студентов с инженерных факультетов был направлен на то, чтобы понять, как студенты-инженеры оценивают жилую среду, и выявить общие закономерности их мышления. С другой стороны, включение студентов факультета арабского языка было направлено на изучение возможной связи между академической подготовкой студентов и их оценкой жилой среды, а также на выявление различий между оценками студентов инженерных факультетов и студентов с других факультетов. Для лучшего формирования и обоснования выборки особое внимание уделялось отбору студентов четвертого и пятого курсов, так как предполагалось, что они обладают более развитой научной и культурной базой.

Методика факторного анализа

Факторный анализ – это современный статистический метод, используемый для анализа множества переменных [17]. Метод преследует две основные цели: сокращение числа переменных путем выделения меньшего набора факторов, между которыми существует определенная связь [4], и определение характера или структуры отношений, связывающих переменные внутри каждого фактора. По этим причинам факторный анализ иногда называют анализом сокращения данных или анализом определения структуры [18].

Факторный анализ включает три этапа: построение матрицы коэффициентов корреляции для каждой пары переменных, извлечение факторов из матрицы коэффициентов корреляции и ротацию факторов для усиления переменных с сильными связями и снижения значимости слабых связей [19]. Этот процесс помогает исследователям лучше понять взаимосвязи между переменными и упростить сложные наборы данных, сведя их к меньшему набору основных факторов [18]. Существует несколько методов выделения факторов из матрицы коэффициентов корреляции. К числу распространенных методов относятся анализ главных компонент и метод максимального правдоподобия. После извлечения фак-

these meanings are interrelated and overlapping and in many cases, it is not possible to separate them from each other. The meanings carried by the residential environment are not always related to the architectural elements, but are bestowed on them by the individuals who use them (Lang, 2017). The meanings associated with the residential environment give individuals a general sense of admiration or dislike, comfort or discomfort, and other human sensations. The meanings of this environment are compatible with the orientations and values of individuals, which enhances the achievement of a sense of belonging to a place or even belonging to a group of individuals (Groat & Wang, 2016).

Aim and Objectives

The aim of this paper is to examine the influence of scientific background and cultural insight on the aesthetic perception of residential environments among university students. Exploring the relationship between scientific background, cultural insight, and aesthetic perception, will provide insights into the factors that shape individuals' visual preferences and enhance our understanding of the impact of education and cultural exposure on aesthetic perception.

Objectives: To achieve the aim of the study, the following objectives were set:

1. To identify and analyze the liked and disliked characteristics of residential environments among students from different academic dis-

торов исследователи должны решить, сколько факторов следует оставить. Это можно сделать с помощью различных критериев: критерий Кайзера или диаграмма Скри. После того как количество факторов определено, их можно подвергнуть ротации с целью повышения интерпретируемости. К числу распространенных методов ротации факторов относятся Varimax и Promax [18].

Метод анализа анкет

В анализе результатов анкетирования использовались две специализированные компьютерные программы для статистического анализа. Исходя из качества используемого программного обеспечения, характера вопросов и технических соображений, анализ был разделен на два этапа.

На первом этапе с помощью статистической программы Excel из пакета Microsoft Office были определены средние значения ответов для каждой жилой среды и категории в выборке. Для наглядного представления результатов анализа в линейной форме были построены графики, облегчающие изучение и понимание результатов.

Чтобы компьютер мог анализировать результаты, каждому из семи пробелов между противоположными характеристиками было присвоено числовое значение, начиная с самого положительного признака (7) и заканчивая самым отрицательным (1). На втором этапе двадцать переменных, использованных в анкете, были преобразованы в новый набор независимых факторов, позволяющих выявить глубинные причины предпочтения тех или иных характеристик жилой среды. Для этого использовался метод статистического факторного анализа с помощью специализированной программы SPSS. В целом эти два этапа анализа были крайне важны для понимания результатов анкетирования и выявления ключевых факторов, обуславливающих предпочтения к той или иной жилой среде.

Результаты и обсуждение

Результаты факторного анализа

В табл. 7 приведены результаты факторного анализа для различных групп студентов и для всех пяти представленных им изображений жилой среды. Как видно из табл. 7, двадцать переменных были сведены к четырем значимым факторам для всех студентов. Других

ciplines, such as architecture, civil engineering, electrical engineering, and Arabic language.

2. To compare and contrast the perceptions of students from different academic disciplines on residential environments, and determine any similarities or differences in their preferred and non-preferred attributes.

Methods

The study employed a cross-sectional survey, which, was conducted using a quantitative research approach. Advanced level students at Balqa Applied University in Amman, Jordan were selected through purposive sampling based on specific criteria such as their level of education and area of study. Data were collected through a questionnaire with three main sections: the first gathered personal data such as academic year, specialization, gender, and age. The second presented five different pictures of residential environments that varied in their architectural style and visual characteristics. These pictures included:

Picture (A): A traditional building style of Amman that is characterized by its stone material and distinct architectural features, which was prevalent in the city from the 1950s to the 1970s.

Picture (B): A residential building style that is popular in Jordan, particularly in Amman, that adopts a Western architectural style with tiled roofs.

Picture (C): A residential building style that combines modern and traditional design elements, attempting to simulate the elements of traditional buildings with a modern touch.

Picture (D): Apartment buildings that are growing rapidly in Jordan, particularly in response to the rise in land and building material prices. These buildings are usually constructed with natural stone, which gives architecture in Jordan its distinctive character. Usually built by private sector.

Picture (E): Another type of apartment building that is built by the public sector, typically using prefabricated materials or plastered walls, which significantly help to reduce both construction time and costs.

The third section of the questionnaire consisted of a differential semantics scale, which included twenty items. Each item featured a pair of antagonistic adjectives separated by seven spaces, allowing respondents to indicate their opinion and reaction to each of the five images representing different residential environments. The adjectives were arranged in opposite or antagonistic pairs, with positive adjectives towards the left and negative adjectives towards the right. This design was intended to make it easier for respondents to answer the questions and to facilitate the analysis process. The twenty adjectives were arranged as follows:

значимых факторов в результате анализа выявлено не было. Факторы и их категории можно расположить в порядке убывания значимости следующим образом:

Для студентов факультета архитектурного проектирования:

Первый фактор (30,7%) включает в себя переменные, связанные с удовольствием, радостью, красотой, расслаблением и симпатией. Другими словами, 30,7% различий в точках зрения студентов данного факультета можно отнести к первому фактору.

Второй фактор (14,6%) включает в себя переменные, связанные с движением, разнообразием, ясностью и привычностью. Третий фактор (11,8%) включает переменные, связанные с порядком, легкостью узнавания и силой, а четвертый фактор (9,5%) – с простотой и спокойствием.

Для студентов факультета гражданского строительства:

Первый фактор (28,3%) связан с легкостью узнавания, радостью, спокойствием, силой и красотой, второй фактор (13,5%) – с ясностью, спокойствием, простотой, расслаблением и смелостью. Третий фактор (12,9%) связан с решимостью, привычностью, а четвертый (11,0%) – с гармонией, комфортом и движением.

Для студентов электротехнического факультета:

Первый фактор (20,7%) включает переменные, связанные с легкостью узнавания, комфортом, движением и спокойствием, а второй фактор (16,9%) – переменные, связанные со спокойствием, порядком, простотой и решимостью. Третий фактор (12,2%) включает переменные, связанные с удовольствием, привычностью и красотой, а четвертый фактор (10,0%) – с разнообразием, гармонией и расслаблением.

Для студентов факультета арабского языка:

Первый фактор (34,2%) включает переменные, связанные с симпатией, комфортом, расслаблением, силой, радостью, красотой, движением и удовольствием. Второй фактор (13,6%) связан с легкостью узнавания, порядком и гармонией. Третий фактор (9,3%) включает переменные, связанные со спокойствием и ясностью, а четвертый

фактор (8,3%) – переменные, связанные с привычностью, простотой и разнообразием.

Анализируя структуру факторов и взаимосвязь между переменными, можно заметить, что одни переменные зависят от эмоциональных реакций, а другие – от архитектурного описания зданий. Первую категорию можно рассматривать как сенсорные переменные, а вторую – как описательные. Эти переменные можно расположить следующим образом:

Описательные/формальные переменные	Сенсорные/эмоциональные переменные
простота – гармония	красота – симпатия
спокойствие – порядок	радость – удовольствие
ясность – привычность	сила – слабость
волнение – движение	комфорт – легкость узнавания
разнообразие – расслабление	смелость – решимость

Таблица 2. Классификация переменных на основе эмоциональных (сенсорных) реакций и архитектурных описаний зданий

Рассмотрев взаимосвязи между переменными и результаты факторного анализа, можно сделать следующие выводы:

Среди студентов факультета архитектурного проектирования наиболее значимое влияние на эмоциональную реакцию на жилые здания оказывают первый и третий факторы (30,7% и 11,8% соответственно). Суммарный результат этих двух факторов составляет около 43%. Таким образом, чувства и эмоции студентов-архитекторов играют решающую роль при оценке различной жилой среды. Кроме того, академический характер архитектурного образования позволяет студентам развивать свое художественно-эстетическое чувство, которое становится ориентиром при оценке произведений искусства и инженерных проектов.

Второй (14,6%) и четвертый (9,5%) факторы (что в совокупности составляет 24,1%) содержат переменные, связанные с архитектурным описанием форм зданий в различной жилой среде. Это свидетельствует, что архитектор чаще всего опирается сначала на чувства и эмоции, а затем, при анализе архитектурных элементов и принципов, переходит к использованию своего опыта, приобретенного во время учебы или работы.

No.	Adjective Pair	No.	Adjective Pair
1	Simplicity - Complexity	11	Beauty - Ugliness
2	Calmness - Excitement	12	Movement - Rigidity
3	Harmony - Contradiction	13	Order - Chaos
4	Clarity - Ambiguity	14	Relaxation - Tension
5	Formality - Informality	15	Peaceful - Violent
6	Daring - Fear	16	Comfort - Discomfort
7	Pleasure - Boredom	17	Joy - Gloom
8	Diversity - Similarity	18	Strength - Weakness
9	Boldness - Hesitation	19	Familiar - Strange
10	Accustomed - Unaccustomed	20	Like - Dislike

Table 1: Antagonistic Adjectives in the Differential Semantics Scale: Twenty Item Questionnaire

The questionnaire was pre-tested for validity and reliability. The Factor Analysis technique was used to analyze the questionnaire, measuring subjective perceptions and attitudes by asking participants to rate a concept on a set of bipolar adjectives to determine its connotative meaning. Descriptive and inferential statistics were used for data analysis.

Что касается студентов факультета гражданского строительства, то у них эмоциональная реакция на стимулы (жилые здания) в меньшей степени доминирует в первом факторе (28,3%) по сравнению со студентами-архитекторами. Однако переменные, связанные с описанием и оценкой форм и масс, доминируют по всем факторам (около 38%). Это свидетельствует, что эмоциональные реакции менее важны для студентов-строителей по сравнению с их коллегами-архитекторами. Тем не менее, эмоциональные и аффективные атрибуты все же присутствуют в первом (основном) факторе. В последних трех факторах преобладают переменные с описательно-формальной связью (37,6%), что обусловлено характером занятий по инженерным дисциплинам, которые в основном связаны с расчетами и уравнениями.

Рассматривая результаты опроса студентов-электротехников, связанные с переменными и корреляциями между ними, можно увидеть, что эмоциональные и описательно-формальные стимулы присутствуют в первом (20,7%) и третьем (12,3%) факторах (всего около 33%), а описательно-формальные стимулы выделяются во втором (17%) и четвертом (10%) факторах (всего около 27%). Это означает, что эмоциональные стимулы рассматриваются как второстепенные и не являются от-

Study sample selection

The study sample was carefully selected to ensure its representativeness and relevance to the research objectives. It consisted of (151) male and female students from Balqa Applied University in Amman, Jordan, who were enrolled in different engineering departments: (40) students from the Department of Architectural Engineering, (29) students from the Department of Civil Engineering, and (42) students from the Department of Electrical Engineering. Additionally, (42) students from the College of Arts, Department of Arabic Language, were also included.

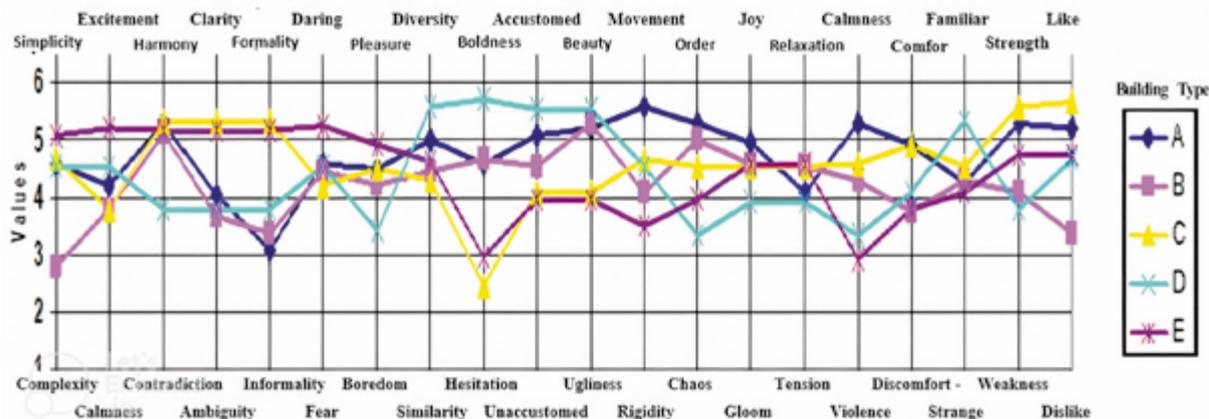
The selection of students from the engineering departments aimed to understand how engineering students evaluate residential environments and identify any common patterns in their thinking. On the other hand, the inclusion of students from the Department of Arabic Language aimed to examine the potential relationship between students' academic background and their evaluation of the residential environments, as well as to identify any differences between the evaluations of engineering students and students from other departments. To ensure a well-defined and well-informed sample, particular attention was given to selecting students in their fourth and fifth years of study, as they were assumed to have a more developed scientific and cultural background.

личительными. Возможно, это опять же связано с академической подготовкой студентов-электротехников.

На факультете арабского языка наблюдается сильное наложение эмоциональных и формально-описательных стимулов в первом и втором факторах, на которые приходится около 48% суммарного результата (34,2% и 13,6% соответственно). При этом формально-описательный фактор доминирует в третьем и четвертом факторах (9,3% и 8,3% соответственно), составляя примерно 19% от суммарного результата. Это свидетельствует, что роль эмоционального фактора относительно невелика, в то время как формально-описательный фактор считается значимым. Результаты в некоторой степени схожи с результатами, полученными при анализе студентов-электротехников.

Статистический анализ графиков и средних значений Исследование результатов опроса студентов архитектурного факультета

График на рис. 2 показывает результаты анализа ответов студентов-архитекторов. Большинство ответов сгруппировано вокруг значений 4 и 5, что свидетельствует о высоком уровне субъективности и значительном расхождении мнений относительно оценки эстетики в различных жилых помещениях. Это говорит о сложно-

Б Рис. 2. Оценка результатов опроса студентов-архитекторов / Figure 2: Evaluation results of architecture students

Factor Analysis Technique

Factor analysis is an advanced statistical method used to analyze multiple variables (Hair et al., 2010). This technique has two main goals: to reduce the number of variables by identifying a smaller set of factors that have a certain relationship between them (Herzog et al., 2019), and to determine the nature or structure of the relationship that links the variables within each factor. For these reasons, factor analysis is sometimes referred to as data reduction analysis or structure detection analysis (Tabachnick & Fidell, 2019).

Factor analysis involves three stages: generating a matrix of correlation coefficients for each pair of variables, extracting factors from the matrix of correlation coefficients, and rotating the factors to enhance the variables with strong relationships and reduce the importance of weak relationships (Small, 2007). This process helps researchers better understand the relationships among variables and simplify complex datasets by reducing them to a smaller set of underlying factors (Tabachnick & Fidell, 2019). There are several methods for extracting factors from the matrix of correlation coefficients. Common methods include Principal Component Analysis and Maximum Likelihood. Once the factors have been extracted, researchers must decide how many factors to retain. This can be done using various criteria such as Kaiser's criterion or a Scree plot. After the number of factors has been deter-

сти принятия окончательных решений по оценке этих ценностей.

Результаты анализа выявили значительное единодушие студентов-архитекторов в их восхищении зданиями культурного наследия (изображение А), которые получили наивысшую оценку 4,8 (рис. 1). Также прослеживается тенденция повышения интереса к современным жилым зданиям, спроектированным в духе традиционных зданий и зданий культурного наследия (изображение В), получившим оценку 4,5. Эта тенденция объясняется характером и качеством учебной программы по архитектуре, в которой особое внимание уделяется уважению и учету наследия и традиций при проектировании современных жилых зданий.

Результаты анкетирования также показали, что студенты-архитекторы единодушно не приемлют жилые здания западного типа, особенно те, что построены из кирпича. Такие здания не отражают местную иорданскую архитектуру. В результате эта среда (изображение Б) получила самую низкую оценку студентов-архитекторов – 4,2 балла.

Что касается изображений Д и Г, которые представляют современные жилые здания, получившие широкое распространение в Иордании, – независимо от того, построены ли они из натурального камня, характерного для местной архитектуры, или из сборных материалов – в некоторых аспектах наблюдалась тенденция к нейтральному или негативному оцениванию. Это говорит о том, что люди привыкли воспринимать этот тип зданий, хотя в прошлом он не был популярным или предпочтительным [20]. Этот тип описывается с некоторыми явными негативными чертами: уродливость, жесткость, ярость, слабость, скука и т. д. Тем не менее, архитектурная группа в целом придерживается нейтральной позиции относительно восхищения этим типом жилой среды. Исследование и анализ результатов также показывают склонность студентов-архитекторов больше описывать положительные и понравившиеся характеристики, нежели те, которые не нравятся. Таким образом, мы видим, что большинство значений имеют тенденцию располагаться выше на графике (т. е. в сторону высоких значений), поскольку большинство опрошенных не оценили

mined, the factors can be rotated to enhance interpretability. Common methods for rotating factors include Varimax and Promax (Tabachnick & Fidell, 2019).

Questionnaire analysis Method

In order to analyze the questionnaire results, two specialized computer programs for statistical analysis were utilized. The analysis was divided into two phases, taking into account the quality of the software used, the nature of the questions, and technical considerations.

During the first phase, the statistical program “Excel” from the Microsoft Office suite was employed to determine the average responses for each residential environment and category in the selected sample. Graphs were created visually to represent the results of the analysis in linear form, making it easier to study and understand the results.

To enable the computer to analyze the results, each of the seven spaces between opposing adjectives was assigned a numeric value, starting with the most positive trait (7), and descending to the most negative trait (1). The second phase involved converting the twenty variables used in the questionnaire to a new set of independent factors that could help identify the underlying causes for preferences towards certain characteristics in residential environments. This was achieved using a statistical Factor analysis method, through the specialized program “SPSS”. Overall, these two phases of analysis were critical in un-

ни одну среду как абсолютно нелюбимую и нежелательную. Исходя из вышеизложенного, понравившиеся (желательные) и непонравившиеся (нежелательные) характеристики, по которым сошлись студенты-архитекторы, могут быть обобщены следующим образом:

Желательные характеристики	Нежелательные характеристики
Уход от формальности	Излишняя сложность
Уход от знакомых образов	Жесткость
Ярко выраженное движение	Формальность внешнего облика
Относительное спокойствие	Чрезмерное волнение
Решимость в проектировании	Жесткие формы
Тенденция к простоте	
Согласованность (гармония) форм	

Таблица 3. Сводная информация о понравившихся и непонравившихся характеристиках жилой среды среди студентов-архитекторов

В соответствии с анализом ответов студентов-архитекторов мы провели тщательное изучение результатов, полученных в других студенческих группах, включая студентов-строителей, электротехников и студентов, изучающих арабский язык. Используя ту же строгую методологию, что и для студентов-архитекторов, мы обеспечили последовательность нашего подхода. Для сохранения краткости и соблюдения требуемого объема статьи мы представили результаты для студентов-строителей (табл. 4), электротехников (табл. 5) и студентов, изучающих арабский язык (табл. 6). Применяя такой оптимизированный подход, мы стремимся обеспечить четкое и целенаправленное представление данных, не перегружая читателей излишней числовой информацией. Это способствует лучшему пониманию результатов исследования и позволяет проводить непосредственное сравнение между различными группами студентов.

Желательные характеристики	Нежелательные характеристики
Ярко выраженное движение	Абсолютная ясность
Уход от формальности	Использование сложных форм
Решимость в проектировании	Нечеткие формы
Гармония форм	Хаос

derstanding the results of the questionnaire and identifying key factors that contribute to preferences for specific residential environments.

Results and Discussion

Factor Analysis Results

Table 7 summarizes the results of the factor analysis for different student groups and for all five residential environments presented to them. As shown in the Table 7, the twenty variables were reduced to four significant factors for all students. No other factors of significant importance were identified by the analysis. The factors and their categories can be ranked in descending order of importance as follows:

For Architectural Engineering students,

The first factor (30.7%) includes variables related to pleasure, joy, beauty, relaxation, and liking. In other words, 30.7% of the differences in viewpoints among students at the Faculty of Engineering can be attributed to the first factor.

The second factor (14.6%) comprises variables related to movement, diversity, clarity, and accustomed. The third factor (11.8%) includes variables related to order, familiarity, and strength, while the fourth factor (9.5%) is related to simplicity and calmness.

For Civil Engineering students,

First factor (28.3%) is related to familiarity, joy, calmness, strength, and beauty, while the second factor (13.5%) is related to clarity,

calmness, simplicity, relaxation, and daring. The third factor (12.9%) is related to boldness, accustomed, and the fourth factor (11.0%) is related to harmony, comfort, and movement.

For Electrical Engineering students,

The first factor (20.7%) includes variables related to familiarity, comfort, movement, and calmness, while the second factor (16.9%) comprises variables related to calming, order, simplicity, and boldness. The third factor (12.2%) includes variables related to pleasure, accustomed, and beauty, and the fourth factor (10.0%) is related to diversity, harmony, and relaxation.

Students of the Arabic Language Department,

The first factor (34.2%) includes variables related to liking, comfort, relaxation, strength, joy, beauty, movement, and pleasure. The second factor (13.6%) is related to familiarity, order, and harmony. The third factor (9.3%) includes variables related to calming and clarity, and the fourth factor (8.3%) includes variables related to accustomed, simplicity, and diversity.

By analyzing the structure of the factors and the relationship between the variables, it can be observed that some variables depend on emotional responses, while others depend on the architectural description of the buildings. The former category can be considered as sensory variables, while the latter can be considered as descriptive variables.

Порядок в применении форм	
Тенденция к простоте	

Таблица 4. Сводная информация о понравившихся и не понравившихся характеристиках жилой среды среди студентов-строителей

Желательные характеристики	Нежелательные характеристики
Относительное спокойствие	Нечеткие формы
Сильные формы	Схожесть форм
Радость	Жесткость
Решимость в проектировании	
Гармония форм	
Захватывающие формы	
Тенденция к простоте	
Ярко выраженное движение	

Таблица 5. Сводная информация о понравившихся и не понравившихся характеристиках жилой среды среди студентов-электротехников

Желательные характеристики	Нежелательные характеристики
Сила	Хаос
Относительное спокойствие	Жесткость
Порядок	Странные формы
Ярко выраженное движение	Формальность внешнего облика
Непривычность	
Разнообразие форм	
Решимость в проектировании	
Гармония форм	
Тенденция к простоте	
Ясность	

Таблица 6. Сводная информация о понравившихся и не понравившихся характеристиках жилой среды среди студентов, изучающих арабский язык

Краткий обзор исследования: основные выводы и результаты

Проведенное исследование оценки жилой среды различными категориями студентов позволяет сделать несколько выводов. Предпочтения студентов в отношении различных архитектурных стилей и их характеристик формируются под влиянием различных факторов.

1. Фактор эмоций имеет наибольший уровень значимости при оценке студентами архитектурной категории, что можно объяснить характером изучения архитектуры. Это касается изучения принципов искусства и проектирования, а также эстетических предпочтений и чувственных восприятий, что еще больше подчеркивает роль чувств и эмоций при оценке произведений искусства в целом и архитектуры в частности.

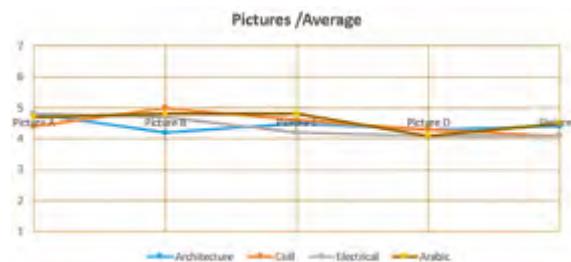
2. Большинство студентов во всех группах демонстрируют общий нейтралитет по отношению к современным жилым зданиям, близкий к неприязни. Такая нейтральная позиция может быть обусловлена частым контактом с этим типом зданий в силу экономических ограничений, обуславливающих необходимость их строительства.

3. Значительный разброс ответов между всеми четырьмя группами свидетельствует о сложности обобщения конкретных характеристик, относящихся к эстетической ценности жилой среды. Большое влияние на предпочтение оказывают несколько взаимосвязанных факторов.

4. Результаты исследования свидетельствуют о том, что большинство групп студентов, за исключением тех, кто изучает архитектуру, с большим восхищением относятся к западным архитектурным стилям. Они склонны отдавать предпочтение современным нетрадиционным архитектурным решениям.

5. При описании жилой среды все категории студентов делают акцент на положительных и благоприятных аспектах, что объясняет, почему ни одна жилая среда не характеризуется как полностью положительная или отрицательная.

6. Студенты-архитекторы склонны восхищаться традиционными зданиями, а также современными, выпол-

< Рис. 3. Суммирование всех оценок для всех типов жилой среды по среднему арифметическому значению / Figure 3: Summation of all evaluations for all residential environments on the arithmetic mean

These variables can be arranged as follows:

Descriptive/Formal Variables	Sensory/Emotional Variables
Simplicity - Harmony	Beauty - Liked
Calmness - Order	Joy - Pleasure
Clarity - Accustomed	Strength - Weakness
Excitement - Movement	Comfort - Familiar
Diversity - Relaxation	Daring - Boldness

Table 2: Classification of Variables Based on Emotional (Sensory) Responses and Architectural Descriptions (Descriptive) in Buildings

By examining the interrelationships between variables and the results of the factorial analysis, the following conclusions can be drawn:

In the context of students studying **Architectural Engineering**, the first and third factors (30.7% and 11.8%, respectively) have the most significant impact on their emotional response towards residential buildings. The cumulative result of these two factors is approximately 43%. Therefore, the feelings and emotions of architectural students play a crucial role in evaluating various residential environments. Additionally, the academic nature of architectural education enables students to develop their artistic and aesthetic sense, which becomes a reference point when evaluating works of art and engineering projects.

The second factors (14.6%) and the fourth (9.5%), (which constitutes 24.1% as an aggregate result), contain variables that deal with and focus on the architectural description of the forms of building, in different residential environments. This indicates that the architect depends most of the time first on feelings and emotions, then moves on to using his experience in analyzing the architectural elements and principles that he acquires during his studies or work.

Regarding **Civil Engineering** students, the emotional response to stimuli (residential buildings) is less dominant in the first factor (28.3%) compared to Architectural Engineering students. However, variables related to the description and evaluation of shapes and masses are dominant across factors (approximately 38%). This indicates that emotional responses are less important among Civil Engineering students compared to their counterparts in Architectural Engineering. Nevertheless, emotional and affective factors are still present in the first and basic factor. The last three factors are dominated by variables with a descriptive-formal relationship (37.6%) due to the nature of Civil Engineering studies, which mostly involve calculations and equations.

Examining the outcomes of **electrical engineering** students, we can observe from the variables and correlations between them that there is a combined presence of emotional and descriptive-formal stimuli between the first (20.7%) and third (12.3%) factors (around 33% total), while de-

Студенты-архитекторы		Студенты-строители		Студенты-электротехники		Студенты, изучающие арабский язык	
Компонент	% расхождения	Компонент	% расхождения	Компонент	% расхождения	Компонент	% расхождения
Первый компонент	30,7	Первый компонент	28,30	Первый компонент	20,67	Первый компонент	34,2
удовольствие - скука	0,94	близость - чужеродность	0,86	близость - чужеродность	0,84	симпатия - антипатия	0,86
радость - уныние	0,89	радость - уныние	0,76	комфорт - дискомфорт	0,82	комфорт - дискомфорт	0,86
красота - уродливость	0,84	спокойствие - волнение	0,74	движение - жесткость	4,65	расслабление - напряжение	0,76
симпатия - антипатия	0,82	сила - слабость	0,73	спокойствие - волнение	4,58	сила - слабость	0,73
расслабление - напряжение	0,7	красота - уродливость	0,61			радость - уныние	0,65
						красота - уродливость	0,63
						движение - жесткость	0,58
						удовольствие - скука	0,56
Второй компонент	14,6	Второй компонент	13,54	Второй компонент	16,90	Второй компонент	13,6
движение - жесткость	0,86	ясность - неопределенность	0,89	спокойствие - волнение	4,85	близость - чужеродность	0,87
разнообразие - однообразие	4,81	спокойствие - волнение	0,88	порядок - хаос	0,73	порядок - хаос	0,79
ясность - неопределенность	0,75	простота - сложность	0,71	простота - сложность	0,70	гармония - противоречие	0,53
привычность - непривычность	0,63	расслабление - напряжение	0,60	решимость - неуверенность	0,59		
		смелость - страх	0,53				
Третий компонент	11,8	Третий компонент	12,96	Третий компонент	12,12	Третий компонент	9,3
порядок - хаос	0,93	решимость - неуверенность	0,89	удовольствие - скука	0,91	спокойствие - волнение	0,80
близость - чужеродность	0,69	привычность - непривычность	0,88	привычность - непривычность	4,76	ясность - неопределенность	0,78
сила - слабость	0,59			красота - уродливость	0,61		
Четвертый компонент	9,5	Четвертый компонент	11,01	Четвертый компонент	9,99	Четвертый компонент	8,3
простота - сложность	0,87	гармония - противоречие	0,75	разнообразие - однообразие	0,83	привычность - непривычность	0,79
спокойствие - волнение	0,59	комфорт - дискомфорт	0,72	гармония - противоречие	4,70	простота - сложность	0,66
		движение - жесткость	0,56	расслабление - напряжение	0,62	разнообразие - однообразие	4,65

Таблица 7. Распределение оценок студентов по категориям в соответствии с факторным анализом

scriptive-formal stimuli stand out in the second (17%) and fourth (10%) factors (totaling around 27%). This implies that emotional stimuli are viewed as secondary and not as distinctive. Again, this could be attributable to the academic background of electrical engineering students.

In the **Department Arabic Language**, it is observed that there is a strong overlap between emotional and formal descriptive stimuli in the first and second factors, which account for approximately 48% of the cumulative result (34.2% and 13.6% respectively). Meanwhile, the formal descriptive factor dominates the third and fourth factors (9.3% and 8.3% respectively), accounting for approximately 19% of the cumulative result. This indicates that the importance of the emotional factor is relatively low, while the formal descriptive factor is deemed significant. These results are somewhat similar to the results obtained from the analysis of electrical engineering students.

Statistical Analysis of Graphs and Averages

A Study of Architecture Students' Results

The graph in Figure 2 shows the results of analyzing architecture students' responses. Most answers were clustered around values 4 and 5, indicating a high level of subjectivity and significant divergence of opinions regarding the evaluation of aesthetics in different residential environments. This suggests that making decisive decisions about evaluating these values is challenging.

ненными в традиционных архитектурных стилях. Это объясняется их сильным тяготением к объектам культурного наследия, которые отражают местный характер, и необходимостью их сохранения и возрождения.

7. Несмотря на применение двух факторов – сенсорно-эмоционального и описательно-формального – при оценке эстетических характеристик жилой среды, использование второго фактора, т. е. описательно-формального, оказалось более очевидным и значимым, хотя и с разной степенью важности для каждой категории.

8. Студенты архитектурного факультета и факультета гражданского строительства дают схожую оценку эстетике с помощью эмоционального и описательно-формального факторов, в то время как оценки студентов электротехнического факультета и факультета арабского языка сходятся в большей степени. Несмотря на различия в оценках, большинство студентов согласны в отношении понравившихся характеристик, включая легкость узнавания, движение, простоту и разнообразие, и не понравившихся характеристик, включая хаос, жесткость и скуку.

9. Несмотря на явные различия в оценке жилой среды каждой группой студентов, можно выделить некоторые желательные и нежелательные визуальные характеристики, с которыми согласны большинство студентов, в том числе:

– Желательные характеристики: использование знакомых форм, движение, склонность к захватывающим формам, решительность в проектировании, склонность к простоте, наличие гармонии в формах, склонность к разнообразию.

– Нежелательные характеристики: хаос, жесткость форм, формальные внешний облик, использование скучных форм, чрезмерная сложность, использование противоречивых форм.

Ограничения

Настоящее исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, размер выборки был относительно небольшим, что могло ограничить обобщаемость полученных результатов. Во-вторых, исследование проводилось в специфических условиях (университетский кампус, Амман, Иордания), и полученные результаты могут быть

The analysis results revealed a significant consensus among architecture students in their admiration for heritage buildings (Picture A), which received the highest rating of 4.8 (Figure 1). There is also a trend towards modern residential buildings designed with the spirit of traditional and heritage buildings (Picture C), with a score of 4.5. This tendency is due to the nature and quality of the architecture curriculum, which emphasizes respecting and incorporating heritage and tradition in modern residential building design.

Another observation from the results is that architecture students unanimously dislike Western-style residential buildings, particularly those made of bricks. These buildings do not reflect local Jordanian architecture. As a result, this environment (picture B) received the lowest evaluation from architecture students, with a score of 4.2.

As for Pictures E and D, which represent modern housing buildings that have become widespread in Jordan, whether built with natural stone that characterizes local architecture or prefabricated materials, there was a tendency towards neutrality and negativity in some aspects. This indicates that individuals have become accustomed to accepting this type of building, even though it was not popular or desirable in the past (Tomah, 2012). This type is described with some clear negative traits such as ugliness, rigidity, violence, weakness, boredom, etc. Nevertheless, there is a consensus of neutrality among

неприменимы к другим условиям. Наконец, исследование было ограничено определенной группой людей (студентами), и его результаты не могут быть обобщены для других групп людей.

Авторы признают эти недостатки и предлагают в будущем проводить исследования с большим объемом выборки, в различных условиях и с более разнообразным составом участников. Это поможет удостовериться в том, что результаты настоящего исследования могут быть обобщены в большей степени для широкой популяции. Кроме того, в исследовании не рассматривались регулярное применение полученных результатов для выработки политики. Будущие исследования должны учитывать эти ограничения и изучать эстетические предпочтения более разнообразных групп населения, а также возможность применения соответствующих результатов для формирования политики.

Несмотря на указанные ограничения, настоящее исследование вносит вклад в наше понимание того, как академическая подготовка влияет на эстетическое восприятие жилой среды и закладывает основу для дальнейших исследований в этой области.

Литература

1. Barker, R. G. (2020). *Sensory perception, cognition, and interpretation: An evolutionary synthesis*. Psychology Press.
2. Brady, E., & Prior, J. (2020). Environmental aesthetics: A synthetic review. *People and Nature*, 2(2), 279-295. <https://doi.org/10.1002/pan3.10089>
3. Gifford, R. (2017). *Environmental psychology: Principles and practice*. Optimal Books.
4. Herzog, T. R., Hoenig, R., & Levine, A. B. (2019). Aesthetic preferences and the environment. *Oxford Research Encyclopedia of Psychology*.
5. Spence, C. (2020). Senses of place: architectural design for the multi-sensory mind. *Cognitive Research: Principles and Implications*, 5(1), 46. <https://doi.org/10.1186/s41235-020-00243-4>
6. Cervinka, R., Röderer, K., Hefler, E., & Schwab, M. (2016). Nature's restorative powers: A study on the effects of nature sounds on mood and cognitive performance. *Environmental Sciences*, 13(4), 463-475.
7. Ferrari, G., & Johansson, M. (2022). Aesthetic judgments of architecture. In *The Routledge Handbook of Philosophy of the Arts* (pp. 284-297). Routledge.
8. Fleming, W. (2017). *Arts and ideas*. Cengage Learning.
9. Caldas, L. G., Turk, A. Z., & Gero, J. S. (2018). *Architectural design and*

the architectural group regarding admiration for this type of residential environment. The study and analysis of the results also show a great tendency among architecture students to describe positive and liked characteristics more than those that are disliked. Therefore, we find that most values tend to be higher on the graph (i.e., towards high values) as most opinions did not rate any environment as completely disliked and undesirable. Based on the above, the liked (desirable) and disliked (undesirable) characteristics that architecture students agreed upon can be summarized as follows:

Preferred Attributes	Non-Preferred Attributes
Avoiding formality	Excessive complexity
Avoiding the familiar	Rigidity
Movement and Movement	Formal shapes
Relative calmness	Excessive excitement
Boldness in design	Rigid shapes
Tendency towards simplicity	
Consistency (Harmony) in shapes	
Diversity of shapes	

Table 3: Summary of Liked and Disliked Characteristics among Architecture Students in Residential Environments

In line with the analysis for architectural students, we conducted a thorough examination of the results from the other student groups, including civil engineering, electrical engineering, and Arabic language students. Employing the same rigorous methodology as applied to the architectural students, we ensured consistency in our approach. To maintain conciseness and adhere to the required paper length, we have presented the results for Civil (Table 4), Electrical (Table 5), and Arabic language students (Table 6). By adopting this streamlined approach, we aim to provide a clear and focused representation of the data, avoiding overwhelming readers with excessive numerical information. This facilitates an improved understanding of the study's findings and enables a straightforward comparison among the various student groups.

Preferred Attributes	Non-Preferred Attributes
Movement and Movement	Complete clarity
Avoiding formality	Use of complex shapes
Design Boldness	Ambiguous shapes
Harmony in shapes	Chaos
Order in used shapes	
Tendency toward simplicity	

Table 4: Summary of Liked and Disliked Characteristics among Civil Students in Residential Environments

procedural thinking: A potential role for computational design aids. *Design Studies*, 54, 193-222.

10. Groat, L. N., & Wang, D. (2016). *Architectural research methods*. John Wiley & Sons.

11. Gibson, E. J. (2015). *An ecological approach to perceptual learning and development*. Oxford University Press.

12. Poon, S. (2020). Deconstructing Sustainability Perceptions: Investigating Technological Innovation-Environmental Interaction in Green Buildings and the Influence of Architectural Design. *International Journal of Built Environment and Sustainability*, 8(1), 91-101. <https://doi.org/10.11113/ijbes.v8.n1.621>

13. Veilleux, C. C., Dominy, N. J., & Melin, A. D. (2022). The sensory ecology of primate food perception, revisited. *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*, 31(6), 281-301. <https://doi.org/10.1002/evan.21967>

14. Ulrich, R. S. (2017). Aesthetic and affective response to natural environment. In J. E. Davis (Ed.), *Advances in Environment, Behavior, and Design*, Volume 2 (pp. 3-32). Oxford University Press.

15. Lang, J. (2017). *Creating architectural theory: The role of behavioral sciences in environmental design*. Routledge.

16. Broadbent, J. (2019). Architecture and Meaning. In S. S. Lee (Ed.), *Encyclopedia of Anthropology* (pp. 1-4). Cham: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-14589-1_600-1

17. Hair J. F., Black W. C., Babin B. J., Anderson R. E. (2010). *Multivariate data analysis* (7th ed.). Upper Saddle River, NJ: Pearson Prentice Hall.

18. Tabachnick, B. G., & Fidell, L. S. (2019). *Using multivariate statistics*. Pearson.

19. Small, K. (2007). Social Dimensions of Community Festivals: An Application of Factor Analysis in the Development of the Social Impact Perception (SIP) Scale. *Event Management*, 11(1-2), 45-55. <https://doi.org/10.3727/152599508783943219>

20. Tomah, A. N. (2012). Visual privacy in residential areas: Amendment of building regulations. *Urban Design and Planning*, 165(1), 43-53. <https://doi.org/10.1680/udap.2012.165.1.43>

References

Barker, R. G. (2020). *Sensory perception, cognition, and interpretation: An evolutionary synthesis*. Psychology Press.

Brady, E., & Prior, J. (2020). Environmental aesthetics: A synthetic review. *People and Nature*, 2(2), 279-295. <https://doi.org/10.1002/pan3.10089>

Broadbent, J. (2019). Architecture and Meaning. In S. S. Lee (Ed.), *Encyclopedia of Anthropology* (pp. 1-4). Cham: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-14589-1_600-1

Caldas, L. G., Turk, A. Z., & Gero, J. S. (2018). Architectural design and

procedural thinking: A potential role for computational design aids. *Design Studies*, 54, 193-222.

Cervinka, R., Röderer, K., Hefler, E., & Schwab, M. (2016). Nature's restorative powers: A study on the effects of nature sounds on mood and cognitive performance. *Environmental Sciences*, 13(4), 463-475.

Ferrari, G., & Johansson, M. (2022). Aesthetic judgments of architecture. In *The Routledge Handbook of Philosophy of the Arts* (pp. 284-297). Routledge.

Fleming, W. (2017). *Arts and ideas*. Cengage Learning.

Gibson, E. J. (2015). *An ecological approach to perceptual learning and development*. Oxford University Press.

Gifford, R. (2017). *Environmental psychology: Principles and practice*. Optimal Books.

Groat, L. N., & Wang, D. (2016). *Architectural research methods*. John Wiley & Sons.

Hair J. F., Black W. C., Babin B. J., Anderson R. E. (2010). *Multivariate data analysis* (7th ed.). Upper Saddle River, NJ: Pearson Prentice Hall.

Herzog, T. R., Hoenig, R., & Levine, A. B. (2019). *Aesthetic preferences and the environment*. Oxford Research Encyclopedia of Psychology.

Lang, J. (2017). *Creating architectural theory: The role of behavioral sciences in environmental design*. Routledge.

Poon, S. (2020). Deconstructing Sustainability Perceptions: Investigating Technological Innovation-Environmental Interaction in Green Buildings and the Influence of Architectural Design. *International Journal of Built Environment and Sustainability*, 8(1), 91-101. <https://doi.org/10.11113/ijbes.v8.n1.621>

Small, K. (2007). Social Dimensions of Community Festivals: An Application of Factor Analysis in the Development of the Social Impact Perception (SIP) Scale. *Event Management*, 11(1-2), 45-55. <https://doi.org/10.3727/152599508783943219>

Spence, C. (2020). Senses of place: architectural design for the multisensory mind. *Cognitive Research: Principles and Implications*, 5(1), 46. <https://doi.org/10.1186/s41235-020-00243-4>

Tabachnick, B. G., & Fidell, L. S. (2019). *Using multivariate statistics*. Pearson.

Tomah, A. N. (2012). Visual privacy in residential areas: Amendment of building regulations. *Urban Design and Planning*, 165(1), 43-53. <https://doi.org/10.1680/udap.2012.165.1.43>

Ulrich, R. S. (2017). Aesthetic and affective response to natural environment. In J. E. Davis (Ed.), *Advances in Environment, Behavior, and Design*, Volume 2 (pp. 3-32). Oxford University Press.

Veilleux, C. C., Dominy, N. J., & Melin, A. D. (2022). The sensory ecology of primate food perception, revisited. *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*, 31(6), 281-301. <https://doi.org/10.1002/evan.21967>

Preferred Attributes	Non-Preferred Attributes
Relative calmness	Shape Ambiguity
Strength of forms	Similarity in forms
Joy	Rigidity
Boldness in Design	
Harmony in shapes	
Excitement	
Tendency towards simplicity	
Movement and Movement	

Table 5: Summary of Liked and Disliked Characteristics among Electrical Students in Residential Environments

Preferred Attributes	Non-Preferred Attributes
Strength	Chaos
Relative calmness	Rigidity
Order	Strange Shapes
Movement and Movement	Formal shapes
Unaccustomed	
Diversity of shapes	
Design Boldness	
Harmony in shapes	
Tendency towards simplicity	
Clarity	

Table 6: Summary of Liked and Disliked Characteristics among Arabic Language Students in Residential Environments

Research Summary: Key Conclusions and Findings

The study on the evaluation of residential environments by different categories of students leads to several conclusions. Students' preferences for different architectural styles and characteristics are shaped by various factors.

1. The factor of emotions holds the highest level of importance when evaluating the architectural category among students, which can be attributed to the nature of studying architecture. This involves exploring the principles of art and design, as well as aesthetic preferences and sensory perceptions, which further emphasizes the role of feelings and emotions when evaluating art works in general and architecture in particular.

2. Most students across all groups exhibit a general sense of neutrality towards modern housing buildings, which is close to dislike. This neutrality may be attributed to the frequent exposure to this type of building due to economic constraints that necessitate their construction.

3. The significant variation in responses between all four groups indicates the difficulty in generalizing specific characteristics pertaining to aesthetic values of residential environments. Several interrelated factors play a significant role in the preference process.

4. The findings of the study suggest that most student groups, except those studying architecture, exhibit a great admiration for Western architectural styles. They tend to prefer contemporary, non-traditional architectural characteristics.

5. All student categories focus on highlighting positive and favorable aspects when describing residential environments, which explains why no residential environment is described as completely positive or negative.

6. Architecture students exhibit a strong inclination towards admiring traditional buildings, as well as modern buildings designed in traditional architectural styles. This is because of their strong attachment to heritage buildings, which represent local character and the need to preserve and revive them.

7. Despite the use of two factors – feelings and sensations, and descriptive-formal – when evaluating aesthetic characteristics of residential environments, the use of the second factor, i.e., the descriptive-formal factor was more evident and impactful, albeit with varying degrees of importance for each category.

8. Architectural and civil engineering students share similar thinking in evaluating aesthetics using emotional and descriptive-formal factors, while electrical engineering students and those from the Department of Arabic Language share a higher convergence. Despite differences in evaluations, most students agree on disliked characteristics including familiarity, movement, simplicity, and diversity, and undesirable characteristics including chaos, rigidity, and boredom.

9. Despite the clear differences in the evaluation of each group of students for residential environments, it is possible to find some desirable and undesirable visual characteristics that most students agree upon, including:

– Liked characteristics: use of familiar shapes, movement, inclination towards exciting shapes, boldness in design, inclination towards simplicity, presence of harmony in shapes, inclination towards diversity.

– Disliked characteristics: chaos, rigidity of shapes, formal shapes, use of boring shapes, excessive complexity, and use of contradictory shapes.

Limitations

The present study had several limitations. First, the sample size maybe relatively small, which may have limited the generalizability of the findings. Second, the study was conducted in a specific setting (a university campus, Amman, Jordan), and the results may not be generalizable to other settings. Finally, the study was limited to a specific group of people (students), and the results may not be generalizable to other groups of people.

The authors acknowledge these limitations and suggest that future research should be conducted with a larger sample size, in a variety of settings, and with a more diverse group of participants. This would help to ensure that the findings of the present study are more generalizable to the wider population. Additionally, the study did not focus on the day-to-day implications of its findings in policymaking. Future research should consider these limitations and explore the aesthetic preferences of a more diverse population, as well as the implications of these preferences for policymaking.

Despite these limitations, the present study contributes to our understanding of how academic backgrounds influence aesthetic perception in residential environments and provides a foundation for further investigations in this area.

Architectural Group		Civil Students		Electrical students		Arabic Students	
Component	% of Variance	Component	% of Variance	Component	% of Variance	Component	% of Variance
First Component	30.7	First Component	28.30	First Component	20.67	First Component	34.2
Pleasure - Boredom	0.94	Familiar - strange	0.86	Familiar - Strange	0.84	Like - Dislike	0.86
Joy - Gloom	0.89	Joy - Gloom	0.76	Comfort- Discomfort	0.82	Comfort- Discomfort	0.86
Beauty - Ugliness	0.84	Calmness - Excitement	0.74	Movement-Rigidity	4.65	Relaxation - Tension	0.76
Like - Dislike	0.82	Strength - Weakness	0.73	Calmness - Excitement	4.58	Strength - Weakness	0.73
Relaxation-Tension	0.57	Beauty - Ugliness	0.61			Joy - Gloom	0.65
						Beauty - Ugliness	0.63
						Movement-Rigidity	0.58
						Pleasure - Boredom	0.56
Second Component	14.6	Second Component	13.54	Second Component	16.90	Second Component	13.6
Movement – Rigidity	0.86	Clarity - Ambiguity	0.89	Calmness- Excitement	4.85	Familiar - strange	
	0.87						
Diversity - Similarity	4.81	Calmness - Excitement	0.88	Order – Chaos	0.73	Order – Chaos	0.79
Clarity - Ambiguity	0.75	Simplicity - Complexity	0.71	Simplicity - Complexity	0.70	Harmony-Contradiction	0.53
Accustomed - Unaccustomed	0.63	Relaxation - Tension	0.60	Boldness - Hesitation	0.59		
		Daring - Fear	0.53				
Third Component	11.8	Third Component	12.96	Third Component	12.12	Third Component	9.3
Order – Chaos	0.93	Boldness - Hesitation	0.89	Pleasure - Boredom	0.91	Calmness - Excitement	0.80
Familiar - strange	0.69	Accustomed- Unaccustomed	0.88	Accustomed- Unaccustomed	4.76	Clarity - Ambiguity	0.78
Strength - Weakness	0.59			Beauty - Ugliness	0.61		
Fourth Component	9.5	Fourth Component	11.01	Fourth Component	9.99	Fourth Component	8.3
Simplicity - Complexity	0.87	Harmony-Contradiction	0.75	Diversity - Similarity	0.83	Accustomed-Unaccustomed	0.79
Calmness - Excitement	0.59	Comfort - Discomfort	0.72	Harmony-Contradiction	4.70	Simplicity - Complexity	0.66
		Movement - Rigidity	0.56	Relaxation - Tension	0.62	Diversity - Similarity	4.65

Table 7: Categorical distribution of students' assessments according to factorial analysis

Статья отражает неудовлетворенность ситуацией, складывающейся в процессе обучения будущих архитекторов. Очевидный кризис профессии архитектора отчасти вызван не только внешними факторами, понижающими ее престиж, но и внутренним для профессии, связанным с изменениями в характере обучения и снижением ответственности при подготовке новых кадров. Авторы анализируют суть преподавания профильных дисциплин в первый год обучения студентов и считают правильным возврат к последовательному освоению основ архитектурного проектирования, прослеживая логику и результаты давно установившегося процесса, который в последние десятилетия заметно трансформировался.

Ключевые слова: обучение архитектуре; методология образовательного процесса; первый курс; основы композиции; архитектурная графика; история искусства; технические навыки; базовые знания; творческий подход; педагогика. /

The article reflects the dissatisfaction with the situation in the process of training future architects. The apparent crisis of the architectural profession has been caused not only by external factors, decreasing its prestige, but also by internal factors, connected with the changes in the nature of education and the decrease in responsibility in the preparation of new personnel. The authors analyze the essence of teaching the core disciplines in the first year of training and consider it right to return to the gradual mastering of architectural design, tracing the logic and results of a long-established process, which in recent decades has been substantially transformed.

Keywords: architecture education; methodology of the educational process; first year; basics of composition; architectural graphics; art history; technical skills; basic knowledge; creativity; pedagogy.

Первый год архитектурного образования / The first year of architectural education

текст

Алексей Буйнов

Национальный
исследовательский
Московский
государственный
строительный университет

Армен Казарян

Национальный
исследовательский
Московский
государственный
строительный университет

text

Alexei Buinov

National Research Moscow
State University of Civil
Engineering

Armen Kazaryan

National Research Moscow
State University of Civil
Engineering

Архитектор, ответственно относящийся к своей работе, как правило, прекрасно осведомлен, какие требования и пожелания предъявляет общество к его работе, с каким количеством весьма непростых коллизий связан этот диалог, зачастую переходящий в эмоциональное общение и чуть ли не противостояние, которое в большинстве случаев снова выливается в конструктивное общение. Требования общества, которые зачастую не очень внятно формулируются, практически всегда за пределами высоки, но такова работа зодчего... И он играет по этим правилам, стараясь выполнить поставленную задачу в рамках триады Витрувия, не забывая при этом об экономике, экологии, экономии и пр.

Но любой архитектор – руководитель творческого коллектива, с пониманием воспринимая запросы общества, имеет свои, вполне законные требования к этому самому обществу в отношении образовательной системы. А именно – к той части высшей школы, которая готовит «подрастающее поколение» молодых зодчих.

Претензии к качеству образования последнее время звучат в среде профессионалов все чаще, и причин тому может быть достаточно много. Зависит это прежде всего от отсутствия профессиональной специализации выпускника. Но есть и вопросы общего порядка: владение комплексным подходом, композиционным мышлением, наличие чертежных и графических навыков, владение определенным набором программных продуктов и пр. Основой всего изначально является первый год обучения с его формированием отношения студентов к базовым предметам, что в конечном итоге сформирует отношение ко всей профессии в целом.

Может возникнуть вопрос: а для чего эта статья? Ведь существует проверенная годами (да что годами – десятилетиями!) система последовательного обучения студентов-архитекторов. Да. Существует. Как существует желанное соответствовать изменяющимся реалиям времени. И здесь стоит вернуться к рассмотрению классической схемы обучения первокурсников и посмотреть, что она дает в эпоху засилья «клипового мышления» молодежи, грядущего господства искусственного интеллекта и возможностей глобальных нейросетей.

Все так, но эти факторы, требующие появления все большего количества квалифицированных управленцев и постановщиков задач, отнюдь не отменяют наличия у этих специалистов базовых знаний, технических навыков, творческого и комплексного подхода – всего того, что является основой нашей профессии.

Скажу сразу: не буду критиковать, а тем более хвалить Болонскую систему – достаточно того, что, в том числе, с ее помощью разрушили образовательную систему постсоветскую (точнее сказать – советскую), являющуюся одним из величайших достижений социализма. Болонскую систему, применение которой один наш высокопоставленный чиновник проиллюстрировал фразой на Селигерском форме: «<...> нам не нужны творцы, нам нужны потребители» [1].

Тем не менее большое количество молодых людей приходят в профильные высшие учебные заведения с целью стать именно творцами – архитекторами и градостроителями. Приходят с разным уровнем подготовки; поэтому перед тем, как перейти к системе обучения в Высшей школе, нужно сказать о творческом багаже и навыках абитуриентов.

К сожалению, в средней школе уроки рисования есть только в начальных классах, а уроки черчения в большинстве школ отсутствуют. На нескольких уроках истории (трех-четырёх в году), посвященных культуре тех или иных стран, архитектурные шедевры идут списочно и в виде небольших картинок. Что-то к общему уровню должны добавлять алгебра, геометрия, физика, география и литература... Должны...

Конечно, есть художественные школы и различные творческие студии, и их помощь существенна. Но далеко не во всех художественных школах культивируется «академический» подход – сбалансированное обучение академическому рисунку, живописи и графике, не говоря уже об основах композиции, цветоведении и истории искусств. Студиями же руководят увлеченные конкретным направлением люди и, соответственно, о комплексном подходе в обучении там говорить не приходится.

И, конечно, подготовительные курсы. У них задача подготовить абитуриента к экзаменам по рисунку и черчению. И если с рисунком все более или менее

^ Рис. 1. Шрифтовая композиция

^ Рис. 2. Шрифтовая композиция

^ Рис. 3. Шрифтовая композиция

понятно (ребят натаскивают на рисование композиции геометрических фигур и гипсовой головы), то с черчением не все так однозначно. Очевидный уклон на решение задач из области начального курса начертательной геометрии безусловно служит развитию так называемого объемного мышления, но вот чертежные навыки абитуриента, как правило, остаются на, мягко говоря, начальном уровне.

Все это – при условии, что курсы имеют продолжительность девять месяцев (с сентября по май) и более. Одно-двухмесячные мероприятия носят формально-ознакомительный характер и могут помочь лишь тем, кто рисунком и черчением занимался ранее.

А теперь – детально, весь процесс обучения первого года. Не думаю, что мне удастся изобрести что-то новое (скорее, вспомнить хорошо забытое старое). Поэтому предлагаю рассмотреть процедуру обучения в рамках некой системы. Подробное рассмотрение позволит проследить весь процесс, увидеть его общие, частные и временные показатели, зафиксировать промежуточные и общие результаты. Можно будет также увидеть определенные «слабые» места и наметить возможности их устранения.

При этом рассматриваться будет только непосредственный, программный процесс обучения. Дополнительные элементы – участие в различных конкурсах, соревнованиях и пр. – безусловно нужны и добавляют определенного «драйва» в студенческую жизнь. Однако замечу, что участие в любом интеллектуальном соревновательном процессе требует от участников наличия определенных профессиональных навыков, которых у первокурсников совсем немного.

Погружению в профессию должен соответствовать график занятий – два раза в неделю так называемые «проектные дни» (по две пары архитектурного проектирования в день). Далее – две пары в неделю композиционного моделирования, которое должно идти в непосредственной связке с архпроектом. То, что эти две дисциплины должен преподавать один преподаватель – принципиально. В противном случае студенты не воспринимают их как части единого целого. Две пары курса основ рисунка и живописи также являются неременной составляющей этого процесса. Регулярная тренировка

связки «глаз – рука – карандаш» в профессии принципиально важна. Необходимость выражения своих мыслей на бумаге зодчим неоспорима, и способа, который был бы быстрее «рукопашного», пока не существует. Еще две пары в неделю должны быть посвящены дисциплинам, связанным с историей искусства, архитектуры, градостроительства и пр., но эту тему лучше рассмотреть отдельно. И есть еще начертательная геометрия с ее непосредственным влиянием на уровень и качество выполнения заданий курса архпроектирования.

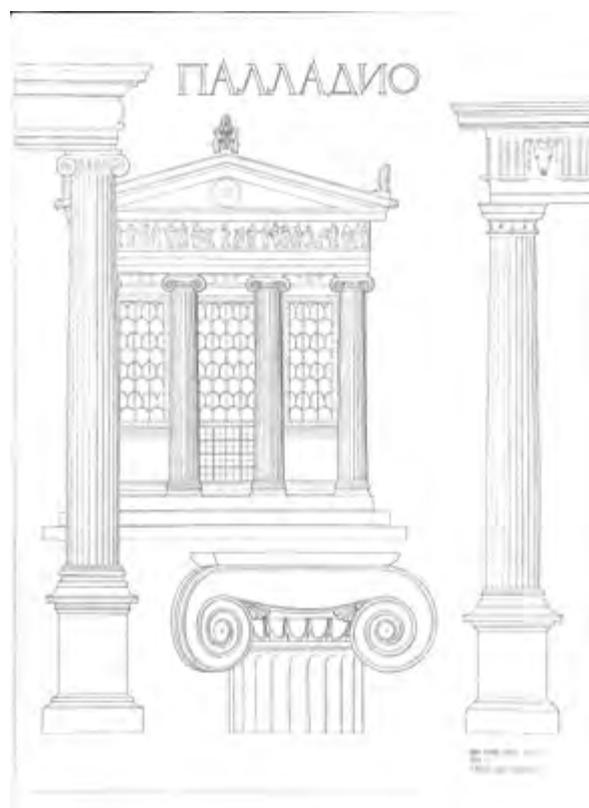
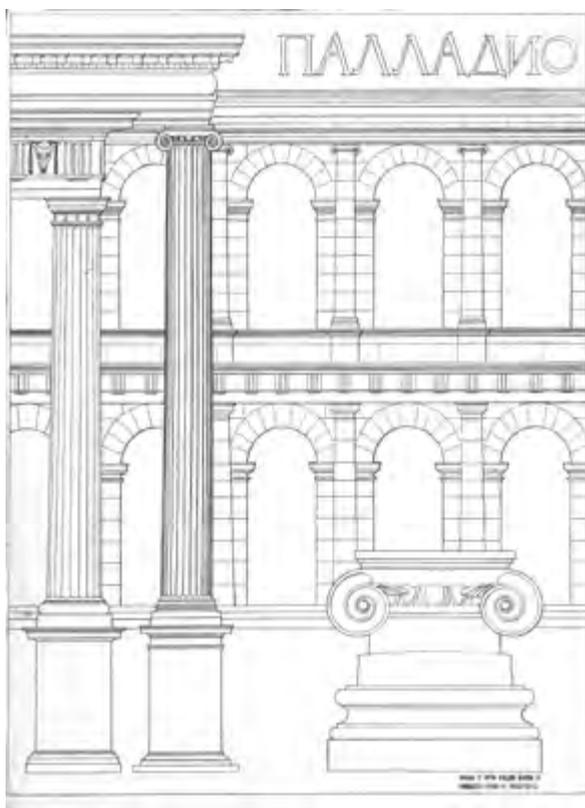
Предвижу возражения о необходимости изучения других предметов в соответствующем объеме. Это справедливо. Но все же необходим определенный баланс между дисциплинами, выстроенный так, чтобы у студента была возможность уже с первого курса максимальное время уделить освоению премудростей профессии.

Попробуем обратиться к последовательности обучения студента 1-го курса основам архитектурного проектирования и проследить логику и результаты процесса. За основу возьмем методику, сложившуюся в советское время, учитывая необходимости и реалии нашего времени.

За два семестра 1-го курса студент-архитектор должен выполнить четыре курсовые работы: шрифты, ордера, отмывку и графическую работу.

При этом данная последовательность позволяет студенту постепенно формировать, пополнять и совершенствовать свой набор профессиональных знаний и умений. Так, по результатам первой работы – шрифтовой композиции – студент получает первые серьезные навыки в черчении карандашом и изографом [2], учится писать «от руки» одним из архитектурных шрифтов, осваивает вычерчивание одного из «классических» архитектурных шрифтов – «романского» или «шрифта зодчего» и на собственном опыте первый раз познает сложность композиционного подхода, выполняя собственно шрифтовую композицию.

В этой первой работе у студента должно начать формироваться понимание основ и приемов так называемой линейной графики с ее логикой и системой, понимание линии и значение ее толщины, нужным или ненужным превращением линии в утилит и многое другое.

> Рис. 4, 5. Курсовая работа «Ордера»

Кстати, эта же работа впервые научит ценить фактор времени и грамотно оценивать свои исполнительские возможности. Так, при выполнении шрифтовой композиции изографом с использованием приемов линейной графики, так называемое «графическое поле» имеет вполне определенную площадь, соответствующую площади формата А4. Увеличение возможно, но оно практически напрямую будет связано или с потерей качества, или с дополнительными временными затратами. В этой и последующих работах оттачиваются навыки композиционного мышления, развиваются способности создания единой структуры с гармонией ее составляющих, сомасштабности каждого элемента композиции целому [3].

Другим основополагающим фактором является формирование отношения студента к работе и, если хотите, к профессии. С начала обучения, при правильном подходе архитектурное проектирование становится той дисциплиной, которая будет делить учащихся на тех, кто смог и тех, кто не сумел адаптироваться в конкурентной среде, приведет к освоению комплексного подхода и проектного поиска новых путей решения, выполнению работы в заданные сроки и с надлежащим качеством, сделает вечным перфекционистом. А вечный поиск баланса в знаменитой триаде Витрувия «польза – прочность – красота» сделает архитектурное проектирование фантастически увлекательным занятием.

Результат работы – альбом, состоящий из нескольких листов с упражнениями, и собственно шрифтовая композиция на подрамнике (рис. 1, 2, 3).

Во второй курсовой работе – в «Ордерах» (рис. 4, 5) студенты доводят до определенного совершенства свои навыки в карандашной графике, повышают уровень композиционного мышления, совершенствуют свое владение шрифтами и, что самое главное, знакомятся с ордерной системой и архитектурными объектами, созданными в ее рамках и с применением элементов этой системы. Практика показывает, что это единственная за все время обучения спланированная возможность для учащихся детально и подробно познакомиться с памятниками архитектуры древних Греции и Рима [4; 5], Ренессанса и классицизма. В этот же период студенты, пусть хотя бы

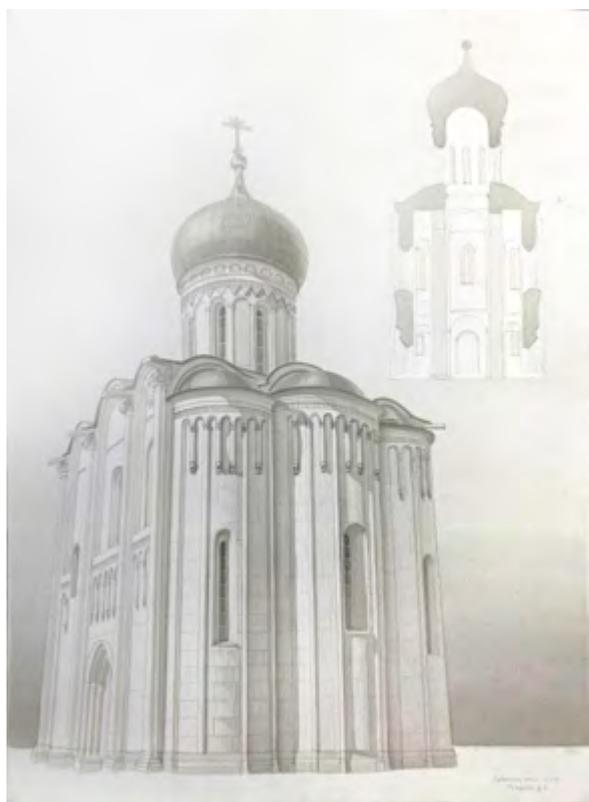
и поверхностно, познакомятся с трудами Витрувия, Палладио, Виньолю.

В более расширенном формате с архитектурным наследием (к Античности и Ренессансу добавляются памятники древнего и деревянного русского зодчества, архитектурные шедевры, расположенные на территориях бывших республик СССР и пр.) студенты знакомятся в период выполнения следующей курсовой работы – «Отмывки» (рис. 6, 7). Основными очевидными навыками, которыми учащиеся овладевают в рамках выполнения этой работы, является постижение технических и технологических особенностей отмывки как способа архитектурной подачи [6; 7]. Правда, гораздо более важным представляется первый опыт объемного изображения объекта – как фасадного, так и перспективного. В процессе выполнения задания понятия собственной и падающей тени, рефлекса, контраста, блика и прочих в рамках изображения здания становятся понятными и очевидными. Кроме этого, будущие архитекторы первый раз учатся фокусировать внимание зрителя именно на той части объекта, которую зодчий считает наиболее выигрышной.

Несколько слов о такой нужной и серьезной дисциплине, как «Начертательная геометрия» [8]. Знание студентом этого предмета, особенно его разделов, посвященных построению теней и изображению объекта в перспективе [9], является основой грамотного выполнения курсовых работ по архитектурному проектированию. Без понимания основ «начерталки» учащимся будет сложно начертить «Ордера», а грамотное выполнение упражнений и курсового проекта «Отмывка» вообще переходят в разряд трудновыполнимых.

Четвертая курсовая логически завершает первый курс обучения и представляет собой сложную графическую работу, которая выполняется изографами или рапидографами и является реалистичным изображением здания в среде.

Наиболее приемлемым стилем для выполнения этой курсовой работы является так называемая «линейная графика», основной элемент которой – отрезки прямой линии разной толщины и длины. Площадь графического поля не превышает показатель формата А4, что диктуется сложностью и трудоемкостью выполнения задачи. Есть

< Рис. 6, 7. Курсовая работа «Отмывка»

и еще одно условие: успешность выполнения курсовой работы напрямую зависит от уровня графической подготовки преподавателя, его навыков и умения; в данном случае это принципиально важно.

На усмотрение наставника обучающиеся могут добавить в своей работе элементы гораздо более сложной криволинейной графики или применить приемы, «подсмотренные» у мастеров. Итогом работы является способность студента реалистично и высококачественно изобразить здание в среде посредством одной из разновидностей черно-белой графики (Рис. 8, 9).

Есть и еще один нюанс у этого упражнения: впоследствии повторить работу с тем же уровнем качества могут не больше 10% учащихся: настолько сильна в этом случае роль преподавателя.

А как только начинаем говорить об объемном мышлении – непременно качестве каждого профессионала – мы тут же возвращаемся к композиционному моделированию – предмету, обязательно идущему в паре с архитектурным проектированием на протяжении всего первого года обучения молодых зодчих. Теория плюс последовательное знакомство с основами построения и принципами создания линейной, плоскостной, супрематической, псевдообъемной, объемной и пространственной композиций [10] позволяет на практике соприкоснуться с макетированием и за год пройти путь от аппликации до архитектурного макета со всеми его нюансами. Того самого макета, который, начиная со второго курса обучения, должен стать полноценной составляющей частью каждой курсовой работы по архитектурному проектированию.

Плоскостные композиции – прямой путь к пониманию и созданию впоследствии всевозможных схем (функционального зонирования, транспортной, пешеходной, озеленения и пр.), которые необходимы как в аналитической, так и в проектной архитектурной и градостроительной практике. Что же касается теоретических знаний дисциплины, то тут вопрос намного тоньше; осознание необходимости композиционной составляющей творческого подхода с его законами придет к студентам позднее. Но постоянный упор на эту позицию, несомнен-

но, должен существовать все время обучения и во всех творческих дисциплинах.

Еще одним результатом обучения на первом курсе является освоение студентом нескольких способов архитектурной подачи – отмывки, карандашной, тушевой и сложной линейной графики, приемами аэрографии, а также приемами суперграфики [11].

Вопрос из разряда важнейших – формирование системы базовых знаний на основе ряда дисциплин, начинающихся с истории искусства и истории архитектуры – на первом курсе; истории русской и советской архитектуры – на втором и так далее. И так – четыре года обучения.

Причастность, хотя бы минимальная, к архитектурной науке, знание исторического развития зодчества, проблематики взаимоотношений заказчика, общества и зодчего, роли каждого из них в создании архитектурного произведения являются неперенными условиями образовательного процесса будущих архитекторов, реставраторов, градостроителей. Теоретическая и методологическая основы архитектурной деятельности не существуют сами по себе, как не существуют и вне исторического контекста формирования архитектурной профессии.

Следует осознавать, что процесс подготовки зодчих вовсе не направлен на воспитание только архитекторов-проектировщиков. Небольшая часть выпускников любой из перечисленных специальностей, в дальнейшем пройдя магистратуру, может пополнить ряды научных сотрудников исследовательских и проектных центров, другая, еще меньшая часть, будет участвовать в управлении архитектурно-градостроительной сферой и тоже обязана иметь широкий кругозор, включающий знания исторического развития архитектуры и самой профессии архитектора. Проектирование неотделимо от творческого и научного поиска, а в таких областях, как реставрация памятников архитектурно-градостроительного наследия, научный аспект обязан доминировать. Да и в целом нам нельзя забывать о том, что зодчий всякой специализации должен быть всесторонне грамотной личностью, обладающей аналитическими способностями и философским подходом к большинству решаемых проблем. Причем

< ^ Рис. 8, 9. Графическая курсовая работа

эта философия не абстрактная, а связанная с развитием архитектурной мысли на протяжении столетий.

Наконец, некоторая часть выпускников (если не сразу, то через годы) пополнит преподавательский корпус, и багаж исторических и теоретических знаний им опять-таки необходим. Особенно при работе в исследовательских университетах, где и по формальным обстоятельствам предписывается занятие наукой и где педагог обязан привлекать студентов к научной работе. Это пока плохо получается, но задача ясна и требует постепенной перестройки образовательного процесса, особенно на старших курсах.

В связи с этими условиями минимальное присутствие истории искусства, архитектуры, строительной техники, градостроительства, которое встречается в учебных планах некоторых университетов, просто недопустимо. Одной пары подобных лекций в неделю на протяжении всего лишь двух семестров совершенно недостаточно для подготовки фундамента знаний у первокурсников. Формирование взаимосвязанных курсов лекций по истории искусства, архитектуры, градостроительства, реставрации и строительной техники, практических занятий на специализированных кафедрах и ведение дисциплин этого блока в объеме не менее двух пар в неделю на протяжении первых трех-четырех лет представляется залогом надежной передачи багажа знаний студентам и сложения у них способности аналитического осмысления архитектурного творчества.

Подводя итог вышеперечисленному, можно отметить несколько основных характеристик процесса обучения студентов-архитекторов первого курса:

- курсовые работы и сопутствующие им упражнения выстроены в логичную цепочку. В постижении профессиональных методов и навыков наличествуют преемственность и последовательность. Процесс обучения спланирован, основываясь на методике последовательного повторения на новом, более высоком уровне сложности;
- всем курсовым работам предшествует и сопутствует ряд обязательных упражнений. Мало того, что они по своей сложности и трудозатратам превосходят сами курсовые проекты, их выполнение требует усидчивости и определенного психологического настроя учащихся;

- система последовательного накопления профессионального опыта и навыков позволяет учащимся самостоятельно и осознанно создавать композиционные решения, используя их в каждой курсовой и, в итоге, подсознательно превращать композиционный фактор в непрменный элемент творческого мышления;

- порядок обучения студентов первого курса является сбалансированной, выверенной и слаженной системой. Удаление хотя бы одного из элементов, равно как и замена их на что-то «инновационное», приводит к разрушению системы обучения в целом;

- важным элементом обучения являются «просмотры», во время которых студенты всех групп курса одновременно выставляют свои работы по одной теме. Это позволяет объективно выявить лучшие работы, оценить уровень подготовки групп (да, в общем-то, и преподавателей), отследить общие тенденции и «слабые места». Просмотры позволяют студентам познакомиться с работами их товарищей из других групп, более четко позиционировать свое место в конкурентной среде и увидеть иные подходы к уже знакомой теме;

- «игра в конкурсы» для студентов 1-го курса, несмотря на свою внешнюю привлекательность, представляется весьма спорным занятием, не способствующем концентрации внимания обучающихся на овладении базовыми профессиональными умениями и компетенциями;

- системный набор знаний и навыков позволяет студентам во второй половине второго семестра первого года обучения начать осознанное знакомство с возможностями компьютерного проектирования и его программного обеспечения. Кстати, фрагментарное использование возможностей этих систем возможно с самого начала процесса обучения и никоим образом не противоречит всему вышеизложенному;

- несмотря на творческий характер будущей профессии, учащиеся должны с самого начала осознавать значение такого документа, как «Задание на проектирование» в работе архитектора, научиться им руководствоваться и пользоваться. Кроме этого, в обязательном порядке студент должен достаточно быстро научиться работать с методическими рекомендациями, учебными пособиями

и выработать собственную систему поиска дополнительной исходной информации, различных аналогов и пр.;

– все курсовые работы в первые два семестра обучения непосредственно связаны с освоением достижений великой эпохи Античности и последующих стадий развития зодчества. Это обстоятельство делает необходимым параллельное прохождение дисциплин по истории искусства и архитектуры в начальные эпохи;

– последовательное и системное обучение студента первого курса создает базу для дальнейшего образовательного процесса. Набор вышеперечисленных знаний и навыков относится к разряду обязательных, если говорить о воспитании зодчего. Очень важную роль играет формирование системного отношения обучающегося к профессии, творческим и научным процессам. Отсутствие таких навыков значительно осложнит формирование молодого специалиста как творческой, многогранной личности и будущего профессионала;

– обучение художественно, научно, философски осмысленному архитектурному проектированию с опорой на историко-теоретические курсы обеспечит первый этап подготовки всесторонне грамотных специалистов, при наличии которых мы будем способны конкурировать на мировом уровне и вернуть престиж архитектурной профессии в нашей стране в период построения больших планов развития отрасли.

Бытует мнение, что в психологическом плане наиболее конструктивным и благоприятнейшим состоянием для творческого человека является «детское». Ребенок в момент творчества, как правило, лишен ограничений – ему нравится то, что он делает, он не комплекует по поводу собственных компетентности или неумения, он видит лучшее и этим видением старается поделиться с окружающими. Он не скован общественными догмами и ограничениями законов. В конце концов ему в известной степени все равно, понравится окружающим его творчество или нет. Правда, добиться такого состояния творца искусственным путем нереально. Но при определенных усилиях и системном подходе возможно организовать процесс таким образом, чтобы процесс творчества нравился студенту, вызывая у него положительные эмоции, а предчувствие творческой удачи и перфекционизм стали неотъемлемыми составляющими частями сознания обучающегося. Разумеется, все это должно базироваться на реалистичной оценке своих возможностей и понимании последовательности и содержания предстоящей работы. Излишне говорить, что без руководящей роли преподавателя решить эту задачу не представляется возможным. Ученика в мир познания прекрасного, взявши за руку, ведет Мастер – и исключения из этого правила случаются крайне редко.

И в завершение о «слабых местах»:

– вопрос, вечный, как мир, – наличие практиков в процессе преподавания именно архитектурного проектирования. Нисколько не умаляя важности и значимости ученых званий, тем более научной работы, мы говорим о преподавании дисциплины практической. То есть такой, в которой теория идет рука об руку с практикой, и преподаватель должен постоянно демонстрировать свои компетенции, руководствуясь одним из самых наглядных принципов обучения – «делай как я...». На элементарном неумении продемонстрировать те или иные свои компетенции авторитет потерять легко, а возвращать его впоследствии придется с огромным трудом.

Подводя черту (скорее всего – промежуточную), можно сказать, что первый год обучения молодых архитекторов отводится для углубленного их знакомства с профессией, приобретения ими основных прикладных навыков, изучению общих вопросов истории искусства и архитектуры, первому этапу становления объемного,

композиционного и аналитического мышления, а также комплексного подхода.

Таким образом, создается база, на основании которой студент будет способен самостоятельно решать творческие задачи в рамках дисциплины «Архитектурное проектирование».

Но это – уже второй курс обучения, и процессы, которые происходят в его рамках, требуют отдельного рассмотрения.

Литература

1. Речь А. Фурсенко на конференции молодежного форума «Селигер-2007». – URL: dzen.ru/a/Wo6xpWEEk9IA4CXH (дата обращения: 23.05.2023).
2. Анисимов, Н. Н., Кузнецов, Я. С., Кириллов, А. Ф. Черчение и рисование. – Москва : Стройиздат, 1983. – 369 с. : черт.
3. Стасюк, Н. Г., Киселева, Т. Ю., Орлова, И. Г. Основы архитектурной композиции. – Москва : Архитектура-С, 2004. – 96 с.
4. Фрагменты античной архитектуры = *Fragments d'architecture antique* : перечень произведений и образцы реставрации, выполненные бывшими стипендиатами Французской академии в Риме : [в 2 т.] / под ред. Г. Д.Эпуи; пер. Л. Ю. Граник. – Перп. – Москва : Курс, 2021. – Т. 1. – 111 л. : ил. – URL: http://lib.marhi.ru/MegaPro/UserEntry?Action=Link_FindDoc&id=49632&idb=2 (дата обращения: 31.05.2023).
5. Фрагменты античной архитектуры = *Fragments d'architecture antique* : перечень произведений и образцы реставрации, выполненные бывшими стипендиатами Французской академии в Риме : [в 2 т.] / под ред. Г. Д.Эпуи; пер. Л. Ю. Граник. – Перп. – Москва : Курс, 2021. – Т. 2. – 106 л. : ил. – URL: http://lib.marhi.ru/MegaPro/UserEntry?Action=Link_FindDoc&id=49632&idb=2 (дата обращения: 01.06.2023).
6. Киселева, Т. Ю., Стасюк, Н. Г. Отмывка фасада. – Москва : Архитектура-С, 2017. – 96 с.
7. Пиликина, Н. Н. Основы архитектурной графики : техника отмывки. – Санкт-Петербург : Астерион, 2009. – Ч. 1. – 126 с.
8. Климухин, А. Г. Начертательная геометрия. – Москва : Стройиздат, 1978. – 336 с. : ил.
9. Макарова, М. В. Перспектива. – Москва : Академический проект, 2009. – 476, [1] с. : цв. ил., портр. – (Gaudeamus : учебник для вузов).
10. Степанов, А. В., Мальгин, В. И., Иванова, Г. И. Объемно-пространственная композиция. – Москва : Архитектура-С, 2014. – 256 с.
11. Чинь, Франсис Д. К. Архитектурная графика. – Москва : АСТ, 2010. – 221 с.

References

- Anisimov, N. N., Kuznetsov, Y. S., & Kirillov, A. F. (1983). *Cherchenie i risovanie [Drafting and drawing]*. Moscow: Stroyizdat.
- D.'Espouy, H. (Ed.). (2021a). *Fragments d'architecture antique [Fragments of antique architecture: A list of works and samples of restoration made by former fellows of the French Academy in Rome]* (L. Y. Granik, Trans.) (Vol. 1). Moscow: Kurs. Retrieved May 31, 2023, from http://lib.marhi.ru/MegaPro/UserEntry?Action=Link_FindDoc&id=49632&idb=2
- D.'Espouy, H. (Ed.). (2021b). *Fragments d'architecture antique [Fragments of antique architecture: A list of works and samples of restoration made by former fellows of the French Academy in Rome]* (L. Y. Granik, Trans.) (Vol. 2). Moscow: Kurs. Retrieved June 1, 2023, from http://lib.marhi.ru/MegaPro/UserEntry?Action=Link_FindDoc&id=49632&idb=2
- Kiseleva, T. Yu., & Stasyuk, N. G. (2017). *Otmyvka fasada [Washing the facade]*. Moscow: Arkhitektura-S.
- Makarova, M. V. (2009). *Perspektiva [Perspective]*. Gaudeamus: textbook for universities. Moscow: Academic project.
- Pilikina, N. N. (2009). *Osnovy arkhitekturnoi grafiki: Tekhnika otmyvki [Fundamentals of architectural graphics: Wash technique]* (Part 1). Saint-Petersburg: Asterion.
- Klimukhin, A. G. (1978). *Nachertatel'naya geometriya [Descriptive geometry]*. Moscow: Stroyizdat.
- Rech A. Fursenko na konferentsii molodezhnogo foruma "Seliger 2007" [Speech by A. Fursenko at the conference of the youth forum Seliger 2007]. *Dzen*. Retrieved May 23, 2023, from dzen.ru/a/Wo6xpWEEk9IA4CXH
- Stasyuk, N. G., Kiseleva, T. Y., & Orlova, I. G. (2004). *Osnovy arkhitekturnoi kompozitsii [Fundamentals of architectural composition]*. Moscow: Arkhitektura-S.
- Stepanov, A. V., Malgin, V. I., & Ivanova, G. I. (2014). *Obyemno-prostranstvennaya kompozitsiya [Volumetric and spatial composition]*. Moscow: Arkhitektura-S.
- Ching, Francis D. K. (2010). *Arkhitekturnaya grafika [Architectural graphics]*. Moscow: AST.

Инновации в моделировании среды архитектурных объектов в качестве базы данных локализованных событий требуют углубленного исследования потенциала конвергенции гуманитарных и точных наук. Онтология цифрового двойника архитектуры в категориальной паре «пространство-время» рассматривается в концепции хронолокуса, смысл которой сводится к темпоральной экспозиции архитектурного пространства как процесса. Синтез топологического описания архитектурной формы в моменте события на основе теории А. Габричевского видится необходимым исследовательским шагом в конструировании среды четырехмерных архитектурных объектов. Прикладной смысл модели хронолокуса как способа описания четырехмерной архитектурной среды заключен в вариативных возможностях цифровой фиксации «культурного кода» архитектурного объекта в процессе синтеза пространства в функционально-эстетическом измерении и времени в социально-событийном измерении.

Ключевые слова: хронолокус; информационное архитектурное моделирование; «человеко-машинные» отношения в архитектурном проектировании./

Innovations in modeling the environment of architectural objects as a database of localized events require an in-depth study of the convergence potential of the humanities and exact sciences. The ontology of the digital twin of architecture in the categorical pair “space-time” is considered in the concept of “chronolocus”, the meaning of which is reduced to the temporal exposition of architectural space as a process. Synthesis of the topological description of the architectural form at the moment of the event based on the theory of A. Gabrichevsky is seen as a necessary research step in the design of the environment of four-dimensional architectural objects. The applied meaning of the “chronolocus” model as a way of describing a four-dimensional architectural environment lies in the variable possibilities of digital fixation of the “cultural code” of an architectural object in the process of synthesis of “space” in the functional and aesthetic dimension and “time” in the social and event dimension.

Keywords: chronolocus; architectural information modeling; “human-machine” relations in architectural design.

Феноменология архитектурного пространства-времени в цифровом измерении / The phenomenology of architectural “space-time” in the digital dimension

текст

Наталья Багрова

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А. Д. Крячкова

text

Natalya Bagrova

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov

Ушедший XX век в последней своей четверти оставил профессиональной архитектурной культуре дилемму традиций и новаций в области организации проектной работы. Стороны оперируют убедительной аргументацией, задавая встречные вопросы друг другу, суть которых можно свести к следующему: как запечатлеть и сохранить ценность эстетических качеств архитектуры в процессе ее создания традиционными методами проектирования, предупреждая «натиск нейронных сетей», с одной стороны, и как традиционные методы проектирования работают в современных условиях под строгим контролем маркетинга в жестких рамках инвестиционного цикла – с другой.

На наш взгляд, это противостояние стоит рассмотреть с позиции преемственности профессиональной архитектурной культуры. Действительно, современные информационные технологии, помогая в рутинных процессах, неуклонно продвигаются на территорию творческой составляющей архитектурного проектирования, совершенствуя искусственный интеллект. Пока этот процесс не тотален: текущая повседневная практика архитектурного проектирования находится чаще всего в промежуточном состоянии, которое можно охарактеризовать скорее как преимущественно «вторичную оцифровку» архитектурной модели с последующей привязкой баз данных решений ее материально-пространственного воплощения, по аналогии со ставшими уже архаичными «спецификациями», нежели как решительное погружение проектирования в информационную среду.

В это же время виртуальное макетирование, вытеснив традиционные проекционное черчение, ручной скетчинг, макетирование, масштабирование и т. п., продвигается в сторону математического моделирования. И вот уже архитектор, в содружестве с математиком, ищет опору в поисках оптимальных проектных решений, используя технологии управления базами данных.

Что же останется архитектору-человеку в грядущем «человеко-машинном» взаимодействии? Действительно, инструментарий архитектурного проектирования пережили не одну революцию, и всякий раз архитекторы использовали новые средства профессиональной работы [1]. Однако в неминувом движении научно-техниче-

ского прогресса сохранялось ядро профессии без рисков для развития самого человека, его сферы творчества в целом и профессиональной культуры архитектора в частности.

Развитие новой парадигмы управления базами данных, математизация «прототипов» и готовых «семейств» неминуемо ведет нас к большей консьюмеризации управляющих параметров принятия проектных решений. Экономические и технологические факторы постепенно нивелируют приоритет эстетического формообразования, ставя под сомнение традиционные ядерные для профессиональной культуры ценности. Прагматика начинает оттеснять на второй план социально-эстетические и художественные смыслы, приводя к угрозе гуманитарной составляющей архитектурного творчества. И даже «всегомогущий» маркетинг, ценящий «добавленную стоимость» произведения искусства, бывает не в состоянии противостоять напору круга экономических категорий, в центре которого – «норма прибыли».

Как удержать баланс традиций и новаций в динамике научно-технического прогресса? Выход из конфликта видится в четкой артикуляции места и роли гуманитарной составляющей в цифровизации творческого процесса и, как ни странно может показаться, во встречной информатизации гуманитаристики на основе конвергенции с обширным полем наук и математики.

Сохранение за архитектором права выбора эстетических приоритетов представляется чуть ли не последним форпостом не столько в противостоянии с «машинной», сколько во внутреннем разговоре по поводу баланса эстетических и утилитарных потребностей. Разобравшись с собой, человеку предстоит перейти к детальному анализу аксиологических оснований, с одной стороны, и исследованию процесса принятия решений с другой, что может стать добротной основой разработки системы человек – машина в архитектурной проектировании.

В вышеизложенной проблемной ситуации архитектору оставаться на профессионально-предметных позициях достаточно сложно без возврата к истокам, к осмыслению архитектуры как части искусства. И все, чем мы располагаем, – это наше историческое и теоретическое

архитектурное наследие, возможно, до сих пор не понятое и не принятое.

Попытаемся провести мыслительный эксперимент в идеологии цифровизации профессиональной архитектурной деятельности, обратившись к философско-методологическому наследию Александра Георгиевича Габричевского, советского историка, искусствоведа и теоретика в области пространственно-пластических искусств.

Теоретические воззрения А. Габричевского предвосхитили свое время, так и оставшись не разгаданными до конца: нет сомнений в том, что «феноменология Габричевского» еще долго будет составлять широкий контекст философско-эстетических воззрений, в которых можно искать опору в объяснении не только особенностей историко-культурного наследия, но и перспектив развития творческих видов деятельности.

В типологии пространственных, пластических и визуальных искусств ученый выделяет архитектуру наряду с пластическими и начертательными видами искусства. Специфика анализа видов пространственных искусств определена по степени выраженности в них категории времени. Следует заметить, что для архитектуры как искусства организации пространства категория времени операционализируется не так активно.

Типология времени выдающегося ученого в докладе 1922 года «Время в пространственных искусствах» [2] объясняет многократное отражение времени в нашем сознании в формах: «абсолютного времени» («онтологического»), которому суждено служить связующим в треугольнике «создание – произведение – созерцание»; «эмпирического времени объекта», определяющего его «органику», т. е. естественные процессы трансформации объекта как материального; «исторического времени объекта». Последнее – самое сложное. Оно символично, живет в культуре, переключаясь эхом в социальных перипетиях исторической периодизации. «Психологическое время объекта» – четвертый тип времени, – напротив, индивидуализировано. Его стезя – маркировать персональность времени. Именно «стезя» как процесс: психологическое время – самое текучее и самое многомерное. В рамках этого вида времени образ дискретен и отражает персональность как часть «культурного кода» объекта или фрагмента среды. Связь объекта с его восприятием, его «живой», антропомерный измеритель – уникальный аргумент на весах ценности наследия с позиций исторической и культурно-эстетической аксиологии.

Возможно, развитие информационной модели представления общества и его жизнедеятельности, способности нелинейной организации вариантного проектирования вызовут к жизни переосмысление тех философско-методологических оснований, которые задал А. Габричевский в своей интерпретации роли времени в архитектуре.

Проецируя теорию Габричевского на современную проблематику, можно предположить, что многомерность временных параметров информационной модели архитектурного объекта дает возможность вариативного сценирования состояний его материальности. Большая база данных временного континуума архитектуры в различных его описаниях, обладая самодостаточностью, вместе с тем является и элементом синтеза с ее текущим и перспективным пространственным статусом.

Постановка проблемы представления архитектурного события как нелинейного в новой парадигме архитектурного проектирования, включающего управление данными, обеспечит детальную экспликацию стадийности, вариативности и обратной связи в процессе автоматизации рутинной части процесса проектирования.

Подводя промежуточный итог, можно выдвинуть предположение о том, что метод многомерного темпорального архитектурного проектирования заменит условные пространственные на условные временные проекции. Темпорально-проекционное моделирование, основанное на онтологии Габричевского, расширяет наше видение культурного контекста, обосновывая ценность эстетического потенциала архитектуры и позволяет удержать все многообразие гуманитарной информации.

В шутку или всерьез этот фактор можно назвать «культурным дисконтированием» произведения архитектуры в качестве оправдания калькуляции текущих затрат в целях обеспечения перспективной капитализации материальных свойств произведения архитектуры. Сценирование архитектурного объекта, создание его в проекциях социального и психологического времени, безусловно, представляет собой усложнение его параметрики. Но, если принять во внимание необходимость управления жизнью объекта в полном цикле – от проекта до охраны (или утилизации), такое усложнение видится обоснованным.

Переходя непосредственно к параметрам многомерного темпорального архитектурного проектирования, стоит вновь обратиться к наследию А. Габричевского. Ученый определял архитектуру как «специфический вид искусства, материальность которого задана соотношением пространства и массы».

В отношении со временем онтологическим (замысел и восприятие) темпорально в информационной среде создание архитектурной формы цифровизуется как процесс преобразования пространства в массу. В эмпирическом аспекте времени процесс маркируется отрицательной динамикой: трансформация массы и преобразование ее в пространство.

В социальном измерении мы имеем дело с динамикой баланса массы – пространства. Персонифицированное время задает вариативные сценарии восприятия этого баланса. Интерфейс баз данных отражает их как нелинейную динамику. Многослойные нейронные сети анализируют приоритетность вариантов и выдают результирующую наибольшей вероятности, например, для конкретной целевой группы восприятия архитектурного пространства на основе синтеза факторов из разных предметных областей.

С точки зрения конвергенции естественных наук с языковыми возможностями математики можно предположить, что плотность массы в городской среде будущего будет ограничиваться данными исследований естественных наук и социологии. Но в онтологии искусствознания длительность времени существенно отличается, управляя в том числе и экономическими результатами. Возможности новых систем обработки и синтеза информации, включающей визуальную и вербальную формы, обеспечивают когнитивистика и конвергентные области современной гуманитаристики: этнопсихоллингвистика и лингвокультурология, которые способны приводить в единство и сопоставлять разные формы и виды информации, интегрировать когнитивные, эмоциональные и физические параметры архитектуры, синтезировать количественную и качественную формы интерпретации свойств архитектурного объекта с целью достижения синергетического эффекта.

Еще одним важным аспектом в системе человек – машина является коммуникация. Понятная экстернизация информационных потоков архитектурного проектирования является важнейшей частью системы. Геоинформатика как синтетическая область знаний, интегрирующая сведения о топологии и информатике, станет еще одной участницей конвергенции. Ее практическая часть – прикладной анализ пространственных данных –

позволит создать графический интерфейс пространственно распределенной информации, представить ее наиболее наглядно и комфортно для обработки.

В геоинформационной базе с условным названием «хронолокус» предполагается апробация нелинейных регламентов использования, сценарной вариативности в синтезе времени и пространства в качестве основных принципов построения цифровой среды больших данных.

Что касается математического моделирования свойств архитектурного пространства, то сведениями о метрических характеристиках не исчерпывается описание геометрии архитектурной формы. Топологические свойства тел Гаусса, Эйлера, Римана, основанные на фундаментальной идее топологии – непрерывности, где функционально каждой точке одного множества соответствует точка другого/других коррелированных множеств в прямом и обратном отображении, свяжут архитектурные объекты в непрерывную среду во взаимозависимых параметрах. Гомеоморфизм как отображение одного множества на другое без разрывов и склеиваний («топологический инвариант») формирует динамическую базу данных баланса массы и пространства. Алгебраическая топология и теории графов позволяют обеспечить интерфейс процессов взаимной трансформации пространства и массы. Теория графов помогает экстерииоризовать процесс построения пространственных объектов, а геометрические векторные фигуры на основе графов визуализируются в форме геоинформационных маркеров.

Тематическое картографирование точечных, линейных и ареальных объектов, вариативное сценирование взаимного расположения объектов на основе топологических отношений отображает связь между пространственными объектами, заданными не только и не столько метрическими характеристиками, сколько описанными как графики функций.

На основе классификации Габричевского мы можем прогнозировать участие нейронных сетей в соответствии с задачами числовой обработки данных топологии пространства многослойными нейронными сетями или перцептонами, а в изобразительном слое – сверточными нейронными сетями. Рекуррентные сети сегодня уже обладают способностью обрабатывать нелинейную вариативную составляющую архитектурного проектирования с нестабильными темпоральными характеристиками. В итоге генеративная сеть выдаст общую результирующую для оценки архитектором.

При этом работа архитектора отнюдь не сводится к выбору аналогов и нажатию кнопки «стоп» в динамической трансформации модели под влиянием управляющих четырех вышеперечисленных времен в отношениях пространства – массы. Выбранные архитектором-человеком управляющие параметры позволят переложить структуру, пересоздать морфологию архитектурного решения пространства и времени как формообразующих категорий. Базы данных объективных исходных условий проектирования в виде параметров возведения, будущего функционирования и эксплуатации объекта строительства дополняются базами данных маркетинговых служб потребительских предпочтений и будут лишь рабочим инструментом. Задача искусственного интеллекта, с которой он уже успешно справляется, – предоставить на выбор базы данных стилистически близких примеров, уже имеющих в культуре.

Творческая составляющая будет заключаться в акте выбора и в так называемых сознательных коллизиях – алогизмах, неподчинении, выхода из клише. Критическое мышление архитектора в этом случае станет залогом его творческого вмешательства в «идеальную» человеко-машинную алгоритмизацию и тем самым будет способство-

вать созданию инноваций и гуманизации архитектурных решений.

В завершение необходимо отметить, что, оставаясь на позициях приоритета гуманитарного подхода в процессе цифровизации архитектурного проектирования, следует особое внимание уделить роли геоинформационной основы в фиксации и управлении «культурным кодом» средового или архитектурного объекта любого масштаба, с тем чтобы обилие информации не потопило живую мысль архитектора, а перспективы внешней интеграции и экспансии информационной среды на другие предметные области, преимущественно связанные с прикладными вопросами хозяйствования (бюджетированием и управлением ресурсами, эксплуатацией объектами, реконструкцией, адаптацией и утилизацией), не умаляли роли и значения гармонизирующей среду эстетической составляющей архитектурного творчества.

Литература

1. Ревзина, Ю. Е. Инструментарий проекта. От Альберти до Сакмозци. – Москва, 2003. – 179 с.
2. Габричевский, А. Г. Время в пространственных искусствах // Морфология искусства. – Москва : Аграф, 2002. – С. 168–170.

References

- Gabrichesky, A. G. (2002). *Vremya v prostranstvennykh iskusstvakh* [Time in spatial arts]. In *Mythology of arts* (pp. 168-170). Moscow: Agraf.
- Revzina, Y. E. (2003). *Instrumentarii proekta. Ot Alberti do Sacmozzi* [Project tools. From Alberti to Sacmozzi]. Moscow.

авторы

Альбтуш, А. М. Фатен – Университет Джадара, инженерный факультет, (Ирбид, Иордания)

Аль-Омари, Омар Мустафа Ахмад – Прикладной университет Аль-Балка, инженерный факультет, кафедра архитектуры (Солт, Иордания)

Аль-Равашдех, Мохаммад – Прикладной университет Аль-Балка, инженерный факультет, кафедра гражданской инженерии (Солт, Иордания)

Аль-Равашдех, Самих Башир – декан, профессор геоинформатики, Прикладной университет Аль-Балка, (Солт, Иордания)

Аль-Шомали, Маиса – Прикладной университет Аль-Балка, инженерный факультет (Солт, Иордания)

Астраханцева Виктория Вагановна – советник РААСН, председатель правления Братской организации СА России, заслуженный архитектор России

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Багрова Наталья Викторовна – член-корреспондент РААСН, доктор культурологических наук, доцент кафедры архитектуры, ректор Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова

Балакина Алевтина Евгеньевна – заведующая кафедрой архитектуры Института архитектуры и градостроительства Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ)

Белобрыкина Ольга Альфонсасовна – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии Новосибирского государственного педагогического университета

Большаков Андрей Геннадьевич – доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой архитектурного проектирования Института архитектуры, строительства и дизайна Иркутского национального исследовательского технического университета

Бражникова Инесса Борисовна – ведущий редактор Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (Иркутск)

Буйнов Алексей Николаевич – архитектор, лауреат премии Губернатора Иркутской области, сотрудник НИУ МГСУ

Воличенко Ольга Владимировна – доктор архитектуры, профессор кафедры архитектуры, градостроительства и графики Юго-Западного государственного университета (ЮЗГУ, Курск)

Гельфонд Анна Лазаревна – доктор архитектуры, профессор, академик РААСН, заведующая кафедрой архитектурного проектирования, главный архитектор Архитектурной мастерской Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (ННГАСУ)

Гимельштейн Александр Владимирович – кандидат исторических наук, профессор, руководитель Высшей школы журналистики и медиаменеджмента Иркутского государственного университета (ИГУ), главный редактор газеты «Восточно-Сибирская правда»

Гладкова Екатерина Андреевна – научный сотрудник ИАСИД ИРНТУ и Института технологий города Карлсруэ, заместитель руководителя НОЦ «Международный Байкальский зимний градостроительный университет» (Иркутск)

Григорьева Анна Сергеевна – заместитель директора по международной деятельности АНО «Востоксибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России, вице-президент СА России (Иркутск)

Данилина Нина Васильевна – доктор технических наук, член-корреспондент РААСН, заведующий кафедрой «Градостроительство» НИУ МГСУ

Деринг Александр Федорович – архитектор, гендиректор творческой архитектурной мастерской «Классика» (Барнаул)

Долнаков Петр Александрович – член правления Новосибирского Союза архитекторов, гендиректор «ЗАПСИБНИПРОЕКТ2»

Дорофеев Павел Александрович – ведущий архитектор ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (Иркутск)

Дуцев Михаил Викторович – доктор архитектуры, советник РААСН, заведующий кафедрой дизайна архитектурной среды ННГАСУ, ведущий научный сотрудник отдела проблем теории архитектуры НИИТИАГ, профессор Российского университета дружбы народов

Зыков Сергей Николаевич – председатель правления Кемеровского отделения СА России

Иванов Андрей Владимирович – профессор Международной академии архитектуры, магистр городского менеджмента и развития (Москва)

Исаков Юрий Иосифович – аспирант НГУАДИ им. А. Д. Крячкова

Казакова Валентина Игоревна – ведущий архитектор ООО «Сибирская лаборатория урбанистики

Казарян Армен Юрьевич – доктор искусствоведения, академик РААСН, директор Института архитектуры и градостроительства НИУ МГСУ

Капустин Петр Васильевич – кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой теории и практики архитектурного проектирования Воронежского государственного технического университета

Коротич Андрей Владимирович – доктор архитектуры, доктор искусствоведения, член-корреспондент РААСН, ведущий научный сотрудник Лаборатории архитектурного формообразования НИИТИАГ, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Косенкова Юлия Леонидовна – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, профессор Института архитектуры и градостроительства НИУ МГСУ

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, Федерация «Союз соотечественников» (София, Болгария)

Лисицин Василий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры архитектурного проектирования ИАСИД ИРНТУ (Иркутск)

Лихачёв Евгений Николаевич – кандидат архитектуры, доцент НГУАДИ

Мочальникова Елена Владимировна – кандидат экономических наук, зам. генерального директора ГК Prostor Group, (Новосибирск)

Мякота Алексей Дмитриевич – архитектор, директор проектно-образовательной студии «АДМ», член правления Красноярского отделения СА России

Павлюк Алёна Сергеевна – преподаватель кафедры архитектуры Института архитектуры и градостроительства НИУ МГСУ

Попов Алексей Владимирович – кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры Института архитектуры и градостроительства НИУ МГСУ

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения (Литва)

Рыбин Олег Васильевич – вице-президент СА России, заслуженный архитектор России, лауреат премии имени архитектора Алексея Гутнова (Нижний Новгород)

Селиванов Роман Александрович – доцент кафедры архитектурного проектирования ИРНТУ (Иркутск)

Смолянинова Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры архитектуры и урбанистики, Тихоокеанский государственный университет (ТОГУ, Хабаровск)

Соколов Станислав Олегович – ведущий архитектор ООО «Сибирская лаборатория урбанистики»

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент ВАК, культуролог, редактор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва (Иркутск)

Тома (Маайя), Айман Наджиб – профессор архитектуры и градостроительства факультета архитектурного проектирования Инженерного колледжа Прикладного университета Балка (Амман, Иордания)

Холявко Анастасия Олеговна – ведущий архитектор ООО «Сибирская лаборатория урбанистики»

Хотулев Руслан Анатольевич – председатель правления Иркутской региональной организации СА России, главный архитектор градостроительной мастерской «Линия»

Худяков Сергей Юрьевич – председатель правления Томской организации СА России, руководитель архитектурного бюро «Стиль»

Целуйко Дмитрий Сергеевич – доцент кафедры «Архитектура и урбанистика» ТОГУ

Цой Валерий Викторович – член правления Новокузнецкой организации СА России, директор ООО «АБ Проект»

Черников Андрей Александрович – профессор Международной академии архитектуры (IAA), Первый Вице-президент Международной академии архитектуры в Москве (МААМ), Президент Архитектурного фонда имени Якова Чернихова

Чертилов Алексей Константинович – архитектор, доцент ИАСиД ИРНИТУ, председатель Совета ИРО ВООПИК

Шумаков Николай Иванович – академик РААСН, академик РАХ, президент СА России, народный архитектор РФ

Благодарим за участие в подготовке номера и работе редакции архитектора Евгению Сурикову и директора Иркутского дома архитектора Юлию Никифорову

authors

A M Faten Albtouch – Faculty of Engineering, Jadara University (Irbid, Jordan)

Omar Mostafa Alomari – Architectural Department, College of Engineering, Al-Balqa Applied University (Salt, Jordan)

Mohammad Al-Rawashdeh – Department of Civil Engineering, Faculty of Engineering, Al-Balqa Applied University (Salt, Jordan)

Samih Bashir AlRawashdeh – Dean Professor Geomatics, Al-Balqa Applied University (Salt, Jordan)

Maisa AlShomali – Al-Balqa Applied University (Salt, Jordan)

Victoria Astrakhantseva – advisor of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), chairperson of the Board of the Bratsk Organization of the Union of Architects of Russia (UAR), honoured architect of Russia

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Natalya Bagrova – corresponding member of the RAACS, Doctor of Cultural Studies, Rector of the Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov (NSUADA)

Alevtina Balakina – head of the Department of Architecture, Institute of Architecture and Urban Planning, National Research Moscow State University of Civil Engineering (NR MGSU)

Olga Belobrykina – Ph.D. in Psychology, Ass. Professor, professor of the Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk State Pedagogical University

Andrey Bolshakov – Doctor of Architecture, professor, head of the Department of Architectural Design, Institute of Architecture, Construction and Design, Irkutsk National Research Technical University (IACD INRTU)

Inessa Brazhnikova – senior editor, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS (Irkutsk)

Alexei Buinov – architect, laureate of the Irkutsk Region Governor's Prize, officer of NR MGSU

Olga Volichenko – Doctor of Architecture, Professor at the Department of Architecture, Town Planning and Graphics, Southwest State University (Kursk)

Anna Gelfond – Doctor of Architecture, professor, academician of the RAA-CS, head of the Department of Architectural Design, chief architect of the architectural bureau at Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (NNGASU)

Alexander Gimelshteyn – Ph.D. in Historical Sciences, professor, head of the Higher School of Journalism and Media Management, Irkutsk State University, editor-in-chief of the newspaper "Vostochno-Sibirskaya Pravda"

Ekaterina Gladkova – research officer at IACD INRTU and Karlsruhe Institute of Technology, deputy director of the International Baikal Winter University of Urban Planning Design (Irkutsk)

Anna Grigorieva – deputy director for international activity, ANO Vostoksi-bacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the RAACS, vice president of the UAR, honored architect of the RF (Irkutsk)

Nina Danilina – Doctor of Engineering, corresponding member of the RAACS, head of the Department of Town Planning, NR MGSU

Alexander Dering – architect, director general of the architectural bureau "Klassika" (Barnaul)

Petr Dolnakov – member of the Board of Novosibirsk Union of Architects, director general of ZAPSIBNIIPROJECT2

Pavel Dorofeev – leading architect, OOO Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Mikhail Dutsev – Doctor of Architecture, advisor of the RAACS, head of the Department of Architectural Environmental Design, NNGASU, leading researcher of the Department of the Problems of Architectural Theory, NIITIAG, professor of RUDN University

Sergey Zykov – head of the Board of the Kemerovo Organization of the UAR

Andrey Ivanov – Professor of the IAAM, Master of Urban Management and Development (Moscow)

Yuriy Isakov – graduate student, NSUADA

Valentina Kazakova – leading architect, OOO Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Armen Kazaryan – Doctor of Art History, academician of the RAACS, director of the Institute of Architecture and Urban Planning, NR MGSU

Petr Kapustin – Ph.D. in Architecture, professor, head of the Department of Theory and Practice of Architectural Design at Voronezh State Technical University

Andrey Korotich – Doctor of Architecture, Doctor of Art History, corresponding member of the RAACS, leading researcher of the Laboratory of Architectural Form Making, NIITIAG, Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Yulia Kosenkova – Doctor of Architecture, corresponding member of the RAACS, professor of the Institute of Architecture and Urban Planning, NR MGSU

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, member of the Federation of Fellow Citizens (Sofia, Bulgaria)

Vasily Lisitsin – Ph.D. in Historical Sciences, Ass. Professor of the Department of Architectural Design, IACD INRTU

Evgeniy Likhachev – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, NSUADA

Elena Mochalnikova – Ph.D. in Economics, Deputy General Director, Prostor Group (Novosibirsk)

Alexei Myakota – architect, head of the design and educational studio ADM, member of the Board of the Krasnoyarsk Regional Organization of the UAR

Alyona Pavlyuk – lecturer, NR MGSU

Alexey Popov – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, Department of Architecture, Institute of Architecture and Urban Planning, NR MGSU

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History (Latvia)

Oleg Rybin – vice president of the UAR, honored architect of the RF, laureate of the architect Alexei Gutnov Prize (Nizhny Novgorod)

Roman Selivanov – Ass. Professor of the Department of Architectural Design, IACD INRTU (Irkutsk)

Tatiana Smolianinova – senior lecturer of the Department of Architecture and Urbanistics, Pacific National University (PNU, Khabarovsk)

Stanislav Sokolov – leading architect, OOO Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor, culturologist, editor of V. P. Sukachev Irkutsk Regional Museum of Fine Arts (Irkutsk)

Ayman Najib Tomah (Maayah) – Ph.D. in Architectural Engineering, Full Professor, Department of Architectural Engineering, College of Engineering, Balqa Applied University (Amman, Jordan)

Anastasia Kholyavko – leading architect, OOO Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Ruslan Khotulev – head of the Board of the Irkutsk Regional Organization of the UAR, chief architect of the urban planning bureau “Liniya”

Sergey Khudyakov – head of the Board of the Tomsk Organization of the UAR, head of the architectural bureau “Style”

Dmitry Tceluiko – Ass. Professor of the Department of Architecture and Urbanistics, PNU (Khabarovsk)

Valery Tsoi – member of the Board of the Novokuznetsk Organization of the UAR, director of OOO “AB Project”

Andrey Chernikhov – Professor of the International Academy of Architecture, first vice-president of the IAAM, president of Iakov Chernikhov International Foundation

Alexey Chertilov – architect, Ass. Professor of IACD INRTU, Chairman of the Council of the Irkutsk Regional Department of All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments

Nikolay Shumakov – academician of the RAACS, academician of the Russian Academy of Arts, president of the UAR, people’s architect of Russia

Special thanks to architect Evgeniya Surikova and director of the House of the Architect Yulia Nikiforova for their help with the preparation of the issue and the editorial work.

projectbaikal.com

project baikal | journal of architecture, design and urbanism

